

Внимание! Все материалы на данном сайте взяты из открытых источников в интернете и предназначены исключительно для ознакомления и только на локальном компьютере.

Администрация сайта не несёт ответственности за материалы, размещённые на этом ресурсе.

Если вы считаете, что какой-либо из материалов нарушает ваши права, свяжитесь с администрацией сайта. Скачав любой файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями.

М.К.ЛЮБАВСКИЙ

**ЛЕКЦИИ
ПО ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ ДО КОНЦА XVI ВЕКА**

Издание четвертое,
дополненное

*Рекомендовано
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по историческим
специальностям*

Санкт-Петербург
2000

ББК 63.3(2)

Л 93

Любавский М. К.

Л 93 Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд., доп. — СПб.: Издательство «Лань», 2000. — 480с. — (Мир культуры, истории и философии).

ISBN 5-8114-0300-3

В книгу Матвея Кузьмича Любавского (1860-1936), одного из крупнейших русских историков, ученика В. О. Ключевского, вошли очерки по истории Киевской и Северо-Восточной (т. е. Суздальско-Московской) Руси, которые мыслились ученым как курс лекций. В этой классической работе объединены плоды исследований как самого ученого, так и его учителя, В. О. Ключевского, чей «Курс русской истории» в значительной мере явился базовым для «Лекций».

Работа М. К. Любавского выполнена в русле академических традиций русской науки и отличается тщательным изучением исторических документов.

Издание предназначено для студентов и преподавателей вузов и всех интересующихся русской историей и развитием научной исторической мысли.

ББК 63.3(2)

Редакционный совет:

А. Я. ДЕГТЯРЕВ— председатель,
И. Я. ФРОЯНОВ, В. С. ПУШКАРЕВ,
Ю. В. КРИВОШЕЕВ, Ю.А. САНДУЛОВ

Оформление обложки

С. ШАПИРО, А. ОЛЕКСЕНКО

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Издательство «Лань», 2000
Т.Г. Ливанова, 2000
Издательство «Лань»,
Художественное оформление, 2000

К ЧИТАТЕЛЯМ

МОЙ отец, Матвей Кузьмич Любавский, родился за год до отмены крепостного права в 1860 г. на Рязанщине, в семье сельского дьячка. Отец его Козьма Иванович был не особо силен в грамоте, а мать Матрена Федотовна и вовсе была неграмотна. Семья, принадлежавшая к низшему слою сельского духовенства, в которой было трое детей, жила бедно.

Отец, старший ребенок в семье, с раннего возраста проявил большие способности к грамоте, которой его сначала учил дед, а затем дядя — священник соседнего села.

После окончания духовного училища в г. Сапожке отец в 14 лет был отправлен учиться в Духовную Рязанскую семинарию. Уже с этого момента он начал подрабатывать себе на жизнь, давая уроки отстающим ученикам. Учился он весьма хорошо, а помощи от родителей получать не мог, так как в это время у них случилась беда — сгорел дом. В 1878 г., возымев горячее желание посвятить себя изучению истории, сдал экстерном курс в семинарии и поехал поступать на историко-филологический факультет в Московский университет. Помог ему дядя, который приобрел ему сапоги и пальто и дал денег на дорогу.

Поступив в Московский университет, несмотря на очень тяжелое материальное положение, полностью окупился в учебу у своих великих учителей — В. И. Герье, Н. А. Панова, В. О. Ключевского, Ф. И. Буслаева и других.

Кандидатскую работу написал основательно, был удостоен за нее золотой медали и после этого был оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию, где прошел все ступени службы вплоть до ректора.

С этого момента начинается подвижнический, блестящий путь служения науке в области русской истории, который совмещен с обширной преподавательской деятельностью, занятиями во многих научных обществах, архивном деле.

«Никакое совершенствование жизни, никакой прогресс невозможен для страны и племени, если все живые и творческие силы его будут уходить на сторону, не будут работать дома, на местах, если всегда будут смотреть в сторону, стремиться туда, где живется веселее и радостнее, чем в тихой, серой, заплаканной Родине», — так считал Матвей Кузьмич. Он остался дома до смертного часа.

Я буду бесконечно счастлива, если наше молодое поколение сможет пользоваться трудами моего отца, так как до сей поры его имя и его труды, к сожалению, были знакомы довольно узкому кругу специалистов.

Позвольте мне напоследок привести слова о моем отце президента Академии наук СССР академика М. В. Келдыша, которые он написал в письме, адресованном мне, от 15 марта 1968 г.:

«Сохранение творческого наследия Вашего отца является не только признанием его больших заслуг перед отечественной наукой, но имеет серьезное значение для дальнейшего глубокого изучения проблем истории России, чему посвятил свою жизнь крупный ученый страны — академик Матвей Кузьмич Любавский».

В. М. ЛИВАНОВА-ЛЮБАВСКАЯ

М. К. ЛЮБАВСКИЙ (1860-1936)

В КОНЦЕ XIX-первой трети XX в. Матвей Кузьмин Любавский являлся одной из крупнейших фигур в русской исторической науке. Он принадлежал к кругу русских историков, поднявших отечественную историографию до общеевропейского научного уровня. Будучи автором фундаментальных монографий, ведущим специалистом по ряду исторических проблем, М. К. Любавский также занимался активной преподавательской деятельностью, был талантливым организатором науки.

В 1929 г. М. К. Любавский стал академиком АН СССР, но в 1930 г. был арестован, сослан и... забыт. Как и его труды, которые в отличие от работ его коллег-историков (С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, П. Г. Любомирова), его учителя — В. О. Ключевского, переизданных в конце 30-х гг., — больше не издавались. Не последнее значение в их «забытости» имели идеологические и политические факторы, с ними связано и умолчание имени М. К. Любавского, известного в научных кругах, но мало известного широкому кругу всех интересующихся русской историей.

Предлагаемые курсы университетских лекций по русской истории являются третьей публикацией трудов М. К. Любавского за почти 70 последних лет¹: лишь недавно вышла его работа (с 20-х гг. хранившаяся в архиве) «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» (М., 1996) и буквально только что курс лекций «Историческая география России в связи с колонизацией» (СПб., 2000).

¹ Любавский М. К.: 1) Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915 (второе и третье издание этого курса вышли соответственно в 1916 и 1918 гг.); 2) Русская история XVII и первой четверти XVIII вв. Курс читанный в весеннем семестре 1911 г. М., 1911; 3) Русская история XVIII в. (По запискам слушателей). М., 1913.

Матвей Кузьмич Любавский родился 1(14) августа 1860 г. в селе Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской губернии в семье дьячка. Учился в духовном училище и семинарии, а в 1878 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета.² К этому времени Московский университет, наряду с Санкт-Петербургским, становится центром быстро развивающейся исторической науки, достижения которой неотъемлемы от общего культурного расцвета «серебряного века». Поступив в университет, М. К. Любавский попал в поле сложившейся и складывающейся традиции, которую он был призван в будущем развивать и продолжать. В это время на историко-филологическом факультете преподавали такие знаменитые ученые старшего поколения, как В. И. Герье, И. В. Цветаев, Ф. И. Буслаев, Н. А. Попов, в 1879 г. преподавателем кафедры русской истории становится В. О. Ключевский, который был избран на это место по смерти своего знаменитого учителя С. М. Соловьева.

² Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие // М. К. Любавский. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1997. С. 8.

В свою очередь, под руководством В. О. Ключевского выросла целая плеяда видных русских историков, труды которых, по мнению историографов, «объединяет ряд общих качеств: широта постановки вопроса, значительный хронологический охват, отчетливая проблемность».³ Учениками В. О. Ключевского были П. Н. Милюков, Н. А. Рожков, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский, М. К. Любавский.

³ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 375.

По представлению В. О. Ключевского и декана факультета Н. А. Попова М. К.

Любавский после окончания университета в 1882 г. и блестящей защиты кандидатского сочинения (оно было удостоено премии и золотой медали) был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории.⁴ Но прошло долгих двенадцать лет, прежде чем он защитил магистерскую диссертацию «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (М., 1892). Ко времени создания труда разработка вопросов истории Западной и Юго-Западной Руси становится актуальной — «достижения в области изучения литовско-русской истории и издание огромного археографического материала позволили перейти к обобщениям, выполнявшимся уже на новом, более высоком уровне, чем это было в предшествующий период».⁵

⁴Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие. С. 9.

⁵Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993. С. 9.

Самостоятельная источниковедческая работа с «Литовской метрикой» позволила детально разработать проблемы социально-политической структуры такого сложного объединения как Литовско-Русское государство. Этот фундаментальный труд «составил эпоху в изучении Западной Руси и проложил дорогу для следующих работ самого Любавского, а равно и других исследователей».⁶

⁶Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 158

С 1894 г. начинается преподавательская деятельность М. К. Любавского на историко-филологическом факультете Московского университета,⁷ где он проработает более тридцати лет и пройдет путь от приват-доцента до ректора. Помимо лекций по истории Западной Руси и семинаров, тематически связанных с собственными научными исследованиями, М. К. Любавский начинает читать курс «Историческая география России в связи с колонизацией» (1897-1899 гг.), а также «История западных славян» (1899 г.).⁸ Таким образом, уже на раннем этапе творчества ученого определяется основной круг его научных интересов.

В начале XX в. в Москве и Петербурге было издано несколько учебных пособий по русской исторической географии, ставившейся в то время самостоятельной научной и учебной (в университетах) дисциплиной. Были выработаны специфические приемы и методы историко-географических исследований, определена проблематика, выявлена источниковая база. За относительно короткое время (примерно с 50-х гг. XIX в.) было опубликовано большое количество историко-географических исследований, охватывающих разные периоды истории России самые широкие географические области страны. Спецификой этих исследований изначально являлся синтетический, комплексный подход к поиску и освоению материала, широкое использование данных археологии, этнографии, лингвистики, географии. Главная задача исторической географии формулировалась как изучение взаимного влияния общества и природной среды. (Как видим, уже в начале века научные поиски на стыке естественнонаучных и гуманитарных дисциплин специалистами различных отраслей научного знания признавались перспективными.)

⁷Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф.; Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие. С. 14.

⁸Курс по истории западных славян был опубликован в 1917 и 1918 гг. О его значении см.: Там же. С. 22-26.

В изложении курса «Исторической географии» М. К. Любавский развивает и доказывает идею о важной роли «влияния внешних природных условий на склад и ход русской народной жизни». Тезис о решающем значении географических условий России для ее исторического развития и связанное с этим положение о колонизации страны населением как его характернейшей черты был впервые выдвинут в «Истории

России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский поддерживает эту концепцию и видит в факторе непрерывной русской колонизации национальное своеобразие ее исторического пути. В. О. Ключевский утверждает, что «история России есть история страны, которая колонизируется», и предлагает в связи с этим новую периодизацию истории страны, соответственно этапам колонизации. Теоретическая схема В. О. Ключевского и легла в основу курса М. К. Любавского. Историк ставит задачу проследить направления, этапы и условия русской колонизации, объяснить причины широчайшего охвата колонизационным движением огромных территорий страны. Наряду с большим опытом скрупулезной работы с самыми разнообразными источниками, М. К. Любавскому был присущ блестящий талант обобщения. Вокруг основной идеи курса группируется огромное количество фактов, наблюдений, выводов, создается монументальное историческое полотно.

Вместе с тем, центральной в его творчестве продолжает оставаться история Великого княжества Литовского. Исследуя эволюцию государственного организма Литовско-Русского государства М. К. Любавский обращается к истории литовско-русского сейма. В 1902 г. ученый защищает докторскую диссертацию «Литовско-русский сейм» и удостоивается степени доктора русской истории. Благодаря высокой оценке труда в научных кругах, автор получил широкую известность и солидную научную репутацию. В этом же году М. К. Любавский по рекомендации В. О. Ключевского занимает его место заведующего кафедрой русской истории.⁹ Вместе с получением этого чрезвычайно важного поста (быть преемником В. О. Ключевского на кафедре было особенно почетно) увеличивается преподавательская нагрузка, вырастает количество административных обязанностей. М. К. Любавский читает лекции по «Древней русской истории», ведет источниковедческие семинары, читает курсы по исторической географии и истории западных славян.¹⁰

⁹ Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие. С. 16.

¹⁰ Там же.

Кризис власти в стране в 1905-1907 гг. и подъем социально-политического движения затронул и научное сообщество России. Сложившаяся к началу XX в. профессиональная корпорация ученых находилась в целом на либеральных позициях и свою роль в политическом процессе оценивала, исходя из общих задач науки в преобразовании России. Конкретные действия московской профессуры, поддержанные другими учебными центрами страны, были направлены на достижение автономии высшей школы и реформу высшего образования. Результатом движения стало введение в августе 1905 г. «Временных правил», по которым университеты получали права ограниченной автономии. Преподавательский состав в лице Совета университета получил право самому избирать ректора, и первым избранным ректором Московского университета стал С. Н. Трубецкой.

О политических взглядах М. К. Любавского можно судить по ряду высказываний в письмах и статьях в «Голосе Москвы». Ученый отмежевывается от партий как правого, так и левого толка, политика которых, по его мнению, губительна для государства. Думается, что опыт историка-исследователя, привыкшего к взвешенным оценкам социально-политических процессов заставлял придерживаться М. К. Любавского достаточно консервативных позиций. Отрицательно относился ученый и к массовому революционному студенческому движению, которое делало университет ареной непрерывных столкновений с полицией и призывал «вернуть его к прямому назначению служения науке».¹¹

¹¹ Там же. С.17.

По драматическому стечению обстоятельств именно М. К. Любавскому суждено было возглавить Московский университет в кризисное для московской науки время. В 1911 г. в результате деятельности министра народного просвещения Л. А. Кассо, направленной на ущемление университетской автономии, ректор А. А. Мануйлов и ряд виднейших профессоров и преподавателей подали в отставку и вышли из университета.¹² В эти дни М. К. Любавский обращается к Совету университета с призывом «отстоять во что бы то ни стало нашу alma mater, спасти все, что только можно».¹³ М. К. Любавский отстаивает, прежде всего, интересы университета как крупнейшего научного и культурного центра страны, разрушение которого недопустимо. Советом университета историк был избран ректором (до этого с 1908 г. он являлся деканом историко-филологического факультета; ректором он останется до весны 1917 г.).

¹² Многие из вышедших из университета профессоров принадлежали к кадетской партии, в 1905 г. фактически созданной в его стенах, поэтому акция носила отчетливо «партийный» характер.

¹³ Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие. С. 18.

Помимо огромной ответственности, налагаемой высокой административной должностью, непрерывной преподавательской деятельностью, ученый участвует в деятельности Московского общества истории и древностей российских. Будучи долгое время (с 1907 по 1917 гг.) секретарем ОИДР и редактором его печатного органа — «Чтений», М. К. Любавский в 1917 г. становится председателем Общества. Ученый стремится стать достойным наследником своего учителя В. О. Ключевского, чья деятельность на этом посту способствовала широкой живой научной работе Общества, сделала его настоящим центром исторической науки. Научный труд и подвижничество М. К. Любавского получили заслуженное признание и уважение научного сообщества. Об этом свидетельствует адрес и сборник статей в его честь, приуроченный к 30-летию научной деятельности ученого. В адресе от лица петербургских коллег С. Ф. Платонов писал: «Ваша учебно-общественная деятельность питает в нас чувство глубокого уважения и внутренней приязни к Вам, как к человеку, в котором целостно сочетались глубокая научность, мягкая гуманность и драгоценное чутье народности».¹⁴ В юбилейном сборнике участвовало 42 исследователя, среди них Д. И. Багaley, С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готьe, И. И. Лаппо, С. Ф. Платонов, С. В. Рождественский. Сборник объединил ученых Москвы и Петрограда без деления на школы — русская историческая наука была едина и чествовала своего достойного представителя сообща. В посвящении М. К. Любавскому говорилось: «В Вашем лице мы чтим крупного русского ученого, своими трудами в науке русской истории создавшего новую область, открывшего для научного исследования богатые источники истории Западной Руси и ставшего главой исследователей в этой области».¹⁵ Юбилейный сборник (единственный экземпляр, попавший в Москву) был поднесен коллегами М. К. Любавскому только в марте 1918 г.

Крушение монархии, поражения русской армии на фронтах, развал всех основ государственной жизни переживались историком — искренним патриотом России — трагически.

¹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1024.

¹⁵ Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.

Судить об отношении М. К. Любавского к событиям революционного времени в определенной степени можно благодаря дневнику его коллеги Ю. В. Готьe¹⁶, с которым

он находился в дружеских отношениях. Ю. В. Готье неоднократно пишет о М. К. Любавском как о наиболее «государственно мыслящем» человеке¹⁷ своего круга, с уважением подчеркивая его глубокий патриотизм. Первая мировая война для судьбы России, по мнению М. К. Любавского, есть «борьба на жизнь и на смерть» за государственную целостность и независимость. Историк призывает оставить перед лицом опасности политические распри и амбиции, личные «алчные аппетиты».¹⁸

¹⁶ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 40 и др.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Любавский, М. К. О значении переживаемого момента. М., 1915. С. 8.

Тяжелые изменения в личной судьбе ученый пережил уже в феврале 1917 г., когда в Московский университет вернулись вышедшие в 1911 г. профессора. Ректор был причислен к «бывшим» и подвергся злобным нападкам. В письме к петербургскому коллеге-историку С. Ф. Платонову, с которым М. К. Любавского связывали тесные душевные отношения, ученый пишет, скрывая за иронией глубокую обиду: «Ни в какое „начальство" теперь не приходится идти, да и не возьмут как „слугу старого режима", хотя мое отношение к старому режиму, как Вы знаете, было аналогичным отношению к Орде Александра Невского, а не Московских князей».¹⁹ В такой обстановке М. К. Любавский не стал выдвигать свою кандидатуру на новый срок.

¹⁹ М. К. Любавский — С. Ф. Платонову // ОР РНБ. Ф. 585. Он. 1. Ед. хр. 1838.

Октябрьская революция явилась переломным этапом для судеб русской науки. Новая власть провозглашала новую радикальную политику в формировании науки и научных кадров. Отношение к научным работникам определялось их классовой чуждостью и колебалось от подозрительности до открытой враждебности. Революционная терминология подобрала им жутковатое название — «спецы». Одни ученые в такой обстановке не имели средств к существованию и жестоко бедствовали, другие уезжали из страны.

Для М. К. Любавского Октябрьская революция стала наступлением того «якобинского деспотизма», которым, по его мысли, была чревата политическая ситуация в стране в начале века.²⁰ Оценивая ее как катастрофу, ученый считает, «что все происходящее — есть кара Божия нашей буржуазии и интеллигенции, буржуазии — за то, что временем войны воспользовалась для наживы, интеллигенции — за ее легкомыслие, с которым она растаптывала институт монархии, смешивая ее с личностью монарха».²¹ Практическая же позиция историка была сходна с позицией большинства ученых академической и университетской среды, которые принимали неизбежность контактов и сотрудничества с Советской властью. В июле 1918 г. М. К. Любавский, вместе с коллегами из Санкт-Петербургского университета, по приглашению Наркомпроса принимает участие в совещании по реформе высшей школы и обсуждении проекта положения об университетах. Известно, что М. К. Любавский был против проекта реформы и возражал П. К. Штернбергу и М. Н. Покровскому, отстаивая академические традиции высшей школы.²²

²⁰ См.: Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф., Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие. С. 17.

²¹ М. К. Любавский-С. Ф. Платонову // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1838.

²² Готье Ю. В. Мои заметки. С. 238.

Тотальная политизация и идеологизация затрагивала, прежде всего, общественные, гуманитарные дисциплины. В этих условиях старой «буржуазной» исторической науке противопоставлялась новая, «которая строилась в основном на двух идеологических и методологических „китах": интернационализме (ибо, согласно большевистской идее,

российская революция вскоре должна была перейти в мировую, и, следовательно, в изучении национальной истории не было необходимости) и учении о классовой борьбе — ядре марксизма — как движущей силе исторического процесса».²³ Под ударом оказывалось, прежде всего, преподавание общественных дисциплин, в первую очередь — истории (особенно русской). В марте 1919 г. Наркомпрос принимает решение о реорганизации историко-филологических факультетов университетов в факультеты общественных наук (ФОНЫ) в которых активно насаждается марксистская идеология.

²³Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1992, №3. С. 145

В этот период, помимо преподавания на реорганизованном факультете, М. К. Любавский много сил и времени отдает архивному строительству, где его высокий профессионализм историка и археографа был особенно полезен. С 1918 г. М. К. Любавский является председателем Московского отделения ГУАД, продлевает огромную работу по спасению архивов и фондов учреждений и частных лиц. Ученый был инициатором создания Архивных курсов и с 1918 по 1930 гг. преподавал на них. Помимо этого М. К. Любавский выступает с проектом создания в Москве и Петрограде первых в России Архивно-археографических институтов, участвует в научно-издательской деятельности.²⁴ В 1929 г. историк избирается действительным членом АН СССР по отделению общественных наук.

²⁴Карев Д. В. Участие академика М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Советские архивы. 1978. №2. С. 31-34.

К началу 30-х гг. становится очевидным, что параллельное сосуществование «буржуазной», основанной на прочных академических традициях науки, и «пролетарской», вооруженной марксистской идеологией, невозможно. Разворачивается грандиозная кампания, направленная против элиты русской исторической науки. Историки-марксисты во главе с М. Н. Покровским обвиняют русскую историографию в «национализме» и «великодержавном шовинизме», ставя под сомнение существование самого предмета «русская история». Травле в печати и публичных выступлениях подвергаются С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, С. В. Бахрушин, Д. К. Зеленин, пострадала даже целая научная отрасль — краеведение.²⁵

²⁵См.: Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х - начале 30-х годов XX века. С. 146.

Окончательному разгрому национальная историческая школа подверглась в 1930 г. По сфабрикованному ОГПУ делу об организации контрреволюционного «Все-народного союза борьбы за возрождение свободной России» был арестован сначала ряд ленинградских ученых во главе с С. Ф. Платоновым, а позже и московских. 9 августа 1930 г. был арестован М. К. Любавский. В ходе следствия 70-летний историк был обвинен в принадлежности к «руководящему ядру» «союза» и осужден к «высылке в отдаленные места СССР сроком на 5 лет».²⁶

²⁶Брачев В. С. «Дело историков» 1929-1931 гг. СПб., 1997. С. 84.

М. К. Любавский был выслан в Башкирию, в Уфу, где с 1932 по 1935 гг. работал сотрудником Института национальной культуры. Здесь М. К. Любавский продолжает заниматься историческими исследованиями. Темой их становятся проблемы истории башкирского землевладения, русская колонизация в Башкирии. Ученый скончался 22 ноября 1936 г. в Уфе. Полная гражданская реабилитация ученых, репрессированных в 1929-1931 гг. состоялась в 1966-1967 гг.²⁷ М. К. Любавский был реабилитирован в августе 1967 г., а в сентябре Президиум АН СССР восстановил его «в списках

действительных членов АН СССР».²⁸

²⁷ Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993. С. 209.

²⁸ Дегтярев А. Я., Иванов Ю. Ф.; Карев Д. В. Академик М. К. Любавский и его наследие. С. 37.

Ю.В. КРИВОШЕЕВ, Т. П. РИСИНСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1910 году мной был издан, преимущественно в учебных целях, «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно», составленный из лекций, читанных в Московском университете. В тех же, главным образом, целях издаются и настоящие «Лекции по древней русской истории», читанные в университете и на Высших женских курсах в Москве. Эти «Лекции», содержащие очерки по истории Киевской и Северо-Восточной, т. е. Суздальско-Московской Руси, связаны с прежним «Очерком» и внешне, и внутренне. «Очерк» является собственно дополнением к ним, и если он издан раньше, то только потому, что издание его представлялось автору как более настоятельная потребность в учебном обиходе. Но в своей научной концепции он связан с представлениями автора о ходе истории Киевской Руси, по отношению к которой Русь Литовская была как бы прямым продолжением, непосредственной преемницей, и о ходе истории Суздальско-Московской Руси как противоположном течении, хотя и вышедшем из одного с литовско-русской историей русла. Эта внешняя и внутренняя связь исторических перспектив и склонила меня к решению напечатать также и лекции по истории Киевской и Суздальско-Московской Руси и таким образом дать общее построение русской истории во всех ее главных течениях, до конца XVI века, т. е. до того великого перелома, с которого ныне принято начинать уже новую русскую историю.

В объяснение эскизности и неравномерности изложения считаю должным указать, что это изложение велось в расчете на обязательное изучение слушателями классического «Курса русской истории» В. О. Ключевского. Мой собственный курс был в некоторых случаях расширением и дополнением этого курса, а с другой стороны, кратко касался того, что у Ключевского изложено с особой полнотой и обстоятельностью. Само собой разумеется, что помимо этих отличий состав и содержание моего курса определились в зависимости от разных точек зрения на некоторые стороны русского исторического процесса.

При печатании я счел полезным в учебных целях снабдить каждую лекцию указаниями на литературу, по которой можно ближайшим образом расширить изучение вопроса, прежде чем погружаться в специальное изучение его.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ.

ДОИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ* И ЕГО КУЛЬТУРА

* В написании имен собственных сохранена орфография источника. — *Ред.*

Ледниковый период в восточной Европе и первые следы человека.

Территория восточной Европы, на которой родился и вырос русский народ, является давнишним жилищем людей. Наши предки — славяне — расселялись по земле, содержащей в недрах своих человеческие останки и предметы быта многих тысячелетий.

Древнейшие следы пребывания человека в восточной Европе найдены в так называемых диллювиальных пластах, образовавшихся в отдаленную от нашего времени и современных климатических условий геологическую эпоху. В эту эпоху громадные ледники покрывали среднюю и восточную Европу и, двигаясь к морям, отрывали и перетирали залегавшие под ними каменные породы и, подтаивая, образовывали мощные потоки, которые сносили к морям и перемывали продукты разрушения камней — лёсс, глину, песок, валуны и т. д. Глубокие и широкие речные долины нынешней Европейской России — следы этих мощных потоков, устремлявшихся к морям. Человек жил в это время к югу от ледников, в окружении исчезнувших теперь и отчасти существующих животных, на которых он охотился, — мамонтов, носорогов, пещерных медведей, львов, гиен, волка-собаки, северных оленей. Кости этих животных вместе с костями человека, грубо обтесанными каменными орудиями, костяными поделками и кусочками угля найдены в некоторых местностях южной России. Эти местонахождения считаются археологами *стоянками* первобытных людей. Самая замечательная из них Кирилловская стоянка в Киеве. Она залегает под толстым наносом лесса, в слое песка, на глубине 13-20 метров под поверхностью и является древнейшим свидетельством человеческой жизни в восточной Европе. Остатки человеческой жизни занимают здесь значительное пространство (около десятины) и содержатся в большом количестве; видно, что они накопились здесь в течение продолжительного времени. Моложе этой стоянки по времени — Мизинская стоянка (около села Мизыня) над Десной в Черниговской губернии. Она открыта была под довольно толстым слоем лёсса, но не таким все-таки, как Кирилловская стоянка, в слое выветрившегося ледникового щебня, который лежит над слоем лёсса толщиной в метр. Такое местонахождение указывает на значительно позднейшее ее происхождение, по сравнению с Кирилловской стоянкой. На это указывает также и нахождение здесь наряду с остатками мамонта и носорога костей лося и северного оленя. Еще более молодой является стоянка Гонецкая, близ села Гонцов на р. Удае в Полтавской губернии. Эта стоянка расположена уже выше слоя лёсса, следовательно относится уже к послеледниковому периоду. Кроме указанных трех стоянок подобные же следы первобытного человека найдены и в других местах южной России — в Киевской, Черниговской, Волынской, Подольской, Екатеринославской (близ Кривого Рога) губерниях, в пещерах Крыма, на Висле близ Пулав (Новая Александрия), в селе Костенках Воронежской губернии, близ села Карачарова на р. Оке в Муромском уезде. Вероятно, с течением времени найдены будут и другие такие же стоянки.

Культура палеолитической эпохи.

Предметы, найденные в этих стоянках, т. е. грубо обтесанные каменные орудия — скребки, ножи, наконечники, молоты, и костяные поделки (орнаментированные бивни мамонта), имеют большое сходство с такими же вещами первобытного человека,

найденными в той же обстановке и в западной Европе. Значит, эта эпоха первобытной культуры была когда-то общая для всей Европы. Эпоху эту по преобладанию грубо обтесанных каменных орудий принято называть *палеолитической*, или древнекаменной. Археологами она делится на несколько периодов, на несколько последовательных культур, причем восточноевропейская палеолитическая культура относится к культурам типа Солютре и Маделен, т. е. средней и поздней палеолитической эпохи.

Соображая по находимым остаткам, о быте человека в эту эпоху можно заключать, что он был зверолов и рыболов. Небольших животных он поражал кремневым копьем или стрелой и молотом; на крупных — мамонтов, носорогов, оленей — он устраивал, вероятно, облаву, старался загнать их в яму, болото, озеро и здесь убивал. Домашних животных, если не считать волка-собаки, у первобытного человека рассматриваемой эпохи еще не было. Пищей для него служило мясо убиваемых на охоте животных и рыба. Мясо он потреблял в сыром виде, соскабливая его с костей скребками и разрезая каменными резцами. Впрочем, попадающиеся обожженные кости свидетельствуют, что первобытный человек палеолитической эпохи умел уже пользоваться и огнем — этим великим культурным приобретением человечества. Одеждой человека в это время служили, по всей вероятности, шкуры убиваемых им животных. Кроме того, от холода и непогоды он укрывался в естественных углублениях и пещерах, где они были, например в Поднестровье и Крыму. В некоторых из них найдены были очаги, каменные орудия, расколотые кости — весь аксессуар палеолитической культуры. Каменные орудия готовились из кремня, который при своей крепости и прочности легко поддавался обработке при помощи ряда ловких ударов. Но в общем орудия эти еще очень примитивны, сделаны при помощи простого отбивания, несколькими ударами, без мелкой обивки, без сверленных отверстий. При помощи этих орудий палеолитический человек обрабатывал дерево и кости, и в раскопках на Десне и Удае найдены костяные стрелы и шила. Глиняной посуды в эту эпоху человек еще не умел делать. При всей дикости человеку палеолитической эпохи присуще было, однако, чувство изящного, стремление к украшению своего тела и обстановки. Для целей украшения служили привески из просверленных зубов пещерных медведей, костяные бусы в виде столбиков и т. п. Больших, сравнительно, успехов достиг палеолитический человек в резьбе по кости. В Кирилловской стоянке найден большой бивень мамонта, украшенный линейным рисунком, впрочем очень грубым; в Мизынской стоянке найдено много предметов, вырезанных из мамонтовой кости и орнаментированных. Некоторые изображения, особенно животных, прямо поражают своей художественностью. Но при наличии эстетического чувства у первобытного человека не заметно еще чувства и сознания религиозного. Нет никаких признаков того, чтобы в палеолитическую эпоху были какие-либо погребальные обряды: умершего человека, по-видимому, постигала та же самая участь, как и умершее животное.

Культура неолитической эпохи.

Наряду с описанными древнейшими остатками человеческой жизни на территории Европейской России, частью в диллювиальных слоях, а частью в аллювиальных, найдены были остатки, характеризующие дальнейшее развитие этой жизни, — переход к более совершенным формам быта. В 1876 году профессором Антоновичем были открыты в лёссе около Кирилловского монастыря и затем в других местах по течению Днепра вниз от Киева искусственные пещеры, представляющие собой длинные, сводообразные коридоры в метр шириной и в два метра высотой. На дне этих пещер были найдены остатки пищи в виде раковин речных улиток и костей животных и рыб. Животные эти были уже те самые, которые ныне являются домашними: лошади,

коровы, свиньи. Прогресс быта обнаруживается и в найденных здесь каменных орудиях, которые по отделке являются более совершенными, чем палеолиты, и в осколках глиняной посуды, правда, сделанной от руки и плохо обожженной. В 1878-1882 годах при устройстве Сясьского канала на побережье Ладожского озера профессор Иностранцевым обнаружены были также следы человека, характеризующие переход от палеолитической культуры к новой, более совершенной. В торфяном слое были найдены кости человека и животных — тюленя, северного оленя, лося, кабана, зубра, медведя и домашней собаки, и каменные орудия — скребки, наконечники стрел, долота, рубила, точила частью отбивные, а частью уже отшлифованные, найдено также громадное количество костяных и роговых изделий — кости с различными заострениями с одной или обеих сторон, ножи, скребки, иглы, шила, дротики, гарпуны, крючки для ловли рыбы, лопаты и т. п.; затем — осколки больших глиняных сосудов, плохо обожженных, украшенных точечным орнаментом. Шлифованные каменные орудия приготовлены из более мягких, чем кремь, пород (большей частью из сланцев), сверление в них слабо развито, и отверстия сделаны путем долбления кремнем; заметны следы пиления камней. На некоторых костяных предметах видны изображения тюленя и собаки.

Культура, вырисовывающаяся по этим находкам, является преддверием к более высокой культуре так называемой *неолитической эпохи*, характеризующейся преобладанием шлифованных каменных орудий. Следы этой культуры сохранились в остатках поселений, мастерских и могильников, рассеянных уже по всей Европейской России, но более всего на юге. Раскопки обнаружили, что в эту эпоху человек перестал уже удовлетворяться естественными убежищами, а устраивал себе искусственные жилища — пещеры и землянки, или так называемый культурные ямы, крытые сверху. В этих ямах, по всей видимости, человек жил зимой, проживая летом в шалашах или хижинах. В настоящее время эти ямы, конечно, засыпаны землей, пеплом и завалены кухонными отбросами; иногда в них попадаются человеческие кости и даже целые скелеты. В некоторых местах были открыты группы таких жилищ, которые образовывали поселки неолитической эпохи, причем некоторые окружены валом из земли и камней, являясь таким образом остатками городов этой эпохи — городищами. Из городищ неолитической эпохи можно указать на Дьяковское близ подмосковного села Коломенского; наибольшее число городищ с остатками неолитической культуры сосредоточено в южной Волыни. По находимым в этих жилищах костям животных видно, что прежние крупные животные палеолитической эпохи: мамонты, носороги, пещерные медведи, львы — исчезли и оставались только северные олени, зубры и туры. Видно затем, что охота за дикими животными все более и более заменялась скотоводством, разведением прирученных животных — собак, овец, коз, быков и свиней. Кости этих животных в большом количестве содержатся в кухонных остатках неолитической эпохи. Зернотерки, т. е. углубленные камни с другим круглым камнем для растирания зерен, — прототипы ручных жерновов, находимые в неолитических поселениях Поднепровья и Поднестровья, свидетельствуют о начавшемся сборе и разведении хлебных зерен. По некоторым признакам можно заключать о начавшемся употреблении и, быть может, разведении волокнистых веществ. На некоторых глиняных сосудах орнаменты сделаны путем наложения на их сырые стенки нитей, плетений и тканей; среди каменных вещей находятся глиняные пряслицы.

Великие успехи были достигнуты в эту эпоху в обработке камня, кости и глины. Отбитое хорошо рассчитанным ударом каменное орудие обтесывается затем легкими ударами, и ему придается уже более правильная и целесообразная форма. Некоторые орудия — молоты, топоры, долота, клинья — искусно полируются и получают

изящную, иногда прямо художественную форму. В топорах, молотах, булавах для насаживания на ручку продавливаются или просверливаются правильные отверстия. Некоторые орудия украшены особыми изваяниями. Самые орудия становятся более разнообразными; появляются новые формы их, которые не знала палеолитическая эпоха, — булавы, кинжалы, длинные копья, долота, мотыги, зернотерки. Большое и разнообразное применение находят также изделия из рога и кости — узкие и широкие полированные топоры, долота, спицы, шила и т. п. Что касается обработки глины, то здесь на первый план выдвигается производство глиняной посуды — корчаг, горшков, чаш, тарелок, кружек, бездонных сосудов и т. д. Вся эта посуда приготовлялась еще без гончарного станка, от руки, но в общем довольно искусно. Для нанесения орнамента служили нити, веревочки, тесьмы, рогожки, сетки, заостренные кости. Посуда обжигалась в особых горнах, выкопанных в земле, обтыканных палочками и обмазанных глиной. Кроме сосудов из глины приготовлялись пряслица и ткацкие грузики, свистки и различные статуэтки людей и животных, указывающие на начало ваения.

Раскопки обнаружили возникновение в неолитическую эпоху погребального обряда, что в свою очередь указывает на зачатки верований, на проблески религиозного сознания. Древнейшим обрядом является погребение покойника в яме с поджатыми ногами и с прижатыми к лицу руками; впрочем нередки случаи похорон покойника и в выпрямленном положении. Яма иногда имеет следы деревянного сруба или выложена камнями; следовательно для покойника готовили своего рода дом. В яме встречаются каменные орудия и глиняная посуда; следовательно покойник снабжался нужными предметами для загробной жизни. Над могилой насыпался курган, иногда довольно высокий. В Галиции и Волыни открыты были погребения в каменных ящиках (кистах), сложенных из тщательно притесанных каменных плит; вместе с костями в этих кистах найдена была глиняная посуда и каменные орудия. В некоторых каменных ящиках вместо костяков найдены урны с пеплом и полированные каменные топоры; значит, появился уже обряд сожжения покойников. Найдены были и другие вариации погребения. Так, близ села Волосова Муромского уезда графом Уваровым раскопаны пять человеческих скелетов, положенных в направлении с севера на юг, с рукой, подложенной под голову. Над головами скелетов в слое угля найдены сосуды с пеплом, костями зверей и кремневым наконечником изящной отделки. Наконец, в курганах степной полосы найдены были костяки, выкрашенные красной краской (охрой). По-видимому, трупы при положении их в могилу посыпались или обмазывались красной краской, которая потом с распадением тела оседала на костях. Интересно, что такие же окрашенные костяки встречаются и в других странах — в Италии, северной Африке, Америке и Океании. Встречается и такой вариант погребений: покойника клали на дно могилы, подсыпая ему под голову свежей глины; сделанные из этой же глины валики клались на труп; кроме того, с покойником закапывались каменные орудия и глиняные сосуды.

Трипольская культура.

Высшего развития своего культура неолитической эпохи достигла в культуре глиняных мазанок и раскрашенной посуды, открытой впервые покойным В. В. Хвойко в бассейне р. Стугны и Красной, в окрестностях села Триполья и названной поэтому *трипольской* культурой. Культура эта имела обширное распространение. Следы ее находят в области Десны в Черниговской губернии, в области Днепра в Киевской и в смежных частях Херсонской губернии, в Подольской, в Галиции, Бессарабии, Румынии и далее в славянских землях Балканского полуострова. Раскопки обнаружили, что в это время

люди жили в землянках, надстроенных сверху деревом, от 3 до 5 метров в длину и ширину. Стены этих жилищ устраивались из плетня или частокола и обмазывались глиной с примесью соломы или зерновой шелухи. В середине землянок находилась яма, в которой устраивался очаг. Эти ямы кроме золы наполнены теперь остатками пищи в виде растворчатых раковин, костей оленя, дикой козы, свиньи, коровы, овцы, лошади, рыб и птиц, обуглившихся зерен пшеницы, проса, ячменя и конопли, а также черепками битой посуды и обломками орудий из камня, кости и рога. Рядом с этими землянками открываются сооружения особого рода — глиняные площадки. Они так же, как и землянки, обведены были стенками из кольев, бревен и прутьев, обмазанными глиной и иногда окрашенными. Но здесь нет центральных ям и очагов, нет и кухонных остатков. На полу, обмазанном глиной, стоят пирамидально сложенные камни, глиняные столбы, в виде усеченного конуса, чашеобразные каменные плиты и огромное количество сосудов, наполненных пережженными человеческими костями: черепа и скелеты лежат и прямо на полу. По-видимому, таким образом, эти глиняные площадки не что иное, как дома мертвых. Находимые в них сосуды самой разнообразной формы: двойные биноклеобразные, украшенные бороздчатым орнаментом, шарообразные, плоскообразные, покрытые коричневой краской, грушевидные с небольшим отверстием наверху, украшенные спиральным орнаментом. Оригинальной особенностью трипольской культуры являются глиняные статуэтки, свидетельствующие о больших успехах художественного вкуса и техники. Одна из этих статуэток из темно-красной глины изображает, например, женщину, с лицом, очень похожим на совиное, другая, покрытая коричневой краской, — женщину в сидячем положении с вытянутыми горизонтально ногами и сложенными руками и т. д. Интересны глиняные площадки, открытые профессором фон Штерном в местечке Петренах, Бессарабской губернии. Здесь кроме урн с человеческими костями находились маленькие сосуды с золой, костями животных или просом; вокруг на земле попадались каменные молотки и топоры, ножи, пилы из кремня и другие предметы. Среди найденных здесь сосудов большая часть расписана красной, черной или фиолетово-коричневой краской, реже — двумя красками — черной и красной. На некоторых сосудах на местах, оставшихся свободными от геометрического орнамента, изображены люди (не вполне удачно) и животные — лошади, ослы, козы, собаки. Наряду с памятниками живописи здесь находятся и памятники глиняной пластики в виде человеческих фигур и быков с длинными расходящимися рогами. Судя по большому совершенству изделий, найденных в Петренах, археологи склонны видеть в петренской культуре более поздний фазис развития той же самой трипольской культуры.

По вопросу о происхождения этой трипольской культуры высказывалось мнение, что в ней следует видеть отражение микенской культуры, распространенной на берегах и островах Эгейского моря и предшествовавшей эллинской культуре. Эта культура, распространившись среди варваров, населявших восточную Европу, понизилась качественно, подобно тому как произошло это впоследствии с эллинской культурой, распространившейся среди скифов и сарматов. Однако то обстоятельство, что население, строившее вышеописанные землянки и площадки, не знало еще бронзы, известной носителям и творцам микенской культуры, и все орудия приготавливали из камня и кости, заставляет видеть в трипольской культуре самостоятельную культуру, предшествовавшую эгейской. По мнению проф. фон Штерна, индоевропейское население, создавшее трипольскую культуру, добровольно или под напором других племен, покинуло свое первоначальное местожительство, подалось на юг и заселило берега малой Азии, Эгейских островов и Греции. Здесь оно продолжало развивать свою культуру, которая и достигла пышного расцвета в критско-микенской (эгейской)

культуре. Этим переселением объясняется тот факт, что в переходную от каменных орудий к металлическим эпоху исчезла в нашей стране художественная керамика не существовала в бронзовом веке и вновь возродилась уже на греческой почве нашего юга, куда она перешла вместе с населением, ее создававшим.

К неолитической эпохе относятся еще так называемые мегалитические сооружения, хорошо известные в Западной Европе под именем *менгиров*, *кромлехов* и *долменов*. Менгиры — это большие глыбы камней, водруженные в виде обелисков в вертикальном положении. Сооружения из камней, расположенных в виде круга, называются кромлехами. Долмены представляют собой искусственные камеры из грубо обтесанных каменных плит. Менгиры находятся у нас в Волынской, Подольской и Херсонской губерниях; долмены — на Кавказе, в Крыму и кое-где в Польше. По-видимому, это гигантские вариации тех же глиняных столбов и сосудов, которые находятся на глиняных площадках.

Начатки металлической культуры; медь и бронза.

Неолитическая культура в восточной Европе так же, как и в западной, исподволь перешла в металлическую. На это указывает нахождение в обстановке неолитической культуры изделий из чистой меди и бронзы. Так, в некоторых глиняных мазанках в окрестностях Триполья найдены при урнах медные топоры; в курганах Воронежской и Подольской губерний рядом с каменными фигурируют также и медные предметы; то же самое встречается и в курганах с окрашенными скелетами в Харьковской губернии. Самые формы этих медных предметов сильно напоминают каменные орудия. Медные изделия явились раньше всех других металлических, потому что медь самый доступный, самый легкий для примитивной обработки металл. Возможно, что начало этой обработки положено было на стороне, например на Урале. Медные вещи, грубо сделанные, — боевые и рабочие топоры, кирки, мотыги, долота, серпы, наконечники стрел и копий — во множестве найдены в так называемых «чудских» курганах Приуралья и западной Сибири. Медь для них добывалась в «чудских» коях южного Урала и Алтая и тут же превращалась в изделия, о чем свидетельствует нахождение в этих коях глиняных форм, плавильных горшков для отливки предметов. Но впоследствии медь разрабатывалась и в Европейской России. Следы древней разработки и плавления меди найдены также в Бахмутском и Славяносербском уездах Екатеринославской губернии. Что касается бронзовых изделий, то они, несомненно, стали готовиться и вошли в употребление гораздо позднее медных, ибо для выработки их необходимо знакомство уже с двумя металлами — медью и оловом — и их свойствами. Бронзовые изделия найдены в курганах Прикарпатья, Херсонской и Екатеринославской губерний, на Подонье, в Вятской губернии (Ананьевский могильник близ Елабуги) и на северном Кавказе (Кобанский могильник), в общем — в незначительном, впрочем, количестве. Эти бронзовые изделия — кельты, наконечники копий и стрел, серпы, ножи, кинжалы, мечи, топоры, фибулы и разные другие украшения имеют более совершенные, более изящные формы, чем медные. Топоры, рукоятки мечей украшены геометрическим орнаментом или изображениями оленей, лошадей, барсов, рыб и т. п. Фибулы, или застёжки, имеют форму лука с натянутой тетивой и также обычно украшены геометрическим орнаментом. Нахождение форм для отлития бронзовых вещей и кусков бронзового сплава указывает на то, что бронзовые изделия готовились и в нашей стране. Но есть признаки, указывающие и на привоз этих вещей со стороны: некоторые из них носят на себе заметные следы греческого влияния. Медные и бронзовые изделия не заменяли собой полностью изделий из камня и кости. Эти последние сохраняли свое значение в житейском обиходе долгое время после

появления медных и бронзовых изделий, а в некоторых местах каменные орудия дождались железных. Такое явление наблюдается в курганах сел Гатного и Янкович около Киева, где железные изделия оказались при покойниках наряду с каменными орудиями и примитивной посудой.

Железная культура.

Последняя стадия доисторической культуры в нашей стране характеризуется железными изделиями, найденными при раскопках полей погребения на юге России. Поля погребения — это обширные могильники без насыпей, расположенные на возвышенных плато или на склонах. На них, на известной глубине находятся костяки или урны с пережженными костями, а вокруг разбросаны стеклянные бусы, подвески из морских раковин с продетыми бронзовыми кольцами бронзовые фибулы, пряжки, пластинки, шила, кольца, железные ножи и серпы, глиняные, а иногда и стеклянные сосуды, серебряные и золотые украшения. По своему типу эти вещи напоминают иногда вещи ранней железной культуры Запада (так называемой *Гальштадской*). Но наряду с этим много находок этой культуры, относящихся к более поздним, историческим временам, которые подлежат изучению на основании письменных памятников. Железная культура соединяет, таким образом, доисторические времена с историческими.

Вопрос об этнографической принадлежности доисторических культур восточной Европы.

Итак в нашей стране, как и в других странах, происходила в доисторические времена последовательная смена культур. Естественно возникает вопрос: была ли эта смена результатом эволюции жизни одного и того же населения, или же она стояла в связи со сменой самого населения? Антропологи указали, что палеолитическая и неолитическая культуры принадлежат населению, преимущественно длинноголовому, тогда как погребения, относящиеся ко времени металлической культуры, открывают перед нами существование в нашей стране нового короткоголового типа наряду с прежним длинноголовым. На этом основании ученые сначала склонны были предполагать, что каменная культура принадлежала особой, теперь исчезнувшей первобытной расе, тогда как металлическая культура принадлежала короткоголовым арийцам, прибывшим позднее в восточную Европу и оттеснившим прежнюю первобытную расу. Но в настоящее время против этого предположения выдвинуты разные соображения. Во-первых, короткоголовость не является устойчивым антропологическим признаком арийцев. Народы индоевропейской семьи имеют смешанный тип, и это смешение встречается у одного и того же народа; так, например, северные германцы — длинноголовые; южные — короткоголовые; южные итальянцы — длинноголовые, северные — короткоголовые; такие же различия наблюдаются и среди славян. Ученые думают поэтому, что индоевропейские народы еще перед расселением на своей прародине не представляли чистого типа, однородной антропологической расы, что этнический тип индоевропейца уже до расселения мог быть результатом смешения, метизации рас. С другой стороны, и теория переселения в Европу арийцев из Азии в настоящее время уже не встречает признания со стороны ученых, а наоборот — все более и более выдвигается теория, помещающая индоевропейскую прародину именно в Европе. Точно так же не встречает признания и мнение, что индоевропейцы расселялись в Европе с уже развитой металлической культурой. Новейшие исследователи, опираясь на данные сравнительного языкознания и археологии, считают возможным утверждать, что индоевропейцы до расселения знакомы были лишь с медью, но употребляли ее мало, так что во времена своего расселения они находились

собственно на стадии неолитической культуры и уже после расселения переходили к металлической культуре. Затем, до расселения своего индоевропейцы были народом преимущественно пастушеским, кочевым и, хотя и были знакомы с начатками земледелия, но все же преимущественное значение оно получило в их быту уже после их расселения. Все эти соображения, разрушая прежние аргументы о смене культур в зависимости от смены населения, однако не дают возможности установить, что смена культур восточной Европы была только эволюцией жизни одного и того же населения. Дело в том, что как только проясняется мрак времен, доисторические времена сменяются историческими, восточная Европа оказывается населенной народами все-таки разных рас. При таких условиях приходится пока отказываться от этнографических приурочений доисторических культур, от установления последовательной связи между доисторическими культурами и позднейшими историческими. В рамки исторического изложения пока еще нельзя вдвинуть и расположить на своих местах те данные, которые получены доисторической археологией. Историческое изложение приходится все-таки начинать с определенных свидетельств о народностях, населявших восточную Европу и об их житье-бытье.

* * *

Более подробные сведения о доисторическом населении восточной Европы и его культуре даны в новейших трудах:

М. *Грушевский*. Киевская Русь. Т. 1. СПб., 1911.

Д. *И. Багалей*. Русская история. Т. 1. М., 1914.

Полезно пособие:

Н. Д. Полонская. Историко-культурный атлас по русской истории с объяснительным текстом / Под ред. М. В. Довнар-Запольского, Вып 1. Киев, 1913.

Обзор работ в этой области см.:

И. Н. Бороздин. Некоторые итоги русских археологических исследований последних лет // Древности. Труды Имп. Моск. Археол. Общ. Т. 23. Вып. 1.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

СКИФЫ И САРМАТЫ И ВОПРОС ОБ ИХ НАРОДНОСТИ

ГРЕЧЕСКИЕ колонии.

Задолго до Р. Х. ионийцы из Милета, дорийцы из Гераклеи Понтийской и некоторые другие греки, увлекаемые торговой предприимчивостью, основали целый ряд колоний по северным берегам Понта Эвксинского и Меотиды, т. е. Черного и Азовского морей. Наиболее значительными из этих колоний были *Тира* на Днестровском лимане, где ныне Аккерман, *Оливия* на лимане Гинаписа, т. е. Буга, *Херсонес* на южном берегу Таврического полуострова. *Пантикапея* (ныне Керчь) на западном берегу Босфора Киммерийского, *Танаис* на низовьях Дона, *Фанагория* (позднее византийская Таматарха, русская Тмутаракань) на восточном берегу Босфора Киммерийского. Поселившиеся в этих колониях греки завязали оживленную торговлю с соседними степными варварами, покупая у них скот, кожу, шерсть, хлеб, меха, воск, мед и рабов и сбывая им ткани, вино, оливковое масло и различные предметы искусства и роскоши (между прочим раскрашенную глиняную посуду) из Греции и Эгейских островов. Кроме торговли, ловля рыбы и заготовление ее в прок разными способами составляли один из важнейших промыслов этих греков. Торговые сношения сблизили греков с варварами, которые не только временно приезжали в греческие города, но даже оставались здесь на житье, научались греческому языку и усваивали греческие обычаи. Вследствие всего этого греки должны были хорошо знать этих варваров и их житье-бытье. В V веке до Р. Х. одну из греческих черноморских колоний, именно Ольвию, посетил «отец истории» Геродот, прожил в ней довольно долгое время и, наслушавшись здесь рассказов о варварах, припомнив то, что писалось раньше его об этих краях (например, поэтом VII века Аристеом), составил этнографическое описание нашей страны, помещенное им в IV книге «Истории».

Известия Геродота о Скифии.

Все пространство земель к северу от Понта Эвксинского от Истра (Дуная) и до Танаиса (Дона) и на двадцать дней пути к северу Геродот называет страной скифов. Страна эта прежде была занята киммерийцами, которые оставили свои следы в названиях Босфора Киммерийского, Киммерийских бродов. Киммерийских стен. Киммерийской могилы на Тирасе (Днестре). Скифы, жившие ранее в Азии, теснимые массагетами, перешли Аксарт (Сыр-Дарью), вторглись в землю киммерийцев, которые ушли в Малую Азию. «Земля скифов, — говорит Геродот, — представляя собой равнину, изобилует травой и хорошо орошена; на ней протекают реки: пятиустьный Истр (Дунай), за ним Тирас (Днестр), Гипанис (Буг); Борисфен (Днепр), Пантикап, Ипакирь, Герр, Танаис (Дон). Река Борисфен самая прибыльная: доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища, превосходные луга, рыбу в огромном количестве; вода ее очень приятна на вкус и отличается чистотой среди мутных рек Скифии; вдоль ее тянется превосходная пахотная земля, или растет очень высокая трава, там, где почва не засеивается; в устье ее сама собой залегают соль; в ней ловятся для соления большие рыбы без позвоночника, называемые осетрами»... Страна скифов производит, по словам Геродота, хлеб, чечевицу, лук, чеснок, лен и коноплю; из животных водятся в ней лошади, быки, ослы, кабаны, олени, зайцы, козы, а также пчелы. В общем, таким образом, Геродотова Скифия охватывала степную и отчасти лесостепную область бассейнов Днестра, Буга, Днепра и Дона. «Численности скифов, — пишет Геродот, — я не мог узнать с точностью, но слышал два разных суждения: по

одному, их очень много, по другому, скифов собственно мало, а кроме них живут и другие народы». Сообразно с этим Геродот называет скифами то все племена, живущие в Скифии, то один только народ, который господствовал над всеми другими. И характеристика образа жизни скифов выходит у Геродота разная. С одной стороны, он говорит о бедности и бездомности скифов, о том, что у них нет ни городов, ни укреплений, что они со своими семействами передвигаются на телегах, что все они — конные стрелки из лука, и пропитание получают от скотоводства, а не от земледелия. Но, с другой стороны, он же говорит о скифах-пахарях, которые живут плодами своего земледелия и торгуют хлебом. В частности, Геродот сообщает о населении Скифии следующее.

Ближайшие к Ольвии местности по Гипанису (Бугу) занимали *каллипиды*, а севернее их *алазоны* — народы оседлые и земледельческие, в остальном сходные с другими скифами, а еще севернее до самого истока Гипаниса — скифы-пахари (*ἀροτήρες*). *Каллипидов* Геродот называет эллинами-скифами, отмечая этим культурное влияние греков на скифов и, быть может, этнографическое слияние (позже их звали — *Μιξέλληνες*). По берегам Борисфена, выше лесистой местности Гилей (на низовьях Борисфена), доходя до р. Пантикапа на востоке, жили земледельцы (*γεωργοί*), которых греки называли *борисфенитами*. За р. Пантикапом начинались земли кочевых скифов-пастухов, не сеющих и не пашущих, на пространстве в 14 дней пути от запада к востоку до р. Герра. Далее за Герром жили *царские скифы* (*βασιλείοι*), храбрейший и многолюднейший из скифских народов, который считал всех прочих своими рабами. Их земля простиралась до Танаиса, за которым на востоке жили *савроматы*, и до Таврической земли. Савроматы занимали пространство на 16 дней пути к северу; во всей их земле нет ни диких, ни плодовых деревьев. Севернее же их живут *будины*, занимающие местность, сплошь покрытую разнородным лесом.

Все эти племена говорили на разных языках, вследствие чего для сношения с крайним восточным народом — *агриппаями* — скифы и эллины пользовались семью переводчиками и столькими же языками.

Таковы данные Геродота о населении Скифии. Из этих данных выносятся впечатление, что имя Скифии уже во времена Геродота было чисто географическим термином, и что Скифия была населена в сущности разными народами, различной культуры, которые все назывались скифами, как обитатели Скифии. Это впечатление подтверждается разноречивыми данными о наружности скифов и их быте. Современник Геродота *Гиппократ* в своей книге «О воздухе, водах и местностях», говорит о скифах так, что в скифах можно видеть народ монгольской расы: «Скифы походят только на самих себя: цвет кожи их желтый; тело тучное и мясистое, они безбороды, что уподобляет их мужчин женщинам». Те же разноречия приходится встречать и в описании быта скифов. Геродот называет скифов единоженцами; Гиппократ говорит о полигамии скифов; по одним известиям, скифы употребляли такую пищу, какая свойственна кочевникам: мясо, кобылье молоко, масло, творог и особый напиток вроде кумыса; по другим известиям, скифы питались растительной пищей и т. д. Очевидно, что все эти разноречия происходят оттого, что писатели получали сведения о различных народах, разного происхождения, стоявших на разных степенях культур, но объединенных одним именем «скифов».

Скифы и славяне. Иранские элементы в Скифии.

Здесь сам собой ставится вопрос: не было ли среди этих народов наших предков — славян? На этот вопрос ряд русских ученых отвечал утвердительно, основываясь на толковании речных названий и личных имен Геродотовой Скифии и на чертах быта,

как он описывается Геродотом. Так, по мнению *Забелина*, некоторые имена скифских рек звучат совершенно по-славянски. Таковы — Борисфен (Днепр), Истр (Дунай), Тирас (Днестр), Пората (Прут). Борисфен, по догадке *Забелина*, испорченное греками имя Березины, как, вероятно, назывался в старину Днепр (теперь это название удержалось только за его верхним притоком, принимавшимся прежде за его верхнее течение); Тирас — очевидно, испорченное греками «Старый», как и называется теперь один из верхних притоков Днестра; Истр и Пората — несомненно, славянские имена. *Забелин* усматривает славянство и в самоназвании скифов, приводимом Геродотом: сколоты — то же, что позднейшие «склавы», греко-римских писателей; саклаб, секалиб, сиклаб — арабов. Аналогия быта скифов с бытом позднейшего приднепровского славянства также склоняет *Забелина* к мысли о тождестве скифских племен с славянами: то же занятие земледелием в среднем Приднепровье, та же торговля с Грецией, те же морские набеги на берега Малой Азии. Легко видеть, как шатка вся эта аргументация, основанная на рискованных филологических сближениях имен, на аналогиях быта, которые могли проистекать вовсе и не из родства племен, а из одинаковых условий жизни нашего юга. Между прочим в гипотезе *Забелина* не объясняется, почему же при постоянном славянском населении нашего юга исчезли старые якобы славянские имена рек «Борисфен», «Тирас», «Истр» и заменились новыми «Днепр», «Днестр» и «Дунай».

Самоквасов в своих «Исследованиях по истории русского права» пошел еще дальше *Забелина* и признал тождество скифов вообще с славянами. За это тождество, по его словам, говорит прежде всего литературная традиция греко-римских писателей, которые обычно называют нашу страну Скифией, а русских славян — скифами. Иорнанд, например, делит варварскую Европу на две части: Германию и Скифию, разделяемые р. Вислой; в Скифии он помещает «давний и многолюдный народ Винидский, по различию племен и поселений называемый различными именами, но преимущественно склавинами и антами». Византийские писатели, говорящие о нападении руссов на Царь-Град — патриарх Фотий, Георгий Амартол и др. — совсем даже не упоминают имени славян: определяя народность неприятеля, осадившего Царь-Град, они называют его *россами*, народом «скифского» происхождения. В то же время землеписец Равенский (около 886 года), перечисляя европейские страны, называет Скифией прародиной славян: *Sexta ut hora noctis scytharum est patria, unde sclavinorum est prosapia*. Лев Диакон в своем описании войны Святослава с болгарами и греческим царем Иоанном Цимисхием совсем не пользуется именами «славяне» и «анты». Русская земля называется у него Скифией; русские воины — скифами; лодки, одежда, вооружение и оружие руссов, русские верования и русский язык называются скифскими; сам Святослав Игоревич именуется скифом. Даже в нашей летописи, по словам *Самоквасова*, есть данные, свидетельствующие о тождестве славян и скифов. Начальная летопись, перечисляя славянские племена, жившие в восточной Европе, говорит между прочим: «улучи, тиверци, седяху по Днестру, по Бугу и по Днепру оли до моря; суть грады их и до сего дне; да то ся зваху от грек Великая Скуф». Но что следует из всех приведенных данных? Только то, что имя Скифии в приложении к нашей стране в литературной, книжной традиции греков и римлян пережило бытие самого племени скифов в нашей стране, что скифами они называли по книжной традиции всех обывателей нашего юга, независимо от их происхождения и только. Что касается известия нашей летописи, то оно, очевидно, заимствовано у греков. Само по себе это свидетельство таково, что из него нельзя в сущности вывести заключение о тождестве славян и скифов. Здесь констатируется только то, что страна, занятая известными славянскими племенами, *называлась* раньше у греков «Великой Скифией».

Не ограничиваясь приведенными доказательствами, Самоквасов пытался найти подтверждение своей гипотезы о тождестве скифов и славян в остатках скифского языка, сохранившихся в собственных именах скифов. Но уже Шафарик в своих «Славянских древностях» пришел к иному выводу относительно этих остатков скифского языка. «Удивительно, — говорит он, — что даже при поверхностном знании языков Zendского, мидийского и персидского замечается ясное и разительное сходство скифских слов с языками Zendским и мидийским». Шафарик указывал на окончание *haïs* в приводимых Геродотом личных именах, которые равняются Zendскому *kšies*, новоперсидскому *šah*, в греческой передаче *ξης*; на окончание *λειτης* в тех же именах, которое равняется Zendскому *paitis*, и т. д. Позднейшие исследования К. Цейса, К. Мюлленгофа, В. Томашека и В. Ф. Миллера над именами скифских царей и божеств вполне подтвердили эти первоначальные наблюдения и приводят к выводу, что скифы, если не все, то по крайней мере господствующие племена, были иранского происхождения. С этими выводами филологов вполне совпадают и некоторые известия о родстве скифов с иранцами, идущие от древних писателей. Сам Геродот роднит скифов с савроматами, жившими за Доном, позднейшими сарматами. Но сарматов Диодор Сицилийский называет выходцами из Мидии; Плиний считает их также ветвью мидян. Аммиан Марцеллин самих скифов считает единоплеменниками персов. Так падают вышеизложенные аргументы Самоквасова о тождестве скифов и славян.

Но центр тяжести в аргументации Самоквасова покоится на сопоставлении быта скифов и славянорусов. Геродотовы скифы, — говорит он, — и славянорусы последних столетий язычества одинаково поклонялись огню, небу, земле, солнцу, луне и богам борьбы с природой и людьми. Скифы и славянорусы не имели храмов, поклонялись своим богам только посредством жертвоприношений, и особенно почитали бога войны, не имели специальных служителей богам — класса жрецов, но имели многочисленных гадателей, знахарей-волхвов, кудесников и т. д. И в разных подробностях верований и культа скифов и славян встречаем черты разительного сходства. Скифы, встречавшие труп царя, проделывали приблизительно то же самое, что и славяне на похоронах своих покойников, по туземным свидетельствам (житие Константина Муромского) и иноземным (Ибн-Даста), — отрезывали себе часть уха, обреза́вали волосы, делали порезы на руках, царапали лоб и нос, прокалывали левую руку стрелами и т. д.; в могилу царя скифы клали одну из его жен, предварительно задушивши ее, а также виночерпия, конюха, вестовщика, т. е. делали то же самое, что позже делали русские, погребавшие вместе со своими государями их жен, рабов, рабынь и близких людей — секретаря, визиря, лекаря и любимца, как рассказывают арабы. Над могилой умершего царя скифы делали земляную насыпь, на которой по истечении года справляли поминки, принося в жертву 50 всадников, подобно тому как справляли тризну на могильном холме и родственники умершего у славян.

Но все это сходство верований и обрядов скифских и славянских вовсе еще не есть доказательство неопровержимого тождества скифов и славян. Ведь с подобными же верованиями и обычаями, какие констатированы Геродотом у скифов, приходится встречаться и у других народов, а не у одних славян. Подобные же верования и обычаи можно констатировать и у германцев; отдельные черты можно заметить и в культе египтян и финнов и т. д. Очевидно, что в религиозной эволюции, через которую проходят разные народы, как в эволюции общечеловеческой психики встречаются сходные моменты.

То же самое в сущности приходится сказать и о сходстве юридических обычаев скифов и славян, на которые также ссылается Самоквасов в доказательство тождества славян и скифов. Скифские цари, по рассказу Геродота, вместе с преступником казнили

и его детей мужского пола. Самоквасову этот обычай напоминает постановление Русской Правды, в силу которого разбойник осуждался на поток и разграбление с женой и детьми, и он не прочь видеть здесь одно из доказательств тождества скифов и славян. Но несомненно, что здесь проявляется не тождество племен, а общий всем первобытным народам инстинкт общественного самосохранения — желание уничтожить врагов общества со всем их отродьем. Точно так же у разных народов на известной ступени их политического развития существовал обычай решать свои тяжбы убийством и кровью — око за око, зуб за зуб, на что также указывает Самоквасов как на доказательство тождества скифов и славян.

Итак, в распоряжении исторической науки нет данных, которые бы давали право с уверенностью говорить не только о тождестве скифов и славян, но и нахождении среди скифов славян, о распространении первоначальной славянской оседлости в южных степях России. Лингвистические данные обнаруживают иранство скифов или, по меньшей мере, присутствие среди них иранских племен.

Сарматы в Скифии; их племена.

Господство скифов в степных пространствах нашего юга заменилось с течением времени господством сарматов, вследствие чего и наша страна получила у греков и римлян имя Сарматия, которое держалось в книжной традиции столь же долго, как и имя Скифия.

Сарматы, во времена Геродота кочевавшие где-то за Доном, в IV веке до Р. Х., по свидетельству Скилакса, продвинулись на запад и жили уже по обеим сторонам Дона. В конце I века до Р. Х. и в начале I века по Р. Х., в известиях Страбона, Овидия, Диона Хризостома, сарматы выступают уже как главная орда на всем протяжении от Мэотиды (Азовского моря) до Истра, а Диодор Сицилийский поясняет, что «сарматы выведенные скифами из Мидии со временем размножились, опустошили и обратили в пустыню большую часть Скифии и прогнали ее население». Но как видно из показаний Страбона и других писателей того же времени, древнейшее «скифское» население наших степей не исчезло под сарматским натиском, но стало жить попеременно с сарматами.

Новые племена, нахлынувшие в наши южные степи по словам Страбона, в большинстве были кочевниками и только кое-где, около Истра и Мэотиды, занимались земледелием. Они жили в войлочных кибитках, перевозимых на возах, и переходили со своими стадами с места на место. Народ этот был воинственный, славившийся умением вести войну на конях. Их всадники имели шлемы и панцири — кожаные и металлические; в битве употребляли копья, луки и мечи. Изображения сарматов-языгов на римских барельефах колонны Марка Аврелия и на керченских фресках вполне подтверждают эти сообщения: варварские всадники здесь имеют на себе или короткие кирасы, или длинные, ниже колен, халаты с нашитыми на них твердыми пластинками. По словам Павсания (II век по Р. Х.), сарматы, за недостатком железа, очень искусно выделывали свои панцири из пластинок, нарезанных из конских копыт (такие панцири действительно находятся в раскопках). Говоря о наружности сарматов, античные писатели отмечают, что сарматы отличались длинными рыжеватыми (*flavus*) волосами, вид имели суровый и дикий; одежда их имела полное сходство с персидской.

В половине I века по Р. Х. господствовавшая на правом берегу Днепра сарматская орда *языгов* передвинулась далее на запад и заняла земли между Дунаем и Тиссой. После ухода языгов господствующим племенем в наших степях стало другое сарматское племя — *роксоланы*, т. е. белые аланы. Во II веке за кочевниками наших степей утверждается имя *алан*, которое вытесняет собой из употребления прежнее имя

сарматов. В конце II и начале III века на Черноморье проникают с севера германские племена готов и герулов. Готы заняли земли по Днепру и далее на запад до Дуная и предгорий Карпат, разделившись на восточных — *остроготовов*, иначе *грейтунгов* и западных — *визиготов*, иначе *тервингов*; герулы расположились восточнее — над Мэотидой и частью в Крыму, аланы оттеснены были в Придонские и Прикавказские степи. Кроме того, по-видимому, часть их была покорена готами и вошла в состав Готской державы.

К какой же ветви народов относили сарматов древние писатели? Плиний говорит, что по слухам сарматы родственны с мидянами. Диодор Сицилийский прямо утверждает, что сарматы были выведены скифами из Мидии. Как же можно отнестись к этим утверждениям древних писателей? «Трудно думать, — говорит В. Ф. Миллер, — что такое убеждение древних писателей о родстве сарматов с мидянами не имеет никакого основания. Мидяне и персы были хорошо известны грекам и римлянам, и едва ли без основательной причины могла какому-нибудь древнему географу явиться мысль сблизить между собой по происхождению два такие друг от друга отдаленные народа, как сарматы и мидяне. Мы можем не придавать значения утверждению Диодора Сицилийского, что сарматы были выведены скифами из Мидии, но должны допустить, что это утверждение было вызвано желанием объяснить положительный факт, представлявшийся странным, именно этническую близость сарматов с мидянами, состоявшую, конечно, в том, что оба народа говорят близкими друг к другу простыми языками. Родство сарматского языка с мидо-персидским должно было быть известно грекам, из которых многие, вследствие известных отношений к персам, имели случай хорошо изучить персидский язык» (Осетинские этюды III, 85, 86).

Сарматы и славяне.

Не все, однако, историки умозаключали таким образом. По мнению Забелина, те народы, которые греко-римские писатели называют сарматами, были на самом деле не сарматы, а славяне. Сарматами греко-римские писатели называли наших славян ради высокого стиля, избегая простонародных имен и прибегая к книжным. Ранее таким книжным именем было имя скифов. Но после поражения скифов Митридатом Понтийским во II веке по Р. Х. слава этого имени померкла, и греко-римские писатели взяли другое имя — «сарматы». Имя сарматов прочно утвердилось у них за славянами в отличие от германцев, а Сарматией римские писатели стали называть именно область славянских поселений.

Что так называемые сарматы были собственно славяне, это, по мнению Забелина, видно из их племенных имен, как они передаются у *Страбона* († 45 год) и *Птолемея* (II век по Р. Х.). Страбон около Днестра помещает *тирегетов*, а за ними далее на восток *языгов*, на север *бастарнов*, между Днепром и Доном *роксолан*, на низовьях Дуная *невкинов*, а на западном побережье Каспия — *витиев*. По Забелину все эти племена не кто иной, как тиверцы нашей летописи, жившие по Днестру, языки, быстряне, русь, буковины, вятичи. Таким образом здесь открываются не только исторически известные племена восточных славян, но и еще новые — языки, быстряне, буковины. Другие племена восточных славян Забелин открывает у Птолемея. В *ставанах* Птолемея он видит словен нашей летописи и путем разных догадок открывает их местожительство как раз около озера Ильменя; в *саварах* Птолемея — наших северян; в *стурнах* — обитателей бассейна Припяти, в которую де впадает р. Стырь, неподалеку от которой находится Тур-озеро, Туриск город. Турья река и Туров город: стурны — это туровцы нашей летописи; в *идрах* Птолемея Забелин усматривает дреговичей, а в *хунах* — кыян нашей летописи. Воображение Забелина уносится так

далеко, что он открывает позднейшие русские города в городах, о которых упоминает Птолемей: *Азагарион* — это Чигирин (кстати сказать, построенный заведомо во второй половине XVI века), *Лейнон* — Волынь, *Сарвакон* — Червень и т. д. Так как ни у Страбона, ни у Птолемея нет собственно определенных показаний о местожительстве этих племен и расположении городов, то Забелин свободно производит все свои сближения и толкования. Но при этом он наталкивается на одно серьезное препятствие: сарматы в известиях римских и греческих писателей являются кочевниками, между тем как славяне изображаются у них народом оседлым, земледельческим. Забелин старается обойти это препятствие таким образом. По его мнению, римские и греческие писатели изображали быт сарматов не по действительным наблюдениям, а по установившимся представлениям о Скифии и ее обитателях. Скифия по древним понятиям означала степь; кто жил в скифии, тот необходимо был кочевником. Так поступил, между прочим, и Аммиан Марцеллин, давший наиболее подробное, но чисто фантастическое изображение быта этих мнимых сарматов.

Нельзя, однако, не видеть искусственности и натянутости этого последнего соображения. Трудно допустить, чтобы римляне не знали хорошо сарматов, с которыми у них было так много дел в I, II и III веках по Р. Х., и оседлых земледельцев представляли только по традиции кочевниками. С роксоланами они воевали в 69 году по Р. Х. по случаю вторжения их в Мизию. Тацит, рассказывая об этом, изображает роксолан кочевниками: по его словам, они вовсе неспособны к пешим сражениям; когда же поотрядно пускаются в бой на конях, то едва ли какая рать может устоять против них. Чтобы избавиться от их нападений, римляне должны были посылать им ежегодные подарки. При Марке Аврелии сарматские племена — языги, роксоланы, аланы и др. — воевали с римлянами в союзе с маркоманнами. Но особенно ожесточенную борьбу с сарматами империя вела в последние три десятилетия III века при императорах Аврелиане и Пробе, которые получили даже титул «Сарматский». Борьба эта продолжалась и при их преемниках до Константина Великого включительно. Все это дает полное основание предполагать, что в римское общество должны были проникать более или менее верные сведения о сарматах. Поэтому нет основания не доверять известиям современных римских писателей, изображающих сарматов кочевниками. А если так, то нельзя видеть в них славян, о которых с самого начала греко-римские писатели говорят как об оседлом, земледельческом народе.

Народность сарматов.

Что касается сближения имен, то оно является также натянутым и несостоятельным. Наблюдения новейших исследователей над остатками языка сарматов, сохранившимися в их собственных именах, приводят к заключению, что сарматы были иранцы, и таким образом вполне подтверждают заявления древних писателей о родстве сарматов с мидянами и персами. Покойный В. Ф. Миллер указывает, что имя царя языгов, приводимое Дионом Кассием, — Βαυάδαπλος находит себе этимологическое объяснение в иранских корнях *van* — побеждать и *aspa* — конь (укротитель коней); другое имя *Zavtikós* сводится к иранскому глагольному корню *zap* — рождать; воинственный сарматский крик *marha*, упоминаемый Аммианом Марцеллином; сопоставляется с авестийским *marha* — смерть, новоперсидским *marg* — смерть; имя одного из сарматских племен Ρωξολανοί, объясняется из иранского корня *rohs* — светлый и значит «светлые аланы»; имя языгов объясняется из корня *yaзи* — большой, высокий и т. д. Иранство сарматов Миллер доказывает и другими косвенными уликами. Одним из самых видных сарматских племен являются *аланы*. В средние века имя «алан» прилагается к кавказскому народу, именуемому у грузин *ос*, у нас в старину

ясы, теперь осетины. Исследование же языка осетин совершенно определенно указывает на его принадлежность к иранской семье. По историческим свидетельствам и данным лингвистическим, нынешние осетины являются только остатками крупного племени, которое кочевало когда-то на равнинах Предкавказья до самого Дона и даже по Дону. Но роксоланы, кочевавшие от Днепра до Дона, были теми же аланами (светлые аланы). Значит, по всему протяжении наших степей до конца IV века господствовал иранский элемент. Этим объясняются названия крупнейших рек нашего юга — Дон, Днепр, Днестр, в которых слышатся корни, родственные осетинскому *дон*, что значит река. Этим же объясняется, вероятно, существование многих имен в греческих надписях Ольвии, Пантикапеи и особенно Танаиды, которые выводятся из иранских корней; этим же объясняются и иранские названия некоторых городов нашего юга, как, например, Ардаба (Феодосия), т. е. семисторонний город, Сугдая (Судак) — святой, чистый.

Итак, на памяти истории степи нашего юга в течение продолжительного периода, почти в тысячу лет, были обиталищем преимущественно иранских племен. Как скифы, так и сарматы поддерживали деятельные сношения, с одной стороны, с греческими колониями, раскиданными по берегам Черного и Азовского морей, с другой стороны, с восточными соплеменниками — иранцами, которые присылали их князькам оружие, драгоценные ткани и т. д. Таким образом, скифы и сарматы подвергались двойному влиянию эллинской и иранской культур, и под этим влиянием сложился у них своеобразный быт, своя собственная скифо-сарматская культура, памятники которой в огромном количестве остались на юге нашей страны и в настоящее время усердно изучаются нашими археологами.

* * *

По вопросу о народности скифов и сарматов, кроме указанных трудов Грушевского и Багалея, данные и мнения можно почерпнуть ближайшим образом в трудах:

И. Е. Забелин. История русской жизни. Ч. 1. М., 1908.

Д. Я. Самоквасов. Исследования по истории русского права. М., 1894.

Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1882.

В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. Т. 3. М., 1887.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

СКИФО-САРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ; СОСЕДИ СКИФОВ И САРМАТОВ

СКИФО-САРМАТСКИЕ курганы.

Скифо-сарматские древности открываются в погребальных курганах. Во многих местах нашего степного пространства на гладких равнинах возвышаются насыпи значительной величины и правильной формы. Некоторые из них имеют вид земляных пирамид до 10 сажень высоты и до 150 сажень в окружности, обложенных у основания камнями. Их зовут обыкновенно *толстыми* могилами. Наряду с ними иногда поднимаются продолговатые насыпи меньшей величины, называемые *долгими* могилами. Эти насыпи издавна привлекали к себе внимание обитателей степей, которые догадывались, что эти насыпи — могилы знатных людей и царей прежних народов и могут содержать разные сокровища. Вследствие этого степные курганы издавна раскапывались людьми, искавшими кладов и сокровищ, и безуспешно. Обратили на них внимание и ученые люди, археологи. Припомнив, что рассказывает Геродот о погребении царей и знатных людей у скифов, археологи пришли к заключению, что эти курганы представляют из себя скифские могилы. Содержание Геродотова рассказа об этом погребении должно было и ученых заохотить к раскопкам, ибо обещало богатую научную добычу. Геродот рассказывает, что всех царей скифы погребали с особыми почестями и особым образом. Тело умершего, вскрыв живот и вычистив, наполняли благовонными семенами и травами, обмазывали воском, укладывали на колесницу и везли по степи к ближайшему подвластному народу, оттуда к следующему и т. д., пока не объезжали всех подвластных племен. «Кто привезенное тело примет, делает то, что и царские скифы: урезают себе ухо, остригают волосы, порезывают кругом мышцы, царапают лоб и ноздри и прокалывают левую руку стрелами». Каждое племя, встретив останки царя, потом сопровождало их до места погребения. Народу таким образом накоплялось в шествии великое множество. Места погребения находились в стране, называемой Герра, как назывался и народ, там живший, в том месте, до которого можно было плыть по Борисфену (значит, около порогов). Здесь вырывали большую четырехугольную яму, а в ней устраивали отдельные пещеры, как бы особые комнаты, из которых в одной погребали царя на кровати, водрузив по сторонам копыя и устроив на них крышу из брусьев и ивовых прутьев. В остальных пещерах, сначала удушив, погребали одну из царских жен, виночерпия, повара, конюшего, письмоводца, вестноосца и царских коней, вместе с золотыми чашами и со всякими драгоценностями из одежды и домашнего обихода, большей частью тоже золотыми. Совершив похороны, все наперерыв друг перед другом засыпали могилу землей, стараясь сделать насыпь как можно выше... Через год справлялись поминки, при чем погибало еще 50 человек, самых лучших служителей умершего царя, и 50 наилучших коней. Их убивали и мертвых всадников на мертвых лошадях ставили на столбах и кольях вокруг кургана. Таким образом, на основании Геродотова рассказа, можно было надеяться найти в курганах-могилах предметы скифского быта, домашней обстановки. Эти ожидания вполне подтвердились. Курганы дали обильные коллекции предметов быта разного времени и притом не одних только скифов, но, по-видимому, и соплеменников их — сарматов. Различить то, что принадлежит скифам и что сарматам, ввиду их родства и однородности культурных влияний, под которыми они находились, не представляется возможным. Полученные археологические данные приходится поэтому признавать как данные одной скифо-

сарматской культуры.

Кульобская могила.

Раньше других царских могил, в 1831 году, была раскопана и обследована могила Кульобская в 6 верстах от г. Керчи. Гробница ее имела квадратную форму с крышей и состояла из каменных плит. В ней стоял кипарисовый саркофаг царя, а рядом такой же другой саркофаг, очевидно, царской супруги (он, впрочем, истлел, и от него сохранились только ручки и ножки). Саркофаг царя разделялся на две части: в одной было положено тело царя, а в другой его оружие; между прочим здесь найден меч с рукояткой, обложенной золотом, с надписью. Царь был погребен с различными драгоценностями. На стенах гробницы висели дорогие платья, которые, конечно, истлели; от них остались только металлические украшения в виде золотых и электроновых (из смеси золота и серебра) бляшек. На голове царя уцелела войлочная шапка в виде башлыка, унизанная различного рода драгоценностями. Среди других предметов здесь найдены были четыре амфоры греческого типа и знаменитая Кульобская ваза, хранящаяся ныне в Императорском Эрмитаже в Петрограде. В углу гробницы найден скелет коня, а рядом головой к нему лежал скелет, вероятно, раба-конюха. Посредине гробницы на земле найден скелет царицы. Царица имела на голове электроновую диадему, на шее золотое сканное монисто с привесками и золотую гривну, на руках золотые браслеты с изображением охоты грифов на оленей.

Чертомлыцкая могила.

Вторая замечательная «скифская» могила — Чертомлыцкая (верстах в 20 от города Никополя Екатеринославской губернии) была раскопана И. Е. Забелиным в 1862 году. Могила представляет обширный курган высотой до 26 саженей по откосу и в окружности до 165 саженей, обложенный при подошве сажен на 7 камнем. Когда этот курган раскопан был на 1,5-2,5 аршина сверху, стали попадаться черепки разбитых амфор и разные вещицы, составлявшие конский убор: железные удила, бронзовые баранчики, пуговицы» запоны разные в виде птичьей головы, бронзовые, золотые и серебряные бляхи разной величины и формы, колокольчики, соединенные с бляхами железной цепочкой, бронзовые стрелки и т. д. Под ними найдены были бронзовый прорезной шар с трубкой для надевания на древко, бронзовые изображения львов, драконов и птиц; также с трубками для надевания на древко. Когда в насыпи прорыт был известный участок до глиняного материка, обнаружилась четырехугольная продолговатая яма, засыпанная черноземом, и в стороне от нее еще пять ям, две небольшие овальной формы, а три побольше — квадратные. В одной могиле овальной формы был найден остов человека, лежавшего лицом к главной гробнице. На шее у него был серебряный, покрытый листовым золотом обруч, около правого уха золотая серьга греческой работы, на среднем пальце правой руки — золотое, свитое спиралью из проволоки, кольцо; рядом со скелетом справа лежали железное копье и такая же стрела или дротик, причем древки их уже совершенно истлели; у тазовой кости — кучка бронзовых стрелок с ясными следами истлевшего кожаного колчана. В другой овальной могиле лежал в том же положении другой скелет, у которого на шее был золотой витой массивный обруч (около 0,5 фунта весом), у головы справа — кучка бронзовых стрел с остатками древца, которые были расписаны киноварью поясками; подле кисти левой руки найдено еще несколько таких же стрелок. В квадратных могилах было найдено 11 конских скелетов, из них 5 с серебряными уздечными нарядами, а 6 с золотыми уздечными и седельными. Уздечные наряды состояли из массивного наносника, изображавшего бюст какого-то животного, из 2 больших блях с изображением птиц, из 2 небольших массивных пуговиц, из 6 больших пуговиц или

блях с ушками. Седельный наряд каждого коня заключал: 4 пластины, украшавшие седло, 4 большие пуговицы или бляхи с ушками, железную пряжку и серебряное кольцо, вероятно, от подпруги. На двух конях, кроме того, находились шейные бронзовые уборы из больших и малых блях в виде полумесяца с привешенными колокольчиками. Главная могила оказалась расхищенной; на дне ее, после того как вынут был чернозем, оказались отпечатки красок голубой и карминной, по-видимому от стенок гроба, остатки истлевшего дерева и тростника, железные скобы и гвозди. Это расхищение произведено было через особую подземную лазейку, выкопанную сбоку кургана. Но похититель не все успел вынести — лазейка обвалилась и засыпала его землей, а часть набранных им в могиле вещей оказалась в подземном коридоре и пещерках, выкопанных в виде ниш из этого коридора. Тут найдены: две большие медные вазы, одна с шестью ручками в виде козлов, бронзовый светильник о шести рожках, 5 колчанов бронзовых стрел, 7 ножей, меч с рукояткой, обложенной золотом, бронзовое ведро, куча золотых блях (около 700 штук) со множеством золотых пуговиц, служивших украшением какой-либо одежды или покрывала, остатки коего лежали под этими вещами. На четырехугольных бляшках изображена в профиль сидящая женская фигура с зеркалом в левой руке, а перед ней стоящая фигура скифа, пьющая из рога; на других бляшках изображены женские головы, розетки, медузина голова; больше всего бляшек треугольных горошчатых. Тут же были найдены два золотых перстня, один с резным изображением собаки, другой с изображением быка, золотое массивное кольцо, золотой наконечник от ножен меча, золотая чеканная доска, служившая крышкой для лука, другая с ножен меча — обе с изображением сцен из греческой мифологии, 5 мечей с рукоятками, покрытыми чеканным золотом, причем на четырех изображены грифоны и олени, а на пятом превосходно вычеканено изображение охоты и вверху две бычьих головы без рогов, много пластинок от железных и бронзовых наборных поясов и т. д.

Но хищники, к счастью, не попали в побочные четыре гробницы, которые выкопаны были по углам главной гробницы на два аршина ниже ее уровня и сообщались с ней покатыми спусками. В этих могилах найдены мужские скелеты и женский, по-видимому царицы. Мужские скелеты имели бронзовые или золотые обручи на шее, с изображениями львов на концах, на руках золотые браслеты, на пальцах золотые кольца, у пояса, с левой стороны, ножи с костяным черенком и мечи с рукояткой, покрытой золотом с грубыми изображениями грифонов и оленей, на чреслах пояса, состоявшие из бронзовых пластинок, подле — колчаны с бронзовыми стрелками, копья и стрелы с железными наконечниками; у одного остова в головах лежала бронзовая чашка с серебряными ручками и серебряный кувшинчик, у других лежали глиняные амфоры. У женского остова на шее был найден золотой массивный гладкий обруч около 1 фунта весом с изображением по концам львов; около ушей две серьги, состоящие из колец с семью подвесками каждое; на лбу золотой чеканный травами венчик с бляшками в виде цветков и розеток; около головы и всего корпуса лежали рядом 57 четырехугольных бляшек с изображением прямо сидящей женщины и стоящего справа от нее мальчика — с зеркалом в руке (бляшки эти служили каймой какого-либо покрова); на кистях рук были широкие гладкие золотые браслеты и стеклянные бусы, на девяти пальцах гладкие золотые перстни, а на одном с изображением летящей степной птицы вроде драхвы и т. д. Кроме скелетов и украшений, с которыми были положены в могилы трупы, в одном из этих подземелий найдена была целая куча золотых украшений в виде пластинок с изображениями драконов, львов, оленей, трав, цветов, плодов; драконов, терзающих оленей; драконов, борющихся со сфинксами; в виде бляшек круглых, четырехугольных, треугольных с изображениями медузиной

головы. Геркулеса со львом, льва, терзающего оленя, грифа, зайца, тельца и пр.; в виде пуговиц разной величины и формы, бус, украшенных сканью, запон в виде сфинксов и т. п. Всего найдено около 2500 предметов. По-видимому, все эти украшения нанизаны были на одежды, которые повешены были в этом подземелье и затем истлели (остались крючки, на которых они висели, и перетлевшие ткани). В другом подземелье найдена была знаменитая серебряная ваза вышиной в аршин и в диаметре до девяти вершков с изображениями сцен из скифской жизни; подле нее — большая плоская чаша на поддоне, украшенная желобками и травным узором, с двумя ручками, под коими изображены рельефно женские фигуры; на ней — большая серебряная ложка с рукоятью, украшенной в конце кабаньей головой. Наконец, в этих же подземельях найдено было несколько глиняных амфор греческой работы.

Быт скифов и сарматов.

Подобные же вещи найдены были и в других могилах того же типа в Екатеринославской, Таврической, Киевской, Полтавской и Харьковской губерниях и в области Кубанской. Все эти предметы, найденные археологами, подтверждают и дополняют те известия о быте скифов и сарматов, которые мы имеем от древних писателей.

Мы видели, что Геродот восточных скифов называет не сеющими и не пашущими. Современник Геродота Гиппократ дает яркое изображение этого быта. «Называются они кочевниками, — пишет он, — потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями. Они непроницаемы ни для воды, ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров, и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватит, переходят в другую местность. Сами они едят мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку (сыр из кобыльего молока)». С этим описанием сходны и описания быта сарматов, даваемые Страбоном и другими греко-римскими писателями. Археология вполне подтверждает эти данные. Почти все изображения, найденные в могилах Скифии и Сарматии, рисуют нам быт степных кочевников: на Чертомлыцкой вазе изображены сцены приручения коней; на бляшках мы видим скифов, охотящихся в степях за зайцами; в другом месте 3 всадника преследуют оленей и т. д. Конь является лучшим товарищем и другом скифа, и скиф не расстается с ним и по смерти, кладя его с, собой в могилу, иногда в богатом золотом и серебряном уборе. Изображения скифов на вазах и бляшках и найденные в могилах вещи дают возможность восстановить одежду скифов: это одежда лихих наездников. Скифы носили рубахи, не доходившие до колен, с узкими рукавами и кожаные узкие или матерчатые широкие штаны. Поверх надевали или безрукавки, или короткие кафтаны с узкими рукавами и косыми полами, более длинными спереди, чем сзади; некоторые были опушены мехом. Существенной частью скифской одежды был кожаный пояс с прорезами и пряжкой, на котором они носили колчан со стрелами, лук и меч. Обувью у скифов служили кожаные полусапожки, перевязанные двумя ремнями. На голове скифы носили башлыки из кожи или верблюжьей шерсти, состоявшие из нескольких кусков, причем один из них закрывал затылок и спускался на спину. Цари носили повязки (диадемы) и дорогие шапки из материи, кожи и металла, опушенные мехом. Женщины носили длинные одежды с длинными узкими рукавами и головной убор вроде кокошника. Как мужская, так и женская одежда украшалась нашитыми на

нее бляшками круглой, овальной, четырехугольной формы, количество которых, а равно и материал зависели от знатности лица. На одежде Кульобского царя были повешены 266 золотых бляшек весом до 2,5 фунтов в общей сложности, а на платье царицы золотых бляшек было на 3,5 фунтов (474 штуки). Кроме бляшек украшением одежды служили металлические и стеклянные бусы, трубочки с каемками, пуговицы, привески и бубенчики. Скифы носили также украшение в ушах в виде серег (мужчины в одном правом ухе), шейные обручи, кольца и браслеты на руках. Вооружение скифов, по данным археологических раскопок, состояло из копий, мечей, топоров, луков со стрелами, щитов и лат, железных или бронзовых.

Греческое влияние на быт скифов и сарматов.

Украшения, находимые в скифо-сарматских могилах, и различные предметы быта свидетельствуют о значительном греческом влиянии на быт наших степных варваров. Греки, очевидно, работали на варваров, сбывали им продукты своего производства. Среди глиняных сосудов в могилах попадает очень много расписных ваз с греческим клеймом; попадаются бронзовые, иногда позолоченные зеркала, костяные пластинки с изображениями сцен из эллинской жизни и мифологии (бег колесницы, суд Париса). Особенно замечательна золотая пластинка из Чертомлыцкого кургана с рельефными изображениями национальной греческой жизни. Эта пластинка изображает как бы два этажа. В нижнем этаже на левой стороне группа женщин сидит внутри дома и прислушивается к тому, что происходит в соседнем помещении, которое представляет уже открытый дворик. Здесь группа из трех беседующих мужчин. Средняя из женщин изображена с сильным волнением на лице, между тем как изображение крайнего мужчины полно равнодушия и спокойствия. Впереди мужчин изображена женщина с ребенком, лицо ее печально. В верхнем этаже пластинки на правой стороне три фигуры, из которых одна изображает юношу в греческом одеянии, который с кинжалом в руке бросается на женщину, от него убегающую, а две другие фигуры удерживают юношу от покушения. На левой стороне изображен мужчина, который обучает натягивать лук маленького мальчика.

Греки делали для варваров вещи и с изображениями их собственной варварской жизни или же сцен столкновения варваров и греков. Сцены из варварского быта изображены на Чертомлыцкой и Кульобской вазах. Чертомлыцкая серебряная ваза имеет форму амфоры и была предназначена, вероятно, для вина: внутри ее шейки приделано мелкое ситечко, а в нижней части три носика; один в виде окрыленной лошадиной головки, а два в виде львиных головок. Подножие, шейка, ручки и все украшения густо вызолочены. Корпус вазы покрыт условными, стилизованными изображениями травянистой растительности попеременно с совершенно реальными изображениями диких голубей и журавлей. Фриз занят сценами степной жизни. На первом плане изображены две спокойно пасущиеся лошади. Направо молодой скиф, припав на одно колено, арканом старается удержать бегущую от него лошадь; налево то же самое делает пожилой скиф, откинувшись назад и присев на корточки. В верхней части фриза два скифа спереди и один сзади обуздывают коня; рядом справа спокойно стоящий скиф вынимает что-то из мешка; за ним скиф стреноживает усталого коня; на левой стороне скиф, держа за узду коня одной рукой, другой поднимает ему ногу для осмотра. Над этими сценами изображены два грифона, терзающие оленя. Все фигуры — из литого серебра, прикреплены к полю фриза (в настоящее время не сохранились нити, изображавшие арканы и уздечки); изображение сделано художественно, вычерчены отчетливо все детали. На Кульобской вазе (11-1 века до Р. Х.) изображены сцены из военной жизни. Царь в золотой диадеме с усталым лицом, опершись на копье, сидит на возвышении и выслушивает вестника, стоящего пред ним на коленях,

опершись на щит; рядом сидящий скиф натягивает на лук соскочившую тетиву; затем изображен скиф, который запустил другому в рот пальцы и исследует челюсть, причиняя больному большие страдания; далее один скиф перевязывает другому узкой тесьмой раненую ногу. Сцены из борьбы скифов и греков изображены на золотой пластинке ножен меча из Чертомлыцкого кургана. Предводитель греков зовет вперед своих отставших воинов; в это время предводитель скифов пытается нанести греку удар мечом. Следующая сцена — скиф хочет проткнуть копьем раненого молодого грека, которого пытается унести другой грек. В следующей группе грек мечом поражает уже раненого скифа, который отбивается от него топором; на помощь скифу несется всадник с копьем, но лошадь его споткнулась. За этой группой изображена сцена перевязки ноги у раненого грека, на лице которого изображено большое страдание. В конце изображена убегающая лошадь, сбросившая с себя воина, который лежит ничком на земле. Украшая вещи реальными сценами из скифского быта, греческие художники наряду с этим угождали вкусу варваров и условными орнаментами, вроде, например, вышеупомянутых грифонов, растений и т. п. Этот орнамент, имеющий много общего с искусством средней Азии, по-видимому, приходил к скифам с востока от их единоплеменников, с которыми они имели сношения. Восточный вкус сказался также и в пестрой орнаментации золотых и бронзовых изделий драгоценными камнями и цветными стеклами.

Есть данные думать, что не все вещи, находимые в скифо-сарматских могилах, были привозного происхождения. На одной металлической пластинке с изображением льва и пяти других животных стоит греческая надпись Порáхо. По-видимому, это — имя мастера, который делал пластинку, и хотя оно изображено греческими буквами, но несомненно варварское (аналогично Фарнак). На одном сосуде прямо подписано по-гречески: ξηβανοχονταροῦλας ἐτίει, т. е. Ксебанокутарулас сработал. Имя это также варварское, а не греческое. Очевидно, скифы и сарматы, проживая в греческих колониях, научались там мастерствам разного рода. Возможно, что у них были и свои собственные технические знания, развившиеся в общении с восточными соплеменниками. К туземным скифским произведениям относятся, по-видимому, бронзовые и медные сосуды на довольно высоких ножках, иногда украшенные сверху рельефными фигурами барана, овцы, а иногда просто орнаментом. Это, быть может, были те самые котлы, в которых, по сообщению Геродота, скифы варили мясо жертвенных животных.

Обратное влияние скифов и сарматов на быт греческих колоний.

Скифы и сарматы не только воспринимали культурное влияние греков, но и в свою очередь оказывали известное влияние на уклад греческой жизни на берегах Понта Эвксинского. Культурный синкретизм можно заметить не только в жизни скифов и сарматов, но и в жизни самих греков. Этот синкретизм происходил от племенного сближения греков и варваров. Уже Геродот отмечал это племенное сближение, указывая на эллинов-скифов, обитавших вблизи Ольвии, на дворец скифского царя в Ольвии. Но явственнее всего этот факт проявлялся в так называемом *Боспорском царстве*.

Ядром этого царства была греческая колония Пантикапея. К ней еще в V веке присоединился город Нимфея, входивший в состав Делосского союза, а в IV веке Феодосия, вследствие чего архонты Пантикапеи превратились в архонтов Боспора и Феодосии. Эти архонты покорили целый ряд варварских племен, живших по соседству, и сделались таким путем архонтами и царями. Вследствие объединения под одной властью греков (к комплексу Пантикапея, Нимфея и Феодосия присоединились еще

Фанагория и Горгиппия, ныне Анапа) и варваров изменился совершенно внутренний жизненный строй в Боспоре Киммерийском. Вместо обычной греческой городской республики здесь установилась с течением времени монархия восточного типа. Вещественные памятники Боспорского царства обнаруживают сильную варварскую стихию в его жизни. В керченских катакомбах римской эпохи мы видим изображение не греков-горожан, а степных помещиков-коневодов и землевладельцев, отстаивающих свое достояние своими войсками, дружинами и отрядами. Эти люди не чистые греки. Анализ имен, сохранившихся на некоторых надгробных плитах, свидетельствует об их иранском, т. е. скифо-сарматском происхождении. Уборы богатых покойников, находимые в катакомбах; все эти шапки, диадемы, обилие золотых украшений — говорят также о варварстве обитателей Пантикапеи. Греков и варваров сблизило не столько подчинение одной власти, сколько общая экономическая деятельность. Боспорское царство было крупным производителем и экспортером хлеба и рыбы. Ежегодно вывозилось отсюда в Афины около 400 тысяч медимнов хлеба. Хлеб этот производился окрестными варварами — таврами, скифами и сарматами, покупался и перепродавался греками. Это экономическое общение тесно сближало греков и варваров и приводило к их племенному слиянию. Племенной и культурный синкретизм открывается и в других греческих колониях нашего юга. В этом отношении особенно поучительным является рассказ Диона Хризостома, посетившего Ольвию в 100 году по Р. Х. По его словам, жители Ольвии уже нечисто говорили по-гречески, живя среди варваров, хотя и не утратили племенного чувства и знали почти всю Илиаду наизусть, боготворя ее героев, больше всего Ахилла. Одевались они уже по-скифски, нося шаровары и плащи черного цвета. Непрерывно вели они борьбу с варварами, которые затопляли и разоряли их города, но вместе с тем приезжали к ним торговать и т. д. Таким образом, на юге нашей страны совершался тот же самый процесс эллинизации варваров и варваризации эллинов, который происходил и в странах передней Азии и Египта, особенно со времен походов Александра Великого и широкого рассеяния греков в пределах бывшего Персидского царства. На юге нашей страны выработывалась особая разновидность так называемой эллинистической культуры.

Эта культура, несмотря на то что была сметена приливом в наши степи новых варваров тюркского племени, не осталась без значения и влияния и для жизни русского народа. Ее семена от обитателей наших степей заносились далеко на север, в лесные области, к тем племенам, которые поглотила впоследствии русская народность. Таким путем эллино-скифо-сарматский мир принимал известное участие в культурной доисторической подготовке нашей народности.

Северные соседи скифов и сарматов.

Какие же племена жили к северу от скифов и сарматов? Геродот называет *невров*, живших на севере от верховьев Днепра, *андрофагов*, живущих по среднему Днепру, *меланхленов* (черноризцев) — на восток от андрофагов, *будинов*, живущих на север от савроматов. Но что это были за племена, и в каком отношении стоят они к позднему населению наших лесных пространств, на этот вопрос мы не можем отвечать по состоянию исторических сведений. Первые определенные свидетельства о населении наших лесных пространств имеются от римских и греческих писателей I и II веков по Р. Х. По словам Плиния Старшего († 79 году по Р. Х.), возле Вислы, которая была границей Сарматии, жили *венеды*. Тацит (1 100 году по Р. Х.) говорит, что венеды были рассеяны на огромном пространстве к востоку от Вислы, между *невкинами*, обитавшими у устья Дуная, и *финнами*. Александрийский географ и астроном Птолемей († 175 году по Р. Х.) помещает венедов среди великих народов Сарматии, т.

е. восточной Европы, вокруг Венедского залива (т. е. Балтийского моря). Под именем венедов выступают впоследствии западные, преимущественно прибалтийские, славяне. Но несомненно, что это имя некогда было общим для всех славян: у эстонской чуди земля славянская и теперь называется *vano*, а славянин *väne*. Имя «анты», которым обозначаются черноморские славяне у писателей VI века по Р. Х., по-видимому, есть не что иное, как вариация того же самого имени «венедов». Кроме венедов, Птолемей обозначает обитателями Балтийского побережья — *судинов* и *галиндов*, в которых исследователи видят литовцев (впоследствии такие имена носят ветви пруссов).

Итак, три группы племен, кроме уже перечисленных нами греков, скифов и сарматов, выдвигаются древнейшими историческими свидетельствами в восточной Европе — славяне, литовцы и финны. Как же далеко распространялись в скифо-сарматскую эпоху эти племена в восточной Европе?

Славянская прародина.

Ученые, определяя по данным географической номенклатуры и могильным раскопкам, по данным сравнительного языковедения исконное местожительство славян в Европе, склонны в настоящее время думать, что эта «славянская прародина» захватывала бассейн Вислы, Карпатскую горную страну, бассейн Припяти, среднего Днестра с низовьями Березины и Десны включительно и верховья Днестра и Южного Буга. На севере славянские поселения смыкались и мешались с поселениями Литвы, на востоке с поселениями литвы и финнов, а на юге оканчивались приблизительно на границе леса и степи. В самое последнее время некоторыми филологами (академиком Шахматовым) выдвинуто мнение, что славяне передвинулись в очерченную территорию с бассейна нижнего Немана и Западной Двины, поменявшись местами с жившими южнее их финнами и литовцами. Но это мнение, опирающееся главным образом на филологические соображения, пока еще остается в стадии гипотезы, нуждающейся в дальнейших разъяснениях.

Местожительство литвы.

Что касается литовской народности, то в XI-XIII веках областью ее распространения является бассейн Немана. Но есть основания думать, что первоначальная территория Литвы была шире, захватывала левые притоки Припяти, течение Березины, бассейн Западной Двины, верхнего Днестра и отчасти верхнеокский бассейн. Исследователями обращено было внимание на тот факт, что реки, протекающие на территории наших дреговичей, кривичей и частью вятичей, имеют большей частью неславянские названия, данные им, очевидно, прежними насельниками. Анализируя эти названия, исследователи открывают во многих из них литовские корни; между прочим, имя Упы прямо выводится из литовского нарицательного имени *ире*, что значит река. Но так как на этой же территории находятся реки с финскими кличками на *ва*, *га*, *за*, *ма*, *ра*, *са*, *ша*, (например, Зельва, Русса — системы Немана, Дрисса и Обша — системы Западной Двины, Вязьма — системы Днестра), отсюда вытекает предположение, что литовцы жили в этих местностях попеременно с финнами. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в языке финнов не только западной группы (эстонцев и финнов), но и восточной (мордвы) существует немало слов, заимствованных из литовского языка. Значит было время, когда и восточные финны были в общении с Литвой. Часть литовцев, быть может, продвинулась и дальше на восток. В бассейне Цны, близ Тамбова, найден могильник с такими же вещами, которые находятся в могильниках области латышей.

Область распространения финнов. Иранское влияние.

Эта область была также гораздо шире в скифо-сарматскую эпоху чем впоследствии. Если финны были известны римлянам и грекам, надо думать, что они не были тогда заброшены в северных областях, но жили гораздо южнее, соприкасаясь с населением степей. Финское имя Волги — «Ра» у Птолемея — говорит в пользу этого предположения. К тому же самому ведет и современная гидрографическая номенклатура восточной Европы.

В лесной области Европейской России мы находим множество рек с окончаниями на ва, га, за, ма, ра, са, ша. Имена всех этих рек звучать не по-славянски и не могли быть даны славянами. Славяне, очевидно, получили их уже в готовности от народов, которые здесь жили до и во время расселения славян. Какие же это могли быть народы? Уже географы сделали наблюдение, что реки с названиями на вышеприведенные окончания распространены преимущественно в областях, занятых финнами. Филологи (Шегрен, Веске и др.) указали, что такие названия могли быть даны финнами. Но реки с подобными названиями мы встречаем и в тех областях, где застаем славянские племена радимичей, северян и вятичей. Таковы: Вехра (приток Сожа), Нерусса с Севой (притоки Сейма) — системы Днепра; Крома, Зуша, Угра, Жиздра — системы Оки и т. д. Самая Ока значит по-фински река (Йоки). Все это указывает, что финны до расселения славян жили гораздо южнее, чем позже, в начальные времена нашей истории. При этом, несомненно, они соприкасались непосредственно с иранскими народностями, жившими во время оно на юге нашей страны. Этим и объясняется тот факт, что в финских языках встречаются корни и даже целые слова иранского происхождения. По этим заимствованным словам исследователи заключают о сильном иранском влиянии на быт и культуру финнов. При посредстве иранцев финны ознакомились с металлами — прежде всего медью, а затем золотом (зарни), серебром (вотяцкое — взвесь, зырянское — езис; венгерское — ezüst, осетинское — äзвист) и др. Иранцы ознакомили финнов с начатками земледелия и домашними животными — коровами и овцами. Заимствованный термин для обозначения владыки — князя, хозяина (öксеj) дает основание думать, что, по крайней мере, часть финнов пережила период некоторой зависимости от иранцев. Если так, то возможно, что и в том конгломерате народностей, который Геродот обозначал одним именем «скифы», были также и финские племена.

Итак, рассмотренные нами исторические свидетельства и лингвистические аргументы приводят к утверждению, что до конца IV века по Р. Х. славян не было в южных степных областях нынешней Европейской России, что они держались в западной части лесной области, занимая бассейны Вислы, верхнего Днестра и правых притоков Припяти, нижней Березины и Десны, на пограничье, вероятно, мешаясь с соседями: на севере и востоке с литвой и финнами, на юге — с сарматами и частью с германцами (готами), стремясь, вероятно, расширить на их счет свою оседлость. Великие народные передвижения, происходившие в конце IV, в V и VI веках, дали простор этому стремлению, и территория славянской оседлости в восточной Европе за это время и непосредственно затем, в VII-IX веках увеличилась до громадных размеров.

* * *

О скифо-сарматской культуре, кроме упомянутых уже трудов Забелина, Грушевского и Багалея, сведения можно почерпнуть в трудах:

Н. Кондаков, И. Толстой. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2-3. СПб., 1889.

Древности Геродотовой Скифии. Изд. Имп. Археол. Комиссии. Вып. 1-2.

По вопросу о первоначальном жительстве славян, литовцев и финнов, кроме трудов Грушевского и

Багалея, см.:

Lubor Niederle. Slovanské starozitnosti. 1-2. Praha, 1902-1904.

Надеждин. Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. 1837. № 7.

Веске. Славяно-финские отношения по данным языка // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Имп. Казанском Университете. Т. 8.

Р. Штакельберг. Ирано-финские лексикальные отношения // Труды Восточной Комиссии Имп. Моск. Археол. Общества. Т. 1.

А. А. Кочубинский. Территория доисторической Литвы // ЖМНП. 1897. № 1.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СЛАВЯНСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ

НАШЕСТВИЕ гуннов и вытеснение населения степей.

В последней четверти IV века по Р. Х. в наши степи нахлынул с востока новый народный поток — пришли *гунны*. Китайцам эти гунны известны были задолго до Рождества Христова как кочевые обитатели Монголии. Постоянные нападения этих *Hungnu* и заставили китайское правительство создать те исполинские укрепления, которые все в совокупности составили известную великую стену. В последующие века часть этих гуннов передвигалась на запад. По известию одного географа II века (Дионисия Перизгета), гунны уже пребывали на западном берегу Каспийского моря; армянские писатели знают их под именем унк; знал их, по-видимому, и Птолемей. Затем они появляются уже недалеко от Дона, к северо-востоку и востоку от него. Около 370 года гунны разгромили аланов, живших около Мэотиды и на левом берегу Дона, массу их перебили, остальных увлекли за собой и с увеличенными силами набросились на остготов, живших в Приднепровье.

По словам готского историка Иорнанда, подвластные готам роксаланы отделились от них при приближении гуннов и соединились с этими варварами. Остготы сами попали под власть гуннов, хотя сохранили своих королей, но до самой смерти Атилы (453 год) должны были ходить в гуннских полчищах даже против своих соплеменников вестготов. Последние, преследуемые гуннами, которые истребляли их со страшной жестокостью, в количестве 200 тысяч человек переправились на южный берег р. Дуная и выпросили у императора Валента позволение поселиться в Фракии (в 376 году). Позже и остготы передвинулись из черноморских степей в придунайские области. На Черноморье удержались только небольшие остатки готов — в Крыму и около Керченского пролива (готы-тетракситы). За готами передвинулись в среднедунайские степи и гунны, увлекая за собой аланов и другие племена, ранее обитавшие в наших южных степях. В V веке уже застаем гуннскую орду на территории между Дунаем и Тиссой, где перед этим жили языги.

Известия современников о наружности и быте гуннов.

Гунны сделались, таким образом, соседями восточной Римской империи. Римляне поспешили войти с ними в дружественные отношения и пользовались их помощью против других варваров и во внутренних усобицах. Римляне и греки имели, таким образом, возможность хорошо ознакомиться с этими варварами, и потому сведения, сообщаемые о гуннах римскими и греческими писателями, являются особенно ценными. Больше других сообщает о гуннах Аммиан Марцеллин. «Когда родятся у них дети мужеского пола, — пишет он, — они изрезают им щеки, чтобы уничтожить всякий зародыш волос. Поэтому все гунны растут и стареют безбородыми, отвратительные и безобразные на вид, как евнухи. Однако у всех них коренастый стан, члены сильные, шея толстая, голова огромная; спина так сутуловата, что придает строению их тела что-то сверхъестественное. Я сказал бы скорее, что это двуногие животные, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные в образ человека, которые выставляются на мостах. Этой отвратительной внешности соответствуют их повадки, свойственные скоту: пищу они едят не вареную и ничем не приправленную; взамен обыкновенных съестных припасов они довольствуются дикими кореньями и мясом первого попавшегося животного, которое кладут себе под сиденье на лошади и

так размягчают. У них нет домов, хотя бы тростниковых шалашей, и никакая кровля их не укрывает. Они живут, кочуя среди лесов и гор, закаленные от холода и голода. Они носят одежду в роде туники из холста или меха и, раз продевши в нее голову, не спускают ее с плеч, пока сама не свалится лохмотьями. Голову покрывают меховыми шапками с опушкой и свои волосатые ноги обертывают козлиной шкурой. Такая обувь, конечно, затрудняет ходьбу, от чего они вообще неспособны сражаться на ногах, пешими. Зато на своих лошадях, нескладных, но крепких, они точно прикованы; исправляют на их спинах всякого рода дела, иногда сидя по-женски. День и ночь они живут на лошади, на ней продают и покупают; так и спят, прилегши только к сухопарой шее своего коня, и грезят там преспокойно. На лошадях же они рассуждают сообща о всяких своих делах. Царской власти они не знают, но подчиняются избранным вождям». Рассказав о стремительности их нападения, о меткости их стрельбы и о ловкости в накидывании арканов, Аммиан Марцеллин продолжает: «хлебопашеством гунны не занимаются и никто из них не дотрагивается до плуга. Все они, без крова, без отчизны, без всякой привычки к оседлому быту, блуждают в пространстве, как будто все бегут дальше, перевоза за собой свои повозки, где их жены работают им одежду, родят и воспитывают их детей... Непостоянные и вероломные в договорах, гунны тотчас же переменяют свой образ действий, как скоро почуют, где прибыль: они не больше зверей понимают, что честно и что бесчестно. Самый разговор они ведут двусмысленно и загадочно. Никакая религия не связывает их ничем. Они ни во что не верят и поклоняются только одному золоту. Нравы их так непостоянны и сварливы, что в один и тот же день они без всякого повода и ссорятся, и мирятся».

Аттила и его стан.

Римляне платили им ежегодную дань, чтобы они не нападали на пределы империи. Но это, однако, не всегда гарантировало от нападений варваров. Нападения эти участились в особенности с той поры, когда вождем гуннов стал Аттила. Он несколько раз из-за Дуная навещал со своими полчищами области восточной империи и страшно опустошал их. Между прочим грозил он этим областям войной и в 448 году. Чтобы предотвратить беду византийский двор снарядил к Аттиле посольство с богатыми дарами и с просьбой о мире. В составе этого посольства был Приск, который и составил чрезвычайно любопытное описание своего путешествия в стан Аттилы и сообщил некоторые данные о гуннах.

Аттила встретил посольство недалеко от Дуная, на левом берегу его. Послы последовали за ним далее на север в его резиденцию. На пути им пришлось переправляться через несколько значительных рек. Их перевозили береговые жители на лодках однопалубных и на плотах. В селениях отпускали им в пищу вместо пшеницы — просо, вместо вина так называемый у туземцев медос. Служители послов получали то же просо и питье, добываемое из ячменя, которое варвары называют камос. «Переехав через некоторые реки, — продолжает Приск, — мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Этот дворец, как уверяли нас, был великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, более служащей к украшению, нежели к защите... Внутри ограды было много домов; одни выстроены из досок, красиво соединенных, с резной работой, другие из тесанных и выровненных бревен, вставленных в брусья, образующие круг». «Аттила, — по словам Приска, — был мал ростом, грудь у него была широкая, голова большая, маленькие глазки, борода редкая, волосы с проседью; был он черен и курнос, как и вся его порода».

Распадение державы Аттилы; болгары и авары в южных степях восточной Европы.

Аттила после посещения Приска прожил только пять лет. Иорнанд рассказывает, что по смерти Аттилы на его могиле по обычаю гуннов, был великий пир, называемый по местному *страда*. Гунны воспевали славу и подвиги умершего и много пили. Они предавались попеременно противоположным чувствам, и в печальный обряд вмешивали разгул общего пиршества. Со смертью Аттилы гуннская орда распалась, ибо между его сыновьями начались распри и усобицы. Подвластные гуннам народы восстали против них и выбили гуннскую орду из Паннонии. Часть гуннов поселилась на правом берегу Дуная в так называемый Малой Скифии (Добрудже) и в римских провинциях, под римским владычеством. Часть ушла за Дунай, обратно в ерноморские степи. Иорнанд говорит, что они заняли те части Скифии, через которые проходит течение реки Днепра, называемой гуннами на их языке Вар.

Вслед за гуннской ордой в наших степях выступает в конце V века орда *болгарская*. Современники (например, писатель VI века Прокопий) считали болгар теми же самыми гуннами. Может быть это и не были гуны из орды Аттилы, но весьма вероятно, что это было родственное гуннам племя, и что гунны Аттилы слились с этой новой ордой. Остатки языка дунайских болгар (особенно личные имена и титулы), а также известия об их быте говорят за то, что это была тюркская орда или, по крайней мере, стоявшая под очень сильными влияниями тюркской культуры. В VI веке болгары делились уже на две ветви — кутургуров, живших на запад от Дона, и утургуров, живших за Доном около Мэотиды. С самого конца V века болгары почти непрерывно нападали на византийские земли, причем в этих нападениях участвовали и славяне. В половине VI века Византия платила болгарам-кутургурам ежегодную значительную дань, но все же они постоянно опустошали придунайские земли.

В половине VI века продвинулись через наши степи в соседство с восточной империей *авары* (обры нашей летописи). Аварская орда была бесспорно тюркского происхождения. Это были близкие родичи и земляки гуннов. Они и называются в источниках аваро-гуннами: вар-гунны, вар-хониты. Такое племя омонголившись тюрков — уар-гунны — до сих пор известно в западной Монголии. В 60-х годах VI века авары завязали сношения с Византией и стали требовать и себе таких же подарков, какие получали от Византии болгары. Этот «союз» был принят византийцами, и авары наняты были для борьбы с врагами Византии. От современного историка Менаандра мы узнаем, что авары воевали после того с какими-то савирами и утургурами и затем с славянами-антами. По приглашению императора Юстина они воевали с франками, затем принимали участие в борьбе лангобардов с гепидами на среднем Дунае (567 год). Истребив гепидов, авары по договору с лангобардами поселились на их месте, вместе со своими союзниками болгарам-кутургурами. Так как вскоре же, в 568 году, лангобарды двинулись в Италию, авары остались господами всей среднедунайской низменности. Вторжение аваров не прошло бесследно для болгарских орд нашего юга. Авары раздробили восточную их ветвь. Часть их отступила на север — осела на средней Волге и нижней Каме и, спаявшись здесь с финнами, основала Болгарское царство, выступающее потом в известиях IX и X веков. Часть отодвинулась на юг и расположилась на восточном побережье Мэотиды (позднейшие черные болгары), где была покорена хазарами (в конце VI века). Западные орды частью ушли с аварами в Паннонию, а частью расположились в так называемом «Углу» («Ὀγγλος»), между Днестром и Дунаем, «в безопасном и неприступном со всех сторон месте», защищенном болотами и реками. Некоторое время эти болгары находились в

зависимости от аваров, но в 630 году они освободились от нее и вступили в союзные отношения с Византией. Но эти мирные отношения продолжались недолго. Болгары стали нападать на византийские земли, а затем около 670 года, под предводительством Аспаруха, перешли Дунай и поселились в Мизии. Подчинив здесь семь племен славянских, они основали Дунайское Болгарское царство, в котором болгарская орда через несколько поколений совершенно растворилась в массе славянских поселенцев.

Начало расселения славян.

Описанные передвижения тюркских племен, происходившие в южных степях России, имели важные последствия и для славянского племени. Прежде всего, они выбили часть славянства, вероятно, ту самую, которая наиболее выдвинулась на юг в соседство с сарматами, из его местожительства и увлекли на запад. Рассказ Приска дает полное основание думать, что Паннония в V веке была наводнена не только гуннами, но и славянами (а также и готами). Перевозчики, угощавшие византийских послов медом и просом, были, несомненно, славяне. По-видимому, славяне же и построили деревянные хоромы для царя кочевников Аттилы. Но самое главное — передвижения тюркских орд смели то оседлое и полуоседлое население, которое к тому времени так или иначе успело распространиться по степям нашего юга. Оседлое население в наших степях перед этим составляли германские племена готов, а также, по-видимому, и некоторые иранские племена. Готы, как уже сказано, ушли на запад, частью были истреблены, частью ушли на юг. Сарматские племена также отчасти были истреблены, отчасти спаслись на запад и на Балканский полуостров; кроме того, остатки алан удержались на Дону и в Предкавказье (ясы нашей летописи, позднее — осетины). С исчезновением оседлого населения и главных масс кочевников из южнорусских степей двинулись в них славяне, потревоженные, всколыхнутые в своем старом местопребывании проходившими мимо них народными потоками. Славянская колонизация направилась двумя путями: на юг — к Черному морю и Дунаю, и на восток, обходя ближайшие побережья Азовского моря и низовья Дона, где владычествовали кочевники. Об успехах этой колонизации в половине VI века дают сведения современные историки: готский Иорнанд († после 552 года) и византийский Прокопий († 562 году). Иорнанд (*De Getharum origine et rebus gestis*, cap. V) сообщает «к Дунаю прилегает Дакия, как венцом огражденная высокими горами, по левой стороне которых и от верховья реки Вислы на неизмеримом пространстве обитает великий народ винидов. Хотя имя их и меняется теперь в зависимости от племен и мест, но главные названия их — склавины и анты. Склавины живут от города Новиодунского и так называемого озера Мурсийского до Днестра и на север до Вислы; анты же, храбрейшие между ними, — над излучиной Черного моря, от Днестра до Днепра». Это известие вполне подтверждает и Прокопий. По его словам, склавины и анты говорят одним языком и занимают великое пространство земли; большая часть земель по ту сторону Истра принадлежит им; область на север от Понта Эвксинского занимают бесчисленные народы анты. В известиях Прокопия славяне являются уже обитателями и Донского бассейна. Описывая народы, жившие по обе стороны Мэотиды, Прокопий говорит, что далее на север живут, бесчисленные народы антов (*De bello Gothico*, liber III, cap. XVI; liber IV, cap. IV).

Итак, начальная славянская колонизация степных пространств нашего юга имела место в V и первой половине VI века. Против этого положения стоят мнения ученых, отождествляющих славян с теми народностями, которые сменялись в наших степях до того времени, как выступили на них славяне под своим собственным именем. Мы уже имели случай касаться мнений, отождествляющих славян со скифами и сарматами.

Остановимся теперь на мнении, отождествляющем гуннов и славян, и посмотрим, насколько оно убедительно.

Вопрос о народности гуннов; мнение Д. И. Иловайского.

Славян в гуннах склонен был видеть покойный Забелин, но подробно и обстоятельно это мнение развито было Д. И. Иловайским в его «Разысканиях о начале Руси».

Гуннов Иловайский считает давними обитателями степей нашего юга, указывая между прочим на «хунов» в географии Птолемея. Так как, по известиям современников, гунны прибыли из-за Мэотийских болот, то Иловайский приурочивает их коренное местожительство к области Кубани и нижней Волги. Отсюда они и двинулись на сарматов, своих западных единоплеменников (сарматов Иловайский считает также славянами). Чтобы помирить сообщения Аммиана Марцеллина о кочевом образе жизни гуннов с известиями Тацита и позднейших писателей об оседлом земледельческом быте славян, Иловайский считает винидов, т. е. склавинов и антов, западной ветвью славянства, а гуннов — восточной, которая не успела еще перейти в такой степени к оседлому быту, как западная. Гуннов Иловайский не считает чистыми кочевниками-скотоводами и думает, что они занимались и земледелием, подобно позднейшим татарам. Переходя к наружности гуннов, как она описана у Аммиана Марцеллина, Иловайский не находит в ней характерных черт монгольской расы: Аммиан Марцеллин не говорит ни об узких глазах, ни о широких скулах, ни об остром подбородке. Отсутствие волос на лице, по мнению Иловайского, могло происходить или от того, что гунны брились, или от того, что порезами щек уничтожали луковицы волос, как сообщает и Аммиан Марцеллин. Другой современный писатель (V век), Аполлинарий Сидоний, объяснял уродливый нос гуннов тем, что гунны нарочно сдавливали его у младенцев, чтобы он не слишком выдавался между щеками и не мешал надевать шлем. Иловайский не только принимает это известие, но и полагает, что и сдавленный череп гуннов, вероятно, происходил от уродования. Кроме того, он указывает на преувеличение безобразия гуннов у Аммиана Марцеллина, который не видал их лично, а писал по рассказам напуганных ими людей.

Славянство гуннов, по мнению Иловайского, доказывается и данными их языка, именами их царей (Баян, Борис, Валамир и т. д.) и названиями напитков (мед, камос), похоронного пиршества (страва), которые переданы Иорнандом со слов Приска, ездившего в стан к Атилe.

Большое значение в разрешении вопроса о народности гуннов Иловайский (как и Забелин) придает сближениям славян и гуннов, которые попадаются в источниках. Прокопий говорит, что склавины и анты соблюдают гуннские обычаи; Кедрен прямо говорит: гунны или склавины. Из западных или латинских летописцев Беда Достопочтенный называет гуннами западных славян; Саксон Грамматик говорит о войне датчан с гуннским царем, причем под гуннами разумеет западных славян, и т. д.

Последний аргумент, выдвигаемый Иловайским в пользу тождества гуннов с славянами, строится на исторической судьбе гуннов. «Если, — говорит он, — не признать в гуннах славян, то как же объяснить исчезновение гуннов, куда они в конце концов девались? Не могло же такое многочисленное племя затеряться в толпе народов, да и при том: какие это могли быть народы? Если гунны были ордой монгольского племени, то единственно подходящим народом, в котором могли вестись гунны, являются венгры. Но венгры явились в припонтийские и придунайские степи только в конце IX века, следовательно приблизительно 400 лет спустя. Где же все это время были гунны, и что они делали, если их не разуместь под

именами болгар, уличей, северян и волынян? Да и по численности мадьяры были ничтожны сравнительно с гуннами»*.

* Дополнительная полемика по вопросам болгаро-гуннскому и варяго-русскому, стр. 130, 131.

Разбор мнения Д. И. Иловайского.

Доводы Д. И. Иловайского имели огромное значение в разработке вопроса. Они заставили его противников внимательно пересмотреть данные источников, поискать новых доказательств и таким образом способствовали разъяснению дела. Но это их значение было именно косвенное, а не прямое. В своем положительном содержании доводы эти не могут быть приняты в настоящее время.

Во-первых, нельзя игнорировать тех свидетельств, которые идут из китайских источников и которые именем Hiung-nu, Хунь-ну, обозначают тюркские народы на их прародине, затем указывают и на дальнейшее передвижение их на запад. Во-вторых, нельзя так относиться к сообщениям о наружности гуннов, как это видим у Д. И. Иловайского. О наружности гуннов сообщает не один только Аммиан Марцеллин, кстати сказать, служивший в римской армии и имевший возможность и лично видеть гуннов. Припомним, что пишет Иорнанд со слов Приска о наружности Аттилы, которого он считает типическим представителем своего племени: узкие глаза, редкая борода, курносый, смуглый. «У них лицо, — пишет про гуннов Иорнанд, — ужасающей черноты и похоже более, если так можно выразиться, на безобразный кусок мяса с двумя дырами вместо глаз. Они малы ростом, но ловки в движениях и проворны на коне, широкоплечи, вооружены луком и стрелами; с толстым затылком, всегда гордо поднятым вверх». Аполлинарий Сидоний в стихотворном панегирике, писанном императору Антемию в 60-х годах V века, говорит о гуннах: «голова сдавленная. Подолбом в двух впадинах, как бы лишенных глаз, виднеются взоры... Через малое отверстие они видят обширные пространства и недостаток красоты возмещают тем, что различают малейшие предметы на дне колодца». Возражавший Д. И. Иловайскому на диспуте по гуннскому вопросу, происходившем 30 декабря 1881 года на заседании Этнографического Отдела Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Географии Д. Н. Анучин, сопоставив все черты гуннского типа, рассеянные в сообщениях писателей: невысокий рост; коренастое, плечистое сложение; коротконогость; толстую, короткую шею; широкий, плоский, приподнятый кверху затылок; большую голову; плоское, широкое лицо, как у грубо изваянных статуй; узкие глаза; приплюснутый нос; безбородость или редкую бороду, смуглый цвет кожи — пришел к такому выводу: «черты эти, взятые в совокупности, едва ли могут оставлять сомнение, что характеризуемый ими народ представлял по своему типу значительно большее сходство с типом современных монгольских и урало-алтайских племен, чем так называемых кавказских и, в частности, арийских». Д. Н. Анучин указал на невозможность с естественнонаучной точки зрения объяснять безбородость гуннов надрезами щек в младенчестве, так как зачатки волос являются позднее, в период полового созревания, и щеки, изрезанные в младенчестве, все равно обрастают потом волосами.

На этом же самом диспуте попытка Д. И. Иловайского вывести сохранившиеся имена гуннских царей из славянского языка встретила решительные возражения со стороны филологов-специалистов В. Ф. Миллера и Ф. Е. Корша, которые в уцелевших именах гуннских царей усмотрели тюрко-татарские элементы. Некоторые из этих имен оканчиваются на *gan*; *Zabergan* *Au-gan* *Ai-gan*. Миллер указал на аналогию в тюркском *кан* или *хан* (например, у половцев *Шарукан*, *Тугоркан* и др.). *Ойбарс*, по Миллеру и Коршу, тюркское слово, аналогичное *половецкому Багубарс*, и значило, вероятно, *тигр*;

Берих — тюркское берик — крепкий; Басых — *тюркское* басык — скромный; Баян, которое Иловайский считает несомненно славянским, есть чисто тюркское обозначение богатый; Борис равно Богорис, имя, встречающееся у несомненных тюрков-авар; Валамир или Баламир — тюркское дитя — мальчик и т. д. Остаются имена медос, камос, которые слышал Приск во время путешествия к Аттиле. Но сам же Приск сообщает, что гунны в Паннонии были сборищем разных народов, что среди них были в употреблении разные языки, между прочим гуннский, готский, латинский. Могли быть среди них и славяне, увлеченные общим народным потоком в Паннонии или же покоренные здесь гуннами. Приск не говорит, что название медос было гуннское: он говорит только, что напиток назывался по местному медом (ὁ μέδος ἐπιχούριος χαλδωνεῖνος). Название камос едва ли можно приравнивать славянскому квас. Римские писатели, как показал покойный академик Васильевский, констатируют существование этого напитка у иллирийцев еще в III веке по Р. Х. Что касается имени отравы, сообщаемого Иорнандом, то, если это только действительно славянское слово, оно могло быть услышано от какого-либо славянина, находившегося среди гуннов.

Что касается сближений гуннов и славян у древних писателей, то и эти сближения не доказывают их тождества. Прокопий, например, говорит, что славяне и анты по простоте нравов во многом походят на гуннов, живут гуннским обычаем. Но из этого прямо следует, что он в сущности различает гуннов и славян. Прокопий был современник гуннов, а все другие писатели, на которых ссылается Иловайский, жили 300, 400 и 500 лет спустя, следовательно, их заявления нельзя принимать за свидетельства тождества гуннов и славян. Эти заявления указывают только на то, что память о гуннах долгое время сохранялась в европейском обществе, что имя их стало литературным синонимом для обозначения восточных варваров, подобие тому, как некогда таким именем было название «скиф», что в разряд этих варваров западные народы склонны были относить и славян, с которыми они вели войны.

Остается еще один вопрос: куда девалось многочисленное племя гуннов? — На этот вопрос приходится прежде всего заметить, что не нужно чересчур преувеличивать численность гуннов. Гунны при своем движении на запад, несомненно, увлекли множество других племен сарматских, славянских и германских, и обратно на восток двигались уже не такие полчища, какие двигались на запад. Это во-первых. Во-вторых, по современным свидетельствам, в степях нашего юга после гуннов являются болгары — кутургуры и утургуры. Некоторые писатели, как например Прокопий, прямо считают их гуннами. Но если даже это и были отдельные от Атилиной орды, весьма вероятно, что гунны Атилы при своем отступлении на восток слились с этими ордами.

Итак, соображения Д. И. Иловайского, на наш взгляд, не отодвигают занятие славянами нашего степного юга на более раннее, чем V и первая половина VI века, время.

Хазары и подчинение им славян.

В VII веке наступили особо благоприятные условия для упрочения и усиления славянской колонизации нашего юга. Западная болгарская орда перешла в 670 году на юг, за Дунай. На востоке господами положения сделались *хазары*, между прочим, покорившие и подчинившие себе восточную орду Черных болгар, кочевавшую в Предкавказье, где-то около Кубани, хазары были давнишними обитателями нашего степного юго-востока. Под именем акациров они выступают в известиях V века (Приска) где-то в области среднего Дона или Волги, по соседству с болгарами. При Аттиле они держались союза с Византией и воевали с Атилой, но позже добровольно подчинились гуннам. Какого происхождения были хазары, сказать трудно; арабский

писатель X века — Истарки — свидетельствует, что язык хазарский сходен с тюркским. И действительно, названия высших чинов у хазар — тюркские. В VII веке хазары представляли из себя уже могущественную силу на нашем юго-востоке, которая вступила в ожесточенную борьбу с арабами. Арабы, овладев Персидским государством Сасанидов, стремились овладеть и Кавказом. В результате этой борьбы Закавказье осталось в руках арабов. Хазарское владычество на юге не простиралось далее Дербента, где еще Сасаниды построили стены для защиты от хазар. Но зато на север от Кавказских гор владычество хазар распространилось очень широко. В конце VII и начале VIII века хазары господствовали около Керченского пролива и во всем Крыму; даже в Корсуни сидел тогда их наместник — тудун. И позже, в VIII и IX веках хазары, хазарские войска, по источникам, выступают в Крыму; Корсунь вернула себе Византия, но в восточной части Крыма хазары остались. Средоточием хазарского государства были прикаспийские области. Здесь, при устье Волги, находилась их столица Итиль; далее к югу, недалеко от устья Терека, находился славившийся своими виноградниками *Семендерь*; тут же обитало и собственно хазарское население, по свидетельству Ибн Хаукаля, в плетеных из хвороста хижинах, обмазанных глиной.

Установление хазарского господства на нашем степном юго-востоке отразилось благоприятным образом на распространении славянской оседлости в наших степях. Хазары преградили доступ в них кочевым ордам, напиравшим с востока, а со славянами, двигавшимися в степь, установили мирные, дружественные отношения. Под защитой и покровительством хазар славяне распространили свою колонизацию в области, занятые хазарами, стали обитателями Хазарии, подвластными кагану хазарскому. Арабский писатель Аль-Баладури, писавший в 60-х годах IX столетия, рассказывает про сирийского вождя Марвана, что он, вступив в Хазарию, вывел оттуда 20 тысяч оседлых славян. Хотя этот факт имел местов VIII столетия, но все ученые, изучавшие произведения Аль-Баладури, не сомневаются в достоверности его сообщения. Другой арабский писатель Табари, рассказывая о том же самом факте, говорит, что Марван в погоне за хаканом хазарским, вступив в его земли, расположился на славянской реке и здесь напал на неверных, перебил их всех и разрушил 20 тысяч домов. Масуди, живший в первой половине X века, славянской рекой в Хазарии называет Дон. «Между большими и известными реками, — говорит он, — изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях». Славяне, по словам Масуди, жили даже в столице Хазарии и служили в войске и при дворе кагана: «руссы же и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу». Итак, в область славянских поселений в VIII-IX веках входил, несомненно, и бассейн реки Дона. Этим, по всей вероятности, объясняются и многочисленные славянские названия рек его системы: Уды, Сальница, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань — притоки Донца; Красивая Меча, Быстрая Сосна с Трудами, Воронеж, Тихая Сосна, Черленый Яр, Осереда, Медведица, Иловля — притоки Дона. Эти названия попадают и в летописях, и в других памятниках до XV века, т. е. гораздо ранее позднейшей колонизации Дона, следовательно, надо думать, давнего происхождения*. Известия арабских писателей подтверждаются и баварским географом IX века, который констатирует существование в Хазарии 100 городов. Развивавшаяся в Хазарии торговля с арабами и постоянная борьба хазар с восточными соседями мирно настраивали хазар по отношению к славянам нашего юга. Славяне высылали на хазарский рынок свое сырье для сбыта на Восток, причем каган брал десятину от всех товаров. Славяне же, как сказано, составляли и войско его. Хазары установили свою

власть не только над славянами, расселившимися в непосредственном с ними соседстве, но и над всеми вообще славянскими племенами, расселившимися по южным областям. До начального русского летописца дошло предание, что дань хазарам платили поляне, радимичи, вятичи и северяне. Хазарский каган был первым государем у славян Приднепровья. Вот почему именем «каган» впоследствии пользовались для обозначения уже русского государя: первый митрополит из русских Иларион составил «похвалу» кагану Владимиру. По всем данным, славяне без борьбы подчинились хазарам, именно потому, что хазары были для них оплотом, защитой от нападений с востока. Входя в состав Хазарской державы, славяне и расселились так широко по степным пространствам нашего юга.

* И. И. Срезневский. Русское население степей и южного Поморья в XI-XIV вв. // Известия Импер. Акад. Наук по отделению русского языка и словесности. Т. VIII. С. 316-318.

Приводимые данные о заселении славянами степного юга не согласуются с той картиной славянской колонизации, которую рисует нам наша начальная летопись. Ввиду этого необходимо остановиться на этой картине и рассмотреть, в какой мере она верна и соответствует тому начальному моменту нашей истории, к которому она приурочивается.

Район славянской оседлости в восточной Европе, по летописи.

Рассказывая о расселении славян с Дуная в разные стороны, автор «Повести временных лет» говорит между прочим: «также и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася *поляне*, а друзии *древляне*, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припятью и Двиною и нарекошася *дреговичи*; инии седоша на Двине и нарекошася *полочане*, речки ради, яже втечет в Двину, именем Полота... *словене* же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле, и нарекошася *север*». Затем, перечисляя славянские племена, населявшие нашу страну, автор «Повести» называет *кривичей*, «иже сядят на верх Волги и на верх Двины, и на верх Днепра», *бужан*, которые прозвались этим именем, «зане седоша по Бугу, после же вельняне», *радимичей*, которые сели на Сожу, *вятичей*, севших по Оке, *хорватов*, *дулебов* которые сидели по Бугу, «где ныне вельняне». «А *улучи и тиверци*, — говорит он, — сядяху по Днестру, присядяху к Дунаеви, бе множество их, сядяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их до сего дне, да то ся зваху от греков Великая Скуфь»*.

* Лаврент. лет., стр. 5, 10, 12. По другому варианту: «А Улучи, Тиверцы сядяху по Бугу и по Днепру и присядяху к Дунаеви: и бе множество их, сядяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря»-. (Ипат., стр. 7).

По этим общим контурам, набрасываемым первоначальной летописью, получается такая картина расселения славян по нашей стране: славяне расселились по бассейнам Днепра, Западного и Южного Буга. Днепра и его правых притоков и левых: Сожа, Десны и Суды, — верхней Волги и Оки, верхней и средней Западной Двины и озера Ильменя. Славянская колонизация не захватывает бассейна нижнего Днепра, бассейна Дона, нижней Оки, где, по словам «Повести временных лет», сидит *мурома*, «язык свой», бассейна средней Волги приблизительно от впадения Тверцы, ибо дальше, по словам «Повести», расположены «инии языцы» — *весь, меря*. Весь север не охвачен еще славянской колонизацией: «в странах полунощных» живут *чудь, ямь, пермь, печера*.

Итак, наша начальная летопись не знает славян в степях на восток от Днепра и южнее Сулы, расходясь в данном случае с показаниями арабских писателей. Такое разногласие вполне понятно. Составитель нашей начальной летописи жил лет на

полутораста позднее, когда размещение славянского населения в нашей стране уже значительно изменилось, по сравнению с IX веком. Составитель «Повести временных лет» знает уже половцев; он современник зависимости хазар от русских князей, а эта зависимость падает на время между 1036 годом, когда Ярослав наголову разбил печенегов и очистил от них Хазарию, и 1061 годом, когда половцы завладели страной хазар. К тому времени, как увидим ниже, радикально изменились условия жизни в наших южных степях, и славянское население должно было покинуть их и отступить частью на север, частью на запад. Естественно поэтому, что бассейн Дона должен был выпасть у нашего летописца из области расселения славян.

За этим исключением картину расселения славян» начертанную нашим летописцем для конца IX века, можно считать в общем правильной. Она подтверждается и частными указаниями самой летописи, и современными иноземными свидетельствами. По летописи мы встречаемся с разными славянскими городами в той области, которая очерчена летописцем как область славянской оседлости. Таковы: Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Любечь, Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Муром, Эти города являются древнейшими, происхождение которых теряется во мраке времен. Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей», в известном рассказе о торговле руссов с Константинополем (гл. 9) перечисляет те же города: Киев (Κιοῦβα), Новгород (Νεμογαρδάς), Смоленск (Μηλινίσχα), Любечь (Τελιούτσα), Чернигов (Τζερνιγῶγα), Вышгород (Βονσεγυράδῃ) и отчасти те же племена: древлян (Βερβιάνοι), дреговичей (Δρογουνίτοι), кривичей (Κριβιτςῶι), северян (Ζερβίοι) и славян. Все эти данные относятся к первым десятилетиям X века. Но еще ранее того, от последних десятилетий IX века, имеем известия от анонимного географа, по местонахождению его рукописи называемого Баварским, известия, которые также во многом подтверждают нашего автора «Повести временных лет». Он говорит о бужанах (Busani), волынянах (Velunzani), северянах (Zuirenni), уличах (Unlici), неопределенно указывая на место их жительства к северу от Дуная и на количество их городов. Эти данные утверждают нас в мысли, что составитель «Повести временных лет» более или менее правильно обозначил племенной состав восточного славянства, а известия Константина Багрянородного в известной степени подтверждают и самую картину расселения, даваемую «Повестью временных лет».

Из этой картины обнаруживается, что к началу X века славянское население уже далеко раскидалось по нашей стране не только в южном, но и в северном направлении. Область первоначальной славянской оседлости сильно увеличилась, славяне заняли огромную территорию.

* * *

О гуннах, болгарях, аварях, хазарах и первоначальном расселении славян, кроме указанных трудов Грушевского и Багалея см.:

Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1882. *Он же.* Дополнительная полемика по вопросу болгаро-гуннскому // Известия Импер. Общ. Любителей Естественного, Антропологического и Этнографического. Т. XLVIII. Вып. 1. М., 1889.

П. Голубовский. Болгары и хазары // Киевская Старина. 1888. № 7.

Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯН В ЭПОХУ РАССЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ИХ

КУЛЬТУРНОЕ развитие восточной Европы, прерванное разрушительным вторжением диких азиатских орд в конце IV, в V и VI веках, возобновилось и пошло вперед с расселением в ее южных и северных областях славянских племен.

Материальный быт славян в эпоху их совместной жизни.

Когда славяне стали расселяться в восточной Европе, они уже далеко не были первобытными дикарями, но прошли довольно значительную стадию культурного развития. Это был оседлый земледельческий народ, который знал и умел разводить полезные растения, водил домашних животных, промышлял охотой и рыбной ловлей, знал некоторые мастерства и ремесла. По данным лингвистики можно судить, что эту стадию культурного развития славяне проходили частью еще в то время, когда они не отделились от других индоевропейских народов, а частью уже в обособлении от них, но до своего разделения на восточных, западных и южных и в известном общении с соседними народами. Так, названия, относящиеся до жилища и его частей и отчасти сходные с именами других индоевропейских народов, звучат более или менее одинаково во всех славянских языках: дом (греч. δῶμος, лат. domus), изба (истба, stube), стена, кров, стреха, окно, дверь; сходны названия хозяйственных строений: двор, клеть, хлев, житница, гумно, плот (ограда); главных видов селений: село или весь, город. В родстве с именами других индоевропейских народов и между собой стоят в разных славянских языках названия, относящиеся до возделывания земли, например, орати (греч. ἄροω, лат. arō) — сеять, семя (лат. semen, верхненемецкое samo); названия хлебных и волокнистых растений: рожь (литовское rugys, сев.-нем. rugr), овес (лат. avena, литовское aviza), жито, ячмень, просо, мак (греч. μῆλον, сев.-нем. mago, прусск. moke), лен (греч. λίνον, лат. linum, готское lein, литовское linai, ирландское lin), конопля; овощей: боб (лат. faba, прусское babo), репа (греч. ραβός, лат. garum, нем. rube), лук, чеснок, горох, чечевица; плодовых деревьев: черешня (греч. χεράσιον, верхненемецкое chirse), вишня (греч. βύσσινά), яблоня (ирландское aball, англ. apple, литовское obulas), груша (литовское kriasia), слива (литовское slywas), орех. В таком же родстве находятся и имена земледельческих орудий: рало (греч. ἄροτρον, лат. aratrum, ирландское aratar), плуг (сев.-нем. pflug, литовское pliugas), серп (греч. ἄρρη), борона, коса, грабли, вилы, лопаты, мотыга, воз, колесо. Общеславянскими и в родстве с именами других индоевропейских народов являются названия разных домашних животных: бык (греч. βοῦς, лат. bos), вол, корова, теля, конь, кобыла, жеребя, вепрь (лат. aрег, верхненемецкое ebur), свинья, пороса (лат. porcus, верхненемецкое farah), баран, овца (греч. οἶς, лат. ovis), коза, ягня (лат. agnus), гусь (нем. gans), утка (лат. anas, нем. ente), курия, голубь; названия животных продуктов: мясо (готское mīmz, литовское mesa), молоко (старонемецкое milug), сыр (литовское suris), масло, шкура, руно, волна (греч. λάνος, готское wulla, литовское vilna), яйца. По инвентарю общеславянских слов можно заключать о занятиях славян в эпоху их совместной жизни пчеловодством: слова — пчела, матица, трутень, улей, борть, мед (санскр. madhus, греч. μέλι, верхненемецкое meto), воск (литовское waskas, верхненемецкое wahs) встречаются в разных славянских языках. Точно так же называются одинаково и промысловые

животные, составляющие предмет охоты и водяной ловли, а равно и самые орудия охоты и ловли: бобры, куницы, волки, медведи, зайцы, олени, лоси и т. д.; лосось, линь, щука, осетр, угорь, окунь и т. д.; лук, стрела, тенета, сеть, пряжа, невод, уда. Предметы, получавшиеся от всех этих занятий, славяне уже умели перерабатывать, приспособлять известным образом к потреблению. Хлебные зерна они умели молотить, превращать в муку; из муки делали тесто и пекли хлеб (лат. *libum*, готское *klaifs*, литовское *klepas*); из муки же и хмеля варили дрожжи (сев.-нем. *dreggo*, прусское *dragis*), брагу и пиво; из волокон льна и конопли пряли нити, из которых ткали полотна и плели сети, мрежи и невода; кожу животных превращали в усму и приготавливали черевики; из кожи с шерстью шили кожухи, шубы; из шерсти готовили сукна; из рыбы варили уху (лат. *ius*, литовское *jusa*); из меда напитков того же имени.

Славянам еще до разделения известны были некоторые металлы и способы их обработки. Слова: золото, серебро (готское *silubr*, прусское *siraplis*), медь, железо (прусское *gelso*, литовское *gelezi*) — общеславянские, равно как: кузнец, ковач, золотарь. Употребление металлических орудий — ножа, топора, пилы, молота, наковальни, долота и клещей — было в полном ходу. При помощи этих орудий славяне рубили избы, изготавливали мебель и домашнюю посуду — столы, стулья, лавки, бочки, кади, дежи, ведра, жбаны, корыта, чаши, ложки, челны, ладьи. Известно было им приготовление посуды из глины и металлов: горнец, гончар, котел — слова общеславянские. Общеславянскими являются и наименования оружия: копье, щит, сулица, секира, лук с тетивой, стрела, броня, шлем (*helm*); металлических украшений: перстень, обручи, гривны; музыкальных инструментов; бубен, гусли. Инвентарь общеславянских слов можно еще пополнить названиями, свидетельствующими о начавшемся торговом обмене: торг, мера, локоть.

Иранское и готское влияние на быт славян до их расселения.

Вся эта культура славян, создававшаяся ко времени их расселения, была отчасти наследием древнейшей совместной жизни праславян с другими родственными народами, отчасти развилась после обособления их от этих племен. Но и при этом она развивалась не без воздействия со стороны. Исследователи в данном случае указывают на два главных влияния — иранское (через скифов и сарматов) и готское. Иранцы нашего юга, воспринимая элементы культуры от греков и с востока, из Месопотамии, передавали их своим северным соседям — славянам и финнам. Шафарик признавал иранское происхождение слов: курган, бугор, шатер, чертог; сюда же относят слова собака (шпака), топор, куря. Хоре, бог солнца, по-видимому, иранского происхождения (древнеперсидское Керешь). Восточным влиянием, по-видимому, объясняется и поклонение загадочным божествам Симу, Реглу и Мокоши, о котором говорит «Слово христороубца»: Сим сближают с 'Асцѣѣ 4-й книги царств, Регл — с ассирийским Еруэл; Мокошь — с Астартой одного памятника Босфорского царства. Скифо-сарматское влияние заметно в предметах убранства, находимых в славянских могилах (шейные гривны, бубенчики и браслеты), в гончарных изделиях и их орнаментовке. Значительное место отводят исследователи готскому влиянию на жизнь славянства. Прежде всего, славяне перенимали у готов некоторые вооружения, именно меч (готское *meki*) и шлем (готское *helms*) и военную тактику. Славяне стали сражаться уже не беспорядочно, а полком, целым народом (*volk*), под хоругвями (готское *hrunga*). Через готов появились у славян пенязи (*phenning*); готское *skat* (*schatz*), «скот» — заимствовано было для обозначения имущества; готы познакомили славян и со стеклом (*stikis*), котлами (*katils*) и пилами (*file*); от готов заимствованы такие речения, как овощи (*obst*), осел (*asilus*), верблюд (готское *ulbandus*), яблоко (*apfel*). Наконец, от готов

заимствовали славяне и слово князь (konung, konig, king) для обозначения своих вождей. В какой мере справедливы все эти догадки, с уверенностью трудно сказать. Сходство готских и славянских речений могло произойти и другим путем, именно, путем влияния славянской культуры и языка на готские. Но доля истины в этих догадках несомненна.

Картина древнейшего материального быта славян, которая воссоздается по данным сравнительного языковедения, не совсем согласуется с отзывами греческих и римских писателей VI и VII веков — Прокопия, Иорнанда, императоров Маврикия, Льва Мудрого и др., которые рисуют славян варварами, стоящими на низкой ступени развития. Маврикий и Лев Мудрый, например, говорят, что славяне не любят земледельческого труда и предпочитают жить в бедности и спокойствии, чем в богатстве и труде. Но надо принять во внимание, что эти отзывы даны свысока, людьми, оценивавшими жизнь современных им славян с точки зрения тогдашней греко-римской культуры. Кроме того, надо помнить, что названные писатели изображали быт славян в критическую эпоху их расселения, когда происходило некоторое понижение культурного уровня славянства вследствие сопровождавшего расселения хозяйственного расстройств и общественной дезорганизации. Но во всяком случае им не пришлось по расселении в нашей стране *ab avo* проходить весь тот путь развития, который они уже совершили в эпоху совместного жительства с остальными.

Материальный быт славян по расселении в восточной Европе.

Как только они сели на новых местах, как только жизнь их вошла в постоянную колею, так неминуемо должна была последовать известная реставрация прежнего житья-бытья. Славяне принялись обрабатывать землю, водить домашний скот, бить зверей, ловить рыбу, добывать мед и воск, обрабатывать растительные и животные продукты, металлы, принялись предметами своих промыслов торговать с другими народами. В языческих могилах, относимых археологами к полянам, древлянам и северянам, находятся железные серпы и даже иногда зерна хлебных растений (ржи, ячменя и пшеницы). Еврейский путешественник X века Ибн-Якуб сообщает, что славянская земля обильна всякого рода жизненными припасами, что славяне — народ хозяйственный, они занимаются земледелием усерднее, чем какой-либо другой народ. Арабские писатели IX века свидетельствуют, что славяне в большом количестве разводили домашний скот, в особенности свиней. В северянских, полянских и волынских могилах языческой эпохи находятся остатки лошадей, овец, свиней, куриные кости и яичная скорлупа. О развитии охоты и пчеловодства косвенные указания дают свидетельства византийских (Константина Багрянородного) и арабских писателей о товарах, которые вывозились из Руси в IX и X веках в Византию, Хазарию и Камскую Болгарию. То были главным образом меха, воск, мед. Пчеловодство было не только бортевое, но и пасечное: один арабский источник IX века подробно описывает ульи у славян, говоря, что делаются они из дерева в виде сосудов, и в них живут пчелы и собирается мед. Археологические данные указывают на известное развитие у восточных славян мастерства всякого рода, ремесел. В раскопках северянских, древлянских и волынских языческих могил часто были находимы остатки шерстяной материи, обрывки полотна льняного и конопляного, остатки кожаной обуви, кожаных мешочков и ременных поясов. В древлянских могилах попадаются остатки перегоревшего железа, большие молотки и наковальни, большие, грубо выкованные гвозди, ножи, огнива; в других могилах — топоры, долота, ключи, щипцы, скобы, резе — оружие: мечи, копья, кольчуги, шеломы, щиты. В одной могиле на Погорынье была

найдена небольшая железная наковальня и молоток к ней, двое весов с многочисленными разновесками и окованный железом ящик — по-видимому, принадлежность ювелира, золотых и серебряных дел мастера (кузнеца).

Торговля восточных славян.

С расселением славян в восточной Европе не только не прекратилось, но и усилилось их торговое общение с соседними народами. На юге по берегам Черного и Азовского морей продолжали существовать греческие колонии, которые, как прежде, так и теперь вели торговлю с северными варварами. Кроме греческих колоний на средней и нижней Волге в столицах двух тюркских царств Хазарского и Болгарского возникло два новых средоточия торговли. Сюда стали приезжать из арабского халифата купцы с восточными товарами и увозили отсюда сырые продукты страны — меха, воск, мед, и живой товар — рабов. Большое участие в торговле восточной Европы приняли северные германские племена — норманны, прибывавшие сюда, как и в другие страны Европы, вооруженными отрядами под предводительством своих конунгов.

В восточной Европе, среди необъятных пространств, по которым разбросалось редкое население, норманнам нельзя было сосредоточить свою деятельность на грабежах и завоеваниях, и они скоро перешли к торговому обмену, к мирному общению с финнами и славянами. По рекам восточной Европы они проложили знаменитый торговый «путь из варяг в греки» и с товарами восточной Европы стали ездить и в Византию, и в Хазарию, и в Болгарию, увлекая вместе с собой и славянских купцов, втягивая в торговый оборот все население восточной Европы. О развитии торговли у русских славян и даже финнов с греками и арабами имеются обстоятельные показания греческих и арабских писателей IX и X веков. О том же свидетельствуют многочисленные клады с восточными монетами VIII-X веков — арабскими диргемами и их частями — ногатами (1/2 диргема) и резанами (1/6 диргема), с англосаксонскими монетами, с византийскими золотыми (солидами).

Религия славян.

Не растеряли славяне во время своего расселения и того духовного капитала, который был накоплен ими в предшествующую эпоху в области общего миросозерцания, верований и культа. Сравнительное языковедение и древнейшие исторические свидетельства указывают на то, что у славян еще до расселения выработались некоторые более или менее устойчивые религиозные представления и черты культа. Славянам присуща была идея богов, высших существ, подающих благо, «богатство», и идея бесов, злых существ, причиняющих беды и несчастья людям. Этих богов и бесов славяне ощущали в явлениях окружающей природы и приписывали их свободной воле все, что совершалось в этой природе. В этом воззрении, вызывавшем естественное стремление направить волю богов и бесов в свою пользу, и лежало начало религиозного культа, который состоял у славян в молениях, обетах и жертвах. Та стадия религиозного развития, на которой находилось славянство при самом начале своего расселения, прекрасно изображена византийским писателем VI века — Прокопием. «Славяне, — писал Прокопий, — признают одного бога — создателя молнии — владыкой всех и приносят ему жертвы. Не знают рока и совершенно не верят, что он имеет какую-либо власть над людьми; если кому грозит очевидная смерть, в болезни ли или на войне, он обещает, если • не погибнет, жертву богу и, спасшись, приносить в жертву обещанное и думает, что этой жертвой купил себе жизнь. Почитают они реки, нимф и некоторые другие божества, приносят им всяческие жертвы и по этим жертвам гадают». Эти верования держались долгое время как у

восточных, так и западных славян после расселения и даже после принятия христианства. В одном памятнике церковной литературы, дошедшем до нас в рукописном сборнике XIV века, но по содержанию и языку, несомненно, более раннего времени, некий «христороубец» с негодованием говорит о том, что, несмотря на принятие христианства, многие приносят жертвы не существующим богам: «иной называет реку богиней и требу творит, иной творит требу на студенце, ища от него дождя, веруют в Перуна, Велеса, Хорса; огню молятся, называя его Сварожичем, молятся роду и роженицам и кладут им требу-тризну: караваи, хлеб, сыры, мед, кур; приносят жертвы бесам, болотам и колодцам, считают богами солнце, месяц, землю и воду, зверей и гадов, веруют во встречу, в чох, в птичий гай и другую бесовскую кобь». О почитании источников, болот и рощ, т. е. божеств, живших в них, говорят литературные памятники с XI века. Так, митрополит Иоанн упоминает о тех, «еже жрут бесом, и болотом, и кладезем». Церковный устав Владимира среди проступков, подлежащих церковному наказанию, перечисляет: «или кто молится под овином, или в рощеньи, или у воды». По свидетельству Космы Пращского, чешское простонародье в XI веке также почитало студенцы-колодцы, огни, святые боры, деревья и камни и приносило им кровавые жертвы. Гельмольд, писавший в XII веке, говорит о почитании рощ, источников и даже камней как о всеобщем обычае прибалтийских славян. Стало быть, культ леса и воды был исконно славянским у наших предков и не был результатом слияния с ними финнов, как это утверждалось иногда в исторической литературе. Исконно славянскими являются и имена главных богов у русских славян: Перун, бог молнии и грома, *Даждь-бог* и *Велес*, олицетворявшие разные функции бога солнца как небесного светила, как источника жизни на земле, человеческой и животной, *Сварожич* — бог огня. Эти имена сохранились также и у западных славян частью в названиях божеств (Сварожич), частью в личной и географической номенклатуре. И у восточных славян так же, как у западных, ставились изображения богов, их идолы, перед которыми они и совершали свои моления и требы. Об этом рассказывают и арабские писатели (Ибн-Фадлан), и наша летопись. По рассказу летописи, при Игоре в Киеве стоял идол Перуна, перед которым и приносила клятву в соблюдении договора некрещеная русь. При Владимире в Киве стояли идолы Перуна, Хорса, Даждь-бога и *Стрибога*; в Ростове, по преданиям стоял идол скотьего бога — Велеса. Идолы стояли под открытым небом и на возвышенных местах; каких-либо хором для них — храмов — не было. Моления и требы совершались всеми, кто хотел; особого класса жрецов еще не было. Впрочем, были особые люди, считавшие себя и другими считавшиеся в особой близости с богами. То были вещие люди, знавшие и предрекавшие будущее. Из общей прародины принесли восточные славяне и свои верования в загробную жизнь. В могилах славян, относящихся к языческому периоду, вместе с костями или пеплом сожженного покойника находятся обыкновенно различные предметы хозяйственного обихода: нож, огниво, кремни для высекания огня, железные орудия, деревянная или глиняная посуда. Очевидно, погребая покойника или его прах, славяне убеждены были, что жизнь его будет так или иначе продолжаться и в могиле и что домашние вещи ему понадобятся. Представлением о загробном существовании объясняется и обычай справлять *тризну* на могиле покойника, которого услаждали пиром — яствами, питьями и песнями в его честь. Почет покойникам воздавался и в другое время, в самый расцвет весны, когда по верованию славян душа умерших выходила из могил погулять и повеселиться вместе с живыми на игрищах, названных заимствованным у жителей римской империи словом «*русалиям*» (*rosalia*, праздник роз), вследствие чего и души умерших стали называться русалками. Особым почетом пользовалась душа умершего родоначальника, *дедушки домового*, *щура*, которая пребывала в доме и

продолжала печься об его благосостоянии. Эту душу славянин звал на помощь всякий раз, как его постигала какая-нибудь беда. Таков смысл известного заклинания: чур меня, чур меня. Наряду с представлениями о продолжении существования в могилах религиозная мысль славян возвышалась до представления иного мира — рая, страны тепла, света, зеленых садов, куда удалялись души умерших. Чтобы облегчить им этот переход, и существовал обряд сожжения трупов.

Славянские языческие праздники.

Древний славянин одной жизнью с природой дышал, отзывался на все крупные перемены, в ней совершавшиеся. Начало нового солнечного года, после самого короткого дня, славяне справляли праздником, получившим под влиянием греко-римской культуры название *коляды* (*calendae*). Судя по позднейшим переживаниям, праздник носил земледельческий, хозяйственный характер: вечер среди снопов, перед нагроможденной кучей хлебов; пожелания и ворожба урожая и приплода на будущий год; приглашение на трапезу мороза и т. д. Когда начинало чувствоваться приближение весны, происходил второй языческий праздник — проводы *зимы-морены* (в христианскую эпоху этот праздник справлялся на масленице), причем происходило сожжение соломенного чучела *зимы-костромы*. Когда весна вступала уже в свои права, справлялась радуница. На «красной горке», обнажившейся из-под снега и зазеленевшей травой, водились хороводы, пелись песни, посвященные весне-красне, и происходило умыкание девиц. Расцвет весны, время цветов славянин справлял, как уже сказано, «русальями», игрищами и песнями, в которых приветствовались резвившиеся русалки и затем оплакивались русалки, попадавшие с деревьев и разбившиеся до смерти (т. е. ушедшие вновь в могилы). Летний поворот солнца — наивысший расцвет природы и вместе с тем предвестник умирания, праздновался под именем *купала*. Под вечер сходились молодые люди обоих полов, надевали на голову венки из зелени и цветов, опоясывались гирляндами и, схватившись руками, водили хоровод вокруг костра или зеленой ветки, пели песни и прыгали через костер. Этот праздник удержался и после принятия христианства, причем сопровождался иногда явлениями полового исступления: было женам осквернение, девам растление.

Нравы славян.

Древнейшие известия о славянах вообще и о русских в частности рисуют их жизнерадостным народом, любившим пляски, песни, музыку. Плясания и «бесовские песни» были на игрищах меж сел; «с плясанием и плесканьем» совершались на Руси свадьбы; «бесовское пенье и блудное глумление» (вероятно, нескромные песни или шутки) были обычной принадлежностью пира или беседы у русских славян и после принятия христианства, как свидетельствуют о том христианские моралисты-проповедники; свое жизнерадостное настроение наши предки подогревали хмельным питьем, до которого были великие охотники. Сладкий опьяняющий напиток — мед (ó медос) был в большом употреблении у славян еще в V веке; им подчевали византийского посла Ириска и его спутников, ехавших в стан к Аттиле, оседлые жители Паннонии, перевозившие послов на лодках через реки. Араб Кардизи писал о восточных славянах, что у них водится много меда и вина; у одного человека бывает по сту жбанов меда. Ибн-Фадлан, рассказывая о купцах, приезжавших из Руси, писал между прочим: «они весьма склонны к вину, пьют его днем и ночью, так что случается им иногда и умирать с кружкой в руках». Византиец Скилица, описывая болгарский поход Святослава, рассказывает, что воины Святослава не помнили об осторожности, пьянствуя по целым ночам, увлекаясь свирелями, бубнами и плясками. Можно поэтому

думать, что подлинная действительность нашла себе выражение в известном изречении, вложенном нашим книжником XI века в уста князю Владимиру: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти».

Эта жизнерадостность в связи с давнишним экономическим общением с другими народами, породила некоторые черты славянского характера, о которых согласно говорят иноплеменные наблюдатели. Византийский император Маврикий писал о славянах: «они ласковы с чужеземцами, принимают их у себя, провожают от одного места в другое, куда ему нужно, и даже, если гостю приключится какая-либо беда по вине хозяина, то тот, кто принял после него гостя, выступает против нерадивого, считая честью для себя заступиться за гостя». Подобные же отзывы дают арабские писатели о русских славянах и немецкие — о западных. Русь, по словам арабского писателя IX века, «читит чужеземца и приветливо обходится с отдающимися под ее попечение, либо часто бывающими у нее и охраняет их от всяких приключений». «Нет народа, — пишет Адам Бременский о поморских славянах, — более гостеприимного, чем они». Эта выработавшаяся особенность народного характера, в свою очередь, явилась благоприятным условием для дальнейшего культурного общения славян и даже слияния их с соседними народностями.

Общение с иноплеменниками и его последствия.

Выше было указано на то, что восточные славяне после своего расселения по южным пространствам нашей страны вступили в оживленные торговые сношения с греческими колониями на Черном море и Византией, а также с Хазарией, Болгарией и халифатом. Эта торговля содействовала образованию среди восточного славянства класса богатых, состоятельных людей — лучших, вявших, купцов, которые заводили известную роскошь в своей одежде, пище, домашней обстановке и вооружении, пользуясь для этого привозными изделиями Греции, Востока, Скандинавских стран. Но наряду с дорогими тканями, украшениями, винами, оружием в эту среду стали проникать и семена образованности, книжного учения. К началу X века в нашей стране существовала уже письменность. Купцы, приезжавшие из Руси в Царьград, по свидетельству Олегова договора с греками 912 года, составляли иногда «рукописание», т. е. письменное духовное завещание. Ибн-Фадлан, видевший в 921 году погребение знатного русса в Итиле, сообщает, что руссы ставили над могилами своих покойников столбы, на которых надписывали имена умерших и того князя, при котором он умер. Хотя все эти известия относятся к руси, а не славянам, но русь в то время, по всем признакам, была уже туземным классом, в состав которого входили не только пришлые варяги, но и славяне.

Но общение с соседями приводило не только к повышению, но и к известному понижению культурного уровня восточного славянства. В этом отношении с течением времени должно было произойти известное расслоение среди восточных славян, различие между ветвями их, расселившимися в южных пространствах, и ветвями, расселившимися в северных пространствах.

Финское влияние.

Славянская колонизация в лесных пространствах восточной Европы происходила на землях, занятых, главным образом, финскими племенами — чудью, весью, мерей, муромой и т. д. Судя по тому, что в этих местностях оставались прежние финские названия рек, озер и разных урочищ, надо думать, что расселение славян на финской территории совершалось исподволь, не сразу, причем устанавливалось мирное сожительство пришельцев с старожилами, приводившее в конце концов к слиянию последних с первыми. Ассимиляция финнов с славянами вызывала коренное изменение

физического типа восточных славян, точнее сказать, вносила в него то разнообразие, которое наблюдается в настоящее время. По известиям византийцев и арабов, знавших, главным образом, юг нашей страны, славяне были рослыми, крепкого телосложения, светловолосыми людьми; этими своими чертами они особенно поражали греков и арабов. Впоследствии эти черты не являются уже преобладающими в физическом типе русского народа. Этот тип представляет уже большое разнообразие, причем немало встречается черт, роднящих его с финским, — приземистость, скуластость, темноволосость, смуглость лица и т. п. Эта же примесь финских элементов повлияла и на разнообразие русско-славянских говоров, из которых некоторые представляют значительное отклонение от коренного славянского произношения. Финны, в общем, были менее культурным народом, чем славяне. Писатель, дающий о них первые сведения, — Тацит — нарисовал их жалкими дикарями. «У финнов, — читаем в его описании, — чистая дикость, гнусная бедность: нет ни оружия, ни лошадей, ни пенатов; их пища — трава, одежда — кожа, ложе — земля; вся надежда на стрелы, которые за неимением железа заостряют костями. Охота кормит одинаково мужчин и женщин, которые всюду сопровождают своих мужей и требуют себе часть добычи; детям нет другого убежища от непогоды и зверей, кроме шалашей, сплетенных из ветвей; сюда же идут юноши, сюда удаляются старцы. Они считают это состояние более счастливым, чем обрабатывать поля, строить дома, дрожать за свое имущество, завидовать чужому. Не опасаясь людей, не страшась богов, они достигли трудно достижимого — они ничего не желают». Разумеется, за последующее время финны не остались на этой стадии развития, а ушли вперед. Как теперь дознано учеными (на основании заимствованных слов), при посредстве иранских племен финны ознакомились с металлами, стали употреблять металлические орудия труда и борьбы; при посредстве же иранцев ознакомились с начатками земледелия и скотоводства; благодаря литовцам улучшили свою одежду, жилища и расширили земледелие и скотоводство. Но в общем финны в своем культурном развитии остались позади германцев, литовцев и славян, а некоторые из их племен, наиболее заброшенные в лесных дебрях севера, даже и теперь живут почти так же, как во времена Тацита (вогулы). Внедрение восточных славян в их среду, смешение с ними должно было приводить к некоторому одичанию и самих славян, к понижению их духовного уровня. В глухих лесах севера в общении и даже родстве с угрюмыми, замкнутыми в себя их обитателями славянские колонисты теряли свою жизнерадостность, и экспансивность, проникались страхом перед темными силами природы, злыми духами, рассеянными в дуплах деревьев, болотах и реках, и искали помощи и защиты у кудесников или волхвов (шаманов). И до сих пор не исчезли в духовной жизни русского народа следы этого подавляющего народную психику влияния.

Родо-племенной быт.

Картину славянской культуры необходимо дополнить еще данными относительно их общественной организации. Еще из периода индоевропейского единства славяне вынесли выработанные семейные отношения, одному мужнее супружество и виды кровного, по отцу, родства. Об этом свидетельствуют праарийские слова: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, стрый, свекор, деверь, ятровь (жена деверя), невестка. После того, в эпоху совместной жизни, они выработали термины для обозначения родства по матери и жене (уй, дядя по матери, и т. п.). Патриархальная праславянская семья, заселяя весь, составляла общину, соединенную узами кровного родства, иначе — род. Община-род носила общее имя от своего родоначальника (с окончанием на *ичи*, *овичи*, *вцы*), владела сообща имуществом и управлялась своим старшим (старостой, владыкой,

господарем), который поддерживал мир и согласие в общине, разбирал недоразумения в ее среде и распоряжался трудом ее членов. Первоначально старейшиной был естественный глава семьи — отец, дед, иногда прадед, а по смерти его старший или способнейший (по выбору) сын. Род, разрастаясь в дальнейшем, распадался на несколько родов, которые, сознавая свое родство, образовывали следующую ступень общественной организации — братство (у черногорцев до сих пор сохраняются следы этой организации в виде братств, празднующих общий церковный праздник одного святого, заменившего старого предка — праотца). Братство, разрастаясь в дальнейшем, или соединяясь с другими братствами, образовывало племя, во главе которого стояли жупаны, воеводы, князья, имевшие значение родовых старейшин и предводителей на войне. Жупаны, воеводы и князья выходили из старших членов старшего рода. Общественная жизнь во всех этих соединениях нормировалась распоряжениями и судом этих властей, которые руководствовались выработавшимся в обществе правосознанием и обычаем, *правом и законом*, а также решениями родовых и племенных совещаний — *вече*.

Такова была общественная организация славян, выработавшаяся у них еще до расселения и державшаяся у них долгое время и после расселения, отчасти даже при образовании первоначальных славянских государств. Собственно при расселении первоначальная родоплеменная организация обыкновенно разрушалась, расселялись по разным местам как члены родов, так и родственные роды — братства и племена. Разрывались установившиеся родственные и традиционные связи и заменялись новыми — связями соседства. Но с течением времени, когда первоначальное брожение улеглось, мало-помалу восстанавливались и прежние формы быта. Отделившиеся семьи, разрастаясь, превращались в роды; роды, разрастаясь, превращались в племена. Даже группы людей разных родов и племен, поселяясь вместе, устраивали свое общежитие по прежним формам родоплеменных организаций, образовывали искусственные роды и племена. Так продолжалось до поры до времени, пока натиск врагов не заставлял славян сливаться в военные союзы, которые, приобретая прочность и постоянство, превращались в государства. Этот процесс был общим для всего славянства, в том числе и для наших предков — восточных славян. Рассмотрение этого процесса и выдвигается теперь на первый план в нашем изложении. Чтобы уяснить его, необходимо внимательно пересмотреть и оценить те данные, которые имеются у нас об общественном быте восточных славян накануне их объединения.

* * *

Кроме вышеуказанных трудов Грушевского и Багалея, ближайшими пособиями для изучения вопроса могут быть:

Kreck. Einleitung in die slawische Literaturgeschichte. 2. Aufl. 1887.

Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Ч. 1. Вып. 1 и 2. Киев, 1879; Ч. 2. Вып. 1. Киев, 1881.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН НАКАНУНЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИХ ПОД ВЛАСТЬЮ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ

ПО ВОПРОСУ о том, в какой общественной организации жили восточные славяне непосредственно перед объединением своим под властью русских князей, в исторической литературе были высказаны разнообразные мнения. Чтобы подойти к истине, необходимо так или иначе разобраться в этих мнениях, взвесить аргументы, приводившееся учеными в их защиту.

Теория родового быта.

В первую очередь в научной литературе было выставлено положение, что восточные славяне до самого призвания князей жили *родовым бытом*. Положение это было высказано и энергически защищено представителями так называемой юридической школы в нашей историографии — дерптскими профессорами Эверсом и Рейцем, московскими — Соловьевым, Кавелиным и некоторыми другими. Эверс и его последователи в обоснование своего мнения использовали все места летописи и других источников, где только можно усмотреть указания на родовой быт и, в конце концов, установили приблизительно такую схему начальной русской истории. До прибытия варяжских князей славяне жили мелкими, совершенно обособленными друг от друга обществами, которые представляли совершенно естественное соединение лиц, происходивших от одного родоначальника, разросшиеся семьи или роды. Во главе этих мелких обществ стояли родоначальники, а за отсутствием таковых выборные родичами старейшины, которые все дела вершили по общему совету на вечах рода, разбирали тяжбы и взаимные несогласия родичей, а в столкновениях с чужеродцами являлись их вождями и представителями. Этот быт, логически развиваясь, пришел, так сказать, к отрицанию самого себя. Непрестанные распри и усобицы между отдельными родами сделали в конце концов жизнь восточного славянства невозможной, особенно при непрерывных обидах со стороны соседей, и пробудили в славянстве естественное тяготение к объединению, к установлению внутреннего мира и порядка в земле, правды или суда, взамен дикого самоуправства и своеволия родов. Результатом этого и было призвание князей и добровольное подчинение им славянства. Эти князья все отдельные роды объединили в один, так сказать, общий род, а сами стали в положение родоначальников, старейшин этого рода. «Новое государство в первоначальном своем состоянии, — писал Эверс, — есть не что иное, как соединение многих великих родов, а новый властитель не что иное, как верховный патриарх. Устройство и управление государства есть правление великим семейством — единственный образец, который имели в виду люди, вступавшие в новое великое общество».

Таково объяснение происхождения государственного порядка по теории родового быта. Это объяснение вполне сходится и с летописным сказанием о призвании князей. И по летописи, призвание князей вызвано было усобицами родов, усилившимися среди славян после изгнания варягов: «И почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и веста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: поищем себе князя, иже бы владел нами и судил по праву». Так призваны были варяжские князья, объединившие скоро всех восточных славян в одно государство.

Теория общинного быта у славянофилов.

Но в той же самой летописи, из которой Эверс и его последователи почерпали доказательства для своей теории родового быта, находится не мало данных, свидетельствующих, что накануне призвания князей у славян были, по-видимому, какие-то крупные общественные соединения, не похожие на мелкие родовые союзы. Так, рассказав о расселении восточных славян в нашей стране и об основании города Киева, летописец говорит, что у полян основалось свое княжение, у древлян свое, у дреговичей также свое, равно у славян ильменских (в Новгороде), у кривичей (в Полоцке и Смоленске) и т. д. То же самое видим и в рассказе о подчинении славян варяжским князьям. Рюрика с братьями вызывают славяне ильменские по общему совещанию с чудью и весью. Аскольд и Дир, утвердившись в Киеве, начали владеть всей «польской землей». Олег, взяв Смоленск, стал брать дань с кривичей; взяв Киев, подчинил себе полян; при подчинении северян и радимичей вел переговоры с целым племенем и т. д. Ясное дело, следовательно, что, рассказывая о появлении князей на Руси и их первоначальной деятельности, автор сказания представлял себе восточных славян разбитыми на несколько более или менее крупных общественных союзов, причем во главе этих союзов стоят некоторые города — Новгород, Смоленск, Киев и т. д. Эти союзы выступают в летописном повествовании и позже, уже при князьях, под именем «земель», «волостей».

Все это заставило некоторых ученых критически и даже отрицательно отнестись к теории родового быта. Первый, кто открыл поход против нее, был известный основатель славянофильства — Константин Сергеевич Аксаков. Не отрицая существования в древнейшее время родового быта у восточных славян, Аксаков стал доказывать, что для времени, предшествовавшего непосредственно призванию князей, родового быта было уже давно пройденной стадией развития. Термин «род» в употреблении летописи, по мнению Аксакова, не значит род в собственном смысле, а чаще всего семья, иногда родные в неопределенном значении, иногда племя и, наконец, весь народ. Родового быта в эпоху призвания князей, следовательно, уже не было. Правда, родовое начало, несомненно, действовало потом в междукняжеских отношениях. Но это начало было не туземное, а наносное, варяжское, народ оставался совершенно равнодушным к родовым княжеским счетам, интересуясь личностью данного князя, а вовсе не соображениями его родового старшинства или меньшинства. Тому быту, который начался с призвания князей, предшествовал, по мнению Аксакова, быт общинный. Прежде чем сомкнуться в единое государство под властью князей, славяне сомкнулись в ряд общин, члены которых связаны были не родством, а соседством. Общины решали все свои дела на вече и управлялись властью выборных старейшин. Мелкие общины, сообща владевшие землей и связанные круговой порукой, назывались *вервями*; из соединения их составлялись волости, или земли, ставшие позднее княжениями. Эту теорию Аксакова развили и обставили доказательствами профессора-юристы Московского университета: *Беляев* в своей статье «Русская земля перед прибытием Рюрика», *Лешков* в своей статье «О верви» и в книге «Русский народ и государство».

Итак, Аксаков и его последователи отвергли непосредственный переход от родового быта к государственному и установили существование промежуточной стадии между родовым бытом и государственным. В этом их заслуга. Но как образовались эти промежуточные союзы, Аксаков и его последователи не дают прямого ответа на этот вопрос и ограничиваются только простым констатированием факта, что накануне появления князей славяне объединены были уже не кровными узами, а соседством,

территорией и единством материальных интересов.

Теория племенного быта.

Вопрос о происхождении «земель» или «волостей» занял внимание позднейших историков. Ответ на него постарался дать, прежде всего, *Костомаров*. Основываясь на свидетельстве летописи, что у полян было свое княжение, у древлян свое, у дреговичей свое и т. д., Костомаров решил вопрос в том смысле, что крупные общественные союзы, существовавшие у славян до варяжских князей, были племенные союзы, соединение родственных родов, и что образовались эти союзы путем естественного размножения родов и расселения их по соседству друг с другом. Эта теория в сущности недалеко отошла от теории, которую проповедовали Эверс, Соловьев и Кавелин. Эти ученые также не отрицали существования племенной организации среди восточных славян накануне призвания князей, но только не придавали этой организации большого значения, считая племенные связи чрезвычайно слабыми, легко порывавшимися, и признавали крепкими только родовые. Костомаров же со своей стороны выдвинул на первый план именно племенные связи, узлы которых затянуты были в главных городах племен, где сидели племенные князья.

Теория Сергеевича относительно образования земель.

Но теория Костомарова не удержалась в исторической науке. Было указано, что прежние общественные союзы славян, существовавшие накануне призвания князей» хотя, быть может, и зародились в недрах отдельных племен, но уже вышли из рамок племенного деления восточных славян. Новгородский союз, например, обнимал собой не одних ильменских славян, но также часть кривичей (изборских) и финские племена чудь и весь. Полоцкий союз составил из кривичей и части дреговичей; Смоленский из кривичей и части радимичей; Черниговский из северян, части радимичей и вятичей и т. д. На почве этих наблюдений создались теории, совершенно отрицающие участие родственных начал в образовании древнерусских земель или волостей. Резче других этот взгляд проведен был *Сергеевичем* в его сочинении «Вече и князь». По его мнению, земли или волости сложились таким образом: группы предприимчивых людей из одного или разных племен и даже инородцев осаживались в известном определенном пункте и устраивали город. Жители таких укрепленных пунктов при благоприятных условиях могли стремиться к расширению своих владений и с этой целью захватывать чужие земли и подчинять себе разрозненное население этих земель. Для береженья своих приобретений им приходилось ставить пригороды, которые во всем зависели от главных городов. Так и создались земли, или волости, во главе которых стояли города. Так создался тот порядок, который лаконически изображен в известном заявлении летописи: «новгородцы и смольняне, и полочане и все волости на веча, как на думу, сходятся, и на чем старшие положат, на том и пригороды станут».

Теория задружно-общинного быта.

Но после того как во всей крайности высказано было мнение, отрицавшее участие родственного начала в образовании волостей или земель, в науке произошла некоторая реакция против этой крайности, некоторый поворот в пользу прежних теории родового и племенного быта. Стали указывать, что у восточных славян все-таки можно подметить остатки и родового быта, хотя бы, например, в виде кровной мести, и племенной организации, хотя бы, например, в виде племенных князей. Родовой и племенной быт должен был непременно существовать у восточных славян подобно тому, как он существовал и у славян западных и южных. Но несомненно, что ко

времени появления варяжских князей, этот родоплеменной быт уже не уцелел в чистом виде. Какая же общественная организация существовала у восточных славян в это время? Скорее всего та же самая, которая сложилась у южных славян на почве родоплеменного быта, но которая по существу своему была уже не родоплеменной — это — организация *задружно-общинная*. Автор теории о задружно-общинном быте восточных славян *Леонтович* привел в пользу ее следующие аргументы. Чистая родоплеменная организация сохраняется только у кочевых народов. Но как скоро народ переходит к оседлой жизни, эта организация неминуемо разрушается и заменяется территориальной. Жизнь с ее потребностями устанавливает общение между чужеродцами, связывает их в общество. Таким образом, между родичами поселяются пришлые чужие люди; между родственными родами — роды других племен. Но юридические отношения между этими соседями на первых порах складываются по привычному типу родоплеменной организации. Являются таким образом как бы искусственные роды и искусственные племена. Таковыми искусственными родами были, по мнению Леонтовича, наши *верви*, мелкие общественные союзы, являющиеся в Русской Правде, такими искусственными племенами были группы славян, объединявшиеся в волости или земли вокруг главных городов. Таким образом, по этой теории, родственное начало не устраняется из формирования общественных союзов восточных славян. Теория отрицает только сохранение в чистоте родоплеменной организации.

Теорию Леонтовича обстоятельно развил и дополнил новыми соображениями покойный *Никитский* в отдельных статьях и исследованиях, посвященных внутренней организации Псковской общины.

По мнению Никитского, так называемый род не был явлением естественным, чисто кровным, а заключал в себе и элемент фикции, был явлением до известной степени политическим. Сравнительная история показывает, что в пределах индоевропейской отрасли народов род обыкновенно заключал в себе, кроме лиц, связанных между собой узами родства, и посторонних членов. Кельтский клан, например клан горной Шотландии, на который обыкновенно указывали как на образчик естественного рода, по новейшим исследованиям оказывается не чуждым посторонней примеси. Индийские родовые союзы основываются не на одной только одинаковости происхождения, но и на допущении в свою среду людей, совершенно посторонних. Относительно греческих родов уже Аристотель и Дикеарх отрицали существование строгой родственной связи; новейшие греческие историки также не задумываются считать греческие роды отчасти искусственными. В римской жизни как семья постоянно пополнялась посторонними лицами (*adoptio*), так точно и другие высшие единицы. В древней Германии сторонние примеси рода характеризовались названиями *sui*, *vicini*, *gegyltan*. История славян представляет также несомненные доказательства существования фиктивных родов еще в XV веке. Никитский идет в этом направлении так далеко, что утверждает: «род вообще создается посредством фикции, распространяющей узы родства и на посторонних лиц. Семья превращается в род лишь единственно тем, что она уже перестает довольствоваться физическими и нравственными отношениями, и вместе с тем приобретает сознание о юридическом или политическом принципе жизни и сообщает этому принципу обязательное или объективное значение. Поэтому получаемая через усиление юридического сознания новая общественная единица, род, есть не что иное, как государство; новое начало, сообщаемое жизни фикцией родства, есть начало государственное; при рассмотрении родового быта историк присутствует при зарождении государства. В семье вся власть исходит от отца семейства и не нуждается в признании со стороны подчиненных. Иное дело в родовом союзе — там вся власть

исходит из рода, опирается на свое происхождение, на немом или явном договоре всех потомков, короче говоря, основывается на выборе. Поэтому, если власть отца семейства является по своей сущности неограниченной, то власть родоначальника, наоборот, доступна для всякого ограничения». Родовой быт не ограничивался, по мнению Никитского, одним только устройством простого рода, но за пределами последнего создавал новые, более обширные единицы общежития. Эти единицы образовывались вокруг городов. Внешняя опасность заставляла соседние роды создавать укрепленные, огороженные места, куда можно было бы укрываться с имуществом в случае нападения. Город и служил первоначально связью отдельных родов. При этом выдвигался один какой-либо род и фактически приобретал власть над всеми остальными, делался старшим между ними; а через это самое и родоначальник его становился на место родоначальника всей группы родов, их князем. Фикция родства объединила все ближайшие жившие роды в одно *племя*, которое считало себя идущим от одного родоначальника: радимичи от Радима, вятичи от Вятка. Так создались патриархальные княжения, которыми была покрыта вся Русь: княжения были у полян, древлян, дреговичей, новгородцев и полочан. Власть князей в этих княжествах была еще более ограничена, чем власть простых родоначальников. Во-первых, ее ограничивали старейшины других родов, кроме княжеского, а во-вторых, народные собрания или веча, которые были источником всякой власти.

Теория торгового происхождения городских волостей.

Мнение о том, что славяне накануне появления варяжских князей не жили уже чистым родоплеменным бытом, в конце концов возобладало в исторической науке. Оставалось только невыясненным, какая же сила сплотила восточных славян в новые общественные соединения. У Аксакова, Сергеевича и Леонтовича на этот счет даны только самые общие и неопределенные указания на хозяйственные интересы. Детально этот вопрос подвергся разработке в сочинении В. О. Ключевского, «Боярская дума древней Руси». В. О. Ключевский исходит из того положения, что при расселении славян по восточной Европе их прежняя родовая и племенная организация разрушилась. Славяне разбросались по нашей стране отдельными семьями, отдельными дворами. Следы их первоначальных поселений в виде так называемых городищ указывают именно на такой характер их расселения. Эти городища столь незначительны, что они могли бы быть территорией поселения одного, много двух дворов. И в летописи мы находим намеки на такие именно поселки; Киев, по сказанию летописи, был первоначально городком трех братьев. Расселившись такими мелкими поселками, славяне принялись заниматься охотой и бортничеством и сбытом добычи на иноземные рынки при помощи прибывавших к ним иноземных, а позже и своих купцов. С развитием торговли между их разбросанными дворами стали возникать сборные пункты, места промышленного обмена, куда сходились звероловы и бортники для торговли, для гостыбы, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название погостов. Некоторые из этих погостов, расположенные по судоходным рекам, сделались пунктами наиболее крупных оборотов, и к ним как к рынкам экспорта стали тяготеть мелкие сельские погосты как пункты первоначального сбора и сбыта товаров. Но установившиеся экономические связи отдельных поселков с погостами и погостов с главными городами неминуемо должны были повести к установлению политических связей как для урегулирования взаимных отношений, так и для охраны общих интересов. Так создались на Руси городские волости, обнимавшие известные торгово-промышленные районы, с центральным средоточием в главном торговом городе, к которому тяготели погосты с окружающими их поселками. В конце IX века общий

торговый интерес заставил эти городские волости соединиться для борьбы с кочевниками, пересекавшими главные торговые пути. Так и появилась первая форма государственного союза восточных славян — Киевское княжество.

Односторонность всех теорий.

Какое же положение занять нам во всем этом ученом споре? Нужно ли пристать к какой-нибудь из высказанных теорий и уже от нее отправляться в дальнейшем уяснении русской истории? Я лично держусь того мнения, что в этом нет надобности. На мой взгляд, в каждой из названных теорий есть доля истины, и нам надобно только выделить эти доли и скомбинировать из них связное и цельное воззрение. Каждая из перечисленных теорий отправлялась от наблюдений над некоторыми фактами, каждая уловила и подметила действительные черты времени. Спор произошел в науке от того, что каждая теория стремилась быть исключительной, обобщала свои частные наблюдения и переносила свои обобщения на все явления эпохи. Все перечисленные мной теории, так сказать, искусственно упрощали быт восточного славянства накануне его политического объединения, предполагали его однородным и не считались совсем с возможной сложностью его. Это — постоянная методологическая ошибка, от которой не уберігаются и самые талантливые исследователи нашей старины. Поясним это примерами на рассматриваемом случае.

Остатки родового быта.

Родовой быт, говорят нам, уже не существовал на Руси накануне политического объединения славянства. Так говорил в свое время Аксаков, так говорил в недавнее времена Ключевский. Как на доказательство разрушения родовых союзов указывали на наше древнейшее наследственное право, как оно отразилось в договорах Олега и Игоря с греками и в Русской Правде. «Уже в Олеговом договоре с греками, — говорит Ключевский, — наследование по завещанию является господствующим среди Руси. Это, как известно, не служит доказательством свежести и крепости родового союза». Ключевский указывал далее, что и порядок наследования без завещания по договорам с греками и в Русской Правде свидетельствует о том же: имущество переходит к своим, т. е. к семье в тесном смысле, к сыновьям, а при неимении их — к дочерям, и только при неимении своих переходит «к малым ближикам», т. е. боковой родне, братьям и племянникам. У князей, — замечает названный автор, — «родственные отношения по женской линии не только ставятся наравне с отношениями по мужской линии, но даже иногда как будто бы берут над ними перевес». «Итак, — заключает он, — расселение восточных славян по русской равнине сопровождалось юридическим разрушением родового союза».

На мой взгляд, это утверждение страдает двумя недостатками. Во-первых, оно исходит из чисто схематического представления о роде как субъекте права собственности, представления выработанного главным образом при наблюдениях над переживаниями родового быта у греков и римлян. Как показывают наблюдения над пережитками родового быта у славян, к славянскому роду совершенно неприменимо это схематическое представление: и при общем родовом владении и пользовании каждый член рода считался субъектом права собственности в известной доле, которой в известных случаях он мог распоряжаться по своей воле. Это во-первых. Во-вторых, если даже подмеченные явления и служат признаками разрушения родового союза, то нельзя обобщать их в такой мере, в какой сделано это Ключевским. По договорам с греками, по Русской Правде, по княжеским отношениям нельзя умозаключать о том, как обстояло дело с родовыми союзами в народной массе. Договоры с греками

отражают те юридические отношения, какие существовали в городском, торговом классе, ибо договоры разумеют именно торговую русь, ездившую в Царьград. В торговых городах родовой строй действительно мог очень рано разложиться, ибо такие города по самому происхождению своему были скопищами разного люда, сошедшегося с разных сторон, между прочим и из Скандинавии. Точно так же и указываемая статья Русской Правды говорит о порядке наследования, существовавшем в верхах общества в княжеской дружине. Но то, что существует на верхах общества, не непременно существует и на низах, в народной массе. В народной массе в различных местностях родовые союзы могли еще оставаться в полной силе и неприкосновенности. Это предложение можно подтвердить как общими соображениями, так и некоторыми фактами более позднего времени.

При своем расселении славяне, в силу естественных условий страны и своих промышленных занятий, должны были разбрасываться по стране мелкими поселками. Ключевский справедливо указал, что при таком расселении должны были нередко порываться установившиеся родовые связи. Но вместе с тем — добавим от себя, — должны были нарождаться и новые: семьи, отделившиеся от родов, с течением времени ведь размножались, сами превращались в роды. У этих разросшихся семей много было причин жить вместе и сообща действовать. Вместе легче было обороняться от любого зверя, от чужого человека; вместе легче было теревить пашню из-под леса, сообща можно было шире развернуть экономическую деятельность, полнее воспользоваться благами окружающей природы: одному члену рода можно было пахать, другому следить за пчелами, третьему — за ловищами и перевесищами, четвертому — за рыбьими язами и т. д. При разнообразии промыслов, при разносторонней эксплуатации природных богатств соединение рабочих сил необходимо. Род был естественным, природным соединением таких сил. Поэтому родовые союзы в народной массе крепко держались у нас на Руси. Особенно крепки они были там, где крестьяне были первыми заимщиками земли, где создалось известное крестьянское право на землю и где ни развитие крупного землевладения, ни другие обстоятельства не заставляли их кочевать с места на место. Так было, например, на крайнем севере и в западнорусских землях. Почитайте акты XV-XVI веков, относящиеся к крестьянам западной Руси, и вы на каждом шагу встретите родовые крестьянские гнезда, которые сообща владеют землей, сообща эксплуатируют ее со всеми «ухожаями», сообща отправляют повинности. В Украине, т. е. Киевщине, такой порядок вещей дает себя выследить до самого конца XVIII века. Этим объясняется и факт существования в западной Руси множества сел с именами на *ичи*, *овичи*. В рассматриваемое древнейшее время — надо думать, — родовые союзы в сельской народной массе были частым явлением, и села, и деревни были сплошь и рядом родовыми поселками или селениями нескольких родов. Родовая организация могла оставаться и при синойкизме, совместном жительстве родов. Чем же иначе объяснить, что родовая месть сохранилась у нас до половины XI века, пока ее не отменили дети Ярослава? Поэтому, я думаю, что летописец, писавший, что славяне по расселении в нашей стране стали жить каждый с родом своим, отправлялся в этом утверждении от того, что давала ему и современная жизнь. По быту населения сел и разных глухих местностей, которое по культуре стояло ниже населения торгово-промышленных центров, летописец естественно заключал о том, что было в старину повсеместно на Руси.

Если исходить из предположения, что родовой быт держался в народной массе восточного славянства ко времени появления князей, то легко будет объяснить и существование в то время многочисленных городков в южных областях Руси. Здесь города и городки, можно сказать, были преобладающим типом поселков. Вот почему и

неизвестный географ Баварский IX века так своеобразно описывает нашу страну: «Уличи, — читаем у него, — народ многочисленный: у него 318 городов; бужане имеют 231 город, волыняне (Veluncani) — 70, северяне — 325». Скандинавам, приезжавшим на Русь, она представлялась страной городов, и они так и величают ее в своих сагах — Гардарикия. С этими показаниями вполне согласуются и показания нашей летописи о городах уличей и тиверцев, о многих городах, существовавших в Черниговской и Рязанской землях и т. д., а также и археологические данные о многочисленных городищах на юге нашей страны. Но кто мог строить эти городки? Едва ли семьи, как думает Ключевский. Для отдельных семей эта работа в большинстве случаев должна быть непосильной. Скорее всего, городки воздвигались объединенными усилиями нескольких семей и именно таких, которые соединены были друг с другом уже ранее поселения, т. е. родственных. Другими словами, многочисленные городки, скорее всего, были не чем иным, как именно родовыми поселками. Так смотрит на дело отчасти и составитель сказания о начале Руси. Киев, по этому сказанию, был первоначально городком трех братьев, которые поселились в нем со своими родами, т. е. семьями. Утверждая это, автор сказания, очевидно, имел перед глазами некоторые современные ему данные о маленьких городках и перенес эти данные в отдаленные времена.

Итак, на основании всех вышеприведенных соображений мы не будем отрицать существования родового быта у восточных славян накануне объединения их под властью князей. Не будем только подобно Эверсу и его последователям обобщать наши наблюдения и отрицать существование в то время и других общественных союзов. Весьма вероятно, что уже и в то время в некоторых местах были мелкие общественные союзы чужеродцев, организовавшиеся по типу родовых. Такое предположение можно сделать по аналогии с тем, что приходится наблюдать в позднейшем быту западнорусского крестьянства. Наряду с чисто родовыми организациями можно встретить там и товарищества чужеродцев, организовавшиеся по типу родовых, наряду с родичами так называемых сябров или шабров, или чужеродцев.

Остатки племенных организаций.

Несомненно затем, что рядом с мелкими союзами у восточных славян накануне их объединения были и крупные союзы, включавшие в себя мелкие, и притом разных типов. Во-первых, кое-где, несомненно, были племенные организации, союзы родственных родов, под начальством племенных старейшин или князей. Такая организация была, быть может, у древлян. У древлян не было крупного города в качестве политического средоточия, и земля древлянская не была городской волостью, как, например, Новгородская, Смоленская, Полоцкая, Киевская. И тем не менее в рассказе летописи она выступает политически объединенной, с общим вечем, со своим племенным князем Малом. С такой же организацией выступают и вятичи, у которых также не было крупных торговых городов, но которые являются объединенными. Составитель сказания о начале Руси представляет вятичей именно как родственный союз, происходящий от одного родоначальника — Вятка. Таким же союзом он считает и радимичей, идущих от Радима. Имея в виду аналогичные названия у славян южных и западных для обозначения именно племен, союзов родственных родов, мы можем вполне поверить и приведенному объяснению составителя сказания о начале Руси. Не чем иным далее, как наблюдением над уцелевшими племенными организациями, объясняется и утверждение названного составителя, что у полян было свое княжение, у древлян свое, у дреговичей свое и т. д. Этим же наблюдением подсказана была и теория Костомарова о племенном происхождении крупных общественных союзов,

существовавших у восточных славян накануне их объединения. В этой теории, таким образом, есть доля правды, но не вся.

Городовые волости и варяжские княжения.

Дело в том, что наряду с уцелевшими племенными организациями у восточных славян в то время были уже союзы и разноплеменные, группировавшиеся вокруг некоторых крупных городов — Новгородский, Полоцкий, Смоленский, Киевский. Эти союзы располагались как раз по великому водному пути из варяг в греки, по которому шла бойкая, оживленная торговля. Эти союзы возникли в недрах некоторых племен, — словен ильменских, кривичей и полян, но уже вне племенных ограничений. В возникшие здесь торговые города сбился пришлый люд с разных сторон; к этим городам стали тяготеть, волей или неволей приступили к ним в союз, поселки разных окрестных племен. Поэтому и во главе этих союзов стали становиться уже не племенные князья или старейшины, а тоже разные пришлые, сильные люди. В качестве таких вождей и явились в этих союзах норманские конунги, в IX и X веках рыскавшие по всей Европе со своими дружинами. К нам на Русь они явились отчасти для грабежа и поборов с населения, отчасти в качестве купцов, торговавших с Византией и востоком. В XI веке еще помнили об некоторых конунгах, стоявших во главе городских союзов восточного славянства. Таковы были Рюрик, стоявший во главе Новгородского союза; Аскольд и Дир, стоявшие во главе Киевского союза; Рогвольд, стоявший во главе Полоцкого союза; Тур, княживший у дреговичей в городе, получившем его имя Туров, и т. д. — так находит свое приложение и теория Ключевского о городских волостях.

Общие выводы.

Итак, общественная организация восточного славянства накануне его политического объединения была, несомненно, сложная и разнообразная. В ней можно наблюдать наслоения разных эпох, разных стадий общественного развития. Жива была еще и родовая организация; кое-где уцелела племенная; но наряду с этим образовались уже чисто политические союзы людей, объединенных соседством и общностью интересов. Наряду с родовыми старейшинами и племенными князьями у восточного славянства появились уже пришлые вожди с дружинами, навязывавшие свою власть населению. Рядом с простотой социального состава в родоплеменных союзах появились и сложные социальные организации в больших городах, где уже отложился богатый класс, появились большие и меньшие люди, купцы, житейные люди, рабы и челядь.

В таком предположении нет ничего невероятного. Разнообразие, сложность общественной организации и быта наблюдается во все исторические эпохи. Тем более могли иметь место эти разнообразие и сложность у восточных славян в ту эпоху, когда они не слились еще в один народ, не объединились под одной государственной властью, представляли ряд местных союзов, раскиданных на огромных пространствах восточной Европы.

* * *

Для дальнейшего изучения вопроса в первую очередь можно рекомендовать:

Н. П. Загоскин. История права русского народа. Т. 1. Казань, 1899.

I. Ph. Ewers. Das älteste Recht der Russen. Dorpat, 1826 (есть и русский перевод).

С. М. Соловьев. История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847.

К. Д. Кавелин. Взгляды на юридический быт древней России // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1897.

К. С. Аксаков. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности // Полное собрание сочинений К. С. Аксакова. Т. 1. М., 1861.

- И. Д. Беляев.* Русская земля перед прибытием Рюрика // Временник Московского Общ. Истории и Древности Российских. Кн. 8. *Он же.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.
- В.Н. Лешков.* Общинный быт древней России // ЖМНП. 1851. Ч. 12. *Он же.* Русский народ и государство.
- Н. И. Костомаров.* Мысли о федеративном начале в древней Руси // Исторические монографии и исследования. Т. 1.
- В. И. Сергеевич.* Вече и князь. М., 1867.
- Ф. И. Леонтович.* Задружно-общинный характер политического быта древней Руси // ЖМНП. 1874. Ч. 173, 174.
- А. И. Никитский.* Теория родового быта в древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 8. *Он же.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
- В. О. Ключевский.* Боярская дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

ОБЪЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ РУССКОГО; ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ФОРМАЦИЯ РУССКОГО государства

ПЕРВЫЕ достоверные известия об объединении восточных славян.

По свидетельствам арабских писателей IX и даже X века, восточные славяне не составляли одного народа, но делились на множество отдельных племен, между которыми царствовала вечная вражда. «Если бы славяне, — писал Масуди (начало X века), — не были так раздроблены и если бы между отдельными их племенами было менее несогласия, то ни один народ в мире не в состоянии был бы им противиться».

Отзывы эти, однако, для своего времени были уже анахронизмом. Имеются несомненные показания, что к началу X века восточное славянство, если не все, то в значительной части, образовало союз под главенством одного вождя. Таким вождем является великий князь русский Олег. В 907 году, по рассказу летописи, заключив с греками договор, после удачного нападения на Царьград, Олег взял с них «уклады», контрибуцию для городов Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и других: «по тем бо городом сядяху велиции князи, под Олгом суще», объясняет летописец, излагающий договор, по-видимому, на основании официального акта. Послы, отправленные Олегом в Царьград четыре года спустя «построити мира и положить ряды межи Греки и Русью», заключали договор от имени «Олга, великого князя русского и от всех, иже суть под рукой его, светлых и великих князь и его великих бояр». Так гласит сам текст договора, внесенный в летопись. В 944 году прибывшие в Константинополь русские послы договорились также от имени Игоря, великого князя русского, «и от всея княжыя и от всех людей Русской земли». Известное политическое объединение восточного славянства выступает в этих показаниях в виде несомненного факта. Как же оно произошло?

Подготовка этого объединения. Владычество хазар.

Начальная русская летопись, как известно, считает это объединение делом варяжских князей, князей двух-трех поколений. Утвердившись первоначально в земле ильменских славян, чуди и веси, варяжские князья передвинулись отсюда на юг, подчинили себе города, лежавшие по великому водному пути из варяг в греки, и все окрестные племена, не выпуская из своих рук и Новгорода. Так образовалось Великое княжество Русское, объединившее в себе восточных славян. Однако есть данные, указывающие на то, что объединение восточного славянства совершилось при известной исторической подготовке, не так быстро, как изображено в летописи, и не одними только усилиями варяжских князей. В деле объединения восточного славянства варяги имели своих предшественников — хазар.

Выше уже было указано, что славяне расселились широко в южных областях нынешней Европейской России под защитой и под властью Хазарского царства, что каган хазарский был их повелителем. В Хазарском царстве славяне получили первую подготовку к широкому политическому объединению для борьбы за существование. Подчинение власти киевских варяжских людей для славян нашего юга было только простой сменой властителей. Наша летопись чрезвычайно выпукло отметила этот факт. По ее рассказу, Аскольд и Дир, явившись к полянам, спросили их: «Кому дань даете?» — «Хазаром», — был ответ. «Платите нам», — сказали князья, и поляне подчинились варяжским князьям. То же самое происходило, по рассказу летописи,

позднее у северян, радимичей и вятичей, когда появились у них Олег и затем Святослав. Но чем объясняется эта смена властителей?

Прорыв кочевников в южные степи восточной Европы в IX веке.

В IX веке Хазарское царство оказывалось уже не в состоянии ограждать славян, расселившихся в южных областях восточной Европы, от набегов кочевников. Эти кочевники стали прорываться в наши южные степи и производить здесь опустошения. В 837 году, по рассказу Вертинской летописи, прибыли к императору Людовику Благочестивому послы от византийского императора Феофила и привели с собой каких-то людей из народа *русь*. Этих людей посылал к императору Феофилу царь их, названием *хакан* (*rex illorum, chakanus vocabulo*), для засвидетельствования ему своей дружбы. Но по случаю диких народов, перенявших им путь, они не могли вернуться прямым путем и должны были поехать в обход. Когда их стали подробнее расспрашивать, кто они такие, оказалось, что они были шведского происхождения (*ex gente Sueonum*). Очевидно, это была русь, находившаяся на службе кагана хазарского (и впоследствии, в X веке, русь и славяне по известиям арабов, обычно проживали в столице Хазарии). Но какие это были дикие племена, перенявшие им путь при возвращении к кагану? В настоящее время уже можно ответить на этот вопрос с большей или меньшей определенностью. По известиям арабских писателей, в середине IX века в наших степях уже проживали *угры*. Эти угры непрестанно нападали на славян, брали у них пленников, отводили их в Карх (по-видимому, Керчь) и променивали их грекам на парчу, пестрые шерстяные ковры и другие греческие товары. По другому арабскому известию, «они господствуют над всеми соседними славянами, отягощают их тяжелой данью и обращаются с ними, как со своими рабами». Очевидно, хазары уже не в состоянии были сдерживать кочевые орды, напиравшие с востока, и пропустили угров. Вслед за уграми прорвалась в наши степи в 70-80-х годах того же века орда печенегов, которых теснили с востока узы (или торки наших летописей). Печенеги оттеснили на запад угров, которые расположились в области рек Днестра, Прута и Серета. По призыву византийского правительства угры приняли было участие в войне греков с болгарами в 892 году. Но болгары призвали против них печенегов, и угры, попав между двух огней, бросились вверх по Дунаю, на кочевья гуннов и аваров и тут поселились. Об этом передвижении племен по нашему югу сообщает и Константин Багрянородный, и западный летописец-монах Регинон, разногласия только в датах (Константин относит прибытие венгров в среднедунайскую низменность в 898 году, а Регинон — к 889). Особенно любопытно сообщение Регинона. «В 889 году, — пишет он, — вышел народ венгров из скиеских болот, где течет Танаис, выгнанный из своего местожительства соседними народами, которые называются *Pecinati*».

Последствия этого вторжения для славян.

Вторжение хищных орд произвело большие перемены в жизни нашего юга. Славяне, разбросавшиеся по степным рекам и речкам в бассейнах нижнего Дона, нижнего Днепра, Южного Буга, нижнего Днестра, частью были истреблены, частью должны были покинуть свои селения, свои городки. Вот почему и составитель сказания о начале Руси выпустил бассейн Дона из области славянского расселения. Вот почему и о жительстве уличей и тиверцев на Черноморском побережье он сообщает уже как о факте прошлого времени: «и суть гради их до сего дне». Припонтийские и приазовские степи, захваченные прежде славянской колонизацией, к началу X века уже опустели и сделались привольем кочевых орд. На Черноморском и Азовском побережье уцелели только немногие населенные места под защитой крепких стен, моря или топей речных дельт. Таковы были города — Белгород при устье Днестра, переименованный тюрками

в Аккерман (ныне Аккерман), Черноград, ныне Очаков, на Днепробугском лимане, Олешье при устье Днепра в ольховой заросли, старинные греческие колонии в Крыму и при устье Дона и, наконец, Тмутаракань на болотистом Таманском полуострове, на низовьях Кубани.

Сильно ухудшились условия жизни и для славян, расселившихся в лесной области восточной Европы. Эти славяне усердно занимались охотой и бортничеством и сбывали свою добычу купцам, ездившим по великому водному пути из Варяг в Греки и по Волге. Многочисленные клады с арабскими и византийскими монетами VII-IX веков свидетельствуют об установившейся торговле с Хазарией и Византией. Эта торговля, получившая для восточного славянства первостепенное, жизненное значение, стала теперь подвергаться опасности и на Днепре, и на Волге. Это обстоятельство в связи с постоянными набегами кочевников и заставило всех славян, живших по великому водному пути, соединиться для того, чтобы сообща охранять торговые пути и отражать кочевников.

Объединение восточных славян под властью киевских князей.

Это объединительное движение вышло из Новгорода и во главе его стали варяжские князья, т. е. скандинавские конунги с их дружинами. Варяги-скандинавы уже давно посещали нашу страну для грабежа и сбора дани, а главным образом для торговли, и даже стали осаживаться на постоянное житье в главных городах восточных славян. Их вожди *конунги* во второй половине IX века стали утверждаться в качестве местных вождей или князей в этих городах. Один из этих конунгов Олег, по-скандинавски *Nilga*, передвинулся со своей дружиной из Новгорода на юг, утвердился в Киеве, бывшем главным узлом торговых путей, ведших из Руси в Царьград, и, опираясь на многочисленный здесь скандинавский элемент, заставил себя признать главным вождем всего восточного славянства. Под его власть стали и другие варяжские конунги, утвердившиеся в городах восточных славян, и существовавшие у них кое-где племенные князья и старейшины. Вот почему и договоры с греками стали заключаться от имени «Олга, великого князя Русского и от всех, иже суть под рукой его, светлых и великих князь, и его великих бояр». Этот великий князь стал охранять торговлю восточных славян и отражать набеги кочевников, а по временам предпринимать и далекие походы для грабежа и добычи, как это было в обычае у норманнских конунгов. Торговля восточных славян стала теперь вестись под охраной особых экспедиций, снаряжавшихся князьями. Князья в течение зимы собирали дань с подвластного им населения — мехами, воском и медом. Весной, с открытием рек, князья нагружали собранную дань на лодки и отправляли из Киева вниз по Днепру целую флотилию судов. К княжеским лодкам присоединялись купеческие из Киева, Чернигова, Смоленска, Новгорода и других городов. Флотилию сопровождали вооруженные люди. Когда суда достигали четвертого порога, купцы выгружали товар, высаживали скованных невольников и на расстоянии 600 шагов шли берегом. Здесь обыкновенно приходилось вступать в бой с поджидавшими их печенегами. Отразив варваров, русские садились вновь на лодки, выходили в море и, следуя вдоль западного берега его, достигали Царьграда. Так рассказывает Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей». Его рассказ подтверждается и договорами первых князей с греками, свидетельствующими, что в составе купеческих караванов, прибывавших из Руси, всегда были и княжеские корабли с послами князя. Кроме охраны торговли, князья стали отбивать и нападения кочевников на окраины славянской оседлости. Поэтому те славянские племена, которые подвергались нападениям кочевников, охотно подчинились им; некоторые, впрочем, им пришлось

«примучивать». Тем или другим способом, но, в конце концов восточное славянство объединилось под властью Киевского князя, и создался политический союз всех восточных славян.

Вопрос о варягах-руси.

Это объяснение происхождения русского государства хотя и не совпадает вполне с летописным, но все-таки стоит на одной с ним почве фактов и воззрений. В нем, так или иначе, отводится значительная роль варягам, т. е. скандинавским дружинам с их конунгами, которые представляются активной объединяющей силой. Но прежде чем остановиться на этом объяснении окончательно, мы должны тщательно перебрать факты и воззрения, лежащие в его основе. Дело в том, что объяснения происхождения русского государства, так или иначе согласующиеся с летописным повествованием, издавна возбуждали и возбуждают до сих пор горячие протесты.

Мнение о славяно-балтийском происхождении варягов и руси.

Еще *Ломоносов*, воевавший с немцами в Академии наук, ополчился против них и в историографии. Когда академик *Миллер* написал речь, в которой согласно с летописью и с доводами академика *Баера*, доказывал скандинавское происхождение варягов-руси, Ломоносов выступил против него с резкой, запальчивой критикой и с собственной теорией, которая считала варягов-русов славянами с Балтийского поморья. Ломоносов приурочил родину варяго-русов к приеманской области, указывая на то, что Неман в нижнем течении называется Русом. Итак, хотя варяго-руси и были пришлые люди среди восточного славянства, но все же свои, соплеменники, а не чужеродцы — немцы. У Ломоносова нашлись последователи. Профессор Московского университета *Морошкин* доказывал, что *варяги* вышли из славянской области *Вагрии* — с Балтийского поморья, а *русы*, которых он отличает от варягов, с острова *Рюгена*. Теорию Морошкина развил и обставил доказательствами *Забелин* в своей «Истории русской жизни». По его мнению, начальная летопись, перечисляя народы Иафетова колена, расселившиеся на севере Европы, приурочивает русь как к Балтийскому славянскому побережью. И действительно, говорит он, на этом побережье мы видим множество географических названий с корнями: рус, рос, руг, рун. Здесь встречаем между прочим область Ругию, остров Рюген, который в географических сочинениях конца XVI века прямо называется *Русией*. Итак, родина руси — славянское Балтийское поморье. Здесь же и родина варягов, в которых Забелин видит славянское племя вагров. Забелин указывает, что балтийские славяне в IX веке были не земледельцами только, но и предприимчивыми торговцами и мореходами, с успехом соперничавшими с норманнами и шведами. Особенно отличалось своей отвагой и предприимчивостью племя вагры, вагиры или варги. Это и были варяги нашей летописи. В IX и X веках балтийские славяне вели оживленную торговлю со Скандинавией и востоком и прибывали в нашу страну; они должны были заводить здесь свои фактории, содержать в важнейших пунктах края свои гарнизоны, разыскивать отсюда новые торговые пути. Результатом этого и было возникновение в Ильменском крае колонии западного славянства — Новгорода. Забелин полагает, что первый славянский поселок должен был возникнуть здесь, по крайней мере, во время Птолемея. И русь приднепровская, по его мнению, ведет начало от той же балтийской руси, которая переселилась сюда еще в очень далекие времена, так что стала известной в I веке Страбону, который и упоминает о ней под именем роксалан.

Теория туземного происхождения руси.

По стопам Забелина пошел в варяжском, собственно, вопросе и *Гедеонов* в своих «Отрывках из исследований о варяжском вопросе» и затем в книге «Варяги и Русь». Гедеонов собрал целый ряд исторических свидетельств о балтийском славянстве, доказывающих, что оно доминировало на Балтийском море еще тогда, когда само имя норманнов едва делалось известным в западной Европе. Гедеонов отсюда выводит, что и имя Варяжского Балтийское море получило у нас не от норманнов, а от вагров. Но в вопросе о происхождении руси Гедеонов разошелся с Забелиным и признал русь за коренное восточнославянское население, которое само передало свое имя пришельцам-варягам, а не заимствовало от них. В этом последнем вопросе сошелся с Гедеоновым и *Иловайский* в своих «Розысканиях о начале Руси». Иловайский сделал уступку норманистам в том, что согласился считать варягов норманнами. Но он не придает этим варягам-норманнам никакого значения в организации русского государства и считает летописное сказание о призвании князей чистой сказкой. По его мнению, в среднем Приднестровье, в незапамятные времена образовалось самостоятельное славяно-русское княжество, этнографический материал для которого дало скифо-сарматское, тоже славянское, племя роксалан или росьалан, помещаемое Страбоном между Днестром и Доном. Государственная власть явилась в этом княжестве не со стороны, а развилась естественно из власти племенного старейшины.

Иловайский указывает, что имя «русь» в своей чистой форме встречается, вопреки утверждениям норманистов, гораздо ранее второй половины IX века. Уже Иорнанд знал руссов, которых он называет рока. Бертинские летописи упоминают о посольстве от народа рось под 839 годом. Византийские писатели сообщают, что для защиты от Днестровских россов, хазары еще в 835 году просили императора Феофила построить им крепость Саркел. Географ Баварский IX века наряду с уличами (Unlici) и казарами (Casiri) ставит и русь (Ruzzi). Упоминание о туземном народе «русь» встречается и у арабского писателя *Хордадбега*. Кроме руси приднестровской, Иловайский признает еще исконное существование азовско-черноморской руси, благодаря которой и море Черное получило название Русского. К этой руси он приурочивает византийские известия о набегах на Византию, о существовании русской митрополии IX века (у Льва Философа), о принятии русскими в 60-х годах христианства и факт находки Константином Философом в Корсуни, или Херсонесе Таврическом, во второй половине IX века, евангелия, писаного русскими письменами, и человека, говорившего по-русски... К этой же руси Иловайский относит и известие арабов о русской колонии в столице Хазарии, о грандиозных набегах руссов на Каспийском побережье в 913-914 годах; существованием этой же руси он объясняет известие некоторых арабских писателей о делении Руси на три части: Сланию (Новгородскую область), Куяву (Днестровскую Русь) и Артанию (Черноморско-Азовскую, по мнению Иловайского), а также помещение ими Руси между Хазарией и Румом и известие о том, что руссы живут на большом полуострове (Тамань). Ко всему этому Иловайский присоединяет указание, что как у арабов, так и в западных источниках Боспор, или Керчь, иногда назывался «Россия». Куда же девалась впоследствии эта азовско-черноморская русь? Она, отвечает Иловайский, с половины IX века начинает заслоняться возрастающим могуществом руси приднестровской, затем отрезывается от нее вторгнувшимися в наши степи ордами кочевников и, наконец, в эпоху удельной Руси, дает снова видеть себя в лице таинственного русского тмутараканского княжества. Таковы утверждения Иловайского.

Теория готского происхождения руси.

В последнее время выдвигалась еще новая теория, которая также ищет русь не на скандинавском севере, а в Приднепровье, но не среди славян, а среди германцев. Так, профессор *Будилович* находил возможным видеть в руси готское племя *Hroth* (произносится Грос), растворившееся среди восточного славянства, его объединившее и давшее ему свое имя.

Как же нам отнестись ко всем этим теориям, принять ли их или отвергнуть? Это вопрос немаловажный в науке русской истории. Смотря по тому на чью сторону мы станем в настоящем споре, и изображение происхождения русского государства должно выйти неодинаковым как в деталях, так и в общей концепции. Необходимо поэтому войти в подробности, пересмотреть данные источников, по которым можно так или иначе составить представление о национальности варягов-руси.

Данные источников о скандинавском происхождении варягов-руси.

Выше было указано, что вопрос о варягах-руси с течением времени разделился в исторической литературе на два вопроса — отдельный о варягах и отдельный о руси. Поэтому приходится рассматривать данные источников отдельно о варягах и отдельно о руси.

Данные о варягах прежде всего находим в сказании о начале Руси. Составитель этого сказания жил при Ярославе и, самое позднее, при сыновьях его и должен был хорошо знать тех людей, которые назывались этим именем, ибо и в его время они состояли на службе у русского князя как в Киеве, так и в Новгороде. «Идоша, — говорит он про новгородских славян, — за море к варягам Руси: сице бо ся зваху тыи варяги Русь, яко се друзии зовутся свей, друзии же англяне, урмане, друзии готе, тако и си». Итак, по этому воззрению, варяги были не кто иной, как *скандинавы*. Обращаясь к современным нашей летописи византийским писателям, видим, что и они знают варягов, называя их *βαράγγοι*. Под этим именем они подразумевают наемные дружины англо-саксов с острова Туле (из группы Британских), служившие в Византии. С тем же значением северогерманских дружин встречаются слова *Waeringer* и у западных летописцев. Арабские писатели также знают варягов как норманнов. Покойный академик Васильевский нашел один чрезвычайно любопытный византийский памятник XI века, который он изложил в статье «Советы и ответы византийского боярина XI века». Этот византийский боярин, пересказывая известную сагу о Гаральде, прямо называет Гаральда сыном короля Варангии, а известно, что Гаральд был из Норвегии. Так отождествляются Норвегия и Варангия, норманны и варяги. На основании всех этих данных вопрос о варягах можно считать решенным в смысле учения норманнской школы, и едва ли уже можно видеть в них западнославянское племя, как хотел Ломоносов и его последователи.

Трудный для решения вопрос о том, кто такое была русь, хотя и в этом вопросе больше шансов истины за норманнской школой, чем за славянской. Норманнская школа свои аргументы черпает прежде всего в сказании о начале Руси. В этом сказании, как мы видели, русь отождествляется с варягами и признается одним из скандинавских племен. Автор сказания от этих пришлых варягов выводит и происхождение имени орусъ в приложении к нашей стране. «И от тех варяг прозвася Русская земля Новгородци: ти суть людие Новгородци от рода варяжска, прежде бо быша славяне». Другими словами: варяги-русь дали свое имя и новгородской земле, которая была прежде чисто славянской землей. Когда же Олег со своею русью переселился из Новгорода в Киев и подчинил своей власти приднепровских славян, имя Русь

распространилось и на Киевское Приднестровье, а затем и на всю область восточных славян.

Защитники норманнской теории постарались подкрепить сообщения нашей летописи иноземными свидетельствами и филологическими соображениями. В 860 году, как известно, произошло нападение на Константинополь народа русь, как о том засвидетельствовал патриарх Фотий в своей проповеди εἰς τὸν ἑφοδὸν τὸν Ρως.. Об этом же нападении современный западный летописец, *диакон Иоанн*, засвидетельствовал в таких выражениях: «eo tempore Normannorum gentes cum trecentis sexaginta navibus Constantinopolitanam urbem adire ausi sunt». Западные писатели и в X веке признавали в руси норманнов. Так Лиутпранд, епископ Кремонский, бывший два раза послом в Византии (в 948 и 968 годах) пишет: «Habet Constantinopolis ab aquilone Hungarios, Pizenacos, Chasaros, Rusios, quos nos alio nomine Nordmannos appellamus». Арабские писатели, например Ибн-Даста в сочинении «Книга драгоценных сокровищ» (912), говоря о руси, приезжавшей в Хазарию, ясно различают ее от славян. Арабы вообще считали норманцев и русь за один народ. Так, *Ахмед-Аль-Катиб*, писавший в самом конце IX века (после 890 года), сообщает, что в 844-м язычники руссы напали на Севилью, разграбили и сожгли ее. Какие это были руссы? Едва ли наши приднестровские славяне, скорее всего — норманны, опустошавшие в то время все побережья западной Европы.

С этими известиями о норманнах-руси вполне сходятся и данные языка этих руссов. Император Константин Багрянородный, рассказывая о торговле руси с Константинополем, приводит два ряда названий днепровских порогов — русские и славянские. По тщательным филологическим изысканиям оказывается, что русские имена порогов объясняются хорошо из скандинавских языков. Так, название порога *Ulworsi*, по-славянски «Острову-нипраг», выводится из скандинавского *Holm-fors*, что значит также остров-порог; название порога «*Cellandri*», по-славянски шумящий (звонец), выводится из скандинавского *Gellandi*, звучащий; название порога *Aifor*, по-славянски Неясуть (ныне Ненасытецкий), выводится из скандинавского *Eifor*, неукротимый; название *Baruforos*, по-славянски Вулнипраг (Вольный теперь), выводится от скандинавского *Baru-fors*, водопад и т. д. Если присмотреться к именам первых русских князей, то легко можно видеть, что все это имена скандинавские; Рюрик — *Hroerekr*; Синеус — *Signiutr*; Трувор — *Thorvard*, Олег — *Helgi*, Игорь — *Ingwarr*; Оскольд — *Hoskuldr*, Дир — *Dyri* и т. д. Имена дружинников Игоря «от рода русска», как они перечислены в его договоре с греками, все скандинавские имена: Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремунд, Рулав, Гуды, Руальд и т. д. Все эти имена попадают в надписях на так называемых рунических памятниках вокруг озера Мелара в Швеции. Ясное дело, что русь была скандинавского происхождения.

Но как быть с тем, что среди скандинавских племен западные источники не указывают племени руси? Известны имена шведов, норманнов, готов, англов и данов, но неизвестно имя русь. Норманисты объяснили этот факт таким образом: русью стали называть скандинавов только у нас, в восточной Европе. Славяне услышали это имя впервые от финнов, которые и до сих пор зовут Швецию *Ruotsi*, *Rots* (эстонцы), а финны в свою очередь услышали это слово от самих, прибывавших в восточную Европу скандинавов, которые называли себя *rothsmens*, моряки. Финны это нарицательное имя приняли за собственное этнографическое, а с их легкой руки оно и утвердилось за варягами-скандинавами в нашей стране и в соседних — Хазарии и Византии.

Научные заслуги антинорманистов.

Нельзя не признать, что эти доводы в общей сложности солидно обосновывают

мысль, что русь была скандинавского происхождения. Противники норманистов старались опровергнуть это положение, но, на наш взгляд, безуспешно. Все, чего они достигли, это то, что отодвинули назад в более древнее время прибытие варягов-руси в нашу страну. Так, ими было указано, что имя русь является в памятниках гораздо ранее 862 года, в самом начале IX века. Жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского говорят о нападении князя россов на берега Малой Азии в начале IX века; византийские хроники сообщают под 835 годом о просьбе кагана хазарского прислать помощь против народа русь. Вертинские летописи, как мы уже видели, сообщают о народе русь под 839 годом. За хронологию начальной летописи, относящей прибытие руси к 862 году, после этих указаний стоять, конечно, не приходится. Эта хронология и без того заподозрена в науке, которая выяснила, что хронология эта принадлежит позднему составителю начального летописного свода, положившему числа там, где их первоначально не было. Приведенные антинорманистами данные, отодвинув назад прибытие к нам варягов-руси, помогают нам объяснить и тот факт, что в начале X века имя русь сделалось уже топографическим наименованием известной области в нашей стране. Константин Багрянородный это имя относит как раз именно к среднему Приднепровью, где стоял город Киев. Очевидно, что варяги-русь уже давно хозяйничали в этой местности и потому и сообщили ей имя Руси, Русской земли. Вот почему и князь Киевский в договорах Олега и Игоря именуется князем Русским; вот почему и законы, существовавшие здесь, называются в договорах Олега и Игоря законами русскими. Таким образом, народная традиция, сохраненная нашей начальной летописью, в общем, верно, передала основные факты нашей древнейшей истории. Она не смогла только удержать детали, подробности во всей точности. Детали введены были составителем начальной летописи, ученым человеком, и как видите, не совсем удачно.

Роль варяжских князей в объединении восточных славян.

Итак, призвание, или точнее сказать *принятие*, варягов действительно имело место в нашей стране. Норманны и у нас на Руси проявили ту же организаторскую деятельность, какую проявили они и в некоторых других частях Европы, создали из местных разрозненных элементов особое государство, подобно тому, как создали они такие же государства на севере Франции, на юге Италии и позже — в Англии. Конечно, не нужно преувеличивать эту организаторскую роль норманнов. Варяжские конунги потому только и объединили восточных славян под своей властью, что жизненные обстоятельства в известный момент настойчиво, как мы видели, потребовали этого объединения. И затем; жизнь подготовила и почву для этого объединения, ибо восточные славяне, как мы видели, уже успели организовать в ряд крупных, общественных союзов, связывавшихся друг с другом некоторыми существенными интересами. Варяжским конунгам в данном случае не пришлось создавать все *ab ovo*, а только связать отдельные части и увенчать, так сказать, «крышей» политическое здание, соорудившееся местной жизнью. С такими оговорками мы можем совершенно спокойно, без какого-либо неприятного для национального самолюбия чувства принять легенду о призвании князей из-за моря за отражение, хотя быть может и преломленное через призму времени, действительного факта, имевшего место в нашей начальной истории. Трудно только согласиться с летописной легендой касательно основного мотива, вызвавшего призвание, или принятие, варяжских князей. Таким основным мотивом по летописной легенде является внутреннее устройство земли; князья призваны были для суда и наряда, отсутствовавших среди восточных славян. Мы в свое время предположили, что варяжские конунги с их дружинами принимались в больших

торговых городах, главным образом, для обороны земель, торговых путей и интересов. Это предположение вполне оправдывается деятельностью первых варяжских князей, как она рисуется в начальной летописи.

Внешняя деятельность первых князей.

Первые варяжские князья выступают у нас не столько в роли внутренних устроителей земли, сколько именно в роли вождей дружин, защищавших восточных славян от обид и нападений соседей и оберегавших их торговые интересы.

Русь, т. е. княжеские послы и гости из разных восточно-славянских городов, как видно из сообщений Константина Багрянородного, вела деятельные торговые сношения с Византией, куда сбывала меха, воск, мед и челядь, т. е. невольников. По временам византийцы обижали русских купцов, являвшихся к ним в Константинополь. Мстителями за эти обиды и являются первые варяжские князья. Аскольд и Дир напали в 860 году на Константинополь, по свидетельству патриарха Фотия, потому, что византийцы убили некоторых из их соплеменников и отказали руси в удовлетворении за эту обиду. Нападение Олега на Царьград вызвано было также, по всем данным, обидами, которые чинили греки русским купцам. Договоры, которые он заключил с греками, определяли и на будущее время именно положение русских гостей и приехавших с ними также с торговыми целями княжеских «слов», т. е. послов. Русские послы и гости по этим договорам получали право проживать в Константинополе все лето и не могли оставаться только на зиму. Им отводились квартиры в предместье у св. Мамы (монастырь св. Маманта), а в самый город они могли входить только известными воротами, группами не более 50 человек и в сопровождении императорского пристава. Во все время пребывания они получали даровой корм, месячину, которая выдавалась им в известном порядке по старшинству городов — сначала киевским, потом черниговским, переяславским, смоленским и т. д. Кроме того, им разрешалось мыться даром в общественных банях. Все товары они получали беспошлинно. На обратный путь их снабжали из императорской казны съестными припасами, якорями, парусами, канатами и прочими потребными вещами. Договоры предусматривали и случаи взаимных столкновений русских и греков и устанавливали различные гарантии от взаимных обид. Русским запрещалось буйствовать в окрестностях Константинополя и по селам. Если русь случится недалеко от греческого корабля, прибитого бурей к чужому берегу, то она должна помочь ему и проводить его до безопасного места. Пленных, проданных в рабство, обе стороны выкупают по их цене. Руссам предоставляется возможность, если они того пожелают, наниматься на службу к греческим царям. Новый поход на Византию, предпринятый преемником Олега Игорем, кончился подтверждением договора Олега с некоторыми незначительными изменениями — ясный признак, что и на этот раз он предпринимался с целью охраны русских купцов и русских торговых интересов. С этой же целью посылал на греков и Ярослав своего сына Владимира в 1043 году, ибо как раз незадолго перед этим избили в Константинополе русских купцов и одного из них убили.

Кроме Константинополя, первые киевские князья предпринимали походы на хазар и камских болгар. В Хазарии и Болгарии русские купцы вели не менее значительную торговлю, как и в Византии. В столице кагана Итиле целая часть города занята была русскими и славянскими купцами, которые платили в пользу кагана десятину от всех своих товаров. То же было и в камской Болгарии. Прибыв к главному городу болгар, руссы строили себе на берегу Волги большие деревянные помещения и располагались в них по 10 и 20 человек со своими товарами, которые преимущественно состояли из пушных мехов и невольниц. На почве торговых сношений и возникали, очевидно,

столкновения руси с хазарами и болгарами в X веке, ибо в то время эти народы не были непосредственными соседями руси. Меря, мурома и мордва отделяли восточных славян от болгар, а печенеги от хазар. Поэтому и походы, предпринятые в Хазарию и Камскую Болгарию при Игоре, Святославе и Владимире Святославиче, вызывались, вероятно, теми же причинами, что и походы на греков. Об этом можно судить и по последствиям некоторых из этих походов. В 1006 году князь Владимир заключил с болгарами камский договор, в котором выговорил для русских купцов право свободно приезжать в болгарские города с печатями своих посадников и предоставил и болгарским купцам право приезжать на Русь и продавать свои товары, но только по городам — местным купцам, а не по селам — вирникам, тиунам, огнищанам и смердам.

Итак, первые киевские князья выступают в роли охранителей торговых интересов восточного славянства. В качестве этих же охранителей они защищают великий водный путь из варяг в греки. Они выполняют это дело, посылая вооруженные отряды для сопровождения торговых караванов вниз по Днепру, где эти караваны подвергались нападениям кочевников. Но особенно видной является деятельность первых князей по обороне славянских поселений от набега кочевников. Рассказав об утверждении Олега в Киеве, летописец отмечает: «се же Олег нача города ставити и устави дани Словеном, Кривичем и Мери и устави Варягом дань даят от Нова-города гривен 300 на лето мира деля». От кого Олег начал укреплять пределы русской оседлости? Очевидно, от кочевников, которые еще в IX веке стали прорываться в нашу страну. В первой половине X века, по свидетельству Константина Багрянородного, печенеги заняли уже все наши степи от Дона до Карпат, и с этими печенегами воюют и Игорь, и Святослав, как известно, и погибший в борьбе с ними. При Владимире война с печенегами идет уже «без перестани», по выражению летописи. Владимир, не раз терпевший поражения от печенегов, начал, по рассказу летописи, ставить города по Десне, Остру, Трубежу, по Суле и Стугне, набирать лучших мужей от словен, кривичей, чуди, вятичей и ими населять новые города: «бе бо рать от Печенег». Кроме печенегов Владимиру пришлось иметь дело с дикарями лесных литовских пущ — ятвягами. Владимир одолел их и занял их землю.

Охраняя торговые интересы приднепровского славянства и защищая его от набегов соседних варваров, первые киевские князья стремились присоединить к образовавшемуся под их властью союзу и племена, жившие в стороне от днепровского славянства: вятичей, древлян, уличей и тиверцев, и, наконец, хорватов. Некоторые из этих племен охотно шли под власть киевских князей; некоторые, как, например, древляне, уличи и вятичи, тратились», и князья «примучивали» их, покоряли. В конце концов им удалось объединить в один политический союз все восточное славянство.

Внутренняя деятельность первых князей.

По сравнению с этой напряженной внешней деятельностью первых киевских князей, деятельность их по внутреннему устройству страны, по введению в ней порядка, остается на заднем плане, в тени. Эта деятельность выражалась, главным образом, в установлении и сборе дани и оброков, шедших на содержание как самих князей, так и их дружины, и, таким образом, тесно связана была с той же внешней деятельностью. До летописца дошло предание что по этой части особенно отличалась вдова Игоря Ольга, в малолетство сына своего Святослава. Она разъезжала по стране и устанавливала погосты, т. е. административные центры в торговых пунктах, дани и оброки. Дань собиралась первыми князьями разным способом. Покоренные племена сами везли дань в Киев на княжий двор. Это так называемый *повоз*. Такой повоз возили, например, в Киев радимичи. Дань собиралась княжескими посадниками, или

наместниками, и расходовалась на содержание находившейся с ними княжеской дружины — *гридей*. Так, было, например, в Новгороде, где княжеские посадники со времен Олега и до смерти Ярослава собирали дань и отдавали ее частью варягам и вообще княжеским дружинникам, а частью отсылали в Киев. Князья затем сами собирали дань, для чего отправлялись со своей дружиной на так называемое *полюдье*.

Константин Багрянородный сообщает об этом следующие подробности. В ноябре месяце, как только устанавливался зимний путь, киевские князья отправлялись на полюдье по всем своим волостям; собирали они дань по большей части натурой, тут же чиня суд и расправу. В этом блуждании проходила целая зима, и лишь в апреле, когда вскрывался Днепр, князья возвращались в Киев, а за ними везли дань, которую тотчас же отправляли на ладьях в Константинополь для продажи. Игорь, по рассказу летописи, и погиб во время сбора этой дани. Но иногда князья поручали сбор полюдья своим дружинникам, как, например, поступал долгое время Игорь, отправлявший на полюдье своего боярина Свенельда.

Как видно из сообщения Константина Багрянородного, первые киевские князья творили и суд. С этим вполне согласуется и сообщение Ибн-Даста: «Когда кто из них (русских) имеет дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым и препирается; когда царь произносит приговор, исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором царя недовольны, то по его приказанию должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот одерживает верх; на борьбу эти родственники приходят вооруженными и становятся. Тогда соперники вступают в бой, и победитель может требовать от побежденного, чего хочет». Судебная функция принадлежала, несомненно, уже и племенным вождям и старейшинам и перешла от них просто по наследству и к варяжским конунгам, заступившим их место в крупных торговых центрах со сбродным населением. В виду вышеизложенных фактов и соображений, нельзя принять целиком характеристику первоначального варяго-русского князя, только как наемного сторожа русской земли. Варяго-русский князь с самого момента своего появления у восточных славян был одновременно с тем и устройтелем внутреннего мира и наряда в земле, хотя, разумеется, эта деятельность его и не стояла на первом плане, и не для нее собственно он был призван или принят населением.

Слабость государственного объединения восточных славян.

Новообразовавшийся политический союз всего восточного славянства, хотя и можно назвать, в известном смысле, первоначальным русским государством, но это молодое государство еще очень было далеко от того, что мы привыкли понимать под этим именем. Во-первых, еще не определилась окончательно территория этого государства. Славянское население находилось в состоянии постоянного передвижения, покидало старые насиженные места и занимало новые. Выше было указано, что вследствие прибытия кочевников в наши южные степи, славяне должны были покинуть эти степи и уйти в лесную область, где их поселки все более и более расплзались. Это передвижение населения как раз падает, главным образом, на X век. Затем, хотя восточные славяне и соединились под властью одного верховного вождя и судьбы, под властью одного государя, но пока еще слабыми узами. Более крепкими были те связи, которые соединяли их в местные союзы, местные политические меры, т. е. племенные и городские волости, родовые поселки. Союз восточного славянства представлял в X веке скорее федерацию под главенством киевского князя, чем единое государство в нашем смысле слова. Из договоров Олега и Игоря мы уже знаем, что по главным городам восточного славянства сидели под рукой великого князя Русского многочисленные «светлые князья». То были частью племенные князья восточных

славян, частью другие конунги и княжеские дружинники, которых сажал в отдельных волостях великий князь Русский, — его *посадники*. Летопись представляет себе первоначальную организацию государственного управления на Руси именно таким образом. Является Рюрик с братьями и дружиной из-за моря. Сам он садится в главном городе земли — Новгороде, около себя сажает братьев, а в другие города рассылает мужей. «И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полтеск, овому Ростов, другому Белоозеро». Святослав, отправляясь воевать в Болгарию, посадил Ярополка в Киеве, Олега — в Древлянской земле, Владимира — в Новгородской. Из другого места летописи узнаем, что в Полоцке в то время сидел князь Рогвольд. Владимир, у которого было двенадцать сыновей, всех их рассажал еще при жизни своей кого в Муроме, кого в Новгороде, кого в Полоцке, кого в Ростове, а одного — Мстислава — даже в отдаленной Тмутаракани. Все эти посадники великого князя русского отправлялись на места свои с частью дружины, и кормились на счет даней и разных поборов с населения, посылая часть дани великому князю в Киев. Таким образом, например, Ярослав, посаженный отцом в Новгороде, отсылал ему «уроком» две тысячи гривен в год, а 1000 гривен раздавал находившейся с ним дружине — гридям. Мы видели, что так было дело и при Олеге, который установил давать ежегодно 300 гривен варягам, пребывавшим в Новгороде, «мира деля», а остальную дань, следовательно, брал себе в Киев. Эти варяжские дружины, находившиеся по городам вместе с князьями и посадниками, и давали возможность великому князю Киевскому держать в единении под своей властью раскиданные на необъятных пространствах восточно-славянские племена.

Посаженные великим князем князья и мужи во внутреннем управлении своими волостями были, по всем признакам, совершенно самостоятельны, и все их отношение к князю, находившемуся в центре государства, выражалось именно в том, что они посылали ему свой «урок» и ходили по его зову на войну.

С утверждением этих князей и посадников с дружинами по отдельным землям и волостям не заглохла, однако, и прежняя политическая самостоятельность местных миров. В самом центре восточного славянства — Киеве — великий князь не сделался полным хозяином положения. Когда требовалось разрешить какое-либо важное дело, он собирал на совет не только своих старших дружинников — бояр, но и старцев городских, представителей местного населения. Но эти городские старцы приносили с собой на совет, конечно, не одно только личное разумение, но и волю и желания населения, которые высказывались на вечевых собраниях.

Начало объединения национального.

Итак, создавшееся политическое единство восточного славянства, насколько можно судить о нем по фактам, сообщаемым летописью, не было тесным, народившееся государство не было еще сколько-нибудь сплоченным политическим телом. Но при всем том нельзя отрицать значения совершившегося факта. Как ни как, а над многими, дотоле разрозненными мирами, появилась общая власть в лице киевских князей. Эта власть, соединяя племена, города и волости, в общих военных и торговых предприятиях; становясь в роли посредника между ними, регулируя их взаимоотношения, усиливала в них чувство племенного единства и будила национальное самосознание. Не чем иным, как пробуждением национального самосознания вызвана была потребность объяснить, откуда пошла русская земля, кто первый стал княжить в Киев, и как этот город стал матерью русских городов — потребность, удовлетворить коей старался наш начальный летописец.

* * *

Кроме указанных уже трудов Грушевского и Багалея и Курса русской истории В. О.

Ключевского (ч. 1), ближайшими пособиями могут служить:

К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история. Т. 1. СПб., 1872.

Н. П. Загоскин. История права русского народа. Т. 1. Казань, 1899.

И. Е. Забелин. История русской жизни. Ч. 1.

С. А. Гедеонов. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. СПб., 1862. *Он же.* Варяги и Русь. СПб., 1876. Т. 1-2.

Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Москва, 1882.

А. А. Кипик. Die Berufung der schwedischen Rodsen I-II. 1844-1845. *Он же.* Начало русского государства // Чтения в Имп. Общ. Истории и Древн. Росс. 1891. Кн. 1.

В. Г. Васильевский. Труды. Т. 1. СПб., 1908; Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909. *Он же.* Русско-византийские исследования. Вып. 2. СПб., 1893.

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ СТРОЕ И КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА В ЭПОХУ ОБРАЗОВАНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА РУССКОГО

СЛИЯНИЕ варягов и славянских купцов; «русь» как общественный класс.

Утверждение варягов в нашей стране и образование Великого княжества Русского вызвали крупные перемены в социальном строе восточного славянства. До появления норманнов этот строй, как можно думать, отличался большой простотой. В сущности в среде восточного славянства были два класса — свободные и рабы из пленных, которых, впрочем, не задерживали подолгу, а либо отпускали за ненадобностью, либо обменивали или продавали. Кроме того, по всему вероятно, наметилось деление свободных людей по месту жительства и господствующим занятиям на торговцев — горожан, и на землевладельцев и промышленников — сельчан. С утверждением в стране варягов среди восточных славян оказался третий класс — пришлый и державшийся более или менее обособленно от остальных — *русь*. Этот класс был зараз и военный, и торговый. Варяг в нашей стране явился не столько в качестве вооруженного насильника, от которого надо было откупаться, сколько в качестве гостя, прибывшего с добрыми намерениями купить и продать и предложить свои услуги по обороне от нападений других врагов. Естественно, что к этим варягам примкнули очень скоро и отважные, предприимчивые люди из среды самих славян, которые вместе с варягами стали ездить в Царьград, Хазарию и Болгарию для торговли, стали предпринимать сообща с ними далекие военные походы. Вследствие этого, и имя гость, обозначавшее первоначально иноземца, стало прилагаться ко всем крупным торговцам, ездившим торговать на сторону. Эти славянские гости по источникам X века являются всюду вместе с русью, т. е. варягами, норманнами: и в Византии, и в Хазарии, и в Болгарии. С другой стороны, и варяги зажились среди восточных славян, сделались старожильцами, вследствие чего должно было происходить известное слияние пришлого и туземного элементов, и русь в конце концов получила значение туземного *военно-торгового класса*. Так как этот класс господствовал среди восточных славян и политически, и экономически, то и земля их и в собственном их сознании, и у других народов стала считаться *землей Русской*.

Выделение княжеской дружины; старшая и младшая дружины.

Но с того времени как варяжские конунги объединили восточных славян под своей властью, должна была неизбежно произойти дифференциация среди того общественного класса, который получил название руси. Вследствие усложнившихся задач по обороне и управлению страны трудно уже стало соединять одновременно торговую профессию с ремеслом княжеского дружинника. Так из военно-торгового класса Руси выделился особый, специально-военный класс — *княжеская дружина*. Этот класс теперь уже не имел значения пришлого элемента — был туземным общественным классом. И пополняться этот общественный класс стал уже не столько пришлыми варягами, сколько туземными элементами. Составитель начальной летописи отметил этот факт в рассказе о деятельности Владимира Святого по обороне границ: «и поча порубати (набирать) муже лучшие от Словен и от Кривич, и от Чюди, и от Вятич»,

и от сих насели грады» (Лаврент. 119). Княжеская дружина в свою очередь расслоилась на разряды. В состав старшей дружины входили княжи мужи, бояре. Это верхний, собственно правительственный слой. С ними князь думал о делах — «о строем землею и о ратех и уставе землем», назначал *воеводами, тысяцкими и сотскими* над народными ополчениями, посадниками, или наместниками, по городам, посылал на полюдье и для сбора вир и т. д. Часть этих старших дружинников находилась постоянно при князе, составляла его придворное, домашнее общество. Это так называемые *огнищане*. Младшую дружину составляли гриди — телохранители князей и защитники княжеских резиденций, находившиеся не только при князьях, но и при посадниках, *отроки, пасынки, детские*, служившее на низших должностях и исполнявшее разные поручения. Дружина находилась на иждивении князя, который ее кормил, одевал, вооружал и снабжал лошадьми. В княжеском дворце было целое помещение, называвшееся *гريدница*. Кроме прямых выдач необходимых предметов, князь старшим дружинникам, которые посылались им в города посадниками, предоставлял пользоваться частью своих доходов, даней и судебных штрафов и пошлин. Младшим дружинникам — гридям, отправляемым в города, предоставлялась на содержание часть дани; отроки, детские, мечники кормились от дел, которые поручали им князья, например, собирая дань или судебные штрафы, получали от населения корм, дары и известный процент с княжеских сборов. Наконец, князья делились с дружиной добычей и контрибуциями с побежденных. Летопись часто рассказывает о том, как князья брали города на щит. Что означает это выражение? Пленение и разграбление города и дележ добычи. Когда побежденные откупались от этого, князь брал откуп не только для себя, но и для дружины, как например Олег, взявший с греков по 12 гривен на каждое весло своих 2000 кораблей. Если даже считать эту подробность вымышленной, то все равно придется признать, что вымысел построен по тому, что тогда обыкновенно практиковалось.

Начало княжеского землевладения; княжеские холопы.

Княжеская дружина в X и начале XI века еще не сделалась землевладельческим классом. Но можно сказать, что эта будущая ее социальная позиция уже намечалась. Глава и вождь ее князь уже в X веке начинал распоряжаться землей. Ольга, например, устраивала княжеские села, намечала княжеские угодья, и летописец говорит, что и в его время известны были ее «ловища и перевесища». У князя Владимира Святого было любимое загородное село Берестово, где он проживал под конец жизни. В XI веке княжеское сельское хозяйство является уже налаженным, упрочившимся делом. Русская Правда краткой редакции говорит о рабах князя, распоряжающихся и работающих на его хозяйстве, о тиунах сельском и ратайном, о рядовничии, о конюхах, говорит о княжеских стадах и домашних животных князя, определяя таксу вознаграждений за причиненные князю убытки истреблением его людей, животных и хозяйственных вещей. Обращение князей к сельскому хозяйству показывает, что князья уже не удовлетворялись одними данями, судебными и торговыми пошлинами и искали себе и других источников обогащения — в занятии и эксплуатации земель и угодий. За князьями неизбежно рано или поздно должны были потянуться и их дружинники. Как увидим потом, к половине XII века наряду с княжеским землевладением и сельским хозяйством значительных успехов достигло и боярское землевладение и хозяйство. Княжеское общество; смерды.

Так, среди восточного славянства с прибытием варяжских князей образовалось особое, отделенное от всего остального населения общество, имевшее свою особую организацию, — общество, которое можно назвать княжеским. Кроме князей, к нему

принадлежали княжи мужи — бояре и огнищане, гриди, отроки, детские, княжеские рабы. Все эти люди состояли под особым покровительством князя, как это можно видеть из системы уголовных денежных взысканий Русской Правды. Вира за княжеских мужей полагалась обычно двойная; повышенное вознаграждение взималось и за княжеских рабов, отправлявших различные должности на дворе князя или по его сельскому хозяйству. Княжеские люди выделились не только в городском населении, но и в сельском, именно, так называемые *смерды*. Из состава сельского земледельческого населения, обложенного данями, князя выделили наиболее состоятельных, имевших лошадей, землевладельцев и обложили их *военной повинностью*. Смерды обязаны были выступать в поход вместе с княжеской дружиной и городскими полками, когда предстояла большая рать, под начальством своих старост. Поэтому смерды считались если не мужами, то княжескими мужиками. Князя брали за их убийство вознаграждение, как за своих людей; брали себе их имущество, если они умирали без сыновей, и т. д.

Люди.

Все остальное свободное население составляли *люди*, называвшиеся либо своими племенными именами — словене, кривичи, радимичи, вятичи, либо топографическими: новгородцы, полочане, смоляне и т. д. Эти люди составляли местные городские и сельские миры, имевшие своих старцев или старость, свои веча или сходки, связанные круговой порукой и ответственностью (вервь) за преступления.

Христианство у восточных славян и причины его распространения.

Кроме перемен, внесенных в общественный строй и быт восточного славянства утверждением власти варяжских князей и их дружинников, большие перемены внесло и совершившееся одновременно распространение христианства. Этому распространению содействовали как внешние обстоятельства, так и внутренние причины, лежавшие в самом язычестве восточного славянства.

Благоприятным внешним обстоятельством были сношения с греками, соприкосновение с христианской греческой культурой. Славяне сталкивались с этой культурой и на северном Черноморском побережье, где находились греческие колонии, и в Византии, куда славяне вместе со скандинавами ездили торговать и воевать. Результаты этого не замедлили сказаться. Когда в 944 году приехали в Киев византийские послы для подтверждения договора, то часть руси, княжеской дружины, оказалась уже крещеной и присягала в соблюдении договора в храме св. Илии. С другой стороны, и язычество восточных славян по своим внутренним свойствам не способно было к энергичному отпору новой религии. Наибольшей силой сопротивления отличается та религия, которая сложилась в форму ясного и определенного мирозерцания, имеет развитый культ и поддерживается влиятельным и привилегированным классом своих служителей. Ничего подобного нельзя сказать про язычество восточных славян. Вера в них была неопределенная, смутная и отличалась отсутствием всякого обобщающего философского начала. Славяне, как было уже сказано, одухотворяли, наделяли внутренней жизнью все явления окружающей природы, думали, что ими управляет воля богов, подобная их собственной, и потому старались направить эту волю в свою пользу или, по крайней мере, узнать ее. Но так как явления окружающей природы вследствие своей неразвитости они не могли систематизировать и возводить к действию начал, соподчиненных одной главной причине, то естественно, что и религиозные представления их отличались смутностью и неясностью. То были не столько идеи, сколько чувства божественных сил, разлитых в природе. Неопре-

деленностью и спутанностью отличались и загробные верования славян, совмещавшие представления разных эпох. Древнейшим верованием является представление, что душа остается в теле и живет в могиле. Это верование сохранялось у славян. Доказательством является совершение тризн на могилах покойников, причем часть угощения шла и на долю покойников. Дальнейшим верованием является представление, что душа отделяется от тела и блуждает по земле. Как распространено было верование в блуждающие души даже после принятия христианства, показывает случай рассказанный летописью под 1092 год. «Предивная вещь случилась в Полоцке: по ночам слышался шум и стон, на улицах бесы рыскали, как люди; и если кто выходил, тот мгновенно поражался язвой и от нее умирал, и не смели люди выходить из домов. Потом и днем стали появляться на конях, но самих не было видно, а только копыта коней, и так же уязвляли людей. И стали люди говорить, что мертвецы бьют полочан». Но наряду с подобными верованиями возникло уже и представление о том, что душа по смерти уходит в неведомую страну, вследствие чего и покойников снаряжали в дорогу экипажами, хоронили в санях, на которые ставилась лодка. Наконец, появилось верование, что душа переселяется в светлое царство солнца — пекло или рай, вследствие чего стали сжигать трупы мертвецов, чтобы облегчить душе поднятие в это воздушное светлое царство вместе с дымом. Автор сказания о начале Руси прямо свидетельствует, что вятичи и в его время сжигали своих покойников. Зачем они это делали, это объяснил один русс Ибн-Фадлану, наблюдавшему в 921 году погребальное сожжение знатного русса. «Вы, арабы, — говорил он, — народ глупый: вы берете все, что у вас любезнейшего и дорогого между людьми, и зарываете в землю, где его едят гады и черви. Мы же сжигаем его во мгновение, чтобы он без задержки и немедленно вселился в рай». Все эти разнообразные верования уживались вместе и порождали полный хаос в представлениях о загробной жизни.

Неразвитости религиозных представлений соответствовала и неразвитость культа. Весь культ состоял в молениях и требах, т. е. жертвах, которые каждый приносил на свой лад той или другой таинственной силе природы по усмотрению, с целью расположить ее в свою пользу. При таком порядке не могло выделиться и особого класса жрецов. Специалисты явились только по гаданиям и сношениям с таинственными силами — волхвы, кудесники, но и то не везде. Обыкновенно же и по этой части каждый гадал и волховал, как умел, и ученых волхвов было мало, а все свои доморощенные знахари. Вот почему и первые христианские учителя вооружались против гаданий и волхований как против общераспространенного зла. Церковные уставы Владимира и Ярослава к обычным преступлениям против христианской нравственности относят «потворы, чародеяния, волхование, ведовство, зелейничество, или кто молится под овином или в рощени, или у воды».

При таких условиях вполне естественно, что язычество восточных славян не выдержало столкновения с христианством, с его определенным и ясным вероучением, с его развитым культом, с целым классом духовенства, энергично его пропагандировавшего. Для восточно-славянской интеллигенции при столкновении с христианством не могло быть выбора между ним и примитивной религией предков, и она охотно принимала христианство. И в народную массу христианство проникло не вследствие только понуждения, а, несомненно, и вследствие проповеди, вследствие добровольного принятия.

Синкретизм верований.

Помимо вышеуказанной внутренней слабости язычества успехам христианства много содействовали и некоторые конкретные данные, которые были присущи как самому христианству, так и славянскому язычеству. С одной стороны, у восточных

славян было, хотя и смутное, представление о высшем небесном божестве *Свароге*, отце Даждь-бога, солнца и огня. На этом фундаменте легко могли укладываться и христианские идеи о Боге как всемогущем Отце Небесном, и Сыне Божиим, который именуется светом, солнцем правды. С другой стороны, и привычные представления славянина-язычника о множестве божественных сил находили себе аналогии в христианских представлениях о Матери Божией, ангелах, святых, демонах. Поэтому славянин-язычник должен был легко воспринимать христианское учение с этой стороны и приурочивать новые идеи к прежним представлениям. Так, его Перун превратился в Илью-Громовника, его Волос в св. Власия, покровителя стад, его многочисленные лешие, водяные и домовые боги — в христианских бесов и т. д. В результате совершался синкретизм христианства и язычества, стадия религиозного развития, с которой народная масса не сошла и до сих пор. Христианство проигрывало от этого в чистоте и глубине воззрений, но выигрывало в широте распространения.

Общие последствия распространения христианства.

Какие же изменения внесло оно во внутреннюю жизнь восточного славянства? Больше всего, конечно, подействовало оно на верхний, более или менее культурный слой славянского населения. Этот слой в христианстве получил стройное религиозное мирозерцание с обобщающим философским началом, с определенными ответами на коренные запросы ума и сердца. Что наиболее образованные русские люди усваивали так или иначе это мирозерцание, хотя бы и в общих чертах, свидетельством этого являются памятники древнейшей русской литературы, в которых содержится «исповедание христианской веры». Такое исповедание, например, встречаем в сказании о крещении Руси, возникшем сначала отдельно, а затем внесенном в начальную летопись. Здесь находится довольно удовлетворительное изложение христианского вероучения. Для культурного слоя русского общества христианство дало несомненно сознательный нравственный идеал. Нравственное чувство, конечно, было присуще восточным славянам и до христианства. Но едва ли это чувство превращалось в нравственные идеи, в непреложные правила жизни. Только с принятием христианства открылся сознательный нравственный идеал, и из фактов, приведенных в летописи о деятельности Владимира Святого после крещения и некоторых других князей, а также и первых подвижников монашества, можно видеть, что так или иначе нравственный христианский идеал сделался руководством в жизни, насколько полно — это, конечно, другой вопрос. Духовное влияние христианства простерлось до известной степени и на всю народную массу. Произошел, как мы видели, синкретизм язычества и христианства в этой народной массе. Но во всяком случае и этот синкретизм внес больше определенности, больше отчетливости в религиозные верования, установил более определенный культ и определенный класс служителей религии.

Церковь и ее задачи; воздействие на княжескую власть.

В обществе выделился новый класс, занявший в нем привилегированное положение и получивший возможность влиять на жизнь общества внутренними и внешними средствами. То было христианское духовенство, составившееся первоначально из греков, а затем из образованных русских людей, для приготовления которых к этому званию стали учреждаться особые школы. Это духовенство и стало насаждать, как умело, новые религиозные истины и новую нравственность — проповедью и церковными наказаниями по уставам, которые дали князья Владимир Святой и Ярослав. Восточные славяне, таким образом, получили новую организацию, какой они дотоле не имели, — церковь. Эта новая организация стала преследовать новые общественные задачи, которых совершенно не знало прежнее язычество. В языческую

эпоху общественные организации имели в виду только поддержание внутреннего мира и внешние безопасности. Теперь, с принятием христианства, выдвинулись новые задачи — поддержание религиозного и нравственного порядка в обществе, и эти задачи стала выполнять, насколько могла, церковь. Ей предоставлена была широкая юрисдикция над всеми христианами, в состав которой входили дела «о ведовстве и зелейничестве», о нарушении неприкосновенности и святости христианских храмов и символов, о церковной татьбе, о разводе, о блуде, о прелюбодеянии, о кровосмешении, о насилии и оскорблении женщин, о браках в недозволенных степенях родства и свойства, об имущественных столкновениях между мужем и женой, об оскорблении действием родителей и т. д. Выполняя эти задачи, церковь привлекала к содействию и светскую, княжескую власть, расширяя таким образом и усложняя ее деятельность. Она с самого начала стала внушать этой власти новые, более возвышенные, понятия об ее назначении, почерпнутые вместе с христианством из византийских источников. Когда умножились разбои при Владимире Святom, епископ стал говорить князю: «се умножишася разбойницы; почто не казниши?» Владимир отвечал: «боюсь греха». Тогда епископ сказал; «ты поставлен еси от Бога, на казнь злым, и на милованье добрым, достоин ты казнити разбойника, но с испытанием». Такое воззрение возносилось высоко над тогдашней политической действительностью. Варяжские конунги, превратившиеся в русских князей, были начальниками обороны и главными судьями в русских землях. На них не падало первоначально никаких обязанностей по обеспечению внутреннего житейского порядка, кроме разбора дел о совершившихся уже насилиях над личностью и о нарушениях имущественных прав. Теперь на князя возлагается новая обязанность — предупреждение преступлений, искоренение в обществе лихих людей, производящих преступления, попечение об общественном благе. Само происхождение его власти окружается ореолом божественности, святости. Власть князей выводится не из договора с обществом, как власть Рюрика, а от Бога. Понятное дело, что такие воззрения должны были возвышать княжескую власть и в ее собственных глазах, и в глазах общества, увеличивать ее права и вместе с тем обязанности. Можно сказать поэтому, что принятие христианства подвинуло сильно вперед эволюцию княжеской власти, помогало превращению ее в государственную власть в настоящем смысле этого слова.

Для этой власти церковь стала служить примером, как править, как судить и рядить. Дело в том, что после утверждения христианства наряду с княжим обществом и земским образовалось на Руси еще третье общество — *церковных людей*, — находившееся под управлением церкви. В состав этого общества вошли: игумены, чернцы и черницы, попы, диаконы и все, кто служили на клиросе, попадьи и поповичи, просвирни, свещегасы, люди, заведующие церковными учреждениями: больницами, гостиницами и богадельнями, т. е. лекари, странноприимцы, а равно и люди богаделенные, призреваемые церковью, — слепые, хромые, бедные вдовы, странники и богомольцы, прощенники (получившее чудесное исцеление), задушные люди (т. е. рабы, отпущенные по духовному завещанию) и изгои вроде безграмотных детей духовенства, выкупившихся холопов, разорившихся до тла купцов. Всех этих людей церковные власти — митрополит, епископ и их уполномоченные — судили по всем делам, ведали «межю ими суд или обиду (уголовные дела), или котора, или задница» (гражданские тяжбы). При этом церковные власти руководились не только местными обычаями, но и церковными канонами и узаконениями греческих императоров, содержащихся в Номоканоне, по-славянски — *Кормчей книге*.

Начатки просвещения.

Распространение христианства повлекло за собой и распространение грамотности, книжного научения на Руси. После крещения киевлян Владимир, по рассказу летописи, начал ставить везде церкви и попов и приводить людей на крещение по городам и селам. Вместе с этим он велел брать «у нарочитой чади» детей и отдавать «на ученье книжное». Цель была та, чтобы приготовить своих собственных русских священнослужителей. Но наряду с кандидатами на священство грамотность стала, однако, усваиваться и князьями, и боярами. Сын Владимира Ярослав вышел большим любителем чтения: «книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне», — говорит о нем летописец. Он набрал много писцов и переводчиков, заставлял их переписывать и переводить книги с греческого на славянское письмо и сложил их в церкви св. Софии, им же созданной. Эти усилия очень скоро привели к должным результатам. Не только священники, но и высшие иерархи русской церкви стали выходить из русских людей. При Ярославе из русских людей вышел даже митрополит Киевский — Иларион. Этот Иларион был не просто грамотным, а образованным для своего времени человеком, писателем. Он оставил после себя прекрасно написанное «Слово о законе и благодати», содержащее догматическое изложение Божественного домостроительства о спасении людей вообще и в частности о спасении народа русского, совершенном через избранника Божия, «кагана нашего Владимира». Иларион не был явлением единственным в своем роде. Еще ранее, немного лет спустя после мученической кончины Бориса и Глеба, написал «Сказание страстей и похвала о убьении святуго мученику Бориса и Глеба» русский мних Иаков. Он же составил «Память и похвалу князю русскому Володимиру, како крестися Володимир и дети своя крести и всю ; землю русскую от конца и до конца, и како крестися баба Володимирова Олга прежде Володимера». Есть некоторые данные думать, что и начало русского летописанья относится ко времени Ярослава и его сыновей, Тогда же, вероятно, была составлена и краткая редакция Русской Правды, содержащая запись разных узаконений и обычаев, действовавших при Ярославе и его сыновьях. Все эти факты являются показателями значительных успехов духовной жизни Руси, пробудившейся под влиянием распространения христианства и вместе с ним книжного научения.

Культурное влияние Византии; церковное искусство.

Христианство и книжное учение усилили то культурное влияние, которое оказывала на Русь Византия. До принятия христианства это влияние сказывалось главным образом на внешнем обиходе русской жизни. Из Византии к восточным славянам приходили «паволоки», т. е. шелковые ткани, греческие вина, золотые и серебряные монеты, произведения ювелирного искусства. Принятие христианства житейски еще более сблизило русских славян с византийцами и открыло широкую дорогу бытовому влиянию Византии. Князья и их дружинники стали носить одеяние греческого покроя, византийские украшения стали в еще большем ходу, чем раньше. Русские книги стали писаться по византийскому и болгарскому образцам с заставками и виньетками в начале глав, с различными изображениями. Так, Остромирово евангелие имеет на отдельных листах изображение четырех евангелистов, как и в византийских рукописях. В «Изборнике» Святослава (1073 год) находится замечательное изображение князя Святослава и его семьи в национальных костюмах и высоких меховых шапках; это изображение сделано также по образцу византийских рукописей, помещавших иногда на первом листе изображение владельца книги или ее заказчика. Но особенно ярко византийское влияние проявилось в рассматриваемое время в церковном искусстве,

архитектуре и живописи.

Храмы появились на Руси вместе с христианством. Языческая Русь знала только идолов, деревянные или каменные статуи, которые ставились на возвышенных местах под открытым небом; перед этими идолами и совершались моления и требы, т. е. жертвоприношения. Идол Перуна, по сообщению летописи, стоял на холме, где находился княжеский терем; перед ним и клялась Игорева дружина в соблюдении договора, заключенного с греками. Но одновременно с тем в Киеве была уже соборная церковь св. Илии, в которой приносила присягу христианская часть Игоревой дружины. Жена Игоря св. Ольга по возвращении из Царьграда будто бы построила в Киеве церковь св. Софии. Неизвестно, уцелели ли эти храмы ко времени общего крещения Руси. Дело в том, что первые годы княжения в Киеве Владимира Святославича ознаменовались сильной языческой реакцией. «И постави кумири, — пишет летописец, — на холму вне двора теремного; сотвори Перуна древяна, и главу его серебряну, а ус злат, и Хорса, и Дажь-бога, и Стрибога, и Семаргла и Мокошь». Перед этими кумирами киевляне стали приносить жертвы, даже своих сыновей и дочерей, «и осквернися кровью земля Руска и холмот». Один варяг христианин, на сына которого пал жребий, не захотел отдать его и был убит вместе с сыном. Подобное же происходило и в Новгороде, где Добрыня поставил кумир Перуна над Волховом. При таком подъеме язычества, который был, впрочем, только конвульсией его предсмертной агонии, возможно, что христианские храмы были разрушены. Поэтому Владимир после своего крещения поставил на холме, где раньше стоял идол Перуна, церковь в честь своего ангела — св. Василия, а затем, в 991 году, призвав мастеров из Греции, заложил в Киеве храм Успения Пресвятой Богородицы, на том месте, где был двор варяга-мученика, а когда церковь; через пять лет была окончена, он украсил ее иконами, вывезенными из Корсуня, и поручил выведенным из Корсуня греческим попам отправлять в ней богослужение, на содержание же церкви дал десятую часть от имения своего и доходов «от град своих». Затем, избавившись от гибели при нападении печенегов, во исполнение данного при этом обета, Владимир поставил церковь Преображения Господня в Василеве. Деятельность Владимира в этом отношении продолжал сын его Ярослав. В его княжение холм Кия принял вид настоящего уголка Царьграда. Под 1037 годом летописец записал: «Заложил Ярослав город великий, у него же града суть золотые врата: заложил же и церковь святая София, митрополью, и посем церковь на золотых воротах святые Богородицы Благовещенье, посем святого Георгия монастырь, и святые Ирины». Ярослав, таким образом, вместо прежних деревянных стен, окружавших центральную часть Киева, соорудил новые каменные и, подражая Царьграду, главные или великие городские ворота назвал Золотыми. Над Золотыми воротами Ярослав построил церковь Благовещения также в подражание Царьграду, где над Золотыми воротами стояла церковь Благовещения. Подражание Царьграду выразилось и в построении главного собора Киевского — церкви св. Софии, которую он украсил золотом, серебром, сосудами, церковными иконами многоценными. Что касается монастыря св. Георгия, то он воздвигнут был в честь ангела Ярослава, а монастырь св. Ирины в честь ангела Ярославовой супруги. «И ины церкви ставляше по градом и по местом, — говорит про Ярослава летописец, — и радовашеся, видя множество церквей и люди хрестьяны». Между прочим сын Ярослава Владимир в 1045 году заложил церковь св. Софии в Новгороде.

Мы не знаем, в каком роде были церкви, построенные Владимиром и Ярославом «по градом и местом» на месте языческих капищ и требищ. Весьма вероятно, что многие из них были домашней, деревянной стройки. Но церкви в Киеве и Новгороде несомненно были созданы по византийскому образцу, в византийском стиле.

В зодчестве византийского храма X и XI веков были следующие особенности. Стены снаружи и внутри и полы покрывались дорогими разноцветными мраморами и инкрустациями. Своды поддерживались мраморными, порфировыми и алавастровыми колоннами. Купола, алтарные абсиды и стены покрывались мозаической и фресковой живописью на золотых или на темно-синих и голубых фонах. Узкие поля стен, простенков и оконных арок заполнялись разнообразным орнаментом, который служил вместе с тем рамой для отдельных фигур и целых сложных картин. В куполе, напоминавшем небесный свод, изображался обыкновенно Господь Вседержитель, в алтаре Божия Матерь, по стенам события Ветхого и Нового Завета. В общем живопись храма должна была представлять ветхозаветную историю рода человеческого и искупление его крестной смертью Иисуса Христа; поэтому на стенах изображались обычно страсти Христовы. Колонны, державшие своды, покрывались изображениями святых мучеников с крестами в руках, что служило символическим указанием на значение их как столпов церкви.

Храм Успения Богородицы, построенный Владимиром и разрушенный во время нападения Батыя на Киев в 1240 году, несомненно, имел все указанные особенности византийского стиля. В развалинах этой церкви были найдены остатки золотых мозаических фонов, обломки стенной штукатурки с остатками фресковой живописи, порфиновые квадратные плитки, служившие для настенных инкрустаций, части мраморных и каменных плит. Пол церкви был выстлан мрамором, а посреди него находился круг из разноцветных камешков. Еще более признаков современного византийского стиля сохранил храм св. Софии в Киеве. Он не похож собственно на св. Софию Константинопольскую. Вместо одного купола у него целых двенадцать, поставленных на высоких фонарях, или барабанах (с окнами в главном). Храм имеет в плане вид креста, помещенного в четвероугольнике, с тремя абсидами на восточной стороне. Целые ряды столбов держат своды и арки. Пропорции в высоту иные, чем в Константинопольской св. Софии, более узкие и стройные. По устройству арок, сводов, куполов киевский храм напоминает собой скорее церковь Господа Вседержителя (Пантократора) в Константинополе. Внешние украшения и облицовка храма с течением времени погибли; исчезли также мраморные, порфировые и алавастровые колонны переднего притвора. Но уцелели некоторые мозаичные и фресковые изображения. В куполе, внутри радужного круга, сохранился мозаичный образ Вседержителя по грудь; уцелел образ одного из четырех архангелов, одетых в роскошные царские одежды, которые окружали изображение Вседержителя. Ниже в простенках, между окон купола, были изображены 12 апостолов, в четырех углах под куполом — четыре евангелиста, а внутри арок, держащих купол, — 40 мучеников; из всех этих изображений до нашего времени уцелели фигуры апостола Павла, евангелиста Марка и 15 погрудных изображений мучеников. В алтаре сохранилось огромное (в 7 аршин вышины) мозаичное изображение Богородицы Нерушимой стены, стоящей на особом подножии с молитвенно простертыми руками, под ним — причащение апостолов Иисусом Христом под обоими видами, а под этим последним изображением изображены святители церкви. На двух столбах главной алтарной арки изображено Благовещение: архангел Гавриил с одной стороны, св. Дева с пурпурной пряжей — с другой. Остальные пространства стен всего храма покрыты фресками, изображающими библейские и евангельские события. Все эти изображения носят условный характер. Лики святых спокойны, строги, углублены в созерцание. Большими серьезными очами смотрят они на зрителя и как бы стараются настроить его соответственным молитвенным образом. Две лестницы, ведущие на хоры, были украшены чисто светской живописью. Тут сохранились изображения охоты на кабана, на волка, на медведя,

на дикую лошадь, травля лося, а также изображения скоморохов, музыкантов, танцоров и акробатов. Все это были сцены княжеского быта; охота, веселые песни и пляски скоморохов были излюбленными развлечениями киевских князей. Другие изображения представляют сцены царского византийского быта: царя, сидящего на троне, выход царицы в сопровождении свиты, ипподром с четырьмя закрытыми воротами, квадриги, готовые к ристанию. Нахождение такой живописи на лестницах храма св. Софии объясняется тем обстоятельством, что эти лестницы были ходом из внутренних покоев княжеского дворца в храм. Тут также сказалось подражание Византии; византийские императоры (например, Василий Македонянин) украшали свои дворцы сценами разных увеселений, а иногда приказывали изображать свои военные подвиги и удачные охоты. Приведенные факты показывают, что в конце X и первой половине XI века волна культурного влияния Византии стала широко разливаться по русской земле, преобразая русскую жизнь, давая ей новые формы и частью новое содержание и новое направление; между прочим под этим влиянием в политической жизни Руси явно проступала тенденция к превращению образовавшегося союза восточных славян в благоустроенное государство, с авторитетной и сильной княжеской властью. Но эта тенденция, как увидим вскоре, оказалась не в состоянии побороть противные ей стихии и неблагоприятные обстоятельства, и на Руси не только не создалось благоустроенного, но и единого государства. Завязавшееся было политическое единство восточного славянства довольно скоро разрушилось.

* * *

Пособия:

- Д. И. Багaley.* Русская история. Т. 1. М., 1914.
М. Грушевский. Киевская Русь. Т. 1. СПб., 1911.
М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912.
Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. 1. Полутом 1. М., 1901.
Н. Д. Полонская. Историко-культурный атлас по русской истории. Вып. 1. Киев, 1913.
Н. Кондаков. И. Толстой. Русские древности. Вып. 4.
Д. Айналов, Е. Редин. Киево-Софийский собор. СПб., 1889.
Древние памятники искусства Киева. Харьков, 1899.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

МЕЖДУКНЯЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XI И XII ВЕКАХ И УСТАНОВЛЕНИЕ НА РУСИ ОБЛАСТНОГО СТРОЯ

ОБЩИЙ характер политического объединения восточных славян; единовластие великого князя до половины XI века.

Политическое объединение восточных славян, совершившееся в конце IX и в X веке, как уже было указано в своем месте, на первых порах было чисто внешним, лишенным внутренней сплоченности. Это был в сущности конгломерат многочисленных городских и сельских миров под верховным водительством великого князя Русского. Это соединение могло с течением времени упрочиться и превратиться в сплоченное государство при наличии двух условий: во-первых, если бы стоявшая во главе его великокняжеская власть в дальнейшем все более и более усиливалась и, набираясь правительственными средствами, все более и более овладевала обществом; во-вторых, если бы в самом обществе решительно возобладала тенденция к широкому политическому единению, выходящему за рамки городских и сельских миров. Но ни того ни другого условия не оказалось в наличии у народившегося русского государства, и оно в конце концов распалось на несколько частей, между которыми оставалась только национальная и церковная связь, а не политическая.

До половины XI века великий князь Русский правил в сущности единолично русской землей. Рассылаемые им по волостям князья и мужи были его посадниками, которые были обязаны идти по его зову на войну, доставлять ему часть дани и других доходов. По большей части это были его сыновья или дружинники, которых он мог выводить из земель и волостей и смещать с должностей. Два раза, впрочем, великому князю пришлось иметь дело с братьями: в первый раз по смерти Святослава (972 год), во второй раз по смерти Владимира Святого (1015 год), и всякий раз происходила борьба, заканчивавшаяся торжеством одного князя, устранением и подчинением других.

Родовое владение Русской землей.

Но со смертью Ярослава (1054 год) положение его преемников на киевском столе уже изменилось. Господствовавшая доселе тенденция к единоличному владению всей Русской землей уступила свое место тенденции к товарищескому, братскому владению Русской землей всеми членами княжеского рода под главенством старшего. В области княжьего владения, совершилась обычная в то время на Руси эволюция, в силу которой единоличные владения и хозяйства по смерти их основателей превращались в совместные владения и хозяйства их потомков, без окончательного раздела, под главным распоряжением старшего или большака. Политическое значение княжьего владения обусловило особый порядок в распределении волостей, в силу которого наиболее важные города, наиболее ответственные посты в охране общего достояния Русской земли должны были доставаться и наиболее старшим, как более умудренным жизнью, князьям. Эти князья должны были получать и наибольшее количество средств, дани и разных других доходов для надлежащего выполнения лежащих на них задач. По рассказу летописи, начало новому порядку во владении Русской землей положил сам Ярослав. Перед смертью он призвал всех своих сыновей и внука Ростислава и положил ряд о Русской земле, распределив ее волости по старшинству между сыновьями и

внуком. Старшему сыну Изяславу он дал Киев и Новгород, второму сыну — вторую по значению волость — Чернигов, присоединив к нему Муромо-Рязанскую область и отдаленную Тмутаракань, третьему сыну Всеволоду дал и третью по значению волость — Переяславль, присоединив к нему Суздаль и Белоозеро, четвертому Вячеславу — Смоленск, пятому Игорю — Владимир Волынский, внуку Ростиславу Владимировичу — Ростов. В этом распределении было довольно точное соответствие между старшинством князей и старшинством, т. е. политическим, значением волостей, как его можно видеть из рассказа летописи о договоре Олега с греками. Идею Ярослава усвоили и сыновья его и старались, по крайней мере, на первых порах, держаться ее в дальнейшем распределении волостей. Потому, когда в 1057 году умер Вячеслав Смоленский, оставив сына, старшие Ярославичи перевели в Смоленск Игоря с Волыни, а на его место перевели старшего из своих племянников — Ростислава Владимировича из Ростова. В 1073 году Ярославичи Святослав и Всеволод заподозрили старшего брата Изяслава в каких-то кознях и выгнали его из Киева. В Киеве сел тогда старший из оставшихся братьев — Святослав, а на его место в Чернигов передвинулся из Переяславля Всеволод. В 1076 году Святослав умер, и Всеволод перешел из Чернигова в Киев. Но, когда вскоре явился на Русь Изяслав с польской помощью, Всеволод поспешил уступить ему Киев и вернулся в Чернигов. По смерти Изяслава в 1078 году Всеволод, теперь единственный из сыновей Ярослава, во второй раз сел в Киеве. Когда он в 1093 году умер, киевляне, полюбившие сына его Владимира Мономаха, стали было приглашать его сесть на великом княжестве. Но Мономах наотрез отказался. «Аще яз сяду на столе отца своего, — говорил он киевлянам, — то имам рать с Святополком узяти, яко то есть стол отца его преже был». Он отказывался было от великокняжеского стола и по смерти Святополка, указывая на право Олега Святославича Черниговского, и уступил только настояниям киевлян, которые ни за что не хотели допускать до великого княжения Олега. И позже распределение волостей по старшинству считалось князьями настоящим, законным и справедливым. Внук Мономаха — Изяслав Мстиславич, добывая в 1146 году Киев под Игорем Ольговичем, оправдывался тем, что он ищет Киева не для себя, а для «отца» своего, дяди Вячеслава. Но так как в действительности он завладел Киевом для себя, то Вячеслав, по рассказу летописца, стал жаловаться на то, что племянник его «преобидил, положил на него бесчестье». Младший брат Вячеслава — Юрий Долгорукий воспользовался этим и стал добывать под Изяславом Мстиславичем Киев, объявив, что он старается для брата своего старейшего. Но так же, как и племянник, он «преобидил» Вячеслава и не дал ему Киева. Тогда Изяслав Мстиславич опять заступился за своего дядю и на этот раз уже должен был посадить его в Киеве. Всеволод Суздальский, помилив в 1180 году рязанских князей, «и поряд сотворив всей братьи роздал им волости их коемуждо по старшинству». Но это, впрочем, были уже только частичные применения обычая, который в то время уже постоянно нарушался в политической практике.

Разложение родового порядка княжеского владения.

Порядок распределения княжений по старшинству в самом себе носил зародыши разложения. Прежде всего не установилось определенного представления о старшинстве. На первых порах выдвинулось представление о родовом старшинстве, как это видно из заявлений Владимира Мономаха. Но в дальнейшем это представление натолкнулось на такие жизненные явления, которые делали его абсурдным, лишали его того разумного базиса, на котором оно покоилось. Оказалось, что племянники могут быть старше летами, разумнее, опытнее своих дядей, старшие родичи могут приходиться зятьями младшим и т. д., и т. д. Естественно, что должна была произойти

коллизия между родовым, юридическим, и фактическим старшинством и замутиться само понятие старшинства. Далее, порядок распределения волостей по старшинству сопряжен был с передвижением князей из одной волости в другую при освободившейся вакансии: это передвижение не было затруднительным, когда князей было сравнительно не много, но оно превращалось почти в постоянное состояние при размножении князей. Затем: при размножении князей и соответственно и умножении их «наделок» становилось трудно определить не только старшинство князей, но и старшинство, относительное достоинство и ценность самих волостей, тем более что по этой части происходили изменения. Переяславль, в первой половине XI века бывший третьим городом в Русской земле, сто лет спустя, разоренный половцами, стал одним из последних городов. Ростово-Суздальская волость, бывшая в первой половине XI века одной из последних волостей, стала во второй половине XII века первым княжеством в Русской земле и т. д. Распределение волостей по старшинству было известной комбинацией семейно-родового начала, требовавшего, чтобы каждый князь имел свою долю в Русской земле, и политического принципа, требовавшего, чтобы на более ответственных постах были более старшие, более опытные князья. Соединение этих принципов вскоре породило борьбу между ними. Князья стали добиваться известных столов не по праву своего старшинства, а потому, что это были наделы их отцов и дедов. Среди князей очень рано пробудилось стремление разверстать Русскую землю так же, как разверстывались доли в частном владении, т. е. на основании того, чем владели отцы и деда. Эта тенденция проступила очень явно в постановлении Любецкого съезда о том, чтобы каждый князь держал свою отчину. Но так как и этот принцип не получил перевеса, то в конце концов среди постоянных споров и усобиц за волости, выдвинулся чисто эгоистический принцип, в силу которого, как говорил один князь, не место идет к голове, а голова идет к месту. Князья стали добывать себе волости силой или дипломатическими средствами, путем переговоров и соглашений с местными обществами. Последние очень рано стали предъявлять свои желания и требования, считаясь с личностями князей, а не с правом старшинства или отчины. Так, уже в 1113 году киевляне не пустили на великое княжение Олега Святославича, старейшего из внуков Ярослава, остававшихся в живых, и посадили на Киевском столе Владимира Мономаха. Распределение волостей при таких условиях стало зависеть уже от личных качеств князей, от их общих и частных договоров между собой, от их рядов с городскими вечами. Понятное дело, что и власть великого князя над такими независимыми и враждовавшими между собой родичами не могла быть значительной, не могла развиваться и утверждаться в стране. Можно сказать, что в конце XII века оставалась только тень этой власти, одна только идея, которой совершенно не соответствовала политическая действительность.

Власть великого князя над родичами и ее упадок.

В половине XI века власть Киевского князя как старшего, несомненно, имела еще действительное значение в Русской земле. Летописец исходил от этой действительности, когда влагал в уста Ярослава следующее обращение к сыновьям перед смертью. «Се же поручаю в себе место стол свой старейшему сынову своему, брату вашему Изяславу, Киев, сего послушайте, яко же послушаете мене, да ты вы будет в мене место», — к Изяславу в частности: «аще кто хочет обидити своего брата, но ты помогай, его же обидять» (Ипатьев, под 1054 годом). И впоследствии, когда князья были в добрых отношениях с великим князем, они выражали признание его власти. Так сын Юрия Долгорукого Ростислав, рассорившись с отцом, приехал к великому князю Изяславу Мстиславичу, его сопернику, и говорил ему: «Ты еси старей

нас в Володимирих внуцах, а за Рускую землю хочю страдати и подле тебе ездити» (Ипатьев, под 1148 годом). Тот же самый Ростислав Юрьевич, когда его обговорили перед Изяславом Мстиславичем во враждебных замыслах, в намерении помогать отцу, говорил великому князю: «Брате и отче! ако ни во уме своем, ни на сердци ми того не было, паки ли на мя кто молвить, князь ли который, а се яз к нему, муж ли который в хрестьяных или в поганых, а ты мене старей, а ты мя с ним и суди» (Ипатьев, под 1149 годом). Но от признания власти далеко еще до практического осуществления ее. Надо сказать, что даже первые великие князья после Ярослава не пользовались властью в том объеме, в каком пользовался Ярослав и его предшественники. Названный отец был все-таки не то, что настоящий отец. Прежде всего не видно, чтобы этим названным отцам их названные сыновья платили дань, как это было в X и начале XI века. Затем, названные отцы не распоряжались так властно волостями, как это делали настоящие отцы. Когда из-за волостей разыгрались в конце XI века усобицы, то распря была покончена не распоряжением великого князя, а договором князей, съезжавшихся на сеймы в Любече и Витичеве. Князья не признавали за великим князем и права единолично судить и наказывать их. Когда Святополк Изяславич, поверив навету Давида Игоревича, выдал ему Василька Ростиславича, а тот ослепил его, князья послали сказать Святополку: «что се створил еси в Русьской земле, уверьгл еси ножь в ны? Аще быти вина какая была нань, обличил бы пред нами, а упрев бы и сотворил ему» (Ипатьев, под 1047 годом). Даже и общий поход князей против половцев в 1103 году состоялся не по приказанию великого князя, а по решению княжеского съезда на Долобском озере. Авторитет и значение великокняжеской власти подняли временно Владимир Мономах и сын его Мстислав — благодаря своему такту и личным доблестям. «Доброго страдальца за Русскую землю» князья уважали и охотно слушались. Сын его Мстислав жил, так сказать, отцовским капиталом. Когда в 1128 году полоцкие князья не послушались его и не пошли вместе с другими князьями в поход на половцев, Мстислав через год после того «поточил» их в Царьград, «зане, — говорит летописец, — не бяхуть в его воли и не слушахуть его, коли и зовяшеть в Русскую землю в помощь, но паче молвахуть Бонякови шелудивому в здоровье» (Ипатьев, под 1140 годом). Но это был последний авторитетный великий князь. Когда в Киве сел после Ярополка Владимировича старший из Ольговичей — Всеволод и при этом не удовлетворил своих братьев раздачей волостей, они послали сказать ему: «ты наш брат стариший; аже ны не даси, а нам самим о себе поискати» (Ипатьев, под 1142 годом). Подобные случаи встречаем после того на каждом шагу, читая летопись. У князей в конце концов образовалось представление, что великий князь для них только до тех пор отец, пока любит их и творит не свою, а их волю. В 1174 году великий князь Андрей Боголюбский, рассердившись на своих смоленских родичей, за то, что они не выдали ему Григория Хотовича, которого Андрей подозревал в отравлении брата Глеба, послал своего мечника Михна сказать: «не ходите в моей воли; ты же, Рюриче, пойди в Смоленск к брату в свою отпину»; «а ты (Давид) пойди в Берладь, а в Русской земли не велю ти быти; в тебе (Мстислав) стоять все, не велю ти в Русьской земле быти». В ответ на это Мстислав велел Андрееву послу остричь голову и бороду и отослал его назад к Андрею с такими словами: «Мы тя до сих мест акы отца имели по любви, аже еси с сякими речьми прислал не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а то дей, а Бог за всем» (Ипатьев, под 1174 годом). Мстислав, следовательно, не только не послушался великого князя, но и послал ему вызов на бой. В X веке все «светлые князья» находились под рукой великого. Теперь же быть подручником великого князя, его вассалом, стало для князей уже унижением. Они следовали за великим князем не по обязанности, а только по расположению к нему

и на условии того же чувства и с его стороны. Из сферы княжеских отношений исчезло право, а на место его стали чувства. Но это изменчивый и неустойчивый элемент. Великий князь киевский в конце XII века был уже совершенно бессилен и ничего не мог поделать с князьями. Певец «Слова о полку Игореве» поэтому и вложил в уста великого Святослава Всеволодовича такое сознание: «А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли сокол в мытех бывает, высоко пьтиц, возбивает, не даст гнезда своего в обиду: и се — зло, княже ми ни пособие».

Так, естественная эволюция княжеских отношений привела в конце концов к падению общерусской великокняжеской власти. Так как на место этой власти не выработалось никакого иного учреждения, которое бы связывало местные общества, княжения и волости, в единое политическое целое, то и политический союз всего восточного славянства следует признать к концу XII века прекратившимся.

Органом объединения могли бы быть, конечно, княжеские съезды, на которых делались постановления относительно всей Русской земли. Но эти съезды были крайне редкими. Таков был, например, съезд в Киеве в 1170 году, когда был предпринят общий поход на половцев. Другие съезды предпринимались, но не удавались.

Новое географическое размещение русского населения.

Было бы, однако, неправильно почерпнуть объяснение распада общерусского Киевского союза исключительно в естественной эволюции родового княжеского владения. Наряду с этой эволюцией и в связи с ней действовали и иные могущественные факторы, которые вели к одному и тому же результату. Здесь на первый план надо поставить новое размещение по нашей стране русского населения, совершившееся к концу XII века.

В X-XI и начале XII века большая часть восточного славянства жила в бассейне Днепра, Западной Двины и озера Ильменя вдоль великого водного пути из варяг в греки. От этой главной населенной полосы, как от ствола ветви, раскидывались в разные стороны сравнительно слабо и редко населенные колонии. У сосредоточенного таким образом восточного славянства были настоятельные жизненные интересы, заставлявшие его держаться; в единении под властью великого князя Русского. Главным из этих интересов была охрана водного пути, по которому шла отпускная торговля Руси с Византией. Но к концу XII века этого условия уже не существовало; восточное славянство разбилось географически и разобщилось в своих интересах, главная масса его сосредоточивалась теперь на верхней Волге и Оке и их притоках. Другая значительная группа держалась на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат, третья — на верхнем Днепре и Западной Двине и, наконец, четвертая группа, смыкавшаяся с первой в бассейне озера Ильменя и его притоков. Та часть Русской земли, которая прежде была наиболее населенной, в которой стояли первые города Руси — Киев, Чернигов и Переяславль, теперь уже запустела в сильной степени. Это новое размещение населения совершалось под действием двух причин: княжеских усобиц, а главным образом — половецких вторжений.

Ареной княжеских усобиц было преимущественно Приднестровье. Борьба шла главным образом из-за Киева и его пригородов. Киев отбивали друг у друга Мономаховичи и Ольговичи, дядя Мономаховичи у племянников, ссорились из-за Киева и Чернигова между собой и Ольговичи. Не довольствуясь дружинами, князья во всех столкновениях стали пользоваться услугами половцев, ввели поганых в Русскую землю. Но поганые и независимо от этого, пользуясь неладами князей, производили беспрестанные нападения и опустошения. Результаты этого сказались явственно уже в половине XII века. Сын Юрия Долгорукого Андрей, посаженный отцом близ Киева, в

Вышгороде, самовольно ушел оттуда к себе домой, в Суздальскую землю, и по рассказу летописца, оправдывал свой поступок «смущением» (печалью) «о нестроении братии своея, братаничев и сродников, яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху, и много крови лияшеса, и несть никому ни с кем мира, и от сего вси княжения опустеша... и от поля половцы выплениша и пусто сотвориша» (Никонов, под 1154 годом). Во второй половине XII века половецкие вторжения и опустошения не только не ослабевали, но еще более учащались. Так, в 1172 году половцы около Киева взяли села «без учта с людьми, и с мужи и с женами, и кони, и скоты, и овыце» (Ипатьев.). Больше всех страдала от половцев Переяславская волость, как наиболее выдвинутая в степь. В 1185 году половцы взяли все города по Суде, и князь переяславский Владимир Глебович жаловался тогдашнему великому князю Киевскому Святославу Всеволодовичу: «моя волость пуста от половец».

Но запустение Приднестровья при таких обстоятельствах происходило не только от того, что жители погибали и уводились в плен кочевниками, но и от того, несомненно, что они эмигрировали в другие области. Одновременно с запустением Киевской, Черниговской и Переяславской земель появляются признаки увеличения населения в Ростово-Суздальской области. Здесь в княжение Юрия Долгорукого и его сыновей появляется целый ряд новых городов, каковы: *Переяславль* на озере Клещине, *Угличе Поле* на Волге, *Кснятин* при впадении Перли в Волгу, *Юрьев Польский*, *Дмитров*, на р. Яхроме, *Москва* и др.; после Юрия — *Ржев*, *Зубцов*, *Тверь*, *Кострома*, *Унжа*, *Городец*, *Нижний на Волге*; к северу от Волги — *Шешня*, *Дубня*, *Клин* на р. Сестре, *Звенигород*, *Гороховец*, *Ярополк* и *Стародуб* на Клязьме и др. Это увеличение населения, конечно, стояло отчасти в связи с естественным размножением прежних поселенцев, но вместе с тем, несомненно, и с приливом населения с юга. Этим и объясняется повторение в географической номенклатуре Суздальской Руси южнорусских наименований: Звенигород, Галич, Стародуб, Переяславль, Белгород, Вышгород, Перемышль, Рогачев и т. д. О приливе населения в Суздальскую землю засвидетельствовал летописец. По его словам к Андрею Боголюбскому во Владимир приходили «сходны» и из Волжской Болгарии, и из Ясской земли, и из Южной Руси, и даже из Западной Европы, «от чех и немец». Сам Андрей в совете с боярами по поводу учреждения митрополии во Владимире заявил, что он всю Белую Русь городами и селами великими населил и многолюдну учинил. Это многолюдство в конце XII и начале XIII века было уже общепризнанным фактом. Певец «Слова о полку Игореве», поэтому и обращается к Всеволоду Юрьевичу с такими словами: «Великий княже Всеволоде! не мыслю ти прилетети, отня злата стола поблюсти, ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти». Потому и на совещании князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей на кануне Липицкой битвы 1216 года один из бояр говорил этим князьям, ободряя их на бой с Константином, которому помогали новгородцы и смоляне: «Княже Юрьи и Ярославе! Не было того ни при прадедах, ни при дедах, ни при отци вашем, оже бы кто вшел ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышел цел; хотя бы и вся Русская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, никак противу сей силе успеють; аже нынешний полци, право наверхем их седлы» (Лаврент.).

Но было бы непраильно думать, что одна только Суздальская земля поглащала насеение, эмигрировавшее из Приднестровья. Часть этого населения, несомнено уходила и на запад в земли Волынскую и, особенно, Галицкую. Многолюдством Галицкой земли и объясняется могущество ее князя, которое так ярко изображено певцом «Слова о полку Игореве»: «Высоко седишь на своем златокованном столе, подпер горы угорские своими железными пелкы, заступив королеви путь, затворив

Дунаю ворота, меча бремена через облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текуть, отворяе-ши Киеву врата; стреляеши с отня злата стола салтанй за землями». Наконец, часть населения из Киевского Приднепровья, несомненно, отливала и наверх, в Смоленскую землю, которая в конце XII и начале XIII веков обозначилась также, как одна из сильных земель наряду с Суздальской и Галицко-Волынской. В эту землю должно было сбиваться русское население с запада, из Полоцкой земли, которая с половины XII века стала подвергаться опустошениям литовцев.

Политическое и экономическое разобщение разных частей Руси.

Итак, русское население к концу XII века сильно разобщилось географически. Теперь уже не было того единства, которое существовало раньше, когда большая часть его группировалась вдоль великого водного пути из Варяг в Греки. Одновременно с тем оно должно было разобщиться и в своих политических и экономических интересах. Прежде у русского населения был один главный враг — кочевники. С расселением в сторону от Приднепровья и враги появились у разных земель разные: Полоцкой земле, например, мало было дела до половцев, но зато много хлопот с Литвой; Галицкой земле и Волынской приходилось иметь дело главным образом с поляками, венграми и Литвой; Суздальской и Рязанской — с мордвой и болгарами; Новгородской — с чуждью, а затем, с начала XIII века, с немцами и шведами; Чернигово-Северской не было дела до этих врагов, но зато было много дела с половцами и т. д. Прежде у восточного славянства был один общий экономический интерес, связанный с торговлей по великому водному пути из Варяг в Греки. Теперь эта торговля с Византией и Востоком пришла в упадок и на первый план выдвинулась торговля с Западной Европой. Но эта торговля пошла уже разными путями: торговля Рязанской, Суздальской и Новгородской земель через Волгу и реки озерного края, торговля Чернигово-Северской, Смоленской и Полоцкой земель — через реки системы Днепра и Западную Двину; торговля Киевской, Волынской и Галицкой земель сухим путем через Венгрию и Польшу. Так и в экономических интересах разошлись между собой русские земли благодаря новому размещению населения. При таких условиях естественно не мог держаться и политический союз всего восточного славянства, и Русь неизбежно должна была распасться.

Итак, в процессе распада Киевского союза восточного славянства должно было сыграть большую роль и географическое разобщение русского населения, произошедшее к концу XII века и стоявшее в связи с ним разобщение его политических и экономических интересов. Эти факторы недостаточно выдвинуты и оценены в исторической литературе, которая главное внимание уделяла в данном случае развитию княжеских отношений и из них выводила возродившийся на Руси партикуляризм. На наш взгляд, этот партикуляризм не утвердился бы в такой мере, как бы ни ссорились и ни дрались между собой князья, если бы само население стремилось к политическому единству. Но этого-то как раз и не стало к концу XII века вследствие вышеуказанных причин.

Обособление областей и возвышение веч главных городов.

Какой же политический порядок установился на Руси в конце XII и начале XIII веков? С упадком великого княжения Киевского приобрели самостоятельность, обособились друг от друга области Суздальская, Муромо-Рязанская, Смоленская, Чернигово-Северская, Полоцкая, Турово-Пинская, Волынская, Галицкая, Киевская и Новгородская. Во главе большинства этих земель стоял известный город, к которому тяготели другие, имевшие значение его пригородов. Вече главного города ставило

решения, обязательные для всей земли. Поэтому и летописец, наблюдавший этот порядок, суммировал свое наблюдение таким образом: «Новгород ци бо и Смольняне и Полочане и вся власти, яко же на думу на веча сходятся, что же старейший сдумают, на том же пригороды станут». По мере того как размножалось число князей, и росли распри и убоицы между ними, веча главных городов земель приобретали все более и более решающий голос в делах русской земли. Они призывали к себе князей и удаляли их, заключали с ними ряды, решали вопросы войны и мира, издавали различные внутренние распоряжения и т. д. Но главные усилия их направлялись к поддержанию внутреннего единства земель. В этом случае навстречу им шли и стремления населения земель. Постоянные опасности от княжеских убоиц и вторжений внешних врагов будили беспрестанно инстинкты самосохранения в населении отдельных местностей, влекли к единению вокруг старинных привычных центров, воспитывали в традициях областной солидарности и самобытности.

Сообразно с этим основным течением политической жизни совершилось к концу XII века и размещение наличного княжья в русской земле. В каждой из областей утвердилась та или другая линия княжеского рода. С размножением князьям уже стало немыслимо владеть сообща всей Русской землей и передвигаться по княженьям на всем ее пространстве. Поэтому отдельные княжеские ветви старались упрочиться в известной области, сообща владеть ею и передвигаться по княженьям в ее только пределах. Со своей стороны и население, привыкавшее к князьям известной линии, старалось их держать, ибо мена князей сопровождалась различными неудобствами, а подчас и потерями. При таких обстоятельствах и установилось, что в Суздальской земле стал княжить род Юрия Долгорукого, в Смоленской род внука Мономахова — Ростислава Мстиславича, в Волынской, а с 1198 г. и в Галицкой, род другого внука Мономахова — Изяслава Мстиславича, в Турово-Пинской род Святополка Изяславича, в Полоцкой род Изяслава, сына Рогнеды, в Чернигово-Северской род Олега Святославича, в Муромо-Рязанской род Ярослава Святославича. Только земли Киевские и Новгородские не получили своих постоянных династий. Киевская земля жаждала иметь свою династию, но будучи ареной постоянных княжеских убоиц и вторжений кочевников, оказалась не в состоянии удержать при себе ту или другую княжескую династию. Новгородская земля, более других привыкшая к политической самостоятельности и народному самоуправлению, не находила для себя нужным иметь постоянной династии и старалась брать князей из той ветви, которая в данное время была сильнее других или могла предоставить Новгороду больше льгот и всяческих выгод.

В пределах каждой земли главный город доставался по праву старшему князю в данной линии, а младшим доставались пригороды, называвшиеся их волостями, или *наделками*. Так как и отдельные ветви княжеского рода сильно разрастались, то и в отдельных областях возникало по множеству княжений. Таким образом, например, в Чернигово-Северской земле до нашествия татар встречаем княжества Черниговское, Новгородское, Путивльское, Рыльское, Курское, Трубчевское и т. д.; в Полоцкой земле — Полоцкое, Витебское, Минское, Друцкое, Изяславльское, Логожское, Стрежевское, Городецкое и др., в Волынской земле — Луцкое, Бельзское, Пересопницкое, Дорогобужское и др. Даже такая незначительная сравнительно земля, как Турово-Пинская, выделила к рассматриваемому времени несколько княжеств: Туров, Пинск, Дубровицу, Слуцк и Клецк. В Муромо-Рязанской области возникли княжества Муромское, Рязанское, Пронское, в Суздальской — Владимирское, Ростовское. Переяславское, Юрьевское, Стародубское, Ярославское и др. Мало разбилась по сравнению с другими земля Смоленская. Здесь до татарского нашествия по летописям

мы знаем один только Торопецкий стол, кроме Смоленского. Причину этого надо искать в том, что смоленские князья с половины XII века постоянно сидели и кормились в Киеве и его пригородах. Глава рода Ростислав Мстиславич три раза княжил в Киеве от 1154 до 1167 года, его сын Роман — два раза в промежутке времени от 1171 до 1177 года, другой сын — Рюрик — четыре раза между 1171-1207 годами, внук Мстислав Романович княжил в Киеве в год самой Калкской битвы; киевскими князьями были и внуки от другого сына Рюрика — Ростислав и Владимир. Все эти князья и их родственники во второй половине XII века и начале XIII века сидели на киевских пригородах — Вышгороде, Белгороде, Трепеле, Торческе, Овруче и Переяславле и т. д. При таких условиях Смоленская земля могла и не дробиться на княжения. Впрочем, необходимо оговориться, что возникновение отдельных княжений не разрушало земского единства областей. Княжения не сделались еще уделами князей, которые не оседали в них окончательно и передвигались в пределах земли со стола на стол, восходя иногда до главных столов областей. Не везде и не всегда это восхождение совершалось правильно. Наибольшую правильность можно заметить в передвижениях чернигово-северских князей, наименьшую в передвижениях князей полоцкой линии. В земле Полоцкой предания старшинства как-то вообще плохо привились, и столы добывались князьями или силой, или по уговору с населением. Но и в том и другом случае результат получался один и тот же — известная подвижность князей. Сами деления на княжения не приобрели еще устойчивости, и княжения возникали вновь, упразднялись, соединялись с другими, вновь восстанавливались и т. д. Князья, как и их волости, тяготели к главному городу земли, где сидел их старший, которому они в большей или меньшей степени подчинялись. Короче говоря, в областях было то самое политическое единство, которое в X, XI и начале XII веков существовало во всей Русской земле, были в миниатюре те же самые порядки, какие существовали ранее в крупном масштабе на пространстве всей Руси.

Общие итоги политического формирования Руси к концу XII века.

Теперь мы можем определенно сказать, какой политический строй установился на Руси в конце XII века. Строй этот можно назвать *областным*. Итак, политическая федерация всего восточного славянства заменилась к концу XII века областной политической организацией, по отдельным землям.

Установив этот факт, мы неизбежно должны поставить себе вопрос: стало быть, русская жизнь в смысле государственной организации к концу XII века не сделала никаких успехов по сравнению с IX веком? Такие утверждения и встречаются в исторической литературе. Указывают, что с разрушением Киевского союза возродился тот порядок вещей, который существовал на Руси до его образования, выступило то же деление на земли, которое существовало и раньше, проявилась та же политическая деятельность общин главных городов на Руси и т. д. Но подобные утверждения далеко не выражают истинного положения вещей. Порядок, установившийся в конце XII века, не был простым возвращением к старине.

Начнем прежде всего с деления на земли; выше было указано, что в IX веке вдоль великого водного пути образовался ряд крупных разнородных союзов восточного славянства вокруг некоторых торговых городов. Но эта организация тогда была еще в начале своего образования и далеко не охватывала всего восточного славянства, которое в разных местах продолжало еще жить родо-племенным бытом. Дальнейшее развитие областной организации и распространение ее на все восточное славянство совершилось уже при князьях. При князьях определялись окончательно границы прежних земель, состав их населения и возникли новые области. Таким образом, например, при князьях благодаря их завоеваниям расширились пределы Киевской

земли, в состав которой вошла область древлян; расширились пределы Чернигово-Северской земли, в состав которой вошли покоренные ими вятичи, создались новые области Муромо-Рязанская и Суздальская, пределы которых очерчены были княжеским оружием. Областная организация, установившаяся в конце XII века, вовсе не была дана в целом в IX веке, а развивалась, совершенствовалась в X, XI и первой половине XII века. Таким образом, и время это не проходило даром в истории государственного развития России. Могучая работа жизни продолжала то же самое дело, которое началось и в IX веке, — формирование крупных местных общественных союзов.

Успехи пошли и дальше. Не успев соединить все области в один политический союз, жизнь соединила их в несколько групп, сообразно новому географическому распределению населения. Самую большую из этих групп образовали земли Суздальская, Новгородская и Муромо-Рязанская. Между этими землями к концу XII века установилось известное единение. Новгородцы со времени Андрея Боголюбского брали себе князей большей частью из руки сильных суздальских князей. Рязанские князья находились уже в полном подчинении у суздальского князя. Всеволод III рассаживал их по волостям по старшинству, судил их в распрях и отряжал на войну. По выражению певца «Слова о полку Игореве», он мог стрелять удалыми сыновьями Глебовыми, как живыми самострелами. Другую группу образовали земли Смоленская, Киевская и Полоцкая. Большая часть великих князей киевских во второй половине XII и начале XIII века, как мы уже видели, выходили из рода, княжившего в Смоленске. Уходя княжить в Киев, они не порывали своих связей со смоленскими родичами, раздавали им пригороды в Киевской земле, действовали заодно в столкновениях с другими князьями и в борьбе с внешними врагами. Что касается полоцких князей, то в начале XIII века они уже находились в формальной зависимости от великого князя смоленского. Поэтому и Мстислав Давидович, великий князь смоленский, в 1229 году заключал договор с Ригой и Готландом от себя и за князей полоцкого и витебского. На юго-западе Руси составила третья политическая группа из земель Волынской и Галицкой, соединившихся под управлением князей одного рода, и Турово-Пинской, князья которой подчинялись обыкновенно галицко-волынским князьям. Такой политической группировки областей по районам не было в IX веке, и в этом можно видеть новость политической жизни Руси конца XII и начала XIII веков. Эту новость не надо ценить низко. Мы видим, что в этой группировке волостей обозначились те народные ядра, которым с течением времени суждено было превратиться в особые политические тела, в государства Московское — великорусское и Литовское — белорусско-малорусское.

* * *

Фактическую историю Руси до половины XIII века

можно изучить по трудам:

Д. И. Иловайский. История России. Т. 1. 2-е изд. М., 1906. С. *М. Соловьев*. История России с древнейших времен. Кн. 1. Изд. Товарищества «Общественная Польза».

М. Грушевский. История Украины-Руси. Том 2. Львов;

Объяснение междукняжеских отношений смотри в трудах:

С. *М. Соловьев*. История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847.

К. Д. Кавелин. Взгляд на юридический быт древней Руси // Собр. соч. Т. 1. Он же. О родовых отношениях между князьями древней Руси // Собр. соч. Т. 2.

В. И. Сергеевич. Рус. Юрид. Древн. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1893.

А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.

Scepink E. Das Erbfolgerecht bei den altslavischen Fürstenthäusern // Archiv für slavische Philologie. 1912. B. XXXIV.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ В ЭПОХУ ГОСПОДСТВА В СТЕПЯХ ПОЛОВЦЕВ

РАССТРОЙСТВО внешней торговли.

Разрушение Киевского союза восточных славян и установление областного строя помимо географического разобщения русского населения стояло в тесной связи с теми переменами, которые произошли в экономическом быту и социальном строе восточных славян в эту эпоху.

Выше было уже указано, какую огромную роль сыграла в объединении восточных славян торговля, развившаяся с Византией, Хазарией и Болгарией. Но с утверждением в наших степях половцев эта торговля все более и более расстраивалась. В 1170 году великий князь Мстислав Изяславич созвал братью свою и начал думать с ней о том, что делать, что предпринять ввиду того, что поганые «несут хрестьяны на всяко лето у веже свои», «и Греческий путь изьютимают, и Соляной и Залозвый». Упоминаемые здесь пути — те самые, по которым шло торговое движение на юг, т. е. путь из варяг в греки, путь в Тавриду за солью (Залозный путь — может быть, путь по Дону в Хазарию: по известиям Барбаро на низовьях Дона в 60 милях от Таны находилось великое множество ивовых лесов). Мстислав Изяславич предложил князьям «поискати отец своих и дед своих пути и своей чести». Князья собрались в поход, настигли половцев на Угле реке и Снопороде, разгромили их и побрали в плен вместе с их рабами и колодниками, скотом и имуществом. Но эта победа не уничтожила господства в степях половцев, и князья не отыскиали путей отцов своих и дедов. Торговля с Византией и Востоком пришла в упадок. Правда, в XII веке заметно поднялась торговля Руси с Германией. В Киеве стали проживать латинские, т. е. немецкие купцы; между прочим, город Регенсбург имел в Киеве свои торговые дома, которые занимались скупкой мехов. Во Владимире Залесском также бывали немецкие купцы, греческие и восточные. Завязалась также торговля и с половцами, но эта торговля не заменила той, которая велась раньше с Хазарией: предметом этой торговли были преимущественно лошади, которых кочевники сбывали на Русь. В общем внешняя, отпускная торговля Руси, несомненно, упала по сравнению с предшествующими веками. Помимо внешних причин тут действовали, по-видимому, и причины внутреннего характера: сокращение отпуска сырья вследствие увеличения внутреннего употребления, стоявшего в связи с увеличением самого населения и, быть может, также вследствие сокращения самой добычи. Русское население оттеснено было кочевниками от тех благодатных мест лесостепи, где водилось особенно много диких животных и пчел. Сокращение сбыта вызвало меньший прилив на Русь драгоценных металлов — серебра, вследствие чего и покупательная его стоимость поднялась, а вес бывшей в ходу денежной единицы — гривны кун понизился. В XI веке и еще в начале XII века гривна кун весила приблизительно 1/3 фунта, во второй половине XII века только 1/2 фунта, а в начале второй четверти XIII века из фунта серебра выходило уже 7 1/4 гривен кун. Людям, жившим даже во второй половине XI века, время предшествующее представлялось как время богатств, обилия драгоценных металлов. Дружина Владимира Святого, по рассказу летописи, была недовольна тем, что ее заставляли есть деревянными ложками, и Владимир распорядился «исковати лжицы - серебряны». Это была по тогдашнему времени нетрудная вещь: Владимир говорил, что золотом и серебром он не добудет дружины, а с дружиной добудет и золото, и серебро.

Развитие княжеского сельского хозяйства и землевладения.

Упадок внешней торговли должен был сильно отразиться на материальном обеспечении князей. Мы уже знаем, что в X и даже XI веке русский князь был самым крупным экспортером всякого сырья, набиравшегося им в виде дани. Сокращение добычи и сбыта этого сырья должно было ударить по карману прежде всего этого крупного экспортера. Но и независимо от этого материальное положение князя должно было с течением времени испытывать понижение. Князья размножались, а вместе с тем мельчали и сами волости, которыми они стали владеть. При таких условиях князья силой вещей должны были изыскивать себе другие доходы, другие источники существования, помимо даней, вир, продаж и разных торговых пошлин. Таким источником в XII веке и стало сельское хозяйство, которым князья стали заниматься наряду с охотой и правительственной деятельностью. Развитию княжеского сельского хозяйства помогло обилие рабов в распоряжении князей. В X веке челядь служила предметом экспорта на византийские и восточные рынки. Но уже в XI веке, а в XII и подавно, челядь стала употребляться для домашних надобностей князей. Уже краткая редакция Русской Правды, рисующая отношения XI века, показывает, что княжеская челядь посажена была на землю, работала по княжескому сельскому хозяйству. Правда упоминает холопа наряду со смердом — земледельцем, упоминает княжеского сельского и ратайного старосту, рядовничия, конюха у княжеского стада, перечисляет и сам состав княжеского скота — лошадей, коров, овец и т. д. Летопись XII века уже переполнена известиями о княжеских селах, населенных княжескими рабами. Некоторые из таких княжеских экономий были огромными хозяйственными заведениями. Так, на путивльском дворе Святослава Ольговича было семьсот человек рабов, кладовые (скотницы), погреба (бретьяницы), в которых стояло 500 берковцев меду, 80 кочаг вина. В сельце у брата его Игоря Ольговича был устроен двор добрый, где много было вина и меду и всякого тяжелого товара, железа, меди, а на гумне было 900 стогов. Большие стада составляли одно из главных богатств княжеских; под Новгородом Северским неприятели взяли у Ольговичей 3000 кобыл и 1000 коней. Эти княжеские экономии стали теперь главным объектом грабежа и разорения во время усобиц. Изяслав Мстиславич говорил дружине о черниговских князьях: «се есмы села их пожгли вся, и жизнь их всю, и они к нам не выйдут; а пойдем к Любчу, идеже их есть вся жизнь». Эти княжеские села оставались собственностью тех, кто их устраивал, и стали уже отличаться от волостей, которыми князья владели в качестве правителей, большей частью временно, до перехода на другую волость. Так, уже в XII веке князь становился сельским хозяином.

Зарождение боярского и церковного хозяйства и землевладения.

Вместе с князьями землевладельцами и сельскими хозяевами становились и княжие мужи. В 1150 году князь Изяслав Мстиславич, намереваясь добывать Киев, говорил своей дружине: «вы есте по мне из Руския земли вышли, своих сел и своих жизний лишився, а яз паки своя дедины и отчины не могу презрети; но любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налему и вашу жизнь» (Ипатьев, под 1150 годом). Когда владимирцы во время междоусобия дядей с племянниками по смерти князя Андрея Боголюбского одолели ростовцев, они повязали всех бояр, «а села боярская взяша и кони, и скот». Князь рязанский Глеб, напав с половцами на Владимирскую землю, много зла сотворил «и села пожже боярская, а жены и дети и товар да поганым на щит, и многы церкви запали огнем» (Лаврент. под 1177 годом). Много статей Русской Правды становятся понятными только при предположении развития боярского

землевладения. Развитие это было такой же исторической необходимостью, как и развитие княжеского землевладения. С течением времени князьям все более и более должно было становиться не под силу содержать своих мужей данями с населения и разными пошлинами. С другой стороны, у многих княжих мужей на руках оказалось значительное количество рабов, которых они набирали на войне и которыми раньше торговали, как и князья. Этих рабов княжеские дружинники и стали сажать на землю. Появились таким образом наряду с княжескими и боярские села, боярские дворы с челядью, скотом и всем хозяйственным обзаведением, на которых распоряжались боярские тиуны, старосты и рядовичи.

Наряду с боярским хозяйством и землевладением по тем же причинам появилось хозяйство и землевладение церковное. Первоначально князья обеспечивали церкви готовыми доходами со своих волостей и сел, так называемой *десятиной* или *уроком*. Эта десятина, или урок, бралась со всего, что приходило князю, — от даней, полюдья даровного, вир и продаж, от скота и хлеба. Но в XII веке князья стали уже наделять церкви селами и различными угодьями. Так, Ростислав Мстиславич Смоленский дал новоучрежденной Смоленской епископии село Дросенское со изгой и с землей, село Ясенское с бортником и с землей, землю в Погоновичах Мошнинскую, озеро Никоморские и с сеножатыми и уезд князь, озеро Колодарское, Холм и др. Андрей Боголюбский дал владимирской церкви Успения Богородицы «свободы купленыя и с даньми и села лепшая». Упоминание о купленных слободах очень знаменательно. Очевидно, что с развитием частного землевладения уже в XII веке стала происходить мобилизация недвижимостей, и имения сделались предметом купли-продажи, дарения и т. д.

Зарождение и укрепление идеи частной собственности на землю.

Развитие княжеского, боярского и церковного сельского хозяйства и землевладения сопровождалось крупными последствиями социального и политического характера. Здесь на первое место надо поставить зарождение и укрепление идеи частной собственности на землю. Пока к земле прилагался преимущественно личный труд земледельца, он создавал только простое владение до тех пор, пока этот труд прилагался. Факт этот нашел себе определенное и ясное выражение в статье Русской Правды о наследстве. «Аже смерд умереть, — гласит Правда, — то задницу князю, аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не, аже будут за мужем, то не даяти части им». Дочери не могут продолжать хозяйства отца, а потому и наследство, т. е. дом с землей и всем хозяйственным обзаведением переходит в распоряжение князя, который и дает за дочерьми, что можно. Значит, земля во всяком случае остается за князем. Но иное совершенное дело, если откроется наследство после княжего мужа. «Аже в боярех любо в дружине, то за князя задница не идетъ, но оже не будетъ сынов, а дчери возьмутъ». Боярин или дружинник прилагает к земле не личный труд, а свой живой и мертвый капитал в виде челяди, скота, семян, сельскохозяйственного инвентаря, и его владение оказывается поэтому более прочным, чем владение смерда, ибо хозяйственная эксплуатация занятого им участка не прекращается и после его смерти без детей мужского пола. Этот принцип надолго укрепился в землевладении. Крестьянское, земледельческое землевладение, как в западной, так и в северо-восточной Руси, долгое время строилось именно на начале трудовой эксплуатации. Крестьянин считался только пользователем, а не собственником, каковым по идее являлся представитель государственной власти — князь. Этот князь без нужды не трогал пользователя, не отбирал у него землю, и пользователь нередко совершал со своей землей всевозможные сделки. Но вместе с тем и князь считал возможным передать

свои права на землю крестьянина боярину, монастырю, считал возможным перевести крестьянина на другую землю и т. д. Боярская земля, боярщина, сделалась надолго синонимами свободной, неотъемлемой земельной собственности, на которую не простирались владельческие права князя, а только государственные.

Развитие института рабства.

Вторым важным социальным последствием развития княжеского и боярского землевладения было отложено в русском обществе значительного класса рабов и юридическое развитие института рабства. В X веке челядь вывозилась большей частью за границу. Но с того времени как нашлось для нее дело и дома, челядь все более и более копилась на Руси. В некоторых местах было такое ее скопление, что она грозила даже опасностью свободным обывателям. Про галицко-волынского князя Романа, населившего все свои села литовскими полоняниками, сложилась у современников такая тревожная поговорка: «Романе, лихим живеши, литвой ореши».

Вследствие накопления рабов в русском обществе неизбежно должно было последовать юридическое определение этого класса, его положение и отношение к свободным людям. Выяснились прежде всего источники этого состояния, т. е. кто считается холопом и на каких основаниях. Старинный источник рабства — плен — остался в полной своей силе. Например, в 1169 году новгородцы, отбив суздальское ополчение и преследуя отступающих, захватили такое множество пленных, что «купляху суждалец по 2 ногаты». Преступление и неоплатный долг также по-прежнему продолжали быть причинами обращения в рабство. Тяжких преступников князь забирали в рабство с женой и детьми и со всем имуществом (поток и разграбление). Несостоятельный должник, по своей вине оказавшийся несостоятельным, всецело отдавался в распоряжение кредиторов, которым была своя воля, ждать ли на нем деньги или продать его.

Но наряду с этим появились и некоторые другие источники рабства. Так как рабов стали держать дома или в селах, то возможны стали браки между ними и, как естественное последствие, приплод челяди. Возможны стали и браки свободных с холопами, вследствие чего стало действовать правило: по холопу раба, по рабе холоп, правило, о котором говорит Русская Правда. Так как челядь перестала вывозиться за границу, а стала употребляться на работы на Руси, то возможны стали продажа себя в рабство по нужде, отдача детей в голодные годы «одерень» из хлеба, поступление свободных людей на рабские должности тиунов и ключников, вследствие чего они становились рабами, если только не заключали особого договора с хозяевами. Так как челядь стала туземным классом, то естественно должно было смягчиться и суровое воззрение на раба как на имущество. Основное воззрение на раба как на объект, а не субъект прав, конечно, осталось. Вследствие этого, например, за убийство раба не взыскивалось виры, которая полагалась за убийство свободного человека, а только вознаграждение потерпевшему и обычный, 12-гривенный, штраф в пользу князя за истребление чужого имущества. Вследствие этого и взыскания имущественные падали не на рабов, а на их господ. Но наряду с этим стали уже пробиваться взгляды на раба как на человеческую личность, нуждающуюся в охране законом. Русская Правда, лишая детей, прижитых господином с рабыней, наследства после отца, в то же время гарантирует им свободу с матерью. Но церковный устав новгородского князя Всеволода Мстиславича идет далее и предоставляет и «робичичам» долю отцовского имущества — «конь, да доспех и покрут, по рассмотрению живота». Исследователи справедливо видят в этом смягчении рабства влияние христианской церкви. Но это влияние потому и могло прививаться, что раб стал своим, русским, человеком, что он

перестал быть объектом временного владения до первого благоприятного случая сбыта.

Закупы и изгои.

В связи с развитием княжеского, боярского и церковного сельского хозяйства стоит и образование особого класса зависимых людей, называвшихся *закупами*. Это хозяйство приобрело такие размеры, что землевладельцы стали пользоваться для него наемным трудом. Некоторые наймиты запродавали свой труд, т. е. брали вперед наемную плату, «купу», становившуюся таким образом их долгом, который они погашали своей работой на дворе или пашне своего кредитора. В последнем случае они назывались *ролейными закупками*.

Запродажа труда ставила закупа в большую зависимость от господина, как это видно из Русской Правды. Закуп обязан был жить в доме или при хозяйстве господина. Если он убежал, то становился холопом, за исключением тех случаев, когда он бежал к князю или судьям жаловаться на обиды от своего господина. Господин имел право наказывать закупа за вину; если же он наказывал его без вины, «не смысля, пьян», должен был вознаградить потерпевшего, как свободного. Ответственность за покражу, совершенную закупом, падала на его господина, который должен был вознаградить потерпевшего, а самого закупа мог обратить в рабство у себя или продать на сторону.

Если закупничество было переходной ступенью от свободного состояния к рабству, то *изгойство* было, наоборот, переходным состоянием от рабства к свободе. Изгоями вообще назывались люди, вышедшие из своего состояния, не имеющие житейской самостоятельности и нуждающиеся в сторонней поддержке, покровительстве. Церковный устав новгородского князя Всеволода Мстиславича обычными изгоями называет людей трех категорий: попов сын грамоте не умеет, холоп выкупится из холопства, купец одолжает, т. е. разорится. Изгои отдавались обыкновенно под покровительство церкви, считались людьми церковными. Но были изгои и у князей. Поэтому и смоленский князь Ростислав жаловал местной епископии село Дросенское со изгой и с землей, село Ясенское с бортником и с землей и со изгой. Факт этого пожалования указывает на зависимое положение, в котором находились изгои к землевладельцам, на земле которых жили. По-видимому, вольноотпущенники, изгои, были и у частных лиц, которые, взимая выкуп от своих рабов, брали их к себе в изгои. Один древний, памятник — «Предсловье покаянию» — в числе людей, нечестно обогащающихся, говорит и о «емлющих изгойство на искупающихся от работы».

Так под действием вышеуказанных факторов усложнился с течением времени социальный строй Киевской Руси.

Оседание княжеской дружины в областях и превращение ее в высший земский класс.

Развитие боярского и княжеского землевладения сопровождалось и весьма важными политическими последствиями в жизни Киевской Руси. Владение делами стало крепко привязывать княжеских дружинников к данной земле, и они обыкновенно стали оставаться в ней даже тогда, когда уходил их князь. Мы видели, с каким чувством говорил князь Изяслав Мстиславич своим дружинникам, что они вышли за ним из Русской земли, своих «сел и жизней» лишившись. Видно, что такой поступок был уже большим самопожертвованием. Обыкновенно же бояре, владевшие селами, предпочитали оставаться в земле и по уходе из нее князя. Эти оседавшие бояре по инстинкту самосохранения должны были тесно примыкать к местному обществу и становились *земским классом*. Вот почему и летопись же бояре, владевшие селами,

предпочитали оставаться в земле и по уходе из нее князя. Эти оседавшие бояре по инстинкту самосохранения должны были тесно со второй половины XII века начинать говорить о боярах черниговских, ростовских, смоленских, полоцких и др.

Как высший класс, правивший обществом при князьях и по их уполномочию, бояре стали руководить обществом и без князей, а иногда и против них. Они стали принимать деятельное участие в городских вечах, участвовать в призвании князей, в заключении с ними договоров, причем, конечно, не забывали и своих интересов. Это участие в некоторых землях, например Галицкой, было таково, что за ним уже не видно деятельности остального населения, которым руководили бояре. В Галицкой земле бояре прямо сделались хозяевами земли, и князья, приходившие со стороны княжить, попадали во власть борющихся боярских партий. Одни из таких князей, намекая на всецелое бояр, сравнивал их с пчелами в улье, которых надо предварительно подавить, чтобы поест мед.

Существование этих бояр наряду с подвижной, неусевшейся на местах, княжеской дружиной дало повод некоторым исследователям различать два ряда бояр — княжеских и земских, выводя это различие из различия самого происхождения этих разрядов боярства. Первые де пошли от княжеских дружинников, а вторых выделила сама земщина. Бояре земские — это вящие, лучшие, передние мужи земщины, самые богатые и самые знатные и потому самые сильные и влиятельные в земщине. Что в XII веке и начале XIII века можно различать среди боярства два слоя — осевший на местах и кочевавший с некоторыми князьями вроде Мстислава Мстиславича Удалого из волости в волость — это несомненный факт. Несомненно также, что лучшие, передние мужи земщины входили в состав боярства. Но неправильно думать, чтобы эти люди составляли какой-то особый разряд, отдельный от княжеской дружины. С самого начала образования княжеской дружины мы видим, что в состав ее входят «мужи лучшие от славян, кривич, чуди и мери».

Неправильно, с другой стороны, думать, что княжеские дружинники все время оставались изолированными от местных обществ, не устраивались среди них на постоянное жительство, не входили с течением времени в их состав. Княжеские и земские бояре — это не два класса, отличных по происхождению, а два разряда одного и того же класса — княжеской дружины, которых разделила друг от друга оседлость и развитие землевладения. Те, которые не успели скопить капиталов и приложить к земле, продолжали жить службой, другие, не прекращая службы, начинали жить самостоятельной экономической жизнью — сельским хозяйством.

Роль оседлого боярства в установлении областного строя.

Областной политический строй, утвердившийся на Руси во второй половине XII и первой четверти XIII века, в значительной мере опирался именно на эту общественную эволюцию, на то значение, которое приобрело в областях осевшее в них боярство. Прямой интерес этих бояр заставлял хлопотать об упрочении в земле той или другой княжеской ветви, о целостности, особенностях и самобытности земли.

Пришлые со стороны князя приводили с собой со стороны и дружину, которая старалась оттеснить на задний план местное боярство. Если же стол добывался князем силой, тогда местные бояре сплошь и рядом лишались пожитков и имений, на что имеются в летописи многочисленные указания. На товары, на жизнь, на села местных бояр прежде всего направлялась хищная алчность пришельцев. Упрочение известной династии в земле было в большей или меньшей степени гарантией против всего этого, и потому боярство, среди которого с течением времени все более и более усиливались мирные хозяйственные инстинкты, стало держаться князей одной какой-нибудь линии,

сажать их на главном столе и пригородах земли, поддерживать против притязаний чужеродцев. Таким путем при тогдашнем порядке княжеского владения лучше всего обеспечивалась и *целостность земель*, земли лучше всего охранялись от раздробления и распада. В обеспечении этой целостности боярство земель одинаково было заинтересовано, как и в упрочении известной княжеской династии в земле. С целостностью земель у местного боярства вообще связано было много жизненных интересов. В волостях пригородов разбросаны были иногда земельные владения бояр, и боярам важно было держать пригороды в связи с главным городом, не выпускать их из сферы политического влияния этого города, так как в противном случае могли страдать их владельческие интересы. На пригородах, где не было князей, кормились бояре главного города, и это также заставляло их оберегать границы земель от посягательств со стороны. Так, при деятельной поддержке боярства, усевшегося по областям, утверждался на Руси областной политически строй.

Познакомившись с конечными результатами социально-политической эволюции Киевской Руси и сопоставив их с тем, что приходится наблюдать на Руси в позднейшую эпоху, мы можем сказать, что эволюция Киевской Руси не прошла даром для позднейшего времени, что между киевской эпохой и позднейшей нет той глубокой пропасти, которая выступает иногда в нашей исторической литературе.

Непрерывную преемственность исторического развития приходится наблюдать и в настоящем случае. Оказывается, что уже и в киевскую эпоху началось оседание князей в отдельных землях, превращение их в сельских хозяев; оказывается, что и в Киевской Руси началось развитие боярского и церковного землевладения, составляющее характерную особенность последующего периода. Оказывается, что уже в Киевской Руси началось отложение земледельческого класса, зависимого экономически и юридически от землевладельцев.

Тот уклад жизни, которым характеризуется последующая эпоха, несомненно, стал закладываться в своих основаниях уже в киевскую эпоху. В одном Киевская Русь резко отличается от позднейшей Суздальской; князья еще не сделались в ней владельцами и полными хозяевами управляемых ими территорий; наряду с князьями огромным политическим значением пользовались вече главных городов-областей. В западной Руси, в XIII и XIV веках вошедшей в состав Литовско-Русского государства, этот порядок удержался и в последующее время. в Суздальской Руси, как увидим, политическая жизнь в конце концов устроилась на совершенно других основаниях.

* * *

Пособиями, кроме общих трудов Багалея, Иловайского, Соловьева могут служить:
М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912.
А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права. Ч. 1. 4-е изд. Юрьев, 1912.
М. Грушевский. История Украины-Руси. Т. 3. Львов, 1905.

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

УПРАВЛЕНИЕ РУССКИХ КНЯЖЕСТВ В ЭПОХУ ОБЛАСТНОГО СТРОЯ

ВЕЧЕ, его состав и функции.

Рассмотрев в главных чертах политический уклад Руси, как он определился к концу XII века, и его основания, мы должны теперь остановиться на тех силах, которые правили обществом в эпоху областного строя, уяснить объем и характер их деятельности и взаимные отношения. Такими силами были вече главных городов земель и князья.

На вече могли, имели право собираться и иногда собирались мужи из всех свободных классов земли. В 1212 году Всеволод III, задумав передать по смерти своей Владимир сыну Юрию, помимо старшего Константина, «созва всех бояр своих з городов и с волостей, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрию Володимер по себе, и води всех ко кресту, и целоваша вси люди на Юрьи» (Никонов, под 1212 годом). Но так как вече собирались в главных городах, и притом не регулярно, а когда понадобится, сплошь и рядом экспромтом, то жители пригородов, погостов и сел большей частью на них отсутствовали. В особо важных случаях, впрочем, жители пригородов, получали приглашение от главного города. Так, например, новгородцы призвали псковичей и ладожан «и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода». Но и из жителей главного города далеко не все принимали участие на вече. На вече приходили обычно только домовладыки, отцы семейств. Вот почему, когда участники вече изъявляли согласие воевать, они говорили князю, «идем по тебе и с детми», или «ради ся за тя бьем и с детми», Веча созывались или князьями, когда им требовалась поддержка, согласие, санкция населения, или же должностными лицами, как, например, тысяцким. Обычным способом созыва на вече был колокольный звон. Отсюда и выражение: «звонити» или «созвонити» вече. Для этого повешены были не только в Новгороде и Пскове, но и в Смоленске, Владимире Волынском, Суздале, Владимире и других городах особые колокола, которые назывались «вечными» или «вечими». Местом собраний служили обширные дворы или площади около церквей или на рынках, могущие вместить значительную народную толпу. В Киеве вече собирались на Ярославле дворе, у св. Софии, на торговище у Туровой божницы, в Новгороде также на княжеском дворе, у св. Софии, у св. Николы на торгу, у Сорока святых и т. д. При обсуждении дел собравшиеся или стояли, или садились на особые скамейки. В моменты обострения отношений между князем и населением на вече собирались на конях, вооруженные. В 1146 году киевляне, недовольные тиунами великого князя Всеволода Ольговича, потребовали от князя Святослава, его брата, чтобы князь отставил их и сам судил. Они явились к Туровой божнице все на конях, куда приехал и князь Святослав. Князь согласился на предъявленное к нему требование, «и съсед с коня, на том целова хрест к ним; кияне же вси, съседше с конь, начаша молвити» (Ипатьев, под 1146 годом). Как происходили сами совещания, об этом у нас мало сведений. Можно только сказать, что определенного, строгого порядка не было, не было ни очереди голосов, ни формулировки резолюций, ни вотума. В случае разногласий, а особенно в разгар борьбы партий, совещания принимали совершенно беспорядочный характер, и решения не выносились правильно, а выкрикивались. Считалось, в принципе, что то или другое решение принимается «однодушно», «одними усты», причем это единодушие достигалось иногда и насилием, террором большинства над меньшинством или наоборот.

Какие дела решались на вечевых собраниях? В принципе, всякий вопрос мог стать

предметом рассмотрения в народном вече, ибо компетенция народного собрания была не ограничена. Но на практике, конечно, только наиболее важные вопросы восходили на обсуждение и решение народного веча. Сюда прежде всего относится вопрос о призвании или принятии того или другого князя.

Мы уже знаем, что порядок княжеского владения в известной очереди старшинства не соблюдался на деле. Князья больше говорили об этом порядке, чем держались его в своей практике. Столы добывались князьями либо силой, либо путем соглашения с вечами главных городов. Вече нередко выступало и с инициативой в данном случае — приглашало князя. Так, когда на севере была получена весть о смерти Юрия Долгорукого, «сдумавши ростовцы и суздальцы, и володимирцы вси пояша Андрея, сына Дюргева старейшего, и посадиша и на отьне столе Ростове, и Суздале, и Володимире» (Ипатьев под 1158 годом). Когда Андрей был убит, те же ростовцы, суздальцы и владимирцы съехались все во Владимир на совещание: «по кого хотим послати в своих князях?» (Там же под 1175 годом). Приглашены были племянники покойного князя — Ростиславичи. О смоленских летопись сообщает, что они в 1175 году выгнали от себя Ярополка Романовича, а Ростиславича Мстислава «выведоша Смоленску княжить». Нередко вече принимали князей, являвшихся к ним на княжение, когда оно становилось вакантным. Когда умер Всеволод III, явился в Переяславль-Залесский сын его Ярослав, созвал всех переяславцев и заявил им: «Братия переяславцы! се отец мой идя к Богови, и вас отдал мне, а мене вдал вам на руце, да рците ми, братья, аще хотите мя имети себе, яко же имеете отца моего, и головы свои за мя сложити?» Переяславцы ответили утвердительно и целоваша к нему вси крест» (Летопись Переяславля Суздальского под 1213 годом).

Приглашая или принимая князей, вече, как сказано, заключали с ними «ряды» или договоры. Так, Игорь Ольгович в 1146 году «съсед с коня и целова к ним крест на всей их воли». В силу этого он обязался сменить тиунов своего брата Всеволода Ратшу и Тудора, разбирать дела лично и назначить новых тиунов.

Князья приглашались обыкновенно на неопределенное время, до смерти своей. Полочане целовали крест в 1159 году князю Ростиславу Глебовичу на том, «яко ты нам князь еси, и дай ны Бог с тобой пожити» (Ипатьев.). По смерти Изяслава Мстиславича киевляне призвали его брата Ростислава и говорили ему: «яко же и брат твой Изяслав честил Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Киев твой» (Ипатьев, под 1154 годом). Но это не мешало вечам прогонять князей, когда они оказывались им нелюбы, когда нарушали ряды. Выше было упомянуто об изгнании Ярополка Романовича из Смоленска. Еще раньше, в 1146 году, киевляне изгнали от себя Игоря Ольговича, говоря: «Ольговичев не хотим быти аки в задничи», т. е. не хотим как бы переходить по наследству к Ольговичам. Бывали, однако, противоположные случаи, когда призывали или приглашали князей и с их потомками. Так, Всеволоду III вече целовало крест «и на детях его» (Лаврент. под 1177 годом).

Из других важных дел вече чаще всего обсуждало вопрос о войне и мире, именно в тех случаях, когда дело шло об участии народного ополчения. Войны обычно велись князьями при помощи своей дружины. Но иногда требовалось и участие народного ополчения. Это участие всецело зависело от решения веча. Когда Юрий Долгорукий в 1149 году подступил к Киеву, и зашло дело об его отражении, киевляне сказали своему князю Изяславу: «мирися, княже, мы не идем». Наоборот, ростовцы в 1175 году решительно потребовали от своего князя Мстислава Ростиславича продолжение войны с Всеволодом III: «аще ты мир даси ему, мы не дамы» (Ипатьев.). Но не только внешние дела, а и внутренние решались на вече. Так, князь Ростислав учредил в Смоленске епископию, «сдумав с людьми своими», т. е. с согласия веча. Выдав

новоучрежденной епископии уставную грамоту на права и доходы, князь заключил ее словами: «Да сего не посуживай никто же по моих днех, ни князь, ни людие». Значит люди, т. е. вече могли отменять уставы, т. е. издавать новые уставы, законодательствовать.

Функции князя.

Наряду с вечем и в согласии с ним действовал князь. Главными функциями княжеской власти были оборона земли и суд. Летописи полны известиями о походах князей на половцев, литву, чудь, мордву и болгар, которые нападали на русские земли. В связи с оборонительной деятельностью находится и постройка городов князьями на окраинах или в середине местностей, вновь заселяемых русским населением, как это имело место особенно в Суздальской земле. Суд был обычным, будничным делом князя. С раннего утра князь садился думать с дружиной или «люди оправливати», т. е. суд судить, по свидетельству известного поучения Владимира Мономаха. На отправление князем суда указывает и Русская Правда, предполагающая жалобу закупа князю на обиду от господина, говорящая о тяжбе братьев перед князем о наследстве, о наказаниях от князя за разные преступления, о приводе вора, пойманного на месте преступления, на княжий двор и т. д. Кроме обороны земли и суда, князь издавал уставы, законодательствовал и собирал с населения налоги. О законодательстве князей, кроме Русской Правды, свидетельствует и упоминавшаяся уже уставная грамота, выданная Смоленской епископии в 1150 году. Что касается финансовой деятельности князей, то и в XII и в XIII веках они продолжали ходить на полюдье, как и в X веке. Юрий Долгорукий в момент рождения сына своего Всеволода находился на Яхроме в полюдьи. На том месте, где застала его весть о рождении сына, он и заложил город Дмитров, назвав его в честь сына, христианское имя которого было Димитрий. Про Всеволода III летопись также говорит два раза: «сущу великому князю Ростове в полюдьи», или: «в Переяславле в полюдьи».

Княжеские доходы с населения.

За оборону внешнюю и внутренний наряд князь получал с населения разные, доходы. На первом месте здесь надо поставить *дань*, которая собиралась мехами (белками, веверицами, черными кунами), медом и деньгами (кунами, белыми кунами). Дань собиралась с дыма, двора, плуга — в общем с дворохозяйства. Когда князь сам отправлялся собирать дань «в полюдье», то получал при этом от населения *корм* натурой или деньгами и *дар*. Князь приезжал не только собирать дань, но и чинить суд и управу. Население поэтому выходило к князю с поклонами и дарами. Из года в год практикуемый порядок превратился в обычай, и дар из добровольного приношения сделался обязательным сбором, который назывался *полюдьем даровным*. От своей судебной деятельности князья получали *виры*, т. е. пени за убийство не в разбое; *продажи*, штрафы за другие уголовные преступления; судебные *уроки*, т. е. пошлины с гражданских процессов. Наконец, князья получали в свою пользу *мыт*, *весчее*, *померное*. Эти сборы были первоначально платой за разные услуги, оказываемые торговцам: мыт — при перевозке товаров через волоки или при упорядочении торговли на рынках через особых приставов — мытников; весчее и померное — при перевешивании и измерении товара. Но затем все эти сборы уже получили значение чисто торговых пошлин.

Должностные лица по центральному управлению; княжеская дума.

Однако и при крайней простоте управления князь не мог обойтись без помощников даже в стольном городе, не говоря уже о пригородах, погостах и селах. Ближайшими

помощниками его были *тиуны*, которые чинили суд и управу на княжем дворе сплошь и рядом вместо князя. Обыкновенно это были особо доверенные холопы князя. Один из них назывался тиуном *огнищным*, или *дворским*. Это предок позднейшего дворецкого, министра двора, заведовавшего княжеским домом, всеми слугами и всем хозяйством князя. Был еще тиун *конюший*, предок позднейшего конюшья, заведовавший княжеской конюшней, где содержались кони для военных походов. Тиунам поручались князем и другие обязанности; они, например, отряжались на волоки для поддержания порядка при перевозе товаров из одной реки в другую, за что получали с купцов подарки. За всех этих тиунов, как и за убийство княжих мужей, полагалась двойная вира в 80 гривен. Кроме тиунов, летопись у отдельных князей указывает *ключников*, *казначей*, *печатника*, *меченошу* или *мечника*, *стольника*, *покладника* или *спальника* и др. Кроме специальных своих обязанностей по услугам князю лично, эти должностные лица отправляли известные функции и по управлению, например мечник был приставом на суде князя и получал за то пошлыны.

Но самым главным должностным лицом при князе, первой персоной после князя, если не считать епископа, был *воевода*, или *тысяцкий* начальник народного ополчения, назначавшийся князем из самых видных его мужей, обычный член его *думы*. В этой думе участвовала обыкновенно старшая дружина князя, передние или лепшие мужи, бояре. Круг этих лиц, однако, не был замкнут, и князья совещались иногда «с уными», «с младыми светники», на что обыкновенно жалуется летописец как на непохвальный образ действий. Кроме старшей дружины в думе с князем сидели епископ и игумены — часто, но не всегда обязательно. Все княжеские думцы были люди свободные, служившие князю добровольно, а посему и на совещаниях они держали себя свободно и нередко «прелися» с князем. Результатом было то, что либо князь слушался своих думцев, либо действовал вопреки их совету, и тогда происходил по временам разрыв их с князем, неповиновение и отъезд, хотя не всегда. Все здесь зависело от того, насколько серьезно было само дело, из-за которого произошел конфликт. Так как бояре, старшие дружинники, были люди независимые от князей, служившее им добровольно, а вместе с тем во второй половине XII века они уже составляли высший земский класс в областях, то и совещание с ними князей они считали обязательным условием действительности княжеских распоряжений. Дорогобужский князь Владимир Мстиславич, не посоветовавшись с боярами, объявил им о походе против Киевского князя Мстислава Изяславича, с которым он состоял в крестном целовании. Но бояре отвечали: «о себе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе, мы того не ведали». И все общество признавало обязательность для князя опираться на согласие и содействие дружины. Когда названный князь Владимир приехал к берендеям с тем, чтобы вести их в поход на Киев, ему сказали: «се ездиси один — и без мужей своих, а нас перельстив», и пустили в него стрелы. Прямой интерес подсказывал князю необходимость обращаться за советом и содействием к боярам; а факт, повторяясь изо дня в день, превратился в конце концов в право, в известный политический порядок. Можно сказать, что княжеская дума стала необходимым сотрудником князя в управлении княжеством. Что касается ее компетенции, то она сливалась с компетенцией князя: какого-либо самостоятельного ведомства, отдельного от ведомства князя, у княжеской думы не было.

Должностные лица по местному управлению; начало кормления.

Большинство княжеств в рассматриваемое время были все-таки настолько значительны по своим размерам, что князья не обходились без помощников и вне стольного города в отдельных частях своих княжеств.

Эти части, отделенные друг от друга по управлению, назывались обыкновенно *волостями*. Волости эти были самых разнообразных размеров. Наиболее крупные, объединявшиеся вокруг какого-либо пригорода земли и состоявшие, в свою очередь, из нескольких волостей, или погостов, раздавались князьями *посадникам*, которые представляли в волости особу князя, были его наместниками (в XIII веке они и стали именоваться таким образом). Посадник, как и сам князь, был главный защитник волости, предводительствовал войском, строил укрепления для защиты от неприятелей, отражал их нападения. Посадникам принадлежала и судебная власть. Призванные в Ростовскую землю Ростиславичи роздали посадничества русским децким (киевлянам); «они же многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами», т. е. судебными штрафами. При отправлении своей должности посадники получали известные доходы. Русская Правда полагает всякому «вирнику», в том числе, конечно, и посаднику, при взыскании вир гривны «ссадную» и «перекладную», еженедельный корм натурой или деньгами, 16 гривен с каждой двойной виры и 8 с обыкновенной, т. е. 20%; «наклады» полагались судьям и при взыскании продаж. Наконец, в гражданских исках они получали судебные уроки «от всех тяжь, кому помогут». Так как должности посадников были доходные, то и молодые князья не брезговали ими. Посадничества рассматривались князьями как средства содержания своих слуг или родственников. Когда к галицкому князю Ярославу прибежал из Царьграда брат царя Андроник, Ярослав принял его с великой честью и дал ему «колико городов на утешение». Посадники чинили суд и управу не единолично, а с помощниками. При них, как и при самом князе, были отроки, или детские, которых они посылали для проверки показаний на месте, для приведения в исполнение судебных решений (например, делить наследство), для присутствия при испытании железом, на роте или присяге и т. д. Отроки ездили с посадниками или одни для сбора вир и продаж. Для охраны порядка на суде находился так же, как и при князе, *мечник*; для записи судебных решений и взысканий *метельник*, писарь. Все эти лица также получали в свою пользу известные доходы, как, например, *сметную гривну* в поклепном иске, с того, кто сверг с себя виру, *пожелезное* и т. д. Не все волости княжеств имели в качестве правителей посадников, княжих мужей с целым штатом отроков. В волости небольшие, чисто сельские, небогатые назначались судить княжеские тиуны. Поэтому и в уставной грамоте, данной Смоленской епископии, читаем: «Аж будет или тяжа, или продажа епископля, да не' надобе ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никому же».

Посадники и тиуны главным образом чинили суд по поручению князя в волостях. Для сбора с населения дани князья либо сами ездили на полюдь, либо высылали *данищиков*. Торговые пошлины собирали им *мытники* и *осменики*. Для устройства укреплений и военных дорог ими назначались особые *городники* и *мостники*, получавшее за руководство постройкой и ремонтом укреплений известные доходы с населения, которое несло повинность по устройству укреплений и дорог.

Древнерусский суд; его формализм.

Суд, который производил сам князь и его посадники и тиуны, носил чисто внешний, механический характер. Судья почти не входил во внутреннюю расценку доказательств. Он был обязан безусловно верить им, раз они удовлетворяли известным формальным требованиям. Придет на двор судьи муж «синь» (в синяках) или «надражен» (раненый) и станет жаловаться на кого-либо, а ответчик не приведет послухов, которые покажут, что избитый сам начал драку, дело кончено: ответчик обвиняется. Но, даже если послухи «вылезут», они должны слово в слово показывать, как было дело; в противном случае ответчик также обвиняется. Приведут татя с лицом,

т. е. поличным, пойманного на месте преступления, тут тоже не полагается никаких размышлений и колебаний. Увидят у кого что-нибудь тяжёлое на торгу, не берут прямо, говоря: это мое, но «пойди на свод, где еси взял». И человек, у которого нашлась краденая вещь, должен показать и доказать, у кого он ее купил, в противном случае обвиняется как вор. Найдут убитого на известной территории, община, несущая круговую ответственность, вервь, должна разыскать убийцу, в противном случае должна заплатить виру князю и головничество родственникам убитого. Но найдены кости, которые могли быть затащены псом, найден мертвец, имени которого никто не ведаёт, который мог сам умереть, тут нет ни суда, ни следствия. Обокраден купеческий табор на дороге, и след воровской приводит к селу, село обязано разыскать вора или «отсочить», т. е. отвести от себя след. Нет послухов и видоков у тяжущихся, пусть идут на роту, а если дело большое — на воду или железо; кому выпадет на долю очищение ротой, водой или железом, тот и прав и т. д.

Такой механический, чисто формальный суд был в то же время и пассивным. Истец сам производил предварительное следствие, например доискивался вора украденной вещи, опознанной на торгу, и шел до конца свода или до «конечного татя» в своем мире; и только, когда свод выходил за пределы мира, взыскание падало на последнего, до которого привел свод и который обязывался уже, если хотел, сам продолжать свод. Владелец бежавшего холопа сам разыскивал его, и посадник должен был только оказывать ему помощь, когда тот обращался за ней, при поимке опознанного холопа. Потерпевшие пользовались обыкновенно услугами частных лиц, которые они оплачивали, например, платили за переем беглого холопа. Впрочем, есть указание на существование при суде особых лиц, которые за вознаграждение помогали потерпевшим. В краткой Русской Правде в составе населения Новгорода упоминаются ябедники, которых исследователи сближают с скандинавским *Aembet*, означавшим вообще должностное лицо, чиновника. Из позднейших источников (Смоленского земского привилея, выданного великими князьями Литовскими), узнаем, что ябедник был чиновник, занимавшийся отыскиванием воров и покражи по следам преступления, помогавший в этом отношении потерпевшему. Вынеся приговор, суд часто предоставлял самому потерпевшему осуществить восстановление своего права: получить деньги, увести к себе домой в холопство должника и продать его.

Эта пассивность суда вместе с его механичностью и формализмом и были причиной того, что суд был не столько государственной функцией, сколько средством кормления для князей и их дружинников. Так как и военная функция князя и его дружины носила характер известной профессии, известного ремесла, оплачиваемого данью «мира деля», то и древнерусское княжение, несмотря на всю пропаганду возвышенных идей государства со стороны церкви, рассматривалось князьями как предмет эксплуатации, как доходная статья. Отсюда при благоприятных обстоятельствах, при упадке силы и значение веча, легко было уже перейти к воззрению на княжество как на частную собственность князя.

Пособия те же, какие указаны и в предыдущей лекции.

ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА С ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА И ДО НАШЕСТВИЯ ТАТАР

ДАЛЬНЕЙШЕЕ распространение христианства и его организация на Руси.

Чтобы покончить с Киевским периодом русской истории, необходимо остановиться еще на культурной жизни русского общества с половины XI века и до прибытия татар. Эта жизнь шла в том самом направлении, которое дано было ей сближением с Византией, причем в XII веке начинали уже сказываться и следы другого влияния — западного. И в рассматриваемое время продолжало распространяться в Русской земле христианство. Последними из славян приняли его вятичи, у которых проповедывал св. Кукша, монах Киево-Печерского монастыря, погибший от них мученической смертью (около половины XII века). После того христианство распространялось уже исключительно среди инородцев финского племени. Между прочим новгородский князь Ярослав Всеволодович в 1227 году крестил множество корел, «мало не все люди». С распространением христианства умножилось и число духовенства — священников и епископов. К концу областного периода на Руси было уже шестнадцать епископов, подчиненных митрополиту. Митрополиты избирались и поставлялись цареградским патриархом и в большинстве были греки; известны, впрочем, два случая избрания и поставления митрополитов собором русских епископов: Иллариона в 1051 году при Ярославе и Климента при Изяславе Мстиславиче в 1147 году. Митрополит имел высший надзор за епископами, мог подвергать их суду и наказаниям, а за тяжкие вины и низлагать, действуя, впрочем, во всех этих случаях не единолично, а при участии собора епископов своей митрополии. От суда местных епископов апелляция шла на суд митрополита. Сам митрополит был подвластен и подсуден цареградскому патриарху. Таким образом, разбитая политически, Русь оставалась объединенной в церковном отношении. Это обстоятельство имело огромное значение. Церковная организация была базисом, на котором держалось и противостояло всем разрушительным влияниям национальное единство Руси. Церковь, духовенство склоняли русских людей к единению гораздо больше и успешнее, чем князья, постоянно ссорившиеся и воевавшие друг с другом. Представители духовенства выступали в качестве миротворцев по отношению к князьям. «Мы есьмы, — говорил митрополит Никифор князю, — приставлены в Русской земле от Бога востягивати вас от кровопролитья». Духовные лица участвовали в посольствах, в съездах князей, принимали участие в составлении договоров, приводили к присяге в соблюдении договоров. Такие святыни русской церкви, как возникший при сыновьях Ярослава Киевопечерский монастырь, объединяли религиозные и племенные чувства и нравственное сознание русских людей всех земель, всех областей. Здесь был культ не только отвлеченного, аскетического христианства, но и культ Русской земли, просвещенной светом Христовой веры. Теплой, сыновней любовью, обвевалась здесь русская земля как в душах здешних подвижников, так и в душах всех, приходивших сюда за жизненным наставлением и поучением.

Церковное зодчество, живопись и скульптура.

За все рассматриваемое время, как и при Владимире и Ярославе, Русь покрывалась христианскими церквами, преимущественно, конечно, простой деревяннойстройки. Но в стольных и других больших городах князья строили каменные церкви при помощи

иноземных и русских мастеров и ремесленников. Великий князь Изяслав (1054-1078), в крещении Димитрий, основал на холме Кия Дмитровский монастырь, отличавшийся богатством и роскошью украшений (от него уцелели, впрочем, только фундаменты и некоторые украшения). Сын Изяслава Святополк-Михаил на том же холме выстроил новый храм во имя своего святого, архистратига Михаила названный за свои золоченые купола Златоверхим. Храм этот был украшен мозаичными изображениями и фресками, часть которых сохранилась до нашего времени, между прочим мозаичное изображение евхаристии в алтаре. Надписи над этим изображением сделаны уже не по-гречески, а по-славянски; исполнение самой мозаики ниже, чем в церкви св. Софии, пропорции фигур менее правильны, головы, руки, ступни ног несоразмерно малы. Видно, что мастера, исполнявшие мозаику, были уже не греческие, а русские — ученики греков. Мозаиками была украшена, и не только по стенам, но и по земле, знаменитая печорская церковь Успения Богородицы, которая была «свершена» в 1089 году. Этот храм был выстроен по плану византийских церквей греческими мастерами. Но в числе их находились уже и русские мастера и художники, между прочим первый русский иконописец Алипий, который имел чудесную кисть, приводившую в восхищение современников. В куполе храма был по обычаю колоссальный образ Христа Вседержителя, в алтаре — образ Богородицы, по стенам — изображение праздников, а на столбах — святые. В XII веке число красивых храмов в Киеве увеличилось еще храмом Кирилловского монастыря, сплошь расписанного фресками. В алтаре была изображена Богородица в типе Нерушимой стены, ниже — причащение апостолов, а затем изображение святителей; на стенах были праздники, на столбах святые. Киевские храмы стали образцом для других русских областей в церковном строительстве. В Ростове и Суздале первые церкви были выстроены по образцу печерского храма Успения Богородицы. Строя и украшая церкви, князья при помощи тех же мастеров строили себе и украшали каменные дворцы. Не только в Киеве, но и в предместьях его, в Вышгороде и Берестове, стояли княжеские терема с золотыми верхами.

С течением времени в церковном строительстве по отдельным областям стали проявляться некоторые особенности, указывающие отчасти на новые влияния, отчасти на развитие оригинальности в русском творчестве. Так, на строении храмов в Галицкой земле сказалось несомненное влияние западного стиля. Материалом кладки служил тесаный камень; широко применялись резные украшения. Для древних черниговских храмов характерны зубчатые пояски, резные капители, напоминающие подобные же детали суздальских храмов. Но особенно оригинальностью отличаются именно эти последние.

Андрей Боголюбский, не любя южной Руси, хотел создать второй Киев у себя дома, в Суздальской земле, уподобить Киеву свой стольный город Владимир. Он обвел его земляным валом, на котором воздвигнута была крепостная стена, и устроил для проезда в город пять ворот, из которых одни по примеру Киева получили название Золотых. Над ними была устроена церковь Положения Риз Пресвятой Богородицы. Укрепив город, князь Андрей построил в нем великолепный соборный храм Успения Богородицы. Строили его мастера, присланные из Германии от императора Фридриха I. Храм этот приводил в восторг и умиление современников, говоривших, что такой церкви еще не было и не будет на Руси. «Лета 6666 христолюбивый князь Андрей, — пишет древний летописец, — уподобися царю Соломону и доспе в Володимире церковь камену соборную святых Богородицы, пречудну вельми, и всеми различными видами украси ю от золота и серебра, и пять верхов ее позолоти, двери же церковные трои золотом устрой, камнем дорогим и жемчугом украси ю многоценным и всякими узорочьи удивлю, и всеми видами и устройством подобна бысть удивлению Соломону».

святая святых». Собор украшен был внутри великолепными фресками (в XV веке их обновил Андрей Рублев, и в этом виде они открыты были под штукатуркой в 1882 году), множеством драгоценных икон, золотыми и серебряными паникадилами, сосудами, рипидами, множеством шитых золотом и жемчугом богослужебных облачений и пелен под иконы. Перед царскими воротами был устроен «от злата и серебра» прекрасный амвон в виде небольшой, овальной формы часовни. Но драгоценнее всех украшений была поставленная в нем чудотворная икона Богоматери, писанная, по преданию, св. евангелистом Лукой. В нее, по словам летописи, Андрей вковал больше тридцати гривен (фунтов) золота, множество драгоценных камней и жемчуга. Независимо от богатого убранства Владимирский Успенский собор поражал стройностью и соразмерностью всех его частей, красотой арок, перекинутых по 8 столбам, поддерживающим хоры, своды и купола. Он был выстроен в византийском стиле в виде продолговатого четвероугольника с тремя полукружиями алтарных абсид на восточной стороне, с притвором на западной, с пятью тамбурными куполами. Но вместе с тем на нем сказалось уже влияние западного романского стиля в виде полуколонок, тянущихся сверху донизу по стенам, и в виде изящного арочного фриза. Владимирский Успенский собор сделался образцом, по которому выстроены были храмы в других северно-русских городах — в Юрьеве, Ростове, Звенигороде и др. Когда великий князь Иван III захотел соорудить в своей столице приличествующий и ей храм, то он не нашел лучшего образца для него, как только Владимирский Успенский собор. Его мастера приезжали во Владимир и сняли точную мерку храма. Аристотель Фиораванти, руководивший постройкой Успенского собора в Москве, приезжал во Владимир специально для осмотра тамошнего Успенского собора и был поражен его красотой.

В десяти верстах от Владимира на восток, Андрей основал город Боголюбов с монастырем и храмом в честь Рождества Богородицы. Андрей сильно полюбил этот город, выстроил в нем каменный дворец и проводил в нем большую часть своего времени. Во время татарского погрома город и церковь были разрушены, но часть дворца уцелела. По сохранившимся остаткам видно, что этот дворец представлял по своей архитектуре вариацию того же самого суздальского стиля, который нашел себе выражение отчасти уже в Успенском Владимирском соборе, но больше всего в храме Покрова Пресвятой Богородицы и в Дмитриевском соборе. Храм Покрова был выстроен недалеко от Боголюбова, при слиянии рек Перли и Клязьмы. На нем по стенам от земли до кровли идут колонки, разделяющие стены на три части и соединяющиеся арками; на восточной стороне тремя полукружиями выступают алтарные абсиды; все здание окружено поясом с небольшими колонками, соединяющимися между собой дугообразно. Между колонками и узкими щелеобразными окнами на наружных стенах помещены художественно исполненные скульптурные украшения. В середине изображен царь Давид с струнным инструментом (псалтырью) в руках, около него две птицы и два льва, пониже — три головки с распущенными волосами и еще пониже — два льва; на боковых отделениях изображены грифоны, терзающие зверей, и под ними две головки. Храм Покрова был прототипом Дмитриевского собора во Владимире, выстроенного Всеволодом III.

Всеволод III продолжал дело брата своего Андрея: он восстановил стены и башни вокруг владимирского кремля, отстроил заново княжеский дворец и воздвиг церкви Рождества Богородицы при основанном им мужском монастыре, Успения Богородицы — при женском. Но главным его созданием был Дмитриевский собор при великокняжеском дворце в честь св. великомученика Димитрия, имя которого носил Всеволод. Храм этот был выстроен тоже под руководством иноземных мастеров из

белого камня, привозившегося водой из Болгарии. Собор имеет вид правильного четвероугольника, продолговатые стороны которого обращены к северу и к югу. Восточная сторона, алтарная, выступает тремя полукружиями, из которых среднее больше других. Западная, северная и южная стены разделяются каждая на три части тонкими колонками, которые идут от самой земли до кровли и, образуя по стенам впадины, соединяются наверху арками. Своды, опираясь на четыре внутренних столба, поддерживают высокий тамбур, увенчанный шлемообразно главой с медным резным четырехконечным крестом. По середине стены кругом всего собора идет роскошный узорчатый пояс, от которого вниз спускается ряд колонок, опирающихся на особые кронштейны. Между этими колонками помещены фигуры святых, а в верхней части стены, выше пояса, особые композиции из человеческих фигур, животных, птиц, растений, почти исключительно фантастических. Композиции эти почти одинаковы на всех трех стенах — северной, западной и южной. Главная и центральная фигура представляет юного святого, сидящего на богато убранном престоле с венцом на голове и нимбом вокруг головы. Ему предстоят ангелы (в западной стороне), к подножию престола идут львы, грифы и разные другие страшные звери, с неба слетаются птицы; под ним изображены в большом количестве декоративные растения. Профессор Кондаков в юном святом видит изображение царя Соломона, всю фантастическую композицию считает скульптурной параллелью к древнему стиху «О Голубиной книге». Здесь раскрывается не простой окружающий нас мир, а мир премудрости Божией — сокровенный, таинственный, чудесный. Все эти фигуры в источнике своем восходят к Византии, но, очевидно, переданы были западным мастером, усвоившим себе скульптурный стиль, господствовавшей тогда в Германии, Польше, Венгрии и нашедший себе отражение и у нас, и в Галицкой земле. Кроме наружных украшений в Дмитриевском соборе уцелели фрески, открытые во время реставрации под штукатуркой и представляющие части картины Страшного суда (фрески эти, впрочем, подновлены в конце XIV или начале XV века Андреем Рублевым).

Не менее замечательны и рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, построенного в XIII столетии. Порталы этого собора украшены арабесками, состоящими из плетений и кругов с лилиями и птицами.

Значительного развития достигло церковное зодчество и в Новгородской земле. Знаменитейшим новгородским храмом является Софийский собор, построенный сыном Ярослава Владимиром в византийском стиле. В нем сохранился мозаичный образ Спасителя, сделанный греческими мастерами, и так называемые Корсунские врата. Корсунские врата являются памятником ранних сношений Новгорода с Германией. Они исполнены в Магдебурге, по заказу магдебургского епископа Вихмана, умершего в конце XII столетия. Деревянные доски, из которых они состоят, обиты медными листами, на которых чеканом выбиты рельефные изображения событий евангельской истории — Благовещения, Рождества Христова, Крещения и т. д. Изображен также и литейный мастер в богатом кафтане с клещами и весами в руках. Другим замечательным памятником церковного зодчества и живописи в Новгородской земле является Нередицкий храм Спаса Преображения в трех верстах от Новгорода, выстроенный князем Ярославом Владимировичем в самом конце XII века. Фрески этого храма, изображающие Вознесение Господне (в куполе), Иисуса Христа в виде старца с седыми волосами, Божию Матерь (в человеческий рост) с образом Сына Младенца на груди, святых, сохранились до наших дней. Самой интересной для историка является фреска, изображающая князя, дающего Спасителю модель церкви. Князь изображен в собольей шапке с голубым верхом, в темно-малиновом корзне, богато расшитом или вытканном золотыми разводами в виде кругов и побегов с

широкой каймой, в высоких сафьяновых сапогах. В Псковской области древнейшим храмом является Троицкий собор с мощами его строителя св. князя Гавриила (Всеволода Мстиславича).

Чеканное и ювелирное дело.

В связи с постройкой и украшениями храмов и княжеских дворцов, кроме зодчества, живописи и скульптуры, развивались у нас на Руси и некоторые другие художественные ремесла, служившие потребностям как церковного, так и морского обихода. Здесь на первый план надо поставить чеканное и ювелирное дело, производство золотых и серебряных изделий, украшенных эмалью, сканью и драгоценными камнями. Золотых и серебряных дел мастера (кузнецы) и ювелиры приготавливали ризы на иконы, раки, оклады евангелия, кресты, образки, сосуды, змеевики, архиерейские и княжеские шапки, венцы, диадемы, бармы, гривны или ожерелья, перстни и печати и т. д. Учителями русских людей в этом деле, в частности в технике перегородчатой эмали и скани, т. е. золотых и серебряных кружев, плетений, разводов, были византийцы. Выше было упомянуто об изготовлении Андреем Боголюбским драгоценной ризы для Владимирской иконы Божией Матери. Но еще ранее Владимир Мономах сковал драгоценную раку для мощей св. Бориса и Глеба, перенесенных им в Вышгород в церковь их имени. Рака эта, по словам летописца, была так великолепно сделана и так роскошно украшена, что даже иностранцы дивились искусству русских мастеров, ее создававших. К началу XII века относится оклад Мстиславова евангелия, украшенный сканью, эмалевыми образками, драгоценными камнями и жемчугом. Из крестов особенно замечателен крест княжны Евфросинии Полоцкой, сделанный в 1161 году русским мастером Лазарем Богшей, по византийским образцам. В нем находятся части Святого Древа, привезенные княжной из Иерусалима, эмалевые изображение евангелистов с русскими надписями, но по греческому произношению (Лукас, Маркос, Матфеос), эмалевые бляшки в виде украшений. В большом распространении были также кресты складные, кресты энколпионы (мощехранительницы) с надписями, образки каменные с изображениями святых или церковных события, змеевики — талисманы с изображениями змей, а на другой стороне Богоматери, Крещения, ангелов и с надписями: «Господи, помози рабу своему NN, аминь». Из сосудов, кроме напрестольных, замечательны акваманилы, или водолеи, в форме львов, тигров, лошадей, коров, баранов и т. д. Памятником искусства Киевской эпохи некоторые исследователи (Н. П. Кондаков) считают и Мономахову шапку, точнее — ее древнейшую часть, состоящую из восьми основных пластинок, украшенных сканью. Мнение это имеет под собой большие основания. Дело в том, что изображения княжеских шапок, подобных Мономаховой, встречаются на золотых бляхах, найденных в Старой Рязани и составлявших бармы, или княжеское оплечье. На лицевой стороне этих блях находятся кружки с эмалевыми изображениями святых князей (вероятно, Бориса и Глеба) — с юными, безбородыми лицами, с темно-каштановыми кудрями, в шапках с соболиной опушкой и лилово-коричневым верхом, в синих плащах; и пурпуровых исподних платьях. Шапки украшены сканью с камнями в гнездах. В 1889 году в Киеве в усадьбе Гребеновского был найден драгоценный клад, состоящий из золотой княжеской женской диадемы, барм, перстня с печатью и золотых византийских монет XII века. Диадема состоит из 9 створок, из которых средние семь представляют из себя киотцы с арочкой, украшенные перегородчатой эмалью. В киотцах изображение Иисуса Христа, Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла с греческими надписями, сделанными красной эмалью. Но одна надпись сделана наполовину по-

славянски: о агио Павъл; очевидно, что эта работа русского мастера. К каждой створе привешено по три эмалевых бляшки на цепочках. Это так называемая рясна, которая должна была спускаться на лоб. Две концевые створки являются уже только пряжками; на них изображены женские головки с коронами. Бармы представляют золотые и серебряные медальоны с изображениями Христа, Богородицы, святых. В качестве украшений служили также золотые и серебряные цепи, на которых носились кресты, — гривны, т. е. шейные обручи из золота, серебра, бронзы и даже железа, ожерелья, серьги, перстни с изображением архангела, льва, креста и т. п. Все эти вещи, бывшие сначала привозными, несомненно, производились у нас на Руси. Доказательством, кроме надписей, являются найденные формы для отливки крестов, глиняные тиглики для плавления эмали и т. д. Русские научились изготовлять у себя дома и парчу. Опись одной афонской обители (Ксилурга), составленная в 1143 году, в числе различных предметов русского изделия и искусства, пожертвованных в нее, упоминает епитрахиль золотую русскую, ручник Богородицы русский с золотыми оторочками, с крестом, кругом и двумя птицами.

Образованность князей и их заботы о просвещении.

Итак, по части искусств и художественной техники русские люди оказались переимчивыми и способными учениками византийских греков и частью даже западных латинян — немцев. Развитие искусств и художественных ремесел совершалось под покровительством князей, которые являлись главными заказчиками и возбудителями, а иногда и создателями художественной промышленности. Многие из князей дотатарской эпохи были широко образованными для своего времени людьми, с высшими духовными потребностями и запросами. Между прочим некоторые из них знали иностранные языки и имели возможность непосредственно приобщаться к духовным благам и ценностям западных стран. Таков был, например, сын Ярослава Всеволод. По свидетельству Владимира Мономаха, его отец знал пять иностранных языков, которым он научился у себя дома. Мономах советовал и сыновьям своим изучать иностранные языки, так как это доставляет почет от иностранцев. По свидетельству летописи, содержащемуся в Татищевском своде, знал греческий язык и охотно читал на нем книги князь Святослав Ростиславич Смоленский. О брате его, князе Романе Ростиславиче, летопись рассказывает, что он многих людей побуждал к учению, устроил училища, при которых содержал учителей греческих и латинских на свой счет, и не хотел иметь священников неученых. На это он издержал все свое имение, так что по смерти его ничего не осталось в казне, и смоляне похоронили его на свой счет. Брат Всеволода III Михаил, по словам летописца, очень хорошо знал Священное писание, с греками и латинами говорил на их языках так же свободно, как и по-русски, но не любил спорить о вере, другими словами — отличался веротерпимостью. О Ярославе Осмомысле Галицком говорится, что он знал иностранные языки, читал много книг, так что мог сам наставлять в правой вере, понуждал монахов учить мирян и назначал монастырские доходы на содержание училищ.

Знание иностранных языков в общем было, конечно, уделом не многих лиц. Поэтому и князья, ревновавшие о распространении просвещения, собирали большей частью книги, переведенные на славянский язык, или сами устраивали такие переводы. Начало положил еще Ярослав: он собрал писцов, которые переписывали готовые славянские переводы, нашел переводчиков, которые переводили с греческого языка на русский и, составив таким образом собрание рукописей, библиотеку, нашел для нее и помещение в соборе св. Софии. Дело Ярослава продолжал сын его Святослав, который ревностно собирал книги и наполнил ими свои клети (из его собрания дошел до нас

великолепный пергаментный «Изборник», с рисунком, изображающим самого князя и его семью). Собирал книги и князь Святослав Давыдович Черниговский (Святоша). О Константине Ростовском (сыне Всеволода III) в Татищевском своде говорится, что он был очень учен, держал при себе людей ученых, покупал много старинных греческих книг дорогой ценой и велел переводить их на русский язык, сам писал и другие с ним трудились. Одних греческих книг было у него более тысячи, которые он частью купил, частью получил в дар от патриархов.

Переводная церковная и светская литература.

Какие же книги распространялись в русском обществе в рассматриваемое время? На первый план, конечно, надо поставить Священное писание — Библию. Впрочем, едва ли вся Библия целиком находилась в распоряжении наших предков. Псалтырь, евангелие и апостол стоят в данном случае вне всяких сомнений. Остальные священные книги известны были преимущественно по *паремейникам*, т. е. по выдержкам из них, которые читаются в церкви в известные дни. Рядом со Священным писанием можно поставить некоторые экзегетические, истолковательные труды греческой богословской литературы и труды догматические. Самым замечательным экзегетическим произведением, обращавшимся на Руси, был «Шестоднев» Иоанна, пресвитера и экзарха Болгарского. Эта книга, содержащая шесть слов о творении мира, служила для наших книжников целой энциклопедией знаний по всем отраслям естествознания, ибо в словах Иоанна содержатся разнообразные сведения и объяснения природы. Из догматических сочинений в Киевской Руси обращалось «Слово о правой вере» или «Уверие» Иоанна Дамаскина, поучения Кирилла Иерусалимского, слова против ариан Афанасия Александрийского и др. Очень много вращалось переводных произведений греческой нравоучительной литературы, в частности «слова» Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, пространные жития святых или «минеи», сокращенные жития или «прологи» и «синаксари». По отделу историческому в дотатарское время на Руси вращались прежде всего две «Палеи», пространная, или толковая, и краткая. Это собственно популярные изложения священной истории, наполненные апокрифами; пространная палея, излагая историю творение мира, попутно сообщает разнообразные данные по астрономии, физике, зоологии, ботанике, минералогии и т. д. Затем большим распространением пользовались хронографы Георгия Амартола и Иоанна Малалы Антиохийского. Первый, доведенный автором до 842 года и затем его продолжателями до половины X века, содержит священную историю Ветхого и Нового завета и древнюю гражданскую и церковную историю; второй, начиная от сотворения мира, содержит преимущественно гражданскую историю, но переводчиком дополнен Палеей. К хронографам в переводе прилагалась еще «Книги Александр», или так называемая «Александрия», исторический роман о происхождении Александра Македонского от египетского бога, о его подвигах, о виденных им на Востоке чудесах; в качестве вставной статьи в хронографах фигурировала так называемая «Троянская история», т. е. подробный рассказ о взятии греками Трои, составленный Доресом Фригийским. Из книг поучительного содержания, быть может, уже в XII веке читалась русскими людьми так называемая «Пчела», сборник изречений или «Речи мудрости от евангелия и от апостол и от святых муж и разум внешних философ». Этот сборник составлялся постепенно в Византии и под названием *Μέλισσα* в редакции инок Антония появился в XI веке. К числу книг, откуда русские люди почерпали жизненные научения, принадлежала и так называемая кормчая книга, или по-гречески «Номоканон». К нам на Русь первоначально перешел «Номоканон» в болгарской редакции. Но уже при Ярославе этот «Номоканон» заменен был другим, именно сделан

был перевод с того греческого «Номоканона», который был в обращении в греческой церкви в IX веке. В этом номоканоне свод церковных правил святых апостол и святых отец и постановлений вселенских и поместных соборов дополнен следующими статьями: 1) извлечение из законов Моисеевых; 2) эклога — выборка законов, составленная при иконоборческих императорах Льве Исавре и его сыне Константине Копрониме (законы семейного, гражданского и частью уголовного права); 3) закон судный людям, славянская переделка эклоги относительно наказаний за уголовные деяния; 4) прохирон Василия Македонянина, или закон государственный (*jus civile*). Кормчая книга предназначалась как руководство для церковных правителей. Но из нее могли черпать наставления о том, как судить, и гражданские правители.

Самостоятельная церковная и светская литература.

Какими же последствиями для духовной жизни русского общества сопровождалось распространение всей этой литературы? В нашем распоряжении есть данные, указывающие на то, что распространение этой литературы, внося в духовный оборот русского общества известный запас новых идей и знаний, содействовало в нем пробуждению сознательности, стремлению к осмысливанию жизни, самостоятельному умственному творчеству. И у нас на Руси появилась известная интеллигенция со вкусами к высшим вопросам жизни и с попытками к самостоятельным их решениям. Первый митрополит из русских Илларион, как было уже сказано, написал сочинение «О законе и благодати», представляющее первый русский труд по догматическому богословию. Вопросы христианской нравственности особенно заняли внимание русских книжных людей и вызвали написание целого ряда поучительных слов, например Кирилла Туровского, Луки Жидяты, преп. Феодосия Печерского, наконец, известное поучение Владимира Мономаха. Так же, как и греки, и русские книжники рассматриваемого времени стали составлять с нравоучительными целями житие русских святых. Кроме произведений упомянутого уже монаха Иакова, здесь нужно назвать: «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» препод. Нестора летописца, «Житие Феодосия Печерского» его же, «Сказание о св. Леонтии Ростовском и обретении его мощей» и, наконец, два собрания повестей о печерских угодниках, составленные епископом владимирским и суздальским Симоном и монахом Печерского монастыря Поликарпом и образовавшие так называемый Печерский Патерик. Изложение всемирной истории в так называемых хронографах или «временниках» вызвало и у нас на Руси желание написать «Повесть временных лет, откуда пошла есть Русская земля, кто в Киеве первое нача княжити, и откуда Русская земля стала есть». Эта повесть появилась в Киеве. Но одновременно с ней стали вестись летописные повествования в Новгороде. В XII веке и первой половине XIII уже в разных областях Русской земли: Киевской, Волынской, Суздальской, Галицкой и др. — велись летописные записи и составлялись своды, которые во главу угла ставили так называемую начальную летопись, доведенную до 1110 года игуменом Выдубецкого монастыря Сильвестром. Эта начальная летопись является чисто искусственным, ученым произведением. Составитель воспользовался для ее написания не только погодными записями событий, но и разнообразными сведениями из греческих хронографов, внес в нее некоторые отдельные повести и сказания, например, похвалу князю Владимиру и сказание о убиении Бориса и Глеба монаха Иакова, сказание об основании Печерского монастыря и первых печерских подвижниках и др.; воспользовался даже некоторыми официальными документами, вроде договоров Олега и Игоря с греками; в летописи можно заметить и разные народные предания и былины в пересказе. Весь этот материал, разнородный по содержанию и духу, составитель

постарался связать известной общей идеей, так или иначе объяснить ход событий. Но это объяснение далеко от того, которое мы называем прагматическим и которое выводится из естественного хода вещей. Такого вывода ни составитель начального свода, ни его продолжатель не делали. Для них Русская земля строится Промыслом Божиим, молитвами ее угодников и добродетелями живущих русских людей. Поэтому и в своем повествовании, развертывая картину прошлого Русской земли, составители летописных сводов имели главной целью своей дать не простое удовлетворение любознательности, а житейское поучение. Все удачи, все успехи русских людей находят объяснение в их личных добродетелях — христианском благочестии, смирении, братской любви, нищелюбии, расположении к иноческому или духовному чину. Все беды, все напасти посылаются Богом для вразумления людей, для наказания и исправления: «Бог бо казнит рабы своя напастыми различными, огнем и водой, и ратью и иными различными казнями: хрестьянину бо многими напастыми внити в царство небесное». Бог не сразу наказывает людей, а посылает иногда предупреждения в виде разных знамений. Это чисто религиозное объяснение истории составляло отличительную черту и тех исторических произведений, которые перешли к нам в переводах из Греции, и которые до известной степени послужили для наших книжников образцами. Но вместе с этим такое объяснение гармонировало вполне с общим мирозерцанием русских людей, недавних христиан, незадолго перед тем язычников, которые всю свою жизнь ставили в зависимость от внешних таинственных существ, распространенных вокруг них в природе.

Подражание греческим образцам проявилось и в составлении жизненных руководств чисто практического характера. В кормчих книгах после церковных правил и законов греческих царей стали помещаться церковные уставы Владимира Святого и Ярослава. В настоящее время можно считать уже доказанным в науке, что эти уставы не подлинные узаконения князей Владимира и Ярослава, а литературные попытки кодифицировать действовавшее на Руси церковное право, причем за исходные пункты взяты были законы Владимира и Ярослава. Такими же попытками являются и обе редакции Русской Правды, краткая и полная. Мнение, что обе эти редакции являются памятниками официального законодательства, в настоящее время уже оставлено в исторической науке. Анализ содержания Русской Правды в обеих редакциях показал, что мы имеем дело с памятником, содержащим в себе не законы в их обычной формулировке, а изложение, пересказ законов и юридических обычаев, действовавших в XI и XII веках, с историческими комментариями о времени и даже поводах установления той или иной юридической нормы. Вот, например, образчики таких комментариев: «А в княжи тивуне 80 гривен; а конюх старый у стада 80 гривен, яко устави Изяслав в своем конюхе, его же убили Дорогобудьцы». Или: «По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, по кунам ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». «А се покони были вирный при Ярославе»... «Володимер Всеволодичь, по Святополце, созва дружину свою на Берестовемь (следует перечень дружины) и устави до третьяго реза, оже емлет в треть куны» и т. д. Против официального происхождения Русской Правды говорит не только описательно-повествовательная форма многих ее статей, но и различные неясности, недомолвки и противоречия, содержащиеся в памятнике и произошедшие от неопытности ее составителей, которые собирали разнородный и разновременный материал. Русская Правда в краткой редакции сохранилась в Новгородской летописи. Здесь после описания под 1016 годом войны Ярослава с Святополком, бегства и смерти последнего, стоит следующий рассказ: «Ярослав иде к Киеву, седе на столе отца своего

Володимира, нача вой свои делити: старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, и Новгородцем по десяти гривен всем, и отпусти их всех домов, и дав им *правду* и *устав* списав, глаголав тако: по сей *грамоте* ходите, якоже писах вам, тако же держите», а вслед за этим помещена Русская Правда краткой редакции. Но очевидно, что Русская Правда вставлена сюда составителем летописного свода, и притом не кстати, ибо в ней содержатся законы не только Ярослава, но и его сыновей. Ясное дело, что этот памятник составилась отдельно и независимо от летописи. Полная редакция Русской Правды является большей частью в составе кормчих или юридических сборников, известных под именем «Мерила праведного». Здесь она представляет известную параллель греческим законам Льва Исавра, Константина Копронима и Василия Македонянина. На основании нахождения Русской Правды в составе кормчих и «Мерил праведных» в русской исторической науке высказано мнение, что этот юридический сборник возник в церковной среде и для потребностей церковного суда, которому приходилось судить мирян по нецерковным делам. Таково мнение Ключевского. Что составителями Русской Правды были духовные лица, это едва ли может подлежать сомнению. Но едва ли можно признать, что Русская Правда составлена для практических целей именно церковного суда. Русская Правда говорит все время только о княжеском суде над людьми, которые не входили в категорию церковных людей, подробно перечисляет виры, продажи, судебные уроки, или пошлыны, вознаграждения потерпевшим и т. д. Если бы составители Правды имели в виду практические потребности церкви, это обстоятельство так или иначе должно было бы отразиться на самом содержании этого юридического сборника. Все эти соображения заставляют нас отвергнуть прямые практические цели за составлением Русской Правды. Это не кодекс законов и обычного права в собственном смысле, а описание юридической практики, действовавшей в то время на Руси, описание, вызванное теоретическим стремлением русских книжников придать ходившим на Руси юридическим сборникам известную полноту и законченность. В этих сборниках читатели находили церковные каноны и законы греческих царей. Но так как на Руси были свои церковные правила и свои мирские законы и обычаи, то наши книжники и стали дополнять греческие статьи кормчих и «Мерил праведных» церковными уставами князей Владимира и Ярослава и Русской Правдой («А се Правда Росьская»), Русская Правда, таким образом, является скорее памятником древнейшей юридической литературы, чем памятником древнейшего русского законодательства.

Христианские идеалы, национальное самосознание и действительность.

Литературное творчество, проявившееся в столь разнообразных формах, свидетельствует о значительном подъеме духовной жизни в Киевской Руси рассматриваемого времени. Обращаясь к существу тех идей и воззрений, которые дают себя выследить по этому литературному творчеству, мы видим, с одной стороны, отражение в них общехристианских представлений жизни, в частности византийских аскетических идеалов, с другой стороны — пробудившееся национальное самосознание. Помыслами о Русской земле, о ее благе наполнены и сказания о русских святых, и повествования летописцев, и такие произведения, как «Слово о полку Игореве». В какой мере эти новые идеи и воззрения определяли жизнь русского общества, превращались в деяния, в поступки? Можно сказать вообще, что это были только поставленные сознанием русской интеллигенции того времени идеалы, к которым стремились и приближались немногие в своей жизни. Летописи с особым сочувствием отмечают христианскую доброту некоторых князей и частных лиц, их богобоязненность, кротость, милосердие к ближним. Но по всему видно, что это были

выдающиеся люди, исключения из общего правила. Та же самая летопись полна известиями о жестокостях, своекорыстии, клятвопреступлениях и других пороках князей и их дружинников. Языческое господство страстей и животных инстинктов в изображении летописи выступает в резких и сильных чертах. Даже в такой области, как богослужение, культ, христианские воззрения сплошь и рядом оставались без практического осуществления. С одной стороны, летопись сообщает о благочестивых князьях и княгинях, строивших монастыри, церкви, украшавших их сосудами, облачениями и иконами; с другой стороны, тогдашние свидетельства говорят о полном равнодушии русских людей к церкви. «На игрищах, — говорит одно из таких свидетельств, — видим множество людей: как начнут бороться друг с другом, то сбегаются смотреть на дело, от дьявола замышленное, а церкви стоят пусты: в час молитвы мало найдешь народу в церкви». Выше приведено свидетельство некоего «Христолюбца» о долгом переживании языческого культа на Руси, о молениях в рощах и на воде, о требах, которые приносились языческим божествам и после принятия христианства. Христианские воззрения оставались часто без действия и в таких сферах жизни, как брак, семья. Летописцы с особой похвалой отзываются о таких князьях, которые воздерживались от похоти, соблюдали чистоту телесную. Видно, что эта добродетель была не частая среди князей. Княжеские гаремы не прекратились с принятием крещения Владимиром, наложницы были и у его преемников, например, у Святополка Изяславича, Юрия Долгорукого и др. И среди высших классов, и среди простонародья было немало людей, имевших по две жены. Незаконные связи с рабынями были обычным явлением, и законодательству, как мы уже видели, пришлось позаботиться о «робьих детях», о робичичах. Простонародье, особенно глухих сел и деревушек, не брало для брака и благословенья церковного, считая обряд венчания в церкви установленным только для князей и бояр и довольствуясь языческим обрядом плескания. Основание семидесяти монастырей в различных областях Русской земли свидетельствует об известных успехах аскетических воззрений в русском обществе. Патерик Печерский и другие жития подвижников монахов свидетельствуют, что так или иначе люди шли в монастырь для обуздания плоти, для борьбы со страстями. Но в духовных посланиях XII века наряду с этим встречаем указания, что в монастыри шли люди и для покойной, сладкой жизни. Послания укоряют монахов, которые милуют свое тело, часто меняют платье, под предлогом праздников учреждают особую трапезу с пивом и долго сидят за нею, ищут над старейшими взять свою волю, собираются вместе не Бога ради, не для того, чтобы рассуждать о пользе, но для яростных споров, для бесстыдных нападений на эконома и келаря, устраивают в монастырях пиры, на которые собираются мужчины и женщины и т. д.

Все это в общей сложности убеждает, что общехристианские представления и аскетическая идеи, вошедшие в духовный оборот русского общества, были только известными идеалами его верхнего слоя, его интеллигенции, идеалами, которым далеко не соответствовала русская действительность того времени. То же самое приходится сказать и о национальной идее, которой проникнуты литературные произведения эпохи. Эта национальная идея, одушевлявшая писателей, отдельных князей вроде «добротного страдальца за Русскую землю» Владимира Мономаха и его сына Мстислава, в общем мало определяла деяния как князей, так и местных обществ. В жизни над этой идеей возвышались партикуляризм, своекорыстие князей и местных обществ. «Слово о полку Игореве», одушевленное национальной идеей, и представляет поэтическую элегию, выражающую скорбь от полного несоответствия тогдашней русской действительности с национальным идеалом. В художественных образах певца «Слова о полку Игореве» страдает от этого несоответствия либо вся Русская земля, по которой

тоска разлилась, либо Киев, который «вестона тугою», либо великий князь Киевский, который роняет золотые слова, со слезами смешанные. Причина этой скорби все одна и та же: усобица князей парализовала успехи в борьбе с погаными; князья начали про малое «се великое» говорить, ковать сами на себя крамолу, а поганные со всех сторон стали приходить с победами на землю русскую, стали уже брать дань «по беле от двора».

Певец «Слова о полку Игореве» оказался в известном смысле пророком. Высокое национальное чувство, которым одушевлено было мыслящее общество Киевской Руси, оказалось лишенным жизненного фундамента в виде надлежащей государственной организации, настроения правителей и широких общественных кругов, и потому не спасло Русь от новой победы поганных, которые не в воображении уже поэта, а в действительности обложили всех русских людей данью, и не с двора, а с каждой головы.

* * *

Пособия:

Д. И. Иловайский. История России. Т. 1. 2-е изд. М., 1906.

Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. 1, половины 1-я и 2-я. М., 1901; 1904. 2-е изд.

Н. Д. Полонская. Историко-культурный атлас по русской истории. Вып. 1. Киев, 1913.

Н. П. Кондаков, И. И. Толстой. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5-6.

И. Грабарь. История русского искусства. Т. 1.

М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. 2-е изд. М., 1914.

ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАСПАДЕНИЕ РУСИ;

УСТАНОВЛЕНИЕ УДЕЛЬНОГО ПОРЯДКА В СВЯЗИ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИЕЙ

БАТЫЕВ погром.

В четвертом десятилетии XIII века Русь постигла большая беда, горшая прежних бед, обрушившихся на нее, — татарский погром и последовавшее за ним утверждение татарского ига.

Орда, нахлынувшая к нам под предводительством одного из монгольских ханов — Бату, или Батые, была довольно сложного состава. Она, как снежный ком, прикатилась к нам из глубины Азии, подобрав на своем пути разные, но преимущественно турецко-татарские племена. Она вступила в Приволжские левобережные степи в 1236 году и прежде всего разгромила и покорила *Камскую Болгарию*. Зимой 1237 года, когда стала Волга, татары переправились на правую сторону ее и подошли к пределам Рязанской земли. Рязанские князья, вышедшие навстречу татарам к Воронежу, увидели бесполезность сопротивления им в открытом бою и поспешили отступить и укрыться за укреплениями. Вслед за ними татарские полчища нахлынули в Рязанскую землю и, по своему обыкновению, охватив ее широкой облавой, принялись разорять и жечь селения, пленить, грабить и избивать жителей. Укрепления не спасали жителей, ибо татары привезли с собой стенобитные машины и другие приспособления для взятия городов. По словам летописи, они всю землю избили, не пощадили даже грудных младенцев. Многие города и селения Рязанской земли были совершенно стерты с лица земли, и память о них сохранилась только по их именам, переданным летописью. За Рязанской землей наступила очередь Суздальской земли. Татары взяли и разорили здесь Москву, стольный город Владимир и Суздаль; в то же время отдельные отряды, облавой охватывая землю, взяли Ярославль и попленили Поволжье до Галича Мерского; в течение февраля 1238 года было взято до 14 городов, кроме многих слобод и погостов. 4 марта 1238 года татары разгромили на Сити великого князя Суздальского Юрия Всеволодовича и вступили затем в пределы Новгородской земли. Наступившая весенняя распутица помешала татарам производить дальнейшие опустошения в этом направлении. Батый повернул на юг и вступил в область вятичей, где разорил Козельск, отчаянно защищавшийся. Отсюда он двинулся в землю Половецкую.

Плано-Карпини, проезжавший через Половецкую землю в 1246 году, рассказывает, что половцы частью были истреблены татарами, частью обращены в рабство и частью бежали из отечества. Этих беглецов мы встречаем потом, по нашим летописям, на службе у князя Даниила Романовича, который пользовался ими как легким войском в своих походах на литву и ятвягов. Они поселены были в разных местах его княжества и должны были с течением времени перейти от кочевого быта к оседлому. Часть половцев поспешила спастись на Балканский полуостров. По рассказу *Георгия Акрополита*, половцы с женами и детьми на шкурах, наполненных сеном, переправились через Дунай, прорвались через Болгарию в Македонию и страшно ее опустошили. *Никифор Грегора* сообщает, что половцев в Македонии было не менее 10 тысяч. Император Иоанн послал им богатые дары, включил их в состав армии и роздал им земли для поселения во Фракии, Македонии и Малой Азии. Знаменитый хан Котян,

тесть Даниила Романовича Галицкого, недолго продержался в степях с прибытием татар. Он выпросился на жительство с 40 тысячами половцев у венгерского короля Белы IV под условием принятия христианства. Половцам были отведены земли между Дунаем и Тиссой, где они долгое время держались особняком от местного населения. Часть половцев попала даже в Египет. Византийский историк *Георгий Пахимер* (описывающий время от 1261 по 1308 год) сообщает, что султан египетский заключил договор с императором, в силу которого египетские корабли могли свободно ездить в Меотиду скупать рабов, ибо, — говорит Пахимер, — «султан, происходя из половцев, старался собирать около себя свое племя». По-видимому, половцы попали в Египет в качестве рабов, которых распродавали татары. Часть бежавших от татар половцев, по словам Плано-Карпини, вернулась назад на свои кочевья и, очевидно, слилась там с татарами. Таким образом и половцев постигла в конце концов та же участь, что и их предшественников — печенегов и торков: они были частью истреблены, частью схлынули на запад, частью слились с пришельцами.

Летом 1238 года Батый послал отряд в Приднестровье. Татары «взяли копьем и избили весь Переяславль». Затем они обступили «в силе тяжце» Чернигов, взяли и сожгли его, истребив защищавшее его войско. Зимой 1239 года Батый послал отряд на север, чтобы покончить покорение Мордовской земли. Отсюда татары проникли в Муромскую область и сожгли Муром, а затем воевали по Волге и Клязьме. Это новое нашествие, по словам летописи, произвело «пополох» во всей Суздальской земле. Уцелевшие от прежнего погрома жители бросали свои дома и бежали, куда глаза глядят; преимущественно спасались в леса. На следующую зиму 1240 года сам Батый направился в Приднестровье. Татары взяли Киев, избили его защитников и до такой степени разорили город, что проезжавший шесть лет спустя монах Плано-Карпини насчитал в Киеве не более 200 домов. От Киева Батый направился на Владимир Волынский и по дороге взял несколько городов на Случи и Горыни; взяв Владимир и не оставив в нем ни одного живого человека, Батый направился на Галич и разорил также и этот город. Нет никаких сомнений, что этот опустошительный поток отделял от себя рукава в виде отдельных загонov. Летопись прямо говорит, что Батый, кроме вышеупомянутых городов, разорил и «иные грады многы, им же несть числа». Народу погибло при этом множество. Францисканец Плано-Карпини, которого папа Евгений I отправил к татарам проповедовать христианство, в описании своего путешествия отмечает, что в степи лежало множество черепов и человеческих костей. По его уверению, большая часть руссов была перебита или взята в плен. Сказание об убиении в орде князя Михаила Черниговского, составленное по всем признакам немного спустя после его смерти современником и очевидцем татарского погрома, говорит, что жители, затворившиеся в городах, были перебиты; «а инии же крыяхуся в горах и пещерах, и в пропастьех, и в лесех — мало от тех остана». В подтверждение этому и летопись рассказывает, что Даниил и Василько, возвращаясь из Венгрии после погрома и подойдя к Берестью, «не возмогоста ити в поле, смрада ради множества избитых: не бе бо на Володимире не остал живой, церковь святой Богородици исполнена трупья, иные церкви наполнены быша трупия и телес мертвых» (Ипатьев.). Возвращаясь из Венгрии Батый снова опустошил Волынь и Галицию.

Татары заняли своими кочевьями все Половецкие или Кипчакские степи, отчего и стали называться *Кипчакской ордой*. На окраинах южной Руси расположилось несколько отдельных орд под начальством особых темников, которые охраняли Кипчак и наблюдали за покорностью завоеванной страны. Степи таврические и азовские Батый отдал одному из своих родственников» а сам и сын его Сартак с главной ордой стали кочевать в степях поволжских и подонских. Ставка, или орда ханская, от своих

золотых украшений называлась «Золотой ордой»; это название распространилось и на все царство Батыя. Первоначально хан не имел определенного местопребывания, а впоследствии его резиденция — Сарай — основалась на р. Ахтубе.

Какие же последствия для внутренней жизни Руси вытекли из этой внешней катастрофы, разразившейся над ней?

Окончательное разъединение северо-восточной и юго-западной Руси.

Мы видели, что под влиянием княжеских усобиц и половецких набегов к концу XII века произошло новое размещение русского населения. Это население разбилось географически, отхлынув из Приднестровья, где оно прежде главным образом сосредоточивалось, и уйдя либо в Суздальскую землю, либо в Галицко-Волынскую и отчасти в Смоленскую. Татары еще более усилили это географическое разобщение русского населения. После Батыева погрома Киево-Черниговское Приднестровье уже стало почти пустыней. Киев, так прельщавший прежде князей, пришел в полное пренебрежение. Александр Невский, которому хан пожаловал Киев в 1249 году, не поехал туда и не послал даже наместника. Очевидно, не стоило хлопот. Даниил Романович собирался было занять Киев, но и он в конце концов отступился от своего намерения. Во второй половине XIII века в Киеве совершенно не было русских князей, и им управляли татарские баскаки, пока в начале XIV века хан не отдал Киева путивльским Ольговичам. На полное разорение Киевщины указывает и переселение митрополитов из Киева во Владимир Залесский. «Около 1300 года, — рассказывает летописец, — митрополит Максим, не стерпя татарского насилия, переселился во Владимир со всем житьем. Тогда же, — замечает при этом летописец, — и Киев весь разбежался». Подобная же участь постигла и города Чернигов и Переяславль Южный, которые в X-XI веках в иерархии русских городов занимали второе и третье место. Чернигов утратил значение старшего стола в Чернигово-Северской земле. Это значение перешло к Брянску на верхней Десне; в Переяславле же Южном совершенно и навсегда прекратилось княжение; очевидно, уже не над кем было и княжить.

Но куда же девалось из Приднестровья население? Огромное количество его было, как уже сказано, перебито и уведено татарами в плен, но далеко не все. Часть населения спаслась, как о том свидетельствует летопись и сказание о мученической кончине в орде черниговского князя Михаила и боярина его Федора. Население бежало в соседние леса и горы. Такие густые непролазные леса, настоящие дебри, были на верхней Десне и Оке, в области вятичей. Туда и отхлынула часть населения из Приднестровья во время погрома. Этим и объясняется тот факт, что здешний город *Дебрянск* сделался главным городом Чернигово-Северской земли после погрома. Этим же объясняется и возникновение в этой области целого ряда новых княжений во второй половине XIII и начале XIV века, каковы: Новосильское, Карачевское и Тарусское, которые потом выделили из себя княжества Одоевское, Воротынское, Белевское, Козельское, Мосальское, Перемышльское, Звенигородское, Волховское, Оболенское и Волхонское. С правобережного Приднестровья население отхлынуло на запад в Карпатские горы. Князь Даниил Романович, возвращаясь из Венгрии, остановившись ночевать в Синеvodском монастыре, на рассвете увидел «множество бежащих от безбожных татар». На иммиграции населения в Галицко-Волынскую землю основана была и вся реставрационная деятельность князя Даниила Романовича. После ухода татар Даниил, как известно, стал строить в своей земле новые города и возобновлять старые. Очевидно, к нему прилиvalo население, которому он и старался обеспечить безопасность. В конце концов народу у него набралось так много, что Даниил возмечтал низвергнуть иго татар. Эти мечты едва ли были только плодом пылкой

фантазии южно-русского князя, а вероятно порождены были и сознанием своей силы, своего значения, что в свою очередь можно объяснить не чем иным, как приливом населения в Галицкую и Волынскую земли.

В XIV веке Галицко-Волынская земля называлась уже Малой Русью, очевидно в отличие от Великой, лежавшей на северо-востоке. Юрий II, последний Галицкий князь, в одной грамоте 1335 года называет себя *dux totius Russie Minoris*. Из грамоты прямо видно, что это название относилось к землям Галицкой и Волынской. Название *μικρά Ῥωσία* встречается и в грамотах Константинопольской патриархии XIV века. Появление этого названия служит характерным указанием на то, что юго-западная Русь к тому времени сосредоточилась именно в Галицкой и Волынской землях, что здесь она нашла свои политические, религиозные и культурные центры.

Ко времени этого сосредоточения надо относить и окончательное образование *малорусской народности*, которая с течением времени покрыла племенное разнообразие населения в юго-западной Руси. Основным элементом этой народности сделались те племена, которые наиболее уцелели в юго-западной Руси после татарского погрома. Какие же это были племена? По соображению с сообщениями начальной летописи и позднейшими данными можем остановить наше предположение главным образом на волынянах и карпатской руси (белых хорватах). Эти племена поглотили в себе части других племен, сбитых кочевниками на запад, прежде всего уличей и тиверцев, затем древлян и полян, быть может и часть северян, ассимилировали их и претворили в единую народность. Навстречу этим историческим соображениям как раз идут и соображения тех филологов, которые усматривают особенности малорусской речи впервые в памятниках, писанных в Галицкой Руси. Итак, по отношению к этнографической эволюции, совершавшейся на юго-западе Руси, татары явились только завершителями дела своих предшественников — печенегов и половцев.

Ослабление западной и юго-западной Руси.

Процесс распада Руси не ограничился только окончательным разъединением северо-восточной и юго-западной Руси. Татарское нашествие разрушительным образом повлияло и на ту группировку западно-русских областей которая установилась было в начале XIII века, как бы предвещая собой образование государств Белорусского и Малорусского. Татарский погром расстроил прежде всего ту группу, в состав которой входили земли Смоленская, Полоцкая и Киевская. Киевская земля, совершенно разоренная татарами, отошла от Смоленска сначала под власть суздальского князя, затем под непосредственную власть татар, а затем под власть путивльских Ольговичей (в начале XIV века). Все связи Киевщины с Смоленском прекратились: ни один из смоленских князей после татарского погрома уже не сидел ни в Киеве, ни в киевских пригородах. Таким образом, татарское разорение не только прямо, но и косвенно ослабило Смоленскую землю, лишив ее той помощи, которую прежде доставляла ей Киевская земля. Это обстоятельство не замедлило отразиться на отношениях Смоленска к Витебску и Полоцку. Обессилевшие смоленские князья уже не в состоянии были сохранить свое влияние в Витебске и Полоцке. Витебск и Полоцк примкнули к новой политической силе, которая выдвинулась на западе во второй половине XIII века, к Литве. Полочане приняли к себе на главный стол Товтивила, одного из пленников великого князя литовского Миндовга, а витебский князь признал себя вассалом Миндовга. Так, земли, входившие прежде в состав Смоленской политической системы, потянули в разные стороны и вся эта система разрушилась.

Такая же участь постигла в конце концов и Галицко-Волынскую группу. Галицко-Волынская земля после Батыева погрома значительно оправилась было от разорения

благодаря реставрационной деятельности Даниила Романовича. Могущественный галицкий князь держал в послушании у себя не только своих родичей, но и князей пинских и имел решительный перевес над Литвой. Этот перевес едва было не привел к подчинению Литвы: на великом княжении в Литве одно время сидел сын Даниила Шварно. Таким образом, Галицко-Волынская политическая группа готовилась было превратиться в обширное западно-русское государство. Но этому в конце концов не суждено было стать. — По смерти Даниила Галицко-Волынскую землю постиг новый татарский погром, который нанес такой удар ее могуществу, от которого она уже не могла оправиться. В 1283 году хан Телебуга предпринял поход на Польшу. Татарские полчища наводнили Галицко-Волынскую землю и причинили ей страшные опустошения. Главные силы татар схлынули в Польшу, но часть осталась кормить лошадей на Волыни. Эти татары, по рассказу летописи, «учинили пусту» всю землю Владимирскую. Бесчисленное множество народа, сбежавшегося во Владимир, перемерло от «остоя»; а кто выезжал за город «в зажитье», того татары либо убивали, либо забирали в плен. Подобное же произошло и в Галицкой земле, где Телебуга гостил две недели на обратном пути из Польши. Князь Лев Данилович по уходе татар не досчитался 12,5 тысяч человек в одном своем уделе. Погром сильно ослабил Галицко-Волынскую землю, и она уже не могла сохранить своего перевеса над Литвой. В начале XIV века литовские князья отняли у галицко-волынских князей Берестейскую землю, а вслед за этим заняли Пинскую область, где сидели прежде подручники галицко-волынских князей. Наконец, литовский князь Любарт, женившись на дочери владимирского князя, утвердился на Волыни и оторвал ее от союза с Галицкой землей. Лишившись всех своих союзных земель, а в конце концов и династии, Галицкая земля не могла уже удержаться самостоятельно. В 1349 году после борьбы с литовскими князьями ее занял польский король Казимир Великий и уже надолго и накрепко связал ее с Польшей. Так распалась юго-западная группа, начавшая было превращаться в особое Малорусское государство (последние князья галицкие, как выше было указано, называли себя королями Галиции, Лодомерии и всея Малыя Руси).

Новый, удельный порядок княжеского владения.

Дальнейший внутренний распад Руси происходил уже в связи с установлением нового, удельного порядка княжеского владения, которое совершилось не без влияния новых условий жизни, созданных татарским нашествием.

Тенденция к установлению такого порядка проявилась, как мы видели, еще до татар и стояла в связи частью с размножением княжеского рода, распадением его на отдельные ветви, частью с развитием княжеского сельского хозяйства. Но полной оседлости князей все-таки не возникало до самого татарского нашествия. Татарское нашествие ускорило процесс оседания князей. После погрома князьям пришлось самим восстанавливать свои волости, созывать население, отводить ему земли, определять подати и повинности, открывать новые источники доходов. Другими словами — князьям пришлось быть не только правителями обществ, но и их создателями, организаторами народного труда, хозяевами. Но при таких условиях князья естественно должны были дорожить своими волостями, не покидать их до конца жизни и передавать детям. Затем: ввиду грозной силы и власти хана князья стали инстинктивно держаться того, чем уже владели, так как всякие расчеты на новые волости стали неверны: все зависело тут от воли и расположения хана, часто непостоянного и капризного. Это настроение князей ясно выразил князь Лев Данилович Галицкий, которого двоюродный брат, Владимир Васильевич, уговаривал в бытность в орде не искать под его преемником княжения Волынского. «Чего мне под

ним искать после своей смерти, — говорил Лев Данилович, — все мы под Богом ходим; помоги Бог и своим управиться в такое время». Сами татары в состоянии были, конечно, понимать прочное княжеское владение, а не смену князей, ибо постоянное княжеское владение было для них удобнее, покойнее, давало им возможность легче осуществлять свои требования к Руси, чем подвижное, сменное владение. При таких обстоятельствах мало-помалу затихло и, наконец, прекратилось совершенно передвижение князей со стола на стол, а затем появилась и *идея удела*, воззрение на территорию княжества со всем несвободным населением как на собственность того или другого князя, которую он может передавать по наследству и отчуждать в другие руки. Старина сохранилась только в отношении к главным городам областей, которые вместе с некоторой властью над младшими родичами стали передаваться ханом в известной очереди. Но старшинство и главный город стали даваться ханом и добываться князьями уже только в придачу к коренному владению, уделу.

Так татары ускорили установление удельного порядка на Руси. В исторической литературе эта роль татар не отмечена и не оценена по достоинству. Наши историки-юристы — Кавелин и Соловьев — выводили удельный порядок из естественного развития княжеских отношений при размножении рода. С размножением рода ослабевают родственные связи, и общинное владение естественно рушится, заменяясь семейным, частным. Так объяснял дело Кавелин. Соловьев прибавил к этому еще содействие новых городов, возникших в Суздальской Руси благодаря стараниям князей и поддерживавших князей в их борьбе с родовыми преданиями. Историки-экономисты, как, например, Ключевский, главным фактором, породившим удельный порядок, считают экономическую эволюцию, произошедшую в Суздальской Руси, тот перевес, который получило там земледелие, причем князьям пришлось стать организаторами народного труда. В этих объяснениях правильно отмечены производящие причины. На наш взгляд, к этим внутренним причинам надо присоединить и влияние могучего внешнего фактора, который ускорял и усиливал действие внутренних причин, обострял процесс и вместе с тем обобщал его, делал его не местным только суздальским, но *общерусским*. Не касаясь западной и юго-западной Руси, которая в течение дальнейшей своей исторической жизни отбилась от главного русла, остановим наше внимание на Руси северо-восточной и попытаемся выяснить себе те экономические и социальные условия, которые создались здесь с прибытием татар, и которые, в свою очередь, влияли на уклад политической жизни страны.

Экономическая жизнь северо-восточной Руси с прибытием татар.

Нашествие татар произвело страшное хозяйственное потрясение страны. Погромы 1237-1240 годов лишили множество русских людей всего состояния, которое было или сожжено, или разграблено татарами. Внутренние области северо-восточной Руси подвергались такому же разорению и позже, в последней четверти XIII века, во время усобицы между сыновьями Александра Невского, и в первой четверти XIV века, во время борьбы Москвы с Тверью. Опустошения окраинных областей совершались чуть ли не ежегодно. Татары, таким образом, истребляли, уничтожали народный капитал и тем обрекали на прозябание народное хозяйство, которое принуждено было ограничиться почти исключительно добыванием насущного пропитания населению и денег на уплату дани и пошлин русским князьям и татарскому хану. Татары препятствовали накоплению народного капитала и развитию материального благосостояния населения и другими способами. С прибытием их на русское население легла новая дань. В 1257 году зимой, рассказывает летопись, приехали татарские численники и «исщетоша всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Мюромскую...

только не чтоша игуменов, чернцов, попов, и крилошан, кто зрить на св. Богородицу и на владыку». В том же году приезжали татарские послы и в Новгород и просили десятины и тамги, по новгородцы не поддались, дали царю дары и отпустили послов с миром. Но в 1259 году и новгородцы вынуждены были уступить «и яшася по число: и почаша ездити окаанний по улицам, пишуце дома хрестьяньскыя». В 1275 году «бысть на Руси и в Новгороде число второе из Орды от царя и изочтоша вся, точию кроме священников, и иноков и всего церковного причта». Сначала татары сами собирали дань, посылая особых данщиков или отдавая эту дань на откуп ханским наместникам на Руси — баскакам и бесерменским (восточным) купцам. Обирательство этих лиц вызвало целый ряд восстаний в Ростове, Суздале и Ярославле, после чего ханы стали уже поручать сбор дани русским князьям, которые и отвозили ее в Орду. Дань эта стала называться *выходом*, и это слово как нельзя лучше характеризует ее значение. Дань эта была действительно выходом, ежегодным изъятием из народного обращения значительной части капитала, успевавшего за это время накапливаться в стране. Деньги уходили совсем из страны, не оставались в ней, как княжеская дань, не приводили эквивалентные ценности из-за границы на Русь, как княжеские закупки у иноземных народов. Татары брали дань не натурой, как князья, а серебром, для чего обязали русских князей чеканить серебряные «деньги» с ханским штемпелем, или тамгой. Благодаря этому серебро стало очень редко на Руси, перестало играть прежнюю роль как орудие внутреннего обмена, внутренние расчеты стали производиться натурой, и все вообще хозяйство стало развиваться в обратном направлении, от денежного к натуральному.

Татары не только лишали русское население средств производства и обмена, но и надолго сократили само поле приложения народного труда. Пока они владычествовали на Руси, кочуя по черноземным степям, русское население поневоле должно было сосредоточить свою экономическую деятельность в северной лесной области Европейской России и усиленно эксплуатировать здешние только дары природы. Эти дары по всем данным не были так обильны и так щедры, как в лесостепной переходной полосе и даже степной. Как и в Киевской Руси, население занималось рыболовством, бортничеством, охотой. Рыболовство, по всем признакам, получило даже большее значение, чем в Киевской Руси. Акты полны известиями о рыбных озерах, реках, топях и язах в Тверской земле. Ярославском княжестве. Костромском, Нижегородском, Московском и Рязанской земле, а также и на севере — в Белозерске, Вологде, Устюге Великом и т. д. Но бортничество по климатическим условиям было, конечно, менее развито, чем в западной и юго-западной Руси. В междуречье Волги и Оки и бассейне Оки акты констатируют существование бортей и бортников, но не упоминают об их существовании в областях Белозерской, Вологодской и Устюжской. Видно, что и охотничьи промыслы были менее значительны, чем в Киевской Руси. На севере акты констатируют добывание соболей и белок, существование путиков, перевесищ, тетеревиных ловель. Одно житие (св. Кассиана Учемского) свидетельствует, что в лесах около Углича даже в конце XV и начале XVI века «бияху звери много, лоси и елени и зубри же и буйволы и лисицы и серны, волцы же и медведи». Но южнее по актам не встречаем уже такого разнообразия животного мира. В междуречье Волги и Оки акты упоминают только о бобровых гонах и перевесах для ловли птиц. Общее впечатление, выносимое из всех источников удельной эпохи, таково, что эксплуатация животных богатств в это время уже не имела того значения, какое принадлежало ей в Киевской Руси.

Главенствующее значение в экономической жизни получила теперь та отрасль хозяйства, которая в Киевский период выдвинулась только в XII веке, а именно

земледелие. И климатические, и почвенные условия северо-восточной Руси были неизмеримо хуже таковых же условий Приднепровской, юго-западной Руси. Но русскому населению, сбившемуся в Суздальской земле, не было выбора, и потому оно поневоле стало усиленно культивировать землю. Поэтому и по актам удельной эпохи приходится иметь дело больше с пахарями, земледельцами, чем с звероловами, рыболовами и бортниками. Разумеется, при неблагоприятных климатических и почвенных условиях земледелие не щедро оплачивало труд земледельца, и потому в общем экономическая жизнь северо-восточной Руси еле теплилась. Люди добывали себе с величайшими усилиями скудное пропитание и средства для уплаты государственных налогов. При таких условиях еле влачила свое существование торговля, особенно внутренняя. Внешний сбыт так или иначе совершался. Для него работала охотничья промышленность и бортничество. Внешний сбыт был необходим для получения серебра на уплату татарской дани. Русские купцы не только торговали с немцами, но ездили даже в Сурож, в Крым, плавали в Грецию, ездили в Орду, сбывая меха, воск, рыбу, покупая оружие, соль, ткани, вина, а главное — драгоценные металлы. Но внутреннего обмена произведениями почти не было, точнее — он был чрезвычайно слабый. На торгах или торжках продавались и покупались некоторые несложные произведения домашней, кустарной промышленности, вроде железных орудий, кожевенных изделий, некоторых съестных припасов и т. п. Внутренняя торговля достигла некоторых успехов только к концу удельной эпохи, в XV веке, когда Русь вообще оправилась несколько от татарских разорений, когда заметно стал накапливаться народный капитал, появилось в обращении гораздо больше денег, чем прежде. В источниках того времени можно уже найти немало указаний на пребывание купцов в том или другом княжестве из других земель. Договоры, заключавшиеся тверскими и рязанскими князьями с московскими, также предусматривали взаимные торговые сношения и ограждали интересы купцов, ездивших торговать в чужие княжества.

Итак, татарские погромы и татарское иго надолго и совершенно искусственно задержали экономическое развитие Руси. К народному организму северо-восточной Руси присосался огромный паразит, который высасывал его соки, хронически истощал его жизненные силы, а временами производил в нем большие потрясения. Татары в данном случае явились продолжателями дела печенегов и половцев, с той разницей, что их разрушительное влияние было более сильным и последовательным.

Обеднение населения вследствие разорения, причиняемого татарами, и платежа татарских даней и пошлин, заставило князей того времени с еще большим рвением приняться за сельское хозяйство и промыслы для добывания средств к жизни, чем это было в дотатарскую эпоху. За невозможностью жить на дани и пошлины с населения князья стали все более и более превращаться в сельских хозяев-землевладельцев, все более увеличивать свои села. Навстречу этому стремлению пошло большое предложение рабочих рук со стороны земледельческой массы.

Образование класса переходных крестьян и дальнейшее развитие княжеского землевладения и хозяйства.

В своем месте было указано, что уже в дотатарскую эпоху появились у нас земледельцы, возделывавшие чужую землю из платы по найму, которую они нередко получали вперед, — наймиты и ролейные закупы. В наймиты шли те земледельцы, которые не могли вести собственное хозяйство или могли вести его только с помощью заработков у других хозяев. Татарское нашествие еще дальше подвинуло социальную эволюцию в этом направлении, содействовало образованию класса безземельных

земледельцев, съемщиков и возделывателей чужой земли. Эти переходные земледельцы стали называться *крестьянами* — в отличие, очевидно, от поганных, т. е. татар. Класс этот, незаметный до нашествия татар, как-то вдруг появился в огромном количестве после прибытия татар. И это вполне понятно. Татарские погромы XIII и начала XIV века должны были уничтожить огромное количество самостоятельных земледельческих хозяйств, лишить многих земледельцев их крова, скота, хлеба и земледельческих орудий. Вследствие этого многие земледельцы, спасшиеся от смерти или полона, не могли уже вернуться на покинутые пепелища и обзавестись на них вновь самостоятельным хозяйством: для этого у них не хватало нужного капитала. Поневоле им пришлось подсаживаться на землю к тем, у кого имелось хоть какое-либо обзаведение и хозяйственные средства. Часть их садилась к зажиточным людям из своей же братии во дворы в качестве *подворников и подсоседей* и кормилась около них, помогая им в хозяйстве и получая за это известную долю урожая. Другая часть шла к князьям, боярам и духовенству и садилась на их земли, в их села и деревни, получая от них необходимое для заведения хозяйства вспомоществование деньгами и натурой. За пользование земель и угодьями такие крестьяне пахали на своих государей, косили, жали, рубили лес, дрова, строили хоромы и разные хозяйственные постройки и т. д. Крестьяне получали от владельцев участки земли не на вечность, а во временное владение, до тех пор пока крестьяне находили для себя удобным оставаться на этих участках, а землевладельцы находили для себя выгодным держать их. Урочные годы устанавливались только для отработки получаемой *подмоги*. Но крестьянин мог уйти и раньше, заплатив эту подмогу. С течением времени в чисто хозяйственных интересах установился известный срок в году для выхода и отказа крестьян — Юрьев день. Таким образом, мы имеем перед собой арендаторов владельческих земель, уплачивавших аренду своим трудом, а название таких крестьян *изорниками* в Псковской земле указывает на главный только, но не исключительный род труда, которым оплачивалась аренда, — пахоту (орати). Некоторые землевладельцы предпочитали брать арендную плату с крестьян не трудом, а сельскохозяйственными продуктами. Крестьяне снимали у них землю исполу или из трети и потому и назывались либо *половниками*, либо *третниками*. Умножение числа крестьян, которые не в состоянии были без посторонней помощи завести хозяйство, и давало возможность князьям, как и другим зажиточным землевладельцам, все более и более расширять эксплуатацию своих земель и угодий. С другой стороны, с установлением татарской дани князья стали не добирать своей, и потому старались возместить недобор наложением на податное население издельных повинностей по своему хозяйству. Поэтому даже и земледельцы, удержавшие свои собственные земли и самостоятельные хозяйства, так называемые *черные люди*, стали работать на дворец, хотя не так много, как крестьяне-арендаторы. Усилить денежные повинности их не было возможности. С расстройством внешней торговли, с ежегодным отливом денег в Орду народное хозяйство сделало крупные шаги назад по сравнению с хозяйством Киевского периода. Деньги почти что исчезли из народного оборота, хозяйство стало чисто натуральным, и земледельцу приходилось расплачиваться с князем преимущественно своим трудом и натуральными продуктами этого труда. При таких условиях князю ничего не оставалось делать, как только расширить по возможности свою запашку и эксплуатацию своих угодий. Княжеское владение в силу всего этого все более и более приобретало характер частной вотчины, крупного землевладельческого хозяйства. Но раз уже создалась такая тенденция, она должна была, в свою очередь, влиять в своем направлении на положение народной массы. Сделавшийся хозяином князь естественно стал стремиться превратить все подвластное ему земледельческое население в своих работников. Так как и у черных

крестьян не было настоящего права собственности на землю, которая считалась государственной, княжеской, то князья и стали превращать черных крестьян в дворцовых, т. е. приравнивать их к тем, которые сели в княжеские села в качестве съемщиков-арендаторов. Эти съемщики-арендаторы, засиживаясь подолгу на арендованной земле, с течением времени становились такими же наследственными пользователями ее, как и черные крестьяне. Вся разница между черными волостями и дворцовыми княжескими селами с течением времени оказалась только в повинностях. Черные люди остались государственными тяглецами преимущественно, не будучи избавлены и от повинностей хозяйственных на князя; дворцовые крестьяне работали преимущественно на дворец, не будучи избавлены и от государственных повинностей.

Но раз создался такой порядок вещей, раз основой материального благосостояния князей стало владение селами и деревнями, непосредственная эксплуатация земли и угодий, собственное хозяйство, князья должны были неизбежно прикрепляться к своим владениям, прежние их временные наделки превращаться в постоянные, наследственные уделы.

Развитие боярского землевладения.

Те же самые причины, которые создавали оседлость князей и удельный порядок княжеского владения, обусловили и дальнейшее развитие боярского и церковного землевладения и хозяйства, что в свою очередь должно было способствовать установлению удельного порядка.

Мы видели, что уже в XII веке княжеские дружинники перестали удовлетворяться княжеским жалованием и доходами от управления и стали заводить свои села, сажая в них челядь, рабов. Князья XIII и XIV веков, обедневшие от татарских погромов и даней, а также и от удельного дробления, еще менее, чем их предшественники XII века, могли удовлетворять своих дружинников жалованием и доходами. Жалование из казны князья совсем даже перестали выдавать своим боярам и слугам, а кормления на должностях могли предоставлять только скудные. Эти кормления могли быть только подспорьем, а не главным источником содержания. Главный источник пришлось отыскивать самим дружинникам, и он был найден в той же земле. Бояре и слуги князей позаняли множество пустопорожних земель и принялись подобно князьям хозяйничать на этих землях, благо что теперь были готовы и рабочие для них руки в лице крестьян, потерявших собственные хозяйства. Князья легко допустили освоение земель боярами и слугами и с течением времени стали даже жаловать их землями, ибо земли в то время сами по себе, при редкости населения, почти что не имели никакой ценности, а населенные при посредстве владельцев, они начинали давать и князю доход. Поселенные на них владельцами крестьяне должны были платить князю дань, судебные и другие пошлины, сами владельцы в известных случаях, должны были оказывать военную помощь князю. Необходимо заметить, что в рассматриваемое время только эти соображения, а не какие-либо иные заставляли князей содействовать распространению боярского землевладения. Позже это землевладение распространилось в интересах службы. Но в рассматриваемое время с владением землями не связывалось еще обязательной службы князю, во владении которого находились земли. Бояре и слуги, как и в Киевский период служили, кому хотели, и князья в своих договорах прямо гарантировали им право вольного перехода с сохранением вотчин. «Боярам и слугам вольным воля, — гласят эти договоры, — а села и дома им свои ведати, а нам в них не вступатися».

Итак, бояре и вольные слуги в удельное время окончательно сделались землевладельцами и позаняли огромное количество земель. Они, как мы видели, не

утратили и права свободного перехода, но едва ли уже пользовались им в широких размерах. Это право стало уже политическим анахронизмом, противоречившим их экономическим интересам, которые привязывали их к месту нахождения имений. Поэтому, перебирая фамилии бояр, действовавших в том или другом княжестве, мы по большей части встречаемся с одними и теми же фамилиями. Оседлость боярского класса в удельное время можно считать фактом, не подлежащим сомнению, отъезды были сравнительно редким явлением. Но оседлый класс дружинников естественно привязывал к месту и своего вождя, около которого он группировался, которого охранял и поддерживал и которому помогал в правительственной деятельности.

Развитие церковного землевладения.

Не менее бояр освоили и приобрели себе земель и церковные учреждения, епископские кафедры, соборные церкви и, в особенности, монастыри. Мы знаем, что и до нашествия татар князья стали наделять церкви именьями вместо десятины. После татарского погрома этот способ материального обеспечения духовенства стал уже преобладающим, господствующим. Князья стали жаловать духовенству преимущественно земли пустые или же населенные, а не готовые доходы, которых было очень мало у самих князей. Так называемая *руга*, заступившая место прежней десятины, отошла теперь на задний план, стала жаловаться князьями изредка и в небольших размерах в виде некоторой подмоги бедным церквам. Черному и белому духовенству пришлось теперь содержать себя главным образом собственным сельским хозяйством, собственной предприимчивостью и трудом. Это был железный закон, которому при всеобщем обеднении и разорении должны были одинаково подчиниться и князья, и бояре, и духовенство. Татары так много брали с Руси ее средств, что уже никому внутри страны не давали возможности жить на готовом, без труда и хозяйственных забот. При таких условиях монастыри и другие церковные учреждения принялись занимать земли и для крепости выпрашивать на них подтверждения князей или же прямо выпрашивать земли. Князья охотно предоставляли церкви занимать пустопорожные земли, которые не приносили для них дохода, а иногда из усердия жаловали и населенные земли. Количество церковных земель таким путем страшно выросло, так что, когда кончилась удельная эпоха, в руках духовенства оказалось около 1/3 всех земель, находившихся под культурой. Об этом говорил царь Иван Васильевич Грозный на соборе 1551 года. Монастыри и вообще церковные учреждения еще более, чем княжеские дружинники, имели возможность развивать сельское хозяйство. Прежде всего в их руках должен был скапливаться больше, чем в руках княжеских дружинников, потребный для того капитал. Татарские ханы предоставили русскому духовенству податные льготы, и то, что уходило из рук дружинников к татарам, то оставалось в руках духовенства. Средства его как-никак пополнялись притоком благочестивых вкладов и пожертвований; и, наконец, монастыри отличались большим скопидомством, большей бережливостью, чем светские владельцы. Поэтому и обедневшие земледельцы легче всего могли устроиться хозяйством на землях монастырских и вообще церковных, легче всего могли раздобыться здесь подмогой и ссудой. Но самое главное, что должно было привлекать бродячее крестьянское население на земли церковные — это разнообразные *льготы*, дававшиеся здесь крестьянами.

Имунитеты церковных и боярских имений; сближение их с княжествами.

Устраивая хозяйство на занятой земле, монастыри и другие церковные учреждения прежде всего выхлопывали у князей льготы от податей и повинностей для крестьян,

которые сядут на нови, на 3, 5, 10 и более лет. Князья по религиозным, а частью экономическим побуждениям, в виду будущих выгод от заселения страны, давали просимые льготы. Дело не ограничивалось этим. Поселившиеся на церковных землях крестьяне попадали в разряд людей церковных и потому освобождались от суда княжеских чиновников иногда совсем, а большей частью за исключением важнейших уголовных дел — о душегубстве, разбое и татьбе с поличным. Вместе с этим они получали и другие льготы. Поэтому и в жалованных грамотах сплошь и рядом встречаем такие выражения: «А наместницы мои и волостели и их тиуны не въезжают к их людям ни по что, ни судят их, а тех людей ведает и судит игумен NN сам»; или: «который суд будет межи монастырских людей, судит их и дворян дает монастырский тивун один, нашим судьям не надобно ни по что». Княжеские судьи вступаются лишь тогда, когда одна из тяжущихся сторон подлежит их юрисдикции, и тогда по общему правилу устраивается *вопчий* или *смесный* суд судей княжеских и монастырских. Кроме того, как сказано, княжеские судьи выступают иногда на сцену, когда дело идет о разбое, душегубстве и татьбе с поличным, но далеко не всегда. Монастырские и церковные люди сплошь и рядом освобождались от всех податей и повинностей в пользу князя. «Тем людям, — читаем мы в княжеских жалованных грамотах, — ненадобе моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни иная которая пошлина». Правда, что эти подати и повинности не слагались совсем с крестьян: крестьяне должны были нести их в пользу владельца. Но во всяком случае они должны были оставаться при этом в выигрыше. В интересах владельцев было уменьшать эти подати и повинности по сравнению с княжескими, чтобы привлекать и удерживать крестьян, а главное — крестьяне освобождались от обременительных въездов княжеских чиновников, от корма и подарков им, от подвод и т. д. Эта льгота сама по себе была столь значительной, что иногда составляла предмет пожалования.

Церковные крестьяне не освобождались от платежа даней князю, но эту дань представлялось собирать владельцам и вносить ее в княжескую казну в виде ежегодного оброка: «Даст игумен оброку в мою казну на всякой год три рубля, а опричь того оброку, ненадобе им никоторая дань... ни пошлина». Или: «а привозят то серебро сами, да отдают моему казначею, а даньщики мои в те их слободки и деревни к ним не въезжают, ни дани с них не емлют, ни писец их мой не пишет». Княжеские чиновники въезжали в села и деревни и по другим надобностям, не только за данью. И от этих въездов обыкновенно освобождаются церковные крестьяне: «У тех людей монастырских мои князи и бояре и дети боярские и всякие ездоки не ставятся никто, ни корма, ни подвод, ни проводников не емлют».

Благодаря всем этим льготам и преимуществам крестьяне особенно охотно оседали в монастырских и церковных имениях, что в свою очередь побуждало монастыри и церковные власти всячески расширять свое землевладение, развивать свое хозяйство. Это сделалось, можно сказать, главным интересом церковников, как о том свидетельствовали в начале XVI века преп. Нил Сорский, Максим Грек и другие ревнители благочестия, недовольные господствующим направлением в жизни монашества и белого духовенства.

Результатом этого было подчинение огромной части земледельческого населения монастырям и другим церковным учреждениям и не только в хозяйственном, но и в политическом отношениях. Монастырские и церковные вотчины сделались маленькими государствами, владельцы которых обладали правом суда и податного обложения над своими подданными. Если княжества по преобладанию в них хозяйственных интересов и деятельности близко подошли к частным имениям, вотчинам, то и эти последние в свою очередь сделали шаги навстречу княжествам и

превратились в маленькие государства.

И это справедливо не только относительно церковных, но и относительно боярских вотчин. До последнего времени в нашей литературе господствовало мнение, что боярские вотчины не пользовались у нас теми же иммунитетами, какими пользовались церковные имения, или, точнее сказать, пользовались очень редко. Это мнение основывалось просто на том, что мало было известно льготных грамот, выданных боярам. Сергеевич в своих «Юридических древностях» насчитал их всего 19. Но затем *Юшков* открыл в Архиве Министерства Юстиции более полсотни грамот, несудимых и льготных, выданных в удельное время и в первой половине XVI века светским вотчинникам и сохранившихся большей частью в списках XVII века. Нет основания думать, что найденным в настоящее время количеством исчерпывается вся их наличность. Русские князья XIII-XV веков смотрели на свои права, главным образом как на доходные статьи, и потому считали себя вправе распоряжаться ими, как своим частным достоянием, отчуждать их в частные руки и т. д. Политические права, которые князья предоставляли владельцам, сплошь и рядом были оплатой их службы, подобно тому как иммунитеты духовенству были оплатой его богомолья.

Таковы были социальные результаты, выяснившееся в удельную эпоху в связи с тогдашним экономическим регрессом, на который немалое влияние оказало татарское нашествие и владычество. Произошло падение землевладения и самостоятельного хозяйства значительного количества земледельцев; развилось в больших размерах княжеское, боярское и церковное землевладение и хозяйство, которое стало вестись главным образом при помощи крестьян-арендаторов. Эти крестьяне-арендаторы попали не только в экономическую, но и в юридическую зависимость от своих землевладельцев, которым они во многих случаях стали подсудны и подвластны. Холопство перестало играть роль главной основы частного землевладения и хозяйства, хотя оно и продолжало развиваться. Источники его остались те же самые, что и в предшествующую эпоху. Но оно теперь расчленилось, разделилось на несколько разрядов. Прежние обельные холопы получили название полных. Наряду с ними появились холопы *докладные*, продававшиеся на ключ, т. е. на услужение в качестве сельских приказчиков, ключников и тиунов, и холопы *кабальные*, которые занимали деньги и обязывались кредитору служить «по вся дни» на его дворе по кабале, т. е. по заемному обязательству, за рост, а не в погашение займа. Вся эта хозяйственная обстановка, все эти новые условия сельскохозяйственной промышленности заставляли князей, как и других землевладельцев, устраиваться на постоянное житье в местности, быть домоседами и, сидя по своим дворцам, вести свое хозяйство, привлекать рабочий люд и руководить его трудом.

* * *

Пособия:

- Д. И. Багалей.* Русская история. Т. 1. М., 1914.
Д. И. Иловайский. История России. Т. 1. М., 1906.
В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909.
Н. И. Павлов-Сильванский. Иммуниет в древней Руси // ЖМНП. 1901, декабрь.
М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912.
В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В УДЕЛЬНУЮ ЭПОХУ

ПРЕКРАЩЕНИЕ деятельности городских веч.

Татарское нашествие со всеми сопровождавшими его последствиями ускорило и тот самый процесс жизни, который приводил к упадку значения, а затем и к окончательному прекращению деятельности городских веч в северо-восточной Руси.

Уже во второй половине XII века, в эпоху интенсивного заселения края колонистами с юга, князья северо-восточной Руси обнаруживали тенденцию стать хозяевами страны, ее господами как ее создатели и устроители. Припомним, что уже Андрей Боголюбский чинился самовластцем в Суздальской земле и знать не хотел ни своих бояр, ни народного веча. Андрей, как известно, стал жертвой своей внутренней политики и погиб от заговора недовольных его самовластием. После его смерти старые вечевые города — Ростов и Суздаль — попытались было стать хозяевами в стране, посадить князей по своей воле и на своей воле. Но им не удалось достигнуть этого, ибо у них не оказалось прочных, старинных связей с остальным населением, прибывшим недавно, посаженным на землю князьями-колонизаторами, и прежде всего с пригородами Суздальской земли. Владимирцы отказались признать князей, выдвинутых ростовцами и суздальцами. В произошедшей затем междоусобной борьбе старые вечевые города потерпели полное поражение. В Ростово-Суздальской земле, таким образом, уже до татар князь становился господином положения, а вече отходило на задний план. Самый состав населения в Ростово-Суздальской земле должен был благоприятствовать усилению князя за счет веча. Население это состояло из обывателей мелких сел и деревушек, разбросанных на огромных расстояниях. Скученных, крупных селений, торгово-промышленных городов было мало, а потому и веча главных городов не могли приобрести того засилья, которое они получили в других областях Русской земли. Татары завершили эту политическую эволюцию северо-восточной Руси. Города во время их нашествия подверглись страшному разорению, обеднели и обнищали. Вследствие упадка промыслов и торговли они не могли долгое время и поправиться сколько-нибудь значительно. При таких условиях и жителям их приходилось уже думать больше о насущном хлебе, о завтрашнем дне, а не о политике. С утверждением татарского владычества над Русью назначение и смена князей стали зависеть от воли хана. Поэтому сама собой пала и важнейшая функция веча — призвание и изгнание князей. Если и собирались веча, то только в экстренных случаях, и притом в виде мятежа. «Избави Бог, — пишет, например, летописец под 1262 годом, — от лютого томленья басурманьского люди Ростовская земля: вложи ярость в сердца крестьянам, не терпяще насилья поганых, изволиша вече и выгнаша из городов, из Ростова, из Володимеря, из Суздаля, из Ярославля, окупахут бо ти окаяньнии бесурмени дани» (Лаврент.). Или под 1289 годом: «Князь Дмитрий Борисович седе в Ростове. Умножи же ся тогда татар в Ростове, и гражане створше вече и изгнаша их, а имение их разграбиша» (Воскрес.) и т. д. Итак, из двух сил, руководивших обществом в Киевской Руси, в северо-восточной удельной эпохе осталась одна — князь.

Зависимость князей от татарского хана; порядок княжеского владения.

Но эта политическая сила при всем том не сделалась независимой. В 1243 году великий князь Ярослав Всеволодович отправился к Батыю, который, по рассказу летописи, принял его с честью и сказал ему: «Ярославе! Буди ты старей всем князем в

русском языке». На следующий год поехали и другие князья к Батыю «про свою отчину»: «Батый асе почтив я честию достойной и отпустив я, рассудив им, кождо в свою отчину» (Лаврент.). Тот же порядок продолжался и после. Обыкновенно ханы утверждали как великим, так и местным князем того, кто имел на то право по родовым или отчинным основаниям, действовавшим в тогдашнем обычном княжеском праве. Вследствие этого на великом княжестве Владимирском в XIII веке садились по очереди старшинства князья: Ярослав Всеволодович, брат его Святослав, сын Александр Ярославич Невский, другой сын — Ярослав Тверской и третий — Василий Костромской, затем старший внук Димитрий Александрович, следующий Андрей Александрович, затем Михаил Ярославич Тверской. Таким образом, в преемстве старшего великокняжеского стола соблюдался приблизительно старый киевский обычай. Но в замещении всех других княжеских столов установился, как уже было указано в свое время, новый, вотчинный порядок — переход от отцов к сыновьям, а при неимении таковых, к ближайшим родственникам. Таким образом, например, в Ростове после Константина Всеволодовича княжил его старший сын Василько, которому наследовал сын его Борис и т. д., в Рязани после Ингваря Игоревича княжил сын его Олег, затем внук Роман Ольгович, правнук Федор Романович, у которого не осталось потомства, почему в Рязани стал княжить брат его Константин Романович и т. д. Ханы большей частью утверждали на княжение того, кому оно следовало по обычаю. Но при всем том ханский суверенитет имел не формальное, а чисто реальное значение. Князья платили хану выход со своих княжеств и дары за ярлыки на княжение. Поэтому в XIV веке ханы стали давать великое княжение Владимирское не тем князьям, которым оно следовало по порядку старшинства, а тем, которые умели их перепросить, дать им больше даров. Таким образом, например, в 1341 году вышел из Орды на великое княжение шестнадцатилетний московский князь Семен Иванович, «и вси князи русский под руце его даны, и седе на столе в Володимери» (Воскрес.). В 1359 году хан отдал ярлык на великое княжение малолетнему Димитрию Ивановичу Донскому, бояре которого сумели перекупить этот ярлык, выпрашивавшийся одновременно и князем суздальским Димитрием Константиновичем. В конце XIV века у хана стали перекупаться ярлыки уже не только на великое княжение Владимирское, но и на уделы. Таким образом, например, Московский князь Василий Дмитриевич перекупил ярлык на княжество Нижегородское, который дан был перед тем отчичу, Борису Константиновичу. В данном случае хан по отношению к князьям стал играть ту же самую роль, какую играли вече главных городов в Киевской Руси, сажавшие князей сплошь и рядом без внимания к их родовым счетам.

Власть великого князя Владимирского до конца XIV века.

Какие взаимные отношения установились при татарах между князьями северо-восточной Руси? До конца XIV века великие князья владимирские имели известную власть над всеми другими князьями, хотя ни содержание этой власти, ни ее размеры не выступают вполне определенно по источникам. Летописи глухо говорят о том, что другие князья были «под рукой» великих князей. Выше было приведено свидетельство летописи о том, что великому князю Семену все русские князья были «под руки» даны. О Димитрии Донском пишется, что он «призва вся князи Русские земли, сущая под властью его» (Воскрес.). Подручничество князей дает себя выследить в фактах лишь в том, что удельные князья во время общерусских походов становились под знамя великого князя Владимирского. Великий князь Владимирский, по всем признакам, был представителем всех русских князей перед ханом, был первоначально единственным князем, который *знал* Орду, т. е. ездил хлопотать перед ханом за интересы Русской

земли, получал от него приказы и т. д. Все эти особые права и преимущества в связи с владением Владимирским округом и были причиной борьбы князей разных линий за великое княжение Владимирское.

Последняя борьба за великое княжение Владимирское произошла при Димитрии Ивановиче Донском. В 1367 году князь Димитрий Иванович заложил в Москве каменный кремль и начал всех князей приводить под свою волю, между прочим и князя Михаила Александровича Тверского. Михаил, не желая подчиняться, обратился за помощью к зятю своему Ольгерду, великому князю Литовскому. Несколько раз литовские войска вступали в московские владения, подвергали их опустошениям. Великий князь Димитрий Иванович пускал против них не только полки князей московских уделов, но и рязанские Олега Ивановича, пронские князя Владимира Дмитриевича. Не успев в своем деле с литовской помощью, Михаил в 1371 году отправился в Орду и возвратился оттуда с ярлыком на великое княжение Владимирское и ханским послом Сарыхожей. Но Димитрий не пустил Михаила на великое княжение, подарил Сарыхожу и затем сам отправился в Орду, подарил там хана, ханш и всех князей и вновь получил ярлык на великое княжение. Михаил, со своей стороны, вновь отправился в Литву и возбудил Ольгерда против Москвы. В произошедшей затем борьбе великий князь Димитрий Иванович водил с собой на ратное поле тестя своего Димитрия Константиновича Суздальского с двумя братьями его и сыном, двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского, троих князей ростовских, князя Смоленского, двоих князей ярославских, князя Белозерского, Кашинского, Моложского, Стародубского, Брянского, Новосильского, Оболенского и Тарусского. Борьба кончилась тем, что Михаил Александрович признал себя «младшим братом» Димитрия, равным Владимиру Андреевичу, обязался не искать под Димитрием великого княжения Владимирского, садиться на коня и ехать на войну, когда сам великий князь или брат его Владимир Андреевич сядут на коня, или послать своих воевод, если они пошлют воевод: обязался сообща определять свои отношения к татарам, давать им дань или не давать, биться с ними, если дело дойдет до войны, воевать вместе против Литвы, жить с Великим Новгородом и Торжком как встарь.

Все эти подробности борьбы за великое княжение Владимирское, а равно и договор великого князя Димитрия Ивановича с Михаилом Тверским, обеспечивающий его послушание великому князю Владимирскому, показывают, в чем состояла власть великого князя Владимирского. Власть эта была военно-политическая. Местные князья обязаны были выходить на войну по зову великого князя, не вести никакой самостоятельной внешней политики. Значение великого князя Владимирского выступает затем довольно явственно и в последовавшей затем борьбе Димитрия Ивановича Донского с татарами и Рязанью. В 1380 году Димитрий собрал против Мамай огромную рать в 150 тысяч человек. В состав этой рати вошли полки не только московских уделов, но и подручных князей ростовских, ярославских, белозерских; и Тверской князь присылал свои войска с племянником своим, Иваном Всеволодовичем Холмским. Олег Рязанский, из страха перед татарами не присоединившийся к великому князю, после Куликовского поражения татар, должен был бежать в Литву из боязни репрессии, и Димитрий Иванович за послушание Олега отнял было у него Рязань. Когда они помирились затем и заключили договор, Олег признал себя «младшим братом» Димитрия, равным Владимиру Андреевичу, обязался быть заодно против Литвы, а с Ордой находится в тех же отношениях, как и Московский князь. Значит, Олег стал к Димитрию Ивановичу Донскому в такое же подчиненное положение, как и Михаил Тверской. Для характеристики этого положения можно привести некоторые данные из договора с Димитрием Ивановичем его двоюродного брата, Владимира Андреевича

Серпуховского, к которому приравнивались князья Олег и Михаил: «Тебе, брату моему младшему, князю Владимиру, держать подо мной княжение мое великое честно и грозно; тебе, брату моему младшему, служить без ослушания» и т. д.

Эмансипация Рязани и Твери от подчинения великому князю Московскому и Владимирскому.

В XV веке князья тверские и рязанские эмансипировались от подчинения великому князю Владимирскому. Великое княжение Владимирское могло держаться грозно и честно лишь тогда, когда великие князья были на Руси представителями хана, пользовались его авторитетом и военной помощью. Но к половине XIV века Орда ослабела, и великий князь не только не получал оттуда поддержки, но уже находился в частом конфликте с татарскими ханами, выступил в роли вождя в борьбе за освобождение от владычества татар. При таких условиях он вынужден был договорами с князьями закреплять свою власть и свой авторитет. Договоры бывают действительны лишь тогда, когда они могут быть во всякое время поддержаны силой. Но великий князь Московский, хотя и присвоил себе великое княжение Владимирское, не был еще в таком положении в конце XIV и первой четверти XV века. Его силы парализовались не только Ордой, которая по временам враждебно выступала против него, но и Литвой, которая во всякую минуту готова была поддерживать против него местных князей. При таких условиях князья рязанские и тверские стали исподволь занимать самостоятельное положение относительно великого князя всея Руси. В договоре, заключенном с великим князем Василием Дмитриевичем в 1402 году. Рязанский князь Федор Ольгович, хотя и признал себя младшим братом и обязался не приставать к татарам, но при всем том выговорил себе право отправлять посла (киличея) с подарками в Орду, право принимать у себя татарского посла для добра христианского с честью, уведомляя только обо всем и о всех ордынских вестях великого князя Василия. Еще знаменательнее договор, заключенный с Василием Дмитриевичем Тверским князем Михаилом около 1398 года. В нем Михаил уже не называется младшим братом, а просто братом и дает обязательства, равнозначительные с обязательствами своего контрагента — быть за один на татар, литву, немцев и ляхов. Это обоюдостороннее обязательство развито в договоре таким образом: если пойдет на московских князей сам царь или рать татарская, или литва, или немцы, или ляхи, и великий князь Московский с братьями сядут на коней, то Михаил пошлет двоих своих сыновей, да двоих братаней, оставив одного сына у себя; если же татары, литва или немцы нападут на Тверское княжество, то Московский князь обязан сам садиться на коня и с братьями. Великий князь, обязывая Тверского князя, его детей и внучат не брать любви, т. е. не входить в договоры с Витовтом и Литвой, в то же время и сам за себя и братьев обязался не заключать договоров без Тверского князя, его детей и внучат. Тверскому князю предоставлялась полная свобода в сношениях с Ордой: «А к Орде ти, брате, и ко царю путь чист, и твоим детям, и твоим внучатам, и вашим людям». Наступившая в роде московских князей усобица еще более содействовала освобождению от подчинения им князей тверских и рязанских, которые за это время тесно примыкали к великому князю Литовскому.

Подчинение великим князьям Московскому, Тверскому и Рязанскому удельных князей.

Таким образом, с конца XIV и в течение первой половины XV века в северо-восточной Руси было уже не одно великое княжение, а три — Московское, Тверское и Рязанское. С Московским великим княжением связано было неразрывно великое

княжение Владимирское, вследствие чего и Московскому великому князю подчинялись не только его родичи, но и князья других уделов, например, ростовские, суздальские, ярославские и др. Тверскому великому князю и Рязанскому подчинялись только их родичи. Об этом подчинении родичей старшему или великому князю свидетельствуют как договоры этих великих князей с другими великими же князьями, так и договоры великих князей с младшими родичами. Выше уже приведено обязательство великого князя Тверского перед Московским, посылать на помощь своих сыновей и братаничей. Значит, младшие удельные князья должны были выходить на войну по приказу старшего. Тверской князь Борис Александрович, заключая в 1427 году договор с Витовтом, прямо оговорил: «Дядьям моим, братьям и племени моему — князьям, быти у меня в послушании: я, князь великий Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню, и моему господину деду, великому князю Витовту, не вступаться; если кто из них захочет отдаться в службу к моему господину деду с отчиной, то моему господину деду с отчиной не принимать; кто из них пойдет в Литву, тот отчины лишится, — в отчине его волен я, великий князь Борис Александрович». Из договоров великих князей с удельными видно, что послушание последних выражалось в обязанности их садиться на коней и ехать на войну, когда великий князь сам сядет на коня или пошлет своих сыновей или других младших братьев, и в обязанности посылать воевод, если великий князь пошлет своих воевод. Великие князья получали от ханов ярлыки на всю землю, в том числе и на уделы младших родичей. В 1412 году великий князь Тверской Иван Михайлович, которому не хотел подчиняться удельный князь Юрий, говорил: «Ярлык царев дан ми есть на всю землю Тверскую, и сам Юрий в ярлыце царем дан ми есть». В силу этого удельные князья не могли отдаваться со своими отчинами в подчинение другим князьям, обязаны были, собирая дань по разверстке, отдавать эту дань великому князю, а великий князь уже отвозил в Орду. Поэтому великий князь Василий Васильевич Темный и наказывал в своем духовном завещании: «Как начнут дети мои жить по уделам, то княгиня моя и дети пошлют писцов, которые опишут их уделы по крестному целованию, обложат данью по сохам и по людям, и по этому окладу княгиня и дети мои станут давать в выходы сыну моему Ивану».

Итак, удельные князья северо-восточной Руси в военно-политическом отношении подчинялись до конца XIV века великому князю Владимирскому, а с конца XIV века уже трем великим князьям — Московскому-Владимирскому, Тверскому и Рязанскому, которые были независимы друг от друга и определяли свои отношения договорами, варьировавшимися в зависимости от обстоятельств их заключения. Некоторые исследователи, особенно Сергеевич, склонны точно таким же образом смотреть и на отношения младших удельных князей к местным великим. Они признают, что подчинение младших князей старшим не было каким-либо порядком, государственно-правовым обычаем, что князья *de jure* все были равноправны, и отношения подчинения устанавливались между ними только в силу договоров, в зависимости от обстоятельств каждого данного момента. Но такая концепция междукняжеских отношений удельной эпохи едва ли может быть принята. Если вникнуть в содержание договоров старших князей с младшими, то легко заметить, что договоры ссылаются гарантировать такие отношения между ними, которые признавались нормальными, подтвердить государственно-правовую старину.

Внутренняя самостоятельность уделов.

Подчинение младших князей великим ограничивалось обязательным союзом против недругов, военной помощью, взносом татарского выхода в великокняжескую казну, что в свою очередь обуславливалось отсутствием у младших князей права

самостоятельных сношений с Ордой. Но во всем остальном младшие князья были свободны и независимы. Договоры гарантировали им неприкосновенность их владений и полное право распоряжаться ими, не порывая только связей их с великим княжением. «Тебе знать свою отчину, а мне свою» — вот обычная статья в этих договорах. Договаривающиеся обязывались обыкновенно не покупать сел в уделах друг у друга, не позволять этого и своим боярам, не давать жалованных грамот на владение в чужом уделе, не держать закладной и оброчников, давать суд и управу на своих подданных по искам других князей или их подданных, не присылать в удел друг другу приставов и не судить судов. Боярам и вольным слугам в этих договорах обыкновенно обеспечивалась свобода перехода от одного князя к другому, причем они сохраняли и свои имения в уделе покинутого князя. Князья обязывались не принимать к себе письменных людей или численных, а также слуг «под дворским», владевших землями: кто из таких слуг переходил на службу другого князя, тот лишался своих земель в уделе прежнего князя. Младшие удельные князья, таким образом, пользовались полной самостоятельностью во внутреннем управлении своими княжествами. Они делили эти княжества между своими детьми, выделяли из них «опричины» на прожиток по смерти своей своим княгиням, завещали эти княжества родственникам или чужим князьям и т. д.

Сближение княжеств с частными вотчинами.

Мы рассмотрели взаимные отношения князей северо-восточной Руси в удельную эпоху. Взглянем теперь на отношения их к своим владениям, к территориям княжеств и жившему на них населению. Князья, как мы видели, остались в северо-восточной Руси единственными хозяевами, господами в своих княжествах. Вследствие всеобщего обеднения страны и невозможности жить доходами от управления, князья позаняли в своих княжествах множество земель и промысловых угодий и развили в обширных размерах свое дворцовое хозяйство, для которого они привлекли значительную часть сельского населения к разным работам и повинностям. Доходы с этого хозяйства стали главным средством их содержания, а доходы от управления только известным подспорьем. Сделавшийся крупным хозяином князь стал рассматривать и все свое княжество как огромное хозяйственное учреждение, как вотчину и потому стал распоряжаться им подобно всем вотчинникам, делить его между своими наследниками, выделять из него части на прожиток своей жене и дочерям, иногда передавать зятям, как было, например, в Ярославле, где князь Василий Всеволодович передал удел зятю Федору Ростиславичу Смоленскому. Вследствие размножения некоторых ветвей княжеского рода и многочисленных переделов их владений, получились с течением времени такие микроскопические княжества, которые были не больше любой боярской вотчины. Ключевский на основании свидетельств жития одного святого, подвизавшегося на Кубенском озере, рисует одно из этих княжеств — Заозерское в таком виде: столица его состояла из одного княжеского двора, находившегося при впадении речки Кубены в Кубенское озеро, а неподалеку от него стояла «весь Чиркова». Вы видите перед собой, таким образом, обычную помещичью усадьбу, не более. Многие из княжеств, образовавшихся в Ростовском крае, заключали в себе села и деревушки, раскинувшиеся по небольшим речкам, как, например, Ухтома, Кемь, Андога, Сить, Курба, Юхоть и т. д.

Многочисленные удельные князья стали походять на вотчинников-землевладельцев не только по размерам своих владений, но и по роду своей деятельности. Не суд и управа как таковые стали теперь наполнять их время, а хозяйственные заботы, хозяйственные дела; и обычными сотрудниками их и советниками стали не бояре, думающие о ратном деле и строе земском, а их приказчики, которым они поручали

отдельные отрасли своего обширного хозяйства. Таковы были: *дворский*, или дворецкий, которому подведомственны были все пахотные земли князя со всем работавшим на них населением, и затем *путные бояре*, администраторы путей, или совокупности того или другого разряда хозяйственных угодий, каковы: *стольник*, заведовавший всеми рыбными ловлями и рыболовами, *ловчий*, заведовавший звериными «путиками» и звероловами, *бобровничий*, *чашиник*, заведовавший всеми бортными угодьями и бортниками, *конюший*, *сокольничий*. Так как все эти угодья не были сосредоточены в одном месте, а были разбросаны по всему княжеству, то и ведомства путных бояр не были территориальными округами, а именно путями, которые перерезывали княжества в разных направлениях. Все эти приказчики князя и составляли его обычный совет или *думу*, с которой он совещался не только о хозяйственных делах своего княжества, но и о таких, которые можно назвать государственными. Как у частных владельцев, так и у князей на должностях были не только свободные, но и рабы. Казначей, ключники, дворские, посольские, тиуны сплошь и рядом были из холопов, как это видно из духовных грамот князей, в коих эти лица отпускались на волю. Даже в управлении населением, не привлеченным к работам по дворцовому хозяйству, у князей стал преобладать чисто владельческий, хозяйственный интерес. Территории удельных княжеств поделены были в административном отношении на *уезды*, с центральными городами, а уезды на *волости*. Для суда и управления князья отправляли в уезды *наместников*, в волости *волостелей* или своих *тиунов*. Наместник, сидевший в центральном городе уезда, чинил суд и управу по всем делам в окологородной волости, а по делам о душегубстве, разбое и татьбе с поличным — в пределах всего уезда; волостели или тиуны чинили суд и управу в волостях по всем делам за исключением тех, которые подлежали суду наместника. При наместниках и волостелях состояли исполнительные чиновники — праветчики и доводчики, пристава, подвойские. Главной целью этого управления было не столько обеспечение общественного порядка и прав личности, сколько извлечение доходов и содержание слуг. Наместники и волостели чинили суд совершенно формально, не входя во внутреннюю оценку доказательств. Суд творился, так сказать, сам собой, по заведенным исстари порядкам, за соблюдением которых следили судные мужи из местного общества, а судьи сидели и своего прибытка смотрели, т. е. с кого и сколько взять судебных штрафов и пошлин. Половину этих доходов получали обыкновенно князья, а половина шла судьям. Наместники и волостели, кроме того, получали с населения кормы натурой и деньгами — въездное, рождественский, великоденный и петровский. Князья и посылали на эти должности своих бояр и слуг, чтобы покормиться, а потому и не позволяли им подолгу оставаться на своих должностях, дабы дать возможность всем своим слугам перебивать на этих доходных местах. Смотря на должность наместников и волостелей преимущественно с точки зрения финансовой, князья поэтому легко выдавали так называемые несудимые грамоты, освобождавшие население боярских и церковных имений от суда наместников и волостелей и подчинявшие его суду владельцев. Это была такая же материальная милость владельцам, как и посылка бояр и слуг на кормленья. От суда наместников и волостелей освобождались обыкновенно и сами владельцы таких привилегированных имений. Их судил сам князь или его боярин *введенный*, т. е. специально на то уполномоченный.

Элементы государственности в удельном порядке.

Соединяя в одно целое черты, характеризующие отношения князей друг к другу, к территории и населению, некоторые исследователи, особенно Чичерин в «Опытах по

истории русского права», приходят к отрицанию государственных начал в удельном порядке. По мнению Чичерина, в удельной жизни господствовало только частное право, а не государственное. Князья в своих уделах не различали оснований, на которых владели городами и всей территорией удела, с одной стороны, и каким-нибудь мелким предметом своего обихода, с другой стороны, вроде утвари и одежды, и в своих духовных завещаниях безразлично благословляли своих сыновей городами и волостями, иконами, цепью, шапками и шубами. Междукняжеские отношения регулировались договорами, а договор — факт частного права. Стало быть ни в отдельных уделах, ни во всей Русской земле не существовало ни государственной власти, ни государственных понятий и отношений в среде князей. Не было их и в отношениях князей к населению: князья были владельцами земли, а со свободными жителями их связывали только договорные отношения: эти жители оставались в княжествах, пока хотели, и князь не мог принудить их оставаться, и уход их не рассматривался как измена. Но такая характеристика удельного строя при всей ее яркости страдает односторонностью. Градовский в «Истории местного управления в России» справедливо указал, что князья в своих завещаниях, ставя рядом города, волости, свои села и движимость, передают наследникам разные предметы владения. Села, например, и вещи они передают целиком как полную собственность, а в волостях только доходы и права управления. Это служит для Градовского доказательством, что в удельном периоде, существовали понятия, выходявшие из сферы гражданского права и имевшие характер понятий государственных. В добавление к этому можно присовокупить, что далеко не со всем свободным населением уделов князья связаны были договорными отношениями. Это касалось только бояр и вольных слуг, для которых князья выговаривали в договорах право свободного перехода. Но крестьян, письменных или численных людей, плативших дань татарам и несших разные повинности на князей, князья удерживали в своих уделах и обязывались не переезжать их друг у друга. Ввиду этого и уделы северо-восточных князей все-таки лучше признавать их наследственной собственностью как политических владетелей, а не частных, хотя нельзя отрицать, что по типу управления и быта, по преобладающим интересам, эта собственность близко подходила к простой вотчине. Затем, и в отношениях князей друг к другу можно подметить начала подчинения в силу известного политического права старших по отношению к младшим. Договоры князей не всегда заново устанавливали отношения между ними, а сплошь и рядом только санкционировали уже действовавшее обычное право. Это политическое право определяло княжеские отношения и помимо договоров. Все это в общей сложности позволяет говорить только об известном смешении государственного и частного права в удельную эпоху, а не о замене государственного права частным.

Черты феодализма в удельном строе северо-восточной Руси XIII-XV веков; раздробление государственной власти.

Итак, удельные княжества и по размерам, и по характеру владения и пользования ими близко подошли к крупным вотчинам частных владельцев и церковных учреждений, а с другой стороны, крупные владельческие вотчины близко подошли к княжествам, ибо владельцы их приобрели политические права над населением своих имений. Таким образом, в политическом строе северо-восточной Руси проявились наиболее характерные черты средневекового феодализма — раздробление государственной власти и соединение ее с землевладением. В добавление к этому можно указать, что и у нас, как и на западе, при разделении государственной власти образовалась целая иерархия государей, различавшихся друг от друга по количеству

своих верховных прав. Наивысшим государем Руси, от которого получали свою инвеституру русские князья, соответствовавшим императорам, западному и восточному, был *царь Ордынский*, рассматривавший всю Русскую землю как свой улус, как одно из своих владений. Ниже его были *великие князья* — Владимирский-Московский, Тверской и Рязанский, соответствовавшие западноевропейским королям, получавшие от него ярлыки на великие княжения со всеми их территориями; под великими князьями были *князья удельные*, соответствовавшие западноевропейским герцогам, подчиненные великим в некоторых отношениях, а еще ниже бояре-землевладельцы и церковные учреждения, пользовавшиеся, как мы видели, государственными правами суда и обложения в своих имениях. Впрочем, те права, которые составляют суверенитет — являются самостоятельными, а не производными, — имели только первые три категории государей. Суверенитет поделен был между ханом и князьями великими и удельными. Только эти государи имели право дипломатических сношений (удельные — ограниченное), право битья монеты и т. д. Правом битья монеты пользовались даже самые мелкие князья. В Тверском музее хранятся монеты с надписями: Денга Городецк., Городецко, Городеньско. Эти Городенские или Городецкие деньги были, как полагают, чеканены одними из самых незначительных Тверских удельных князей, а именно князьями Старицкими или Городеньскими. Известны и другие не великокняжеские серебряные и медные деньги (пулы): Кашинские, Микулинские, Спасские и другие. Что касается частных землевладельцев и церковных учреждений, то они не достигли у нас на Руси суверенных прав, какие приобретали себе их западные собратья. Как известно, на западе многие феодальные сеньоры узурпировали себе и суверенные права, величались государями Божьею милостью, чеканили монеты, вели дипломатические сношения и т. д. Этой разнице наших порядков от порядков запада новейший исследователь русского удельного строя Павлов-Сильванский дал такое объяснение: «У нас так же, как и на западе, земля должна была неудержимо распасться, разделиться на мелкие самостоятельные мирки. Но в момент назревшего разделения страны у нас оказалось налицо множество князей-претендентов с наследственными владетельными правами. Они заменили у нас западных феодалов, захвативших суверенные права: разделение сверху предупредило разделение снизу; окняжение земли предупредило ее обоярение». В этом объяснении названный историк, по-моему, верно отметил суть дела, хотя и не договорил до конца, ибо это не согласовалось с другими его взглядами. Князья сделались у нас на Руси территориальными государями прежде, чем создалось боярское землевладение, которое развивалось уже под покровом и в зависимости от княжеской власти. Между тем Павлов-Сильванский, разделяя теорию «земских бояр», думает, что боярское землевладение создалось у нас ранее или во всяком случае независимо от княжеской власти.

Происхождение феодальных отношений на Руси.

Каким же образом создался и у нас на Руси порядок, близкий к западноевропейскому феодализму? В предшествующей лекции была отмечена одна из основных причин, породивших этот порядок, господство натурального, сельского хозяйства, установившееся у нас на Руси с прибытием татар, в связи с истощением народного капитала. Это обстоятельство, как мы видели, заставило князей заняться главным образом тем делом, которым занимаются землевладельцы — сельские хозяева, ибо иначе князьям не на что было жить; князья, таким образом, приблизились к частным землевладельцам. С другой стороны, не имея денег для раздачи жалования своим слугам и церковным учреждениям, князья охотно поступались в их пользу

своими правами над населением их имений, жаловали им иммунитеты, разные льготы и изъятия, приближая их, таким образом, к государям. Но можно ли остановиться на одной этой причине в объяснении происхождения русского феодализма? Историки-экономисты склонны довольствоваться одной этой причиной и игнорировать другие, которые выдвигались историками права и культуры. Мы не можем игнорировать этих причин внутреннего, духовного свойства. Что заставляло князей делить территорию государства на уделы? Хозяйственные потребности, необходимость интенсивного сельскохозяйственного труда, — ответят нам экономисты. Но для этого, скажем им, вовсе не надо было делить самую государственную власть. Старшему князю достаточно было испоместить на уделах младших, сохраняя все свои государственные права над населением уделов и предоставляя младшим князьям только хозяйственную эксплуатацию земель, на крайний случай наместничью власть в уделах. Если князья делили самую государственную власть, то это происходило все-таки от их политической неразвитости, от отсутствия у них воззрения, что высшая государственная власть по существу своему не может быть предметом семейного дележа. Деля государственную власть, князья, очевидно, смотрели на нее как на предмет частного владения. Этим же объясняется отчасти и тот факт, что они делились ею со своими боярами. Чтобы пожаловать боярина за его службу, не было надобности непременно давать ему иммунитет. Для пожалования того, что давал иммунитет, в сущности достаточно было сделать боярина наместником или волостелем в его имении, пожаловать ему княжеские доходы и предоставить некоторые льготы населению его имения. Но князья шли обыкновенно дальше и навсегда отступались от своих прав по отношению к населению таких имений, очевидно, не ценя эти права не только с экономической, но и с политико-юридической точки зрения. Поэтому более правильным представляется мнение тех историков, которые выводили феодализм из общего состояния культуры известной эпохи не только экономической, материальной, но и политико-юридической, духовной.

Закладничество и патронат.

На почве вышеизображенного порядка и в связи с общими условиями культуры у нас на Руси развивались явления, имеющие аналогию в явлениях феодальной эпохи на западе. К таким явлениям надо прежде всего отнести *закладничество*. Раз ступевалось на деле и в общественном сознании различие между государем и частным владельцем в его государстве, то естественно должно было замутиться и понятие о подданном. Свободные лица стали считать себя вправе отдаваться в подданство не только многочисленным князьям, но и частным лицам и учреждениям, закладываясь, как говорилось тогда, не только за разных князей, но и за бояр, владык и монастыри, если это сулило им какую-либо выгоду. А эта выгода представлялась сплошь и рядом, ибо ослабевшая от разделения и удельного дробления княжеская власть часто оказывалась не в состоянии обеспечить частному лицу нужную защиту и средства к жизни. На Руси, следовательно, стало происходить то же самое, что и в Западной Европе в эпоху ослабления королевской власти, когда слабые искали защиты путем *коммendaции* сильным землевладельцам и церковным учреждениям. Аналогия в этом отношении шла так далеко, что и у нас на Руси, как и на западе, стали закладываться с именьями.

Выше было сказано, что боярские вотчины находились под суверенитетом территориального князя, а не того, кому в данное время служил их владелец, тянули судом и данью по земле и воде. Но это правило с течением времени стало нарушаться. Владельцы стали закладываться за князей, к которым поступали на службу с вотчинами, подобно тому как на западе владельцы поступали со своими феодами,

бывшими некогда также под властью территориальных государей. Это создавало страшную путаницу отношений, которой князья старались противодействовать договорами. В этих договорах они подтверждали, что боярские вотчины должны оставаться под суверенитетом территориального князя, тянуть судом и данью по земле и воде, что князья не должны в чужих уделах сел держать, покупать и даром принимать, не должны давать в чужой удел жалованных грамот, судить там и дань брать и вообще «в чужой удел не вступатися никоторыми делы». Но по всем признакам князьям не удавалось искоренить это явление, и переходы владельцев с вотчинами в подданство других князей продолжались. Такие переходы констатируются по источникам даже в конце XV и начале XVI века. Так, в 1487 году некий Ивашко Максимович сын Глядящего бил челом великой княгине Софье «и со своей вотчиной, с половиной селом Глядящим, что в Муроме в Куземском стану, со всем тем, что к его половине потягло». Имея в виду подобные случаи, Иван III и написал в своей духовной грамоте 1504 года: «а бояром и детям боярским Ярославским со своими вотчинами и с куплями от моего сына Василья не отъехати никому никуда». В 1507 году известный игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин, основавший свой монастырь в вотчине Волоцкого князя Бориса Васильевича и при его содействии, поссорившись со своим князем, «отказался от своего государя в великое государство», под высокую руку великого князя Василия Ивановича. Когда Иосифа стали упрекать за это, он сослался на прецеденты. «В наши лета, — говорил он, — у князя Василья Ярославича в вотчине был Сергиев монастырь, а у князя у Александра у Федоровича у Ярославского был в вотчине Каменский монастырь, а у князей у Засекинских был в вотчине монастырь Пречистые иже на Тользе»; и вот игумены этих монастырей били челом великому князю Василию Васильевичу, и он «те монастыри взял в свое государство, да не велел тем князьям в те монастыри вступатися ни по что». И в древнее время, — замечает по этому поводу составитель жития преподобного Иосифа, — «от обид меньших к большим прибежали». Частные лица закладывались не только за князей, но и за бояр, за владыку и монастыри. У богатых бояр благодаря этому были целые отряды слуг, которые им служили при дворе и на войне, и которые представляют, таким образом, полную аналогию с западноевропейскими подвассалами. Боярин Родион Несторович, явившись из Киева на службу к великому князю Ивану Даниловичу Калите, привел с собой 1600 человек дружины. Тогда знатный московский боярин Акинф Гаврилович Шуба, оскорбленный почетом, оказанными приезжему боярину и не желая быть под Родионом в меньших, ушел на службу к Михаилу Тверскому и увел с собой 1300 человек слуг. Иван III, взяв Новгород, первым делом распустил большие княжеские и боярские дворы в Новгороде и роздал княжеским и боярским слугам поместья. Но в Тверском княжестве слуги, служившие со своими вотчинами боярам, существовали еще при Грозном. Как и на западе, многие служилые люди в удельную эпоху закладывались у нас за духовенство — митрополита, владык и монастыри. У митрополита и архиереев были боярские дети и в позднейшую эпоху Московского государства, до самого начала XVIII века.

Если в удельное время, таким образом, не было идеи подданства, в нашем смысле слова, то нет ничего удивительного, если частные лица отдавались под покровительство князя той территории, где они жили, — своему собственному государю. Этот факт невозможен в настоящее время, в теперешнем государстве, где предполагается, что государь одинаковый покровитель для всех. Но в то время так не думали, и потому многие лица отдавались под специальное покровительство князя, *in munde-burdium regis*, как говорили на западе, получали право судиться только перед ним и т. д.

Переходы бояр и слуг; жалования и кормления.

Благодаря неясности идеи подданства между князьями и их боярами и слугами, продолжали сохраняться те самые договорные отношения, которые установились между ними в то время, когда и князья не были территориальными владельцами и бояре не были землевладельцами. Тот или другой боярин и слуга служил князю не потому, что обязан был ему служить как государю страны а потому, что он «приказался» ему служить, находя это для себя выгодным. И это справедливо как относительно переходящих бояр и слуг, так и относительно оседлых, ибо последние всегда могли уйти от своего князя. Право вольного перехода бояр и слуг, несомненно, было наследием прежнего дружинного быта Киевской Руси. Но если оно так долго продержалось в удельную эпоху, уже при оседлости боярства, то только потому, что в эту эпоху не проявилась идея подданства.

На почве договорных отношений между князьями и боярами и слугами развились явления, соответствовавшие западноевропейской раздаче бенефициев. Бояре и слуги приезжали к тому или другому князю на службу, били ему челом (западноевропейский *homagium*), а он давал им жалование, *beneficium*, которое они получали до тех пор, пока служили. На западе в качестве бенефиция раздавались большей частью земли. И у нас князья раздавали некоторым слугам дворцовые земли, участки своих домен, которыми заведовали дворские, соответствовавшие западным мажордомам, пфальцграфам и т. п., В духовной грамоте 1388 года перечисляются «села и слободки» за слугами. В другой грамоте упоминаются «деревни - княжеское жалование», время пожалования которых относится к началу XV века. И так же, как на западе, князья отнимали эти земли у своих слуг, если они отъезжали от них. Об одном из таких слуг, условно владевших пожалованным ему селом, о Борисе Воркове Иван Калита говорит в своей духовной 1328 года: «аже имать сыну моему которому служити, село будет за ним; не имать ли служити, село отнимут». В договорах между собой князья условливались об этих слугах: а кто тех выйдет из уделов... ин земли лишен». Но по особенностям нашей страны земля долгое время не была главным объектом раздачи бенефициев. Земли везде было вдоволь, она имела мало цены для князей, и бояре и слуги познания ее много без всяких условий, по молчаливому или гласному признанию князей. Развившееся вотчинное боярское землевладение долгое время исключало надобность в раздаче земли в качестве бенефиция или, как у нас говорилось, поместья. У нас на Руси в удельное время получила преимущественное развитие другая форма бенефиция — раздача должностей в качестве жалования за службу, кормления, т. е. не *fief-terre*, а *fief-office*. Поэтому и в грамотах наших князей встречаем такие выражения: «пожаловал есми ясельничим в кормление за их к нам выезд», т. е. за вступление в службу; или: «пожаловал есми Ивана Григорьевича Рыла... волостью Лузой (т. е. волостелем в Лузу) за их к нам выезд в кормление. И вы, все люди тое волости, чтите их и слушайте, а они вас ведают, и судити и ходити велять у вас тиуном своим, а доход имать по наказному списку». Кормления на волостях стали обычным признаком вольных бояр и слуг. «А вольным слугам воля, кто в кормление бывал и в доводе при нашем отце и при нас». Эти кормления на западе, как известно, сделались наследственными ленами: там герцоги, наши воеводы, графы, наши наместники, вицеграфы или виконты, наши волостели, сделались наследственными обладателями своих должностей и сопряженных с ними доходов. Но у нас кормления не сделались не только наследственными, но даже и пожизненными, давались обыкновенно на года и вообще на короткие сроки. Причиной этого была бедность наших князей, которые не имели возможности зараз кормить всех своих слуг, а должны были соблюдать в этом

отношении известную очередь, и кроме того отсутствие связи должностного кормления с землевладением. На западе кормленщики кроме доходов получали известный земельный надел на должность, и этот надел, становясь, как и все лены, с течением времени наследственным, тянул за собой и саму должность. У нас в удельную эпоху, как уже было сказано, бояре и слуги мало нуждались в земле, обеспеченные вотчинным землевладением, и потому у нас и не развилось явлений, подобных вышеуказанным.

Черты феодализма в воззрениях, языке и быте удельной эпохи.

Из всего сказанного можно видеть, что в русской древности удельного времени было много черт, роднящих ее с западноевропейским феодализмом. Мы встречаем здесь те же учреждения, те же отношения и воззрения, что и на феодальном западе, иногда в полном развитии, иногда в менее определенных чертах. В наших грамотах встречаются фразы, представляющие собой как бы буквальный перевод соответствующих латинских текстов. Для важнейших феодальных учреждений в русской древности были специальные термины, соответствующие западноевропейским. Коменданты назывались у нас *закладнями*; для обозначения феодальной коммендации употреблялись слова *задаваться*, *закладываться*. Русский дружинник, как и германский, назывался *мужем*; боярин же так же, как вассал, — *слугой* господина великого князя. Для обозначения бенефиция у нас было специальное слово *жалование*; это слово у нас имело столь же широкое распространение, как на западе слово бенефиции, лен. Жалованием называлась и земля, пожалованная в условное владение (поместье), и должность, и иммунитетные льготы. При сходстве социально-политического строя замечается и сходство быта. Дух розни, особенности, свободы и независимости парит и в русском обществе удельной эпохи, как и в западном феодальном. Феодальная свобода и независимость вели у нас так же, как и на западе, к насилиям и самоуправству, особенно со стороны бояр, которые нередко предпринимали разбойничьи наезды друг на друга. Характерной чертой западных феодалов была их военная профессия, их воинский дух. Эта черта выразилась в рыцарстве. Наши бояре и князья в значительной степени утратили рыцарские черты, которые свойственны были их предшественникам и так ярко обрисованы в «Слове о полку Игореве». Тем не менее и они все были воинами. Во время постоянных удельных междоусобий всем им часто приходилось сражаться во главе отрядов их слуг и людей. Духовные владыки не выступали сами в поход, но взамен себя посылали своих воевод, предводительствовавших их слугами. Одной из типичных черт западного феодализма является, в обычном представлении, укрепленный замок с бойницами, рвами, подъемными мостами. В удельной Руси не было каменных замков. Но каменные замки заменялись укрепленными городками на холмах, на возвышенном берегу реки или на старинных мерянских курганах. Эти княжеские городки и кремли удовлетворяли той же потребности, что и западные феодальные замки. Духовные владыки наши также возводили укрепления. Монастыри строились одинаково с княжескими кремлями, обыкновенно при озере или реке. Оба окружались стенами однородной архитектуры с башнями, бойницами, воротами. У бояр XIV-XV веков не было таких укреплений, но каждая боярская вотчина даже в позднейшее время, в XVII веке, представляла собой вооруженный стан, окруженный частоколом. Значит, в данном случае разница Руси с Западной Европой была не столько качественная, сколько количественная.

Западноевропейский феодализм вообще пошел в своем развитии гораздо дальше, чем феодализм русский. На Руси не выработалось той системы феодальной, тех строго очерченных правовых институтов, обычаев, понятий, того житейского ритуала, которые можно наблюдать в западных странах в средние века. Русский феодализм в

своем развитии не пошел дальше первичных, зачаточных форм, которым не удалось отвердеть и упрочиться. Причина этому — зыбкая общественная почва, на которой он создавался, подвижность населения в непрерывно колонизирующейся стране, с одной стороны, а с другой — напряженное давление извне, будившее инстинкты народного самосохранения и вызывавшее к жизни и творчеству государственное начало в настоящем, истинном смысле этого слова.

* * *

Пособия:

Вышеуказанные труды Д. И. Багалея, Д. И. Иловайского, С. М. Соловьева, М. А. Дьяконова, А. Н. Филиппова, и сверх того:

В. И. Сергеевич. Вече и князь (Русские юридические древности. Т. 2. СПб., 1893).

Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права. М., 1858.

В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. М., 1909. Изд. 4-е.

Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907 г. Сочинения. Т. 3. СПб., 1910.

ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ НОВГОРОДА И ПСКОВА

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ, Суздальская Русь, отправившись в своем политическом развитии от данных Киевского периода, в конце концов вышла совершенно непохожей на Киевскую Русь. Из двух сил, руководивших обществом, веча и князя, в ней с течением времени осталась одна — князь, сделавшийся хозяином-вотчинником, устройтелем земли, организатором народного труда. Этот князь, если и делил свою власть, то не с обществом, не с миром в его целом, а с отдельными землевладельцами-боярами и церковными учреждениями, которым он уступал право дани и суда. Но совершенно другой дорогой в это время, шла в своем политическом развитии северо-западная Русь — земля Новгородская. Она также отправилась от общих данных Киевской эпохи, от князя и веча, но пришла не к господству князя-вотчинника, а к народовластью в виде господства веча главного города. Как же это случилось?

Заселение и устройство Новгородской земли силами общества.

Мы видели, что веча главных городов пользовались большим значением там, где ранее князей и независимо от них установились прочные, экономические и политические связи между главными городами, с одной стороны, пригородами и другими селениями — с другой, где в городах отложился богатый и влиятельный класс капиталистов, державший в своих руках промышленный оборот страны. Веча были сильны в старых русских городских волостях, которые заселились и объединились экономически и политически ранее князей и независимо от них. Князья в этих областях приходили к устроившемуся уже без них обществу и потому естественно не становились в нем полными хозяевами с безраздельной властью. Северо-восточная, Суздальская Русь, как мы видели, не принадлежала к числу таких областей. Она заселялась, устраивалась, определялась в своих границах преимущественно деятельностью своих князей, которые и становились в ней естественно хозяевами, господами. С самого начала своего заселения Суздальская Русь выходила сельской, деревенской областью земледелия, в которой торгово-промышленному классу горожан отводилась ничтожная роль в хозяйственной жизни страны. Но северо-западная Русь, земля Новгородская, во всех этих отношениях была полной противоположностью Суздальской.

Земля эта заселялась и устраивалась силами и средствами самого общества. Первоначальное ядро ее составили славяне ильменские и кривичи изборские вместе с чудью и весью белозерской. В этом земском ядре с главным городом Новгородом соединились тесными экономическими и политическими узами пригороды — Изборск, Псков, Русса, Великие Луки, Ладога и др. Дальнейшее расширение земли совершалось уже вследствие расселения, вывода колоний из этого основного ядра. Уже в XII веке новгородские погосты были разбросаны вокруг Онежского озера, по р. Онеге, Варе, Северной Двине, до самого Белого моря. Позже, новгородские селения разбросались по берегам Онежской губы, Канда拉克ской и по Терскому берегу Кольского полуострова. Погосты и деревни основывались прежде всего новгородскими смердами-землевладельцами и промышленниками, удалявшимися на север в поисках лучших пахотных, а главным образом, промысловых угодий. Села и деревни основывались на севере и новгородскими капиталистами, боярами, сажавшими в них своих «страдников», т. е. рабов, которые и пахали на них землю, промыслили зверем,

рыбой, кое-где солью. Такие «страдаемые деревин» были, например, у Борецких » по западному берегу Белого моря. В XIII-XV веках много селений на севере основано было монахами, вышедшими из новгородских обитателей, устроившими так называемые пустыни в лесах севера, около которых возникали затем монастырские села и деревни. Новгородская земля создавалась, таким образом, самим обществом. Роль князей была в этом ничтожна и выражалась только в военном содействии колонизации, в походах на инородцев.

Экономические связи Новгорода со своей землей; значение внешней торговли.

Самые крепкие экономические связи устанавливались в расширявшейся земле у главного города с новыми поселками. Новгородская область была вообще царством промыслового и торгового люда. Земледелие хотя и велось, но в самых ничтожных размерах. Почвенные и климатические условия решительно не благоприятствовали этому занятию. Новгородские летописи полны известиями о неудачах земледелия: то мороз побил хлебные всходы, то хлеб вымокал, то сгнивал на корню и т. д. Собственного хлеба не хватало для прокормления населения, и приходилось ввозить его со стороны, из земель Суздальской и Рязанской, и даже из-за границы. Но зато процветали охота за пушными и морскими зверями, рыбная ловля, добывание соли по Вычегде и на побережье Белого моря, добывание железа и кое-где, в более южных местностях, бортничество. Повсюду шла бойкая торговля всеми этими предметами добывающей промышленности — в погостах, в многочисленных рядках, рассеянных на севере, и в пригородах. Главным коллектором, куда сливалось все это сырье, был Новгород Великий, находившийся в постоянных торговых сношениях со всеми своими пригородами, рядками и погостами. Сырье, которое стекалось в Новгород из всех его пятин, волостей и подвластных земель, а также и из северо-восточной Руси, шло за границу, в Германию и другие западные страны. Из Новгорода вывозились на запад меха соболя, бобровые куньи, лисьи, хорьковые, горностаевые, медвежьи, заячьи, беличьи; воск, мед, ворвань, свиное сало, лен, конопля, смола, поташ, деготь; с запада в Новгород ввозились хлеб, соль, железо, медь, золото, серебро, олово, свинец, краски, сукна, полотна, металлические изделия, вина, фрукты, сладости и пряности. Такое значение Новгород сохранял во всю удельную эпоху. За все это время он был узлом, в который сходились нити торговой и промышленной жизни северо-западной Руси, сердцем, которое оживляло эту жизнь, через которое совершалось все ее круговращение. Заняв в своей земле то же самое экономическое положение, которое некогда занимали в своих волостях Полоцк, Смоленск, Киев, Чернигов, Новгород не только не терял этого положения, но наоборот — упрочил его и возвысил. Благоприятствующим для этого условием явилось то обстоятельство, что Новгород уцелел от татарских погромов и разорений. Татары, правда, обложили Новгород, как и все русские земли, данью, но они не истребляли здесь народного капитала. Вследствие этого и общественный строй Новгорода шел в своем развитии по тому направлению, какое дано было ему изначала, при самом сложении городских волостей на Руси. В общих чертах установился такой общественный строй в Новгородской земле.

Состав новгородского общества.

На верху социальной иерархии стояли *бояре*, крупные землевладельцы и капиталисты, пускавшие свой капитал в оборот как в разные промышленные предприятия, так и в торговлю, ссужавшие деньгами торговцев, или купцов. Класс бояр в Новгороде, по всем данным, образовался тем же самым путем, как и в других русских землях; т. е. из княжеской дружины, осевшей на места, сделавшейся землевла-

дельческим классом и вобравшей в себя лучших, вявших, нарочитых людей местного общества. Пользуясь близостью к власти, участвуя в управлении, класс этот увеличивал свои капиталы и землевладение и стал в конце концов вертеть всем обществом. Держа купцов и черных людей в долгах, бояре направляли решения веча, держали в своих руках все выборные должности — посадника, тысяцкого, сотских, старост и т. д. Следующий за боярами социальный слой составляли так называемые *житьи люди*. То были также капиталисты и землевладельцы, как и бояре, но оставшиеся вне круга правящей знати и в отличие от бояр занимавшиеся также и торговлей. Ниже житых людей были *купцы*, ведшие торговлю на свои и чужие деньги. Высший разряд купечества составлял особую корпорацию при церкви св. Иоанна на опоках — «Иванское сто». По уставу, данному этой корпорации еще князем Всеволодом в 1135 году, чтобы стать «пошлым купцом», полноправным и потомственным членом «Иванского купечества», надо было внести в товарищество 50 гривен серебра и 21,5 гривны в пользу церкви св. Иоанна. Иванскому купечеству даны были важные привилегии, а именно: оно выбирало пять старост, которые под председательством тысяцкого ведали все торговые дела и торговый суд в Новгороде: ведало меры веса — воцанные скальвы, медовые пуды или безмены, гривенку рублевую (для взвешивания благородных металлов), и меры длины (Иванский локоть). Кроме «Иванского ста», были, по-видимому, и другие корпорации купеческие, вроде «купеческого ста», упоминаемого в духовной одного новгородца XIII века. Ниже купцов стояли *черные люди*, разнообразные городские ремесленники и мелкие торговцы, а также и простые рабочие, проживавшие в городе. Все перечисленные классы составляли городское население, хотя могли владеть недвижимостями и вне города и проживать в них. Высший класс собственно сельского населения составляли так называемые *земцы* или *своеземцы*. Это были мелкие землевладельцы-земледельцы, обрабатывавшие свои собственные земли, чаще всего из горожан, которые приобретали земли вне города и заводили на них хозяйство. Ниже их стояли *смерды*, обрабатывавшие государственные земли Новгорода Великого и платившие с них оброк в Новгородскую казну, а еще ниже *половники*, *изорники*, *кочетники*, обрабатывавшие владельческие земли из-полу, из третьего, четвертого снопа, смотря по местным условиям. Эти половники находились в большой зависимости от землевладельцев, которые стали признаваться их господами, имеющим право требовать их выдачи наряду с холопами, а также и судить. В Новгороде продолжали существовать и *закупы* Киевского периода, наймиты, которые брали заработную плату вперед под обеспечение своей личностью и были холопами своих кредиторов все время, пока отработывали взятую «купу», а в случае бегства или преступления, становились полными холопами, или одерноватыми, как называли их в Новгороде. Эти *одерноватые холопы* занимали уже самое низшее положение в новгородской социальной иерархии.

Итак, в Новгородской земле в противоположность Суздальской поддерживалась наличность могущественного, богатого и влиятельного класса горожан, которому принадлежало экономическое господство в стране. Бывшие слои этого класса — бояре и житьи люди — господствовали экономически над другими городскими классами — купцами, черными людьми, и над сельскими — половниками. Купцы, как организаторы сбыта в добывающей промышленности, господствовали над промышленниками — земцами, смердами и половниками. Землевладельцы и торговцы господствовали, наконец, и над закупками. Короче сказать, народная масса в Новгородской земле находилась в экономическом подчинении у городских капиталистов разных званий и состояний. Все зависело в своем материальном благополучии от главного города земли, который рассыпал свой капитал по стране, возбуждал и организовывал народный труд,

указывал ему пути и направления. При таких условиях и руководящая политическая роль в земле должна была закрепиться и упрочиться в Новгороде не за князем, а за вечем главного города.

Возвышение веча и умаление княжеской власти в Новгороде.

Внутренняя политическая история Новгорода и состояла в постепенном возвышении веча и умалении значения княжеской власти. Самый откровенный момент в истории княжеской власти в Новгороде оказался неблагоприятным для дальнейшего ее развития. Новгород не сделался самостоятельным княжеством, как другие главные города русской земли. С того времени как покинули его первые князья для Киева, он почти постоянно находился под властью великого князя — сначала Киевского, а затем Владимирского или их соперников. Все эти князья держали в Новгороде своих родственников-князей или мужей-наместников. При частой смене великих князей происходили частые смены и на новгородском столе. Первое время новгородцы пытались завести у себя самостоятельного, независимого князя, постоянную княжескую династию, но все их попытки оставались тщетными. Новгородский край представлял отдаленный северо-западный угол тогдашней Руси, лежавший в стороне от главной арены деятельности князей и их дружин, и потому на первых порах князья неохотно соглашались удаляться от своих родичей. Выяснилось затем, что экономически край зависит и от Приднепровской Руси, и от Суздальской, и потому невысказано становиться ему в политически изолированное положение от той и другой, устраиваться совершенно самостоятельно со своей княжеской династией. Все это в общей сложности в конце концов и заставило новгородцев обходиться сменными князьями. Но сменный князь не мог, конечно, расширить и возвысить свою власть, свое политическое значение в Новгороде. При сменных князьях силой вещей должна была развиваться политическая самостоятельность общества, которое, сплошь и рядом оказывалось предоставленным самому себе.

Но политическая самостоятельность неизбежно ведет к расширению политических прав. Такое расширение дает себя выследить уже в первой половине XII века. В XI веке князья правили в Новгороде при помощи назначаемых ими посадников и тысяцких. Когда князь покидал Новгород добровольно или поневоле, то и назначенные им должностные лица обыкновенно слагали свои обязанности. Но такой порядок с течением времени, при частой смене князей, оказался в высшей степени неудобным, ибо периодически создавал безначалие в городе. Поэтому новгородцы стали выбирать посадников сами. Первое упоминание об этом в летописи относится к 1126 году, когда новгородцы дали посадничество некоему Мирославу. Но об этом говорится уже как об обычном явлении. Само собой разумеется, что раз посадник стал выборным, и сам характер его должности изменился. Прежде он был только помощником князя, теперь он стал вместе с тем представителем и охранителем интересов Новгорода, независимым от князя. Княжеская власть вместе с тем потерпела серьезное ограничение. Дальнейший шаг в этом направлении был сделан в княжение Всеволода Мстиславича, около 1135 года. Всеволод отказался от торгового суда, который сосредоточился в руках пяти старост от Иванского купечества: трех — от житых людей и двух — от купцов, под председательством тысяцкого. Князь удовольствовался получением денежной суммы в 25 гривен серебра. До половины XII века новгородские владыки ставились высшей церковной властью, киевским митрополитом и собором епископов. Но со второй половины XII века новгородцы начали выбирать из местного духовенства и своего владыку, собираясь всем городом на вече, и отправляли в Киев своего избранника уже только для рукоположения. Первым таким выборным

епископом был Аркадий, игумен одного из местных монастырей, избранный новгородцами в 1156 году. Так, во второй и третьей четверти XII века вся новгородская администрация стала выборной. Развившиеся со второй половины XII века усобицы князей давали Новгороду возможность производить выбор между князьями и налагать на них известные обязательства. Даже такой князь, как Вселовод III, делал им в этом отношении разные уступки. В 1209 году новгородцы усердно помогали ему в его походе на Рязанскую землю. В награду за это, по рассказу летописи, Всеволод сказал им: «любите, кто вам добр, и казните злых», т. е. отдал вечу суд по политическим преступлениям; при этом Всеволод дал новгородцам «всю волю и уставы старых князей, чего они хотели». Из рассказов летописи о столкновении веча с князем Святославом Мстиславичем в 1218 году по поводу лишения посадничества Твердислава без вины с его стороны, видно, что князья в то время целовали крест — без вины волости мужа не лишити.

Договоры Новгорода с князьями.

Из договорных грамот позднейшего времени (самая древняя относится к 1265 году) видно, что князья давали целый ряд и других обязательств новгородцам, а именно: они обязывались без новгородского слова войны не замышлять, новгородские волости держать не своими мужами, а новгородцами, без посадника не раздавать волостей, не выдавать никаких грамот, не судить судов; обязывались не посуживать старых судов; на низу, вне пределов Новгородской земли, новгородцев не судить, даней не раздавать, приставов в Новгородскую землю не всыпать. У князя оставался еще так называемый «проезжий» суд. И этот суд подвергся ограничениям и стеснениям: во-первых, определен был один срок в году для такого суда: «а куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати им межень по Петрове дни»; во-вторых, определено было: «старосты, холопы, рабы, половника без господаря твоим судиям не судити»; в-третьих, было оговорено, чтобы посылаемые княжеские судьи из Новгородской волости суда не водили и не судили. Но проезжий суд князь сохранял не везде: во многих местах он брал за него откуп от новгородцев, которым, в свою очередь, отдавали его уже от себя желающими. То же самое справедливо и относительно полюдья. Князь сохранил право собирать дары только с волостей, не входивших в состав древнейших коренных владений Новгорода, каковы были: Волок, Торжок, Вологда, Заволочье. Но осуществление этого права было обставлено особыми условиями: было определено количество лиц, сопровождавших князя, а также характер и направление пути: князь должен был ездить лишь на двух насадах (лодках), и в обе стороны, т. е. туда и обратно, через Новгород. Также должен был поступать и посылаемый им сборщик даров. Но боясь, как бы прямые сношения князя с Заволочьем не повлекли к отпадению или захвату Заволочья, новгородцы с течением времени стали требовать в договорах, чтобы князья посылали за сбором своих доходов новгородцев: «А за Волок ти, княже, своего мужа не слати, слати новгородца»; стали требовать даже, чтобы они отдавали эти доходы на откуп: «продаяти ти дань своя новгородцу». Большим ограничениям подверглись и другие финансовые права князя. Новгород предоставлял князю пользоваться только так называемыми «княжчинами», т. е. селами, специально предназначенными для князя, и не позволял ни князю, ни его дворянам приобретать села, слободы, холопов и закладной в Новгородской земле. Князь имел право пользования только определенными угодьями, не на всей государственной территории Новгородской земли. Так, охотиться он имел право только в Руссе и на 60 верст вокруг Новгорода, не далее. Ловить рыбу и варить мед имел право в Ладоге, куда мог посылать своего осетринника и медоварника. Таким образом, князь в Новгороде даже

при великом желании не мог сделаться сельским хозяином и промышленником, как в Суздальской и других русских землях. Ограничены были и права князя в отношении торговли. Князь обязывался в договорных грамотах пускать в свою отчину новгородских купцов «гостить *без рубежа*», без задержки. Точно определялось, какие пошлины взимать князю с каждой Новгородской ладьи или торгового воза, являвшихся в его княжество. Князь не мог затворять в Новгороде немецкого двора и ставить к нему своих приставов. Немецкие купцы очень рано появились в Новгороде, около половины XII века. Сначала здесь основались купцы с острова Готланда из г. Висби, который был тогда средоточием торговли по балтийским берегам. Готландцы выстроили на торгу двор с церковью св. Олафа, «варяжской божницей», как называли ее новгородцы; потом выстроили другой двор, на котором в 1184 году была выстроена «немецкая ропата», церковь св. Петра. В XIV веке ганзейские немцы вытеснили готов и стали нанимать их двор. Новгородцы очень дорожили своей торговлей с немцами, оказывали им всяческое покровительство и давали разные льготы. Отсюда и вышеприведенная статья в их договорах с князьями. Стараясь извлечь наибольшую выгоду от торговли с немцами для себя, новгородцы обязывали своих князей вести с заморскими гостями торговлю не непосредственно, а через новгородских купцов.

Положение князя в Новгороде; кормленые князья.

Итак, князь по всем статьям, во всех сферах управления является стесненным, ограниченным в этих договорах. Договоры понимают князя не как верховного государя и владельца, а только как временного пришельца, являющегося в Новгород по договору защищать землю и чинить суд. Поэтому относительно каждого князя договоры предусматривают порядок его прибытия, когда он по обычаю получает дары на станах, и порядок отбытия, когда он таковых даров не получал. Князь со своими дворянами были чужие люди в Новгороде, и Новгород был ему чужой. Князь со своей дружиной механически входил в Новгородское общество, как сторонняя временная сила. Он даже и не жил в Новгороде, а вне его, на так называемом Городище, как называлась его усадьба. Такое же положение занимал князь и в Пскове, который был первоначально простым пригородом Новгорода, а в XIV веке обособился от него и стал во главе самостоятельной Псковской земли. Князь в Пскове был простой слуга веча, судил лишь с участием господ, псковских сановников, получал довольно ограниченные доходы, слагавшиеся из дани со смердов и судебных пошлин, назначался вечно в посольства для переговоров с иностранными державами и, наконец, обязан был начальствовать над войском и руководить военными операциями. Псковский летописец XV века очень точно охарактеризовал его значение, назвав его «воеводой, князем кормленным, о котором было псковичам стояти и боронитися».

Таких кормленных князей новгородцы держали иногда не только в главном городе, но и на пригородах. Так в XIV веке новгородцы кормили Гедиминова внука Патрикея Наримунтовича, в начале XV века князя Юрия Святославича Смоленского. Кормленные князья на пригородах редко даже держали в своих руках суд, большей частью они призывались лишь для военной защиты, а для гражданского управления на этих волостях сидели присылавшиеся из Новгорода посадники. За свой труд эти кормленные князья получали деньги из новгородской казны и коробейщину — хлеб натурой с местных жителей.

Вече в Новгороде и Пскове, как орган верховной власти.

Если княжеская власть в Новгороде и Пскове не только не прогрессировала, но даже регрессировала по сравнению с X-XI веками, зато вече вполне определилось как орган

верховой власти Новгородской и Псковской общин, через который проявлялась воля господина Великого Новгорода и Пскова.

Внешняя обстановка и порядок созыва и совещаний веча в Новгороде и Пскове носят те же самые черты, которые знакомы нам по вечах Киевского периода. Вече созывал иногда князь, чаще посадник и тысяцкий; во время борьбы партий веча созывались и частными лицами. Обыкновенно сбор на вечевую сходку производился посредством звона в колокол, который назывался в Пскове «большим вечником»; но иногда власти рассылали для этого «биричей» и «подвойских» кликать на улицах. В Новгороде вече собиралось большей частью на Торговой стороне на Ярославовом дворе, где существовала особая *степень*, помост, на котором восседали власти и с которого говорили ораторы. Рядом со степенью находилась вечевая изба, канцелярия, помещавшаяся в особой башне, где сидел вечевой дьяк. Когда происходил выбор владыки, то вече собиралось на площади около собора св. Софии. В Пскове вече собиралось около Довмонтовой стены, причем канцелярия под заведыванием городского дьяка находилась в сенях собора св. Троицы; там же находился и *ларь*, государственный архив, коим заведовал особый чиновник — *ларник*. Вече не было постоянно и регулярно действующим учреждением, созывалось только тогда, когда в нем являлась надобность. На вече собирались все свободные граждане — бояре, житьи люди, купцы, игумены, попы и черные люди, главы семей. На вече сходились не только жители главного города, но и пригородов. Так, в 1136 году новгородцы вместе с псковичами и ладожанами изгнали на вече князя Всеволода. Из пригородов приходили на вече случайные посетители, но иногда отправлялись и выборные, депутаты, если дело было особо важное, касавшееся пригорода. Вопросы, подлежащие обсуждению веча, предлагались ему со степени князем или высшими сановниками, посадником и тысяцким. Правильного обсуждения и голосования в многотысячной толпе, конечно, не было. Решение выносилось, так сказать, на слух, как выкрикивало собрание. Когда вече разбивалось на непримиримые партии, решение достигалось путем насилия одной стороны над другой. В таких случаях собиралось два веча, которые сталкивались между собой, в Новгороде большей частью на Волховском мосту. Если дело кончалось благополучно, вечевой дьяк записывал решение веча, а владыка, посадник, тысяцкий и другие должностные лица прикладывали свои печати.

Какие же дела решались на вече? Все, которые входят в область верховного управления. Вече объявляло войну, заключало мир и всякие договоры с иностранцами. Так, уже договор с немцами 1195 года был заключен князем «и всеми новгородцы»; то же самое надо сказать и о договоре с Казимиром 1440 года. Вече законодательствовало. Псковская судная грамота составлена «всем Псковом на вече», причем и дальнейшее движение законодательства по этой грамоте должно было происходить на вече: «а которой строки пошлинной грамоте нет, и посадником доложить господина Пскова на вече, да тая строка написать; а которая строка в сей грамоте не любя будет господину Пскову, ино тая строка вольно выписать вон из грамоты». В 1469 году Псковское вече утвердило церковные законы, выписки из «Номоканона». Новгородскую судную грамоту составили бояре и житьи люди, и черные люди, весь государь Великий Новгород, на вече на Ярославле дворе. Вече устанавливало налоги, например дало великому князю Василию Васильевичу черный бор, издавало распоряжения относительно монеты. В 1447 году, например, посадник и тысяцкий и весь Новгород устави 5 денежников и приказали переливать старые деньги и ковать новые. Вече отправляло суд по важным политическим преступлениям, судило, например, посадников, которые грамоту новую списали и положили в ларь по уговору с князем без ведома Пскова (1484 год). В Пскове на вече судились иногда и важнейшие

уголовные преступления — измена, подлог, кража, конокрадство и волхование. Наконец, вече избирало и сменяло должностных лиц — посадника, тысяцкого, сотских, старост и т. д. Вообще вече было, несомненно, носителем и органом верховной власти как в Новгороде, так и в Пскове.

Правительственные советы в Новгороде и Пскове.

Вече по своему составу и неорганизованности не могло, как мы видели, правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы, а тем менее иметь законодательную инициативу. Оно могло только отвечать *per acclamationem*. Собираясь только в важных случаях, вече не могло издавать распоряжения по текущему управлению. Поэтому при новгородском и псковском вече естественно должно было organizоваться особое учреждение, которое предварительно обсуждало все дела и предлагало вече готовые проекты законов и решений, а также издавало распоряжения по текущим делам, не требовавшим обсуждения на вече. Таким подготовительным и распорядительным учреждением был в Новгороде *совет господ*, в Пскове *господа*. Этот совет образовался первоначально вокруг князя, был его думой, в которой были владыка, старшие княжеские дружинники — посадник, тысяцкий, сотские и др. и градские старцы, т. е. старосты концов. Но когда владыка, посадник, тысяцкий и сотские стали выборными, независимыми от князя должностными лицами, то и состоящий из них совет занял самостоятельное, независимое от князя положение. Состав его определился в конце концов таким образом. В него вошли: владыка, степенные посадник и тысяцкий, сотские, старосты концов, старые посадники и тысяцкие и биричи. Участие старых посадников и тысяцких вызвано было отчасти необходимостью — окончить с их участием начатые при них дела, отчасти желанием использовать их служебный опыт. В экстренных случаях в совет вводились еще бояре от концов. Такой же состав совета господ был и в Пскове с той разницей, что в Пскове не было должности тысяцкого, но зато было двое посадников. В общем количество членов господ доходило до 50, а иногда и больше. Председателем совета, который и созывал его, был князь, а в отсутствие его владыка. Так, когда в XIV веке один раз обидели немецких купцов, они обратились с жалобами к владыке, а тот отослал немцев с приставом к посаднику, который и собрал совет. Посадник и тысяцкий в своей деятельности подчинены были совету господ, который иногда прямо вмешивался в деятельность посадника, делал ему предписание. Так, в 1331 году совет запретил посаднику брать деньги от немцев. Немцы в некоторых случаях апеллировали на решение суда, находившегося под председательством тысяцкого, к совету; иногда тысяцкие сами запрашивали совет. Совет подчинял себе и другие органы управления и действовал через них. Совет, как сказано, подготовлял все дела для решения веча и с этой точки зрения был органом, подчиненным вече. Но фактически он часто руководил вечем, решал вопросы верховного управления, даже и не доводя до веча. В начале XV века купцы жаловались, что совет не все доводил до сведения народа. Если вече было органом новгородской демократии, то совет был органом новгородской аристократии, боярства по преимуществу, которое через этот совет верховодило демократией.

Должностные лица в Новгороде и Пскове.

Для командования войском, для исполнения дипломатических и административных поручений, для производства суда вече, как мы уже знаем, избирало *посадника* и *тысяцкого*. И тот и другой первоначально избирались на неопределенное время. Но в XV веке они избирались уже на год. Пока они занимали свои должности, они назывались *степенными* (от вечевой степени, на которой им приходилось часто выступать);

когда же покидали должность, то уже назывались старыми, причем входили в состав совета господ. Посадник был первоначально только помощником князя, замещавшим его в отсутствие его. Но, с того времени как он стал выборным, он стал обязательным участником действий князя, представителем державного города, контролировавшим и направлявшим деятельность князя. Он сидел на суде князя; с его согласия князь раздавал новгородцам волости; посадник нередко сопровождал князя и в походах. Как первый гражданский сановник державного города, посадник собирал вече и председательствовал на нем, собирал иногда и совет господ, обязательным членом которого он был. В отсутствие князя посадник усваивал его функции — командовал войском, становился во главе посольств и производил суд вместе с наместником князя, буде князь был, но только не жил в Новгороде. Так как на разбирательство к князю и посаднику поступало множество дел, то на практике между посадником и княжеским наместником установилось разделение труда. Тиуны посадника и наместника в своих «одринах», камерах, разбирали предварительно все дела при содействии избранных тяжущимися двух приставов, но не решали их окончательно, а переносили их к посаднику и наместнику на доклад, т. е. для составления окончательного решения, или на пересуд, т. е. для пересмотра дела и утверждения выработанного тиуном решения. С посадником и наместником в таких случаях сидели 10 присяжных, по боярину и житьему от каждого конца. Все эти «докладчики», как они назывались, собирались на дворе новгородского архиепископа «во владычне комнате» три раза в неделю под страхом денежной пени за неявку. В Пскове учреждением, соответствовавшим этой коллегии докладчиков, была *господа* состоявшая из посадников, степенных и старых, и сотских (без кончанских старост) и заседавшая в судебне «у князя на сенех». Тысяцкий был прежде всего предводителем тысячи, т. е. новгородского ополчения. Новгородское войско состояло из трех элементов: княжеской дружины, или дворян, которыми командовал непосредственно князь или его наместник, владычня полка, которым командовал владычный боярин, и народной милиции, которой командовал тысяцкий вместе с сотскими. В Пскове роль тысяцкого играл второй посадник. В мирное время тысяцкий был начальником новгородской полиции и председателем торгового суда старость Иванского купечества. Тысяцкий делал и другие дела, одинаковые с посадником, например, исполнял дипломатические поручения, участвовал в совете господ и т. д; Посаднику и тысяцкому подчинены были низшие агенты — *пристава*, *биричи*, *подвойские*, *позовники*, *изветники*, которые исполняли разные судебные и административно-полицейские распоряжения, объявляли решения веча, призывали к суду, приводили в исполнение его решение и т. д. Посадник и тысяцкий получали за свои труды особый налог — *поралье* (от рало, соха).

Органы местного управления в Новгороде и Пскове.

Таково было устройство центрального управления в Новгороде и Пскове, верховного и подчиненного. Это же управление в известных пределах было и местным, ибо вече, совет господ и их исполнительные органы ведали не только общегосударственные дела, но и местные городские. Независимо от того как в Новгороде, так и в Пскове были органы местного управления. Новгород составил из нескольких самостоятельных поселков, которые, соединившись в одну городскую общину, в то же время продолжали сохранять известную обособленность, известную внутреннюю самостоятельность. То были *концы* на которые делился Новгород. Два из этих концов — Славянский и Плотницкий — находились на правой стороне Волхова, или Торговой, где был торг, двор Ярослава, где собиралось вече, а три — на левой, или Софийской стороне — Неревский на севере, Загородский на западе. Гончарский, или

Людин, на юге. Все пять концов опоясывались валом и рвом, за которыми шли многочисленные посады и монастырские слободы, составлявшие продолжение города. В Пскове было шесть таких концов. Концы отличались друг от друга составом населения. Три Софийских конца в Новгороде имели демократический характер, населены были преимущественно черными людьми, а два конца Торговой стороны — аристократический, были населены преимущественно боярами и житейными людьми. Внутренняя самостоятельность концов проявлялась наиболее ярко в кончанских вечах, на которых постановлялись разные решения, касающиеся концов, выдавались грамоты, избирались кончанские старосты, заседатели высшего суда — у доклада во владычне комнате», депутаты для участия в посольствах, члены кончанской управы, т. е. коллегии знатных, которые были исполнительным и распорядительным органом конца под председательством кончанского старосты. У концов немало было собственных, местных дел: они строили и ремонтировали укрепления, заготавливали военные припасы, набирали и снаряжали войска, заботились о внутренней безопасности и т. д. Земли, расстилавшиеся за городом и шедшие во все стороны до пределов первоначальной Новгородской области, на которых многие кончане имели именья, держали половников и холопов, также находились в некотором ведении концов. Коренная Новгородская область делилась на пять пятин, и каждая из этих пятин, по сведениям Герберштейна, подлежала во всех общественных и частных делах начальству своей части города; сделки с согражданами, например, каждый мог совершать только в своей части города, и никому не позволялось обращаться с чем-либо к другому начальству того же города. И в новгородских документах есть кое-какие указания на административную зависимость загородных земель от городских концов. Так, писцовые книги XV века свидетельствуют, что съемщики подгородных земель в Вотской пятине тянули тяглом в Неревский конец. Новгородская судная грамота говорит о сельских волостных людях «кончанских и улицких», которых старосты концов и улиц обязаны были ставить на суд в исках на них сторонних лиц. Такое же отношение частей территории к концам города существовало и в Псковской земле. Здесь старые пригороды были издавна распределены между концами города. В 1468 году, когда накопилось много новых пригородов, на вече было решено также разделить их по жребию между концами по два на каждый конец.

Каждый конец в военном и полицейском отношении делился, на *две сотни*, во главе которых стояли *сотские*. Сотские были предводителями ополчения сотни, наблюдали за мерами и весами, за мощеньем улиц и т. д. Они выбирались на сходах сотен. Сотни в свою очередь подразделялись на *улицы*, из которых каждая со своим выборным *улицким старостой* представляла также особый местный мирок, пользовавшийся самоуправлением, защищавший интересы своих членов. Уличане, например, посылали на суд, где разбиралось дело их сочлена, двух представителей-защитников или «ятцев».

Органы областного и колониального управления.

Что касается областного управления, то в этом отношении надо различать те части Новгородской территории, которые были древнейшими составными ее частями и вошли в состав деления на пятины, от позднейших приростов ее, колоний и военных приобретений. Пятины распадалась на волости, во главе которых стояли пригороды. Пригород со своей волостью был такой же местный самоуправляющийся мир, какими были новгородские сотни. В пригородах собирались веча для решения своих частных дел. Текущее же управление находилось в руках посадников, которых присылал и отзывал старший город. Старший город облагал пригороды денежными сборами на государственные нужды, вызывал во время войны ополчения пригородов, которые

поступали под команду его властей, наказывал пригороды за ослушание денежным штрафом и карательными экспедициями, которые сожигали села и т. п. Пригороды подчинялись и в судебном отношении главному городу: некоторые дела от суда посадника и местных старост, сотских и рядовичей переходили на доклад и на пересуды в Новгород в известную коллегия докладчиков или в Псков в господу. Территории пригородов делились в Новгородской земле на погосты (всех в пятинах было до 340), в Псковской на волости или *губы*. Погосты были мелкими территориально-сословными (крестьянскими) организациями, во главе которых стояли выборные старосты, раскладывавшие и собиравшие налоги и ведавшие полицией.

Другими своими владениями, кроме пятин, Новгород управлял не так, как пятнами, и притом не всеми одинаково. Самым важным из этих владений было *Заволочье*, или *Двинская земля*. Судя по сообщениям летописи, управление этим краем до XIII века носило военный характер: для сбора дани туда отправлялись ежегодно вооруженные экспедиции новгородцев. Но в XIII и XIV веках здесь уже существовало постоянное гражданское управление. Из Новгорода присылалось сюда двое посадников, которые жили в Холмогорах. На суде посадника со стороны двинян всегда присутствовал сотский, один на всю Двинскую землю, а по делам финансовыми представителями местных интересов были старосты, избиравшиеся отдельными волостями. Все остальные владения Новгорода на севере: Тре (Терский берег), Пермь, Печора, Югра — все время оставались в том же положении, в каком находилось Заволочье до XIII века: новгородцы не имели здесь постоянных органов администрации, но посылали ежегодно данщиков в сопровождении вооруженных отрядов, которые и собирали дань.

Внутренняя политическая рознь и борьба в Новгородской и Псковской республиках.

Итак, политическая организация северо-западной Руси в удельную эпоху вышла непохожей на политическую организацию северо-восточной Руси. Вместо феодальных монархий мы видим здесь две державные городские республики, власть которых простирается на обширные населенные территории за городской чертой и далеко в сторону от главных городов. Аналогичные державные городские республики представляли в древнем мире Афины и Рим, в средние века Генуя, Флоренция и, в особенности, Венеция. Следовательно, и в сопоставление нашего социально-политического строя удельной эпохи со средневековым западноевропейским Новгород и Псков не вносят диссонанса. Продолжая сравнение политического строя северо-западной Руси и северо-восточной, мы должны отметить, что северо-западная Русь в общем достигла в большей степени государственного единства, чем северо-восточная. Новгородская и Псковская волости и колонии, хотя и пользовались известным внутренним самоуправлением, но при всем том были подчинены своим главным городам в гораздо большей степени, чем удельные княжества великому князю. Мы видели, что и посадники в них присылались из главного города, и дань они платили туда же, и по судебным делам обращались туда же; их жители по временам участвовали в вечах главного города.

Но хотя *de jure* Новгород и Псков и крепче спаяны были со своими пригородами и колониями, чем великие княжения с удельными, на деле и в их областях царил дух местной розни и обособленности. Права державных городов и их осуществление нередко вызывали недовольство областных жителей, и в летописях новгородских очень часто читаются известия о восстаниях пригородов и волостей. Некоторые волости обнаруживали стремление к отпадению от Новгорода и к соединению с другими землями. Так, земля Двинская, или Заволочье, с половины XII века не раз

обнаруживала тяготение к Суздальской земле, позже к Московскому княжеству. Еще в 1169 году великий князь Андрей Боголюбский в борьбе с Новгородом привлёк двинян на свою сторону, хотя и не надолго. В 1397 году Двинская земля сделала попытку переменить новгородскую власть на власть великого князя Московского Василия Дмитриевича. Попытка эта, впрочем, кончилась неудачей: двиняне заплатили новгородцам 2 тысячи рублей и дали новгородским всадникам 3 тысячи коней. В 1434 году восставали против Новгорода Великие Луки и Ржев, намереваясь присоединиться к Литве, но были усмирены. Но особенно важны были восстания Пскова, увенчавшиеся полным успехом. Псков вступил в борьбу за право иметь своего собственного выборного князя. Таким князем во второй половине XIII века был Довмонт, литовский выходец. Новгородцы помирились с этим фактом, но считали Довмонта и его ближайших преемников своими кормленщиками.

С 1322 года в Пскове появляются уже совершенно самостоятельные князья, не считавшие себя даже и *de jure* кормленщиками Новгорода: таким князем был тогда литовский князь Давыдко. В начале же XIV века в Пскове завелись собственные выборные посадники наряду с присылавшимися из Новгорода. Полным успехом псковские стремления к независимости увенчались в 1347 году, когда в Болотове между Новгородом и Псковом был заключен такой договор: «посадником новгородским в Пскове ни седети, ни судити, а от владыки судити их брату псковитину, а из Новгорода их не позывати ни дворяны, ни Подвойскими, ни софианы, ни изветники, ни биричи». «Назваша братом младшим Новгороду Псков», — заключает летописец. Так, Псков освободился окончательно от всякого подчинения Новгороду. Царство державного города разделилось, и это не могло не сказаться его политическим ослаблением. Хотя это отпадение было единственное, но центробежные стремления проявлялись, как мы видели, и со стороны других волостей Великого Новгорода. Для успешного противодействия им и вообще для успешного охранения государственной целостности и единства необходимы были прежде всего солидарность и единение внутри самого державного города и заботливая бескорыстная политика в отношении пригородов и колоний. Ни того ни другого не оказалось в наличии.

В течение всего рассматриваемого времени Новгородская республика раздиралась внутренней борьбой партий. Партии группировались по самым разнообразным поводам — по поводу выбора князей, посадников, по поводу разных вопросов, подлежащих решению веча. Но в большинстве случаев эта группировка имела в своем основании глубокий социальный антагонизм, борьбу меньших с большими, купцов и черных людей с боярами и житейными людьми, иногда всего общества с боярами. Борьба сплошь и рядом превращалась в открытое междоусобие, сопровождавшееся убийствами, грабежом и сожжением дворов, не говоря уже о побоищах на вечевой площади или на Волховском мосту. Параллельно с этим шло угнетение пригородов и волостей. «А в то время, — читаем под 1446 годом в летописи, — не бе в Новгороде правде и правого суда, и воссташа ябедницы, изнарядиша чety и обеты и целования на неправду, и начаша грабити по селам и по волостем и по городу, и беахом в поругание суседом нашим, сущим окрест нас; и бе по волости изъезжа велика и боры частыя, кричь и рыдания и вопль и клятва всеми людьми на старейшины наша и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права» (4-я Новгородская летопись). Социальная вражда и борьба и земская рознь в конце концов превратили Новгородское государство в дряхлое политическое сооружение, еле державшееся на старых подпорах и связях, и достаточно было двух мощных ударов извне, чтобы это сооружение развалилось и рассыпалось. «Новгородцы люди житии и молодшии, — пишет летописец, — сами его (Ивана III) призвали на тыя управы, что на них насилья держат: как посадники и великие бояре

никому их судить не мочи тии насильники творили, то их также имет князь великий судом по их насильству по мзде судить». Так от произвола и насилия великих бояр новгородское население искало спасения в московском абсолютизме. В минуту последней решительной борьбы Новгорода за свою самостоятельность не только младший брат его Псков, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки и даже послали свои полки на помощь Москве.

* * *

Пособия:

Кроме общих трудов Багалея, Иловайского и Соловьева, пособиями могут служить:

С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846.

Костомаров. Севернорусские народоправства. Том 1-11.

Никитский. Очерки из жизни Великого Новгорода (Журн. Мин. Народн. Просвещ. 1869. № 10). *Он же.* История экономического быта Новгорода. СПб., 1893. *Он же.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.

Н. А. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. II. Вып. 1. СПб., 1905.

В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси изд. 4-е. Москва, 1909.

Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии. Ч. I. СПб., 1914.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В УДЕЛЬНУЮ ЭПОХУ

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ русского населения в северных, сравнительно скудно одаренных от природы областях и стоявший в связи с этим упадок промыслов и отпускной торговли, татарские погромы XIII и начала XIV века и хроническое истощение народного хозяйства «выходом» в Орду — все эти причины в общей сложности обусловили несомненный регресс русского народного хозяйства, упадок материального благосостояния русского народа в XIII-XV веках по сравнению с Киевской эпохой. Все на Руси в это время обеднели и обнищали по сравнению с прежним временем: и князья, и бояре, и горожане, и «люди», превратившиеся теперь в княжеских «сирот». Все одинаково были поглощены заботами о насущном хлебе и об откупе от татарского насилия, все с головой погрузилось в будничные дела, в мелкие житейские помыслы и хлопоты. При таких условиях и культурное развитие Руси за это время не только не шло вперед, но заметно отошло назад, понизилось по сравнению с дотатарской эпохой. И это справедливо как относительно внешней, материальной культуры, так и относительно культуры духовной.

Зодчество в удельную эпоху.

Мы видели, что в дотатарскую эпоху достигла у нас на Руси значительных успехов художественная промышленность, обслуживавшая церкви, князей, бояр и вообще состоятельных людей русского общества. В удельную эпоху все эти заказчики, как сказано, обеднели, оскудели, а вместе с тем должно было падать и художественное ремесло, должны были исчезать многие приобретенные уже знания и навыки. Начать хотя бы со строительных искусств. «Каменные здатели» существовали у нас на Руси и в татарскую эпоху и строили каменные церкви. Так, в Новгороде были построены: Покровская церковь подле Софии, церковь Федора Стратилата и др. В Москве Калита соорудил Успенский собор и Архангельский, его внук Димитрий Донской — церковь «Чуда св. архистратига Михаила в Колосаех», супруга Димитрия Евдокия — соборный храм Вознесения в основанном ею Вознесенском монастыре, сын Дмитрия Донского Василий — первоначальный Благовещенский собор (в 1405 году) и т. д. Кроме церквей сооружались и каменные палаты князей (например, в Рязани) и владык, каменные стены вокруг некоторых городов и монастырей. Так, в 1330 году псковичи поставили Изборск каменный, в 1367 году ставили кремль каменный в Москве. Но все эти постройки не отличались ни прочностью, ни изяществом в той мере, как постройки дотатарской эпохи. Многие церкви быстро разрушались. Так, в Коломне только что окончили каменную церковь, как она упала; в Новгороде церковь св. Иоанна Златоуста упала, как только по окончании ее сошли с нее мастера; в Москве церковь «Чуда архангела Михаила» должна была возобновляться через двадцать пять лет по окончании стройки и т. д. В архитектуре церквей продолжал господствовать старый суздальский стиль, но уже без тех роскошных украшений, которыми снабжены соборы Успенский и Дмитриевский во Владимире и Георгиевский в Юрьеве Польском. Стиль удельной эпохи лучше всего сохранился в Успенском соборе в Звенигороде. Как и прежние суздальские храмы, он сложен из белого тесаного камня по тому же плану; на половине своей высоты он опоясан узорчатыми высеченными в камне полосками. К этой же эпохе относится Троицкий собор в Сергиевой лавре. Во внутреннем устройстве храмов в это время появляется особенность, именно: древний низкий иконостас

заменяется высоким, делившимся на так называемые «тябла», т. е. ярусы. В известиях о построении церквей летописцы употребляют обыкновенно иностранное слово — «мастера», но при всем том не видно, чтобы призываемы были для строения церквей иностранцы, за исключением одного только случая: владыка Новгородский Евфимий в 1433 году построил у себя на дворе каменную палату с 30 дверями при помощи заморских немецких мастеров.

Живопись.

Этого нельзя сказать про «расписание» церквей; здесь по-прежнему иностранцы-греки работали вместе со своими русскими учениками. В 1343 году греческие мастера «подписали» соборную церковь Успения Богородицы в Москве. Феофан Грек расписал церковь св. Архистратига Михаила в 1399 году, а в 1405 году церковь Благовещения на княжеском дворе вместе с русскими мастерами Прохором, старцем из Городца, да чернцом Андреем Рублевым. В Новгороде в качестве церковных живописцев также фигурировали греки — Исаия Гречин (в 1338 году), упомянутый уже Феофан и др. Но достаточно было и своих собственных мастеров. Так, в 1334 году монастырскую церковь св. Спаса в Москве расписывали выученики греков — Гайтан Семен и Иван с учениками своими и «дружиной». Живописцем был митрополит Петр, который, по преданию, написал две иконы, хранящиеся ныне в Успенском соборе, св. Стефан Пермский, преп. Дионисий Глушицкий и др. Но самым знаменитым живописцем из русских людей был Андрей Рублев, участвовавший, как сказано, в расписании Благовещенского собора в Москве. Вместе с иконником Даниилом он расписал соборный храм Богородицы во Владимире; ему приписывается также образ св. Троицы в Сергиевской лавре. Андрей Рублев был страстно преданный своему делу человек, находивший в нем величайшее наслаждение, считавший его богоугодным и душеспасительным. Он чрезвычайно прославился у своих современников и создал целую школу подражателей. Из памятников церковной фресковой живописи удельной эпохи заслуживают особого внимания фрески новгородской Спасо-Преображенской церкви на Торговой стороне — произведение вышеупомянутого Феофана Грека, изображение двух святых русских князей на хорах в церкви св. Феодора Стратилата в Новгороде (XIV век), три лика святых в одеждах русских воинов с копьем, щитом, латами и шлемом, находящиеся в Спасо-Преображенской церкви в Ковалеве близ Новгорода, фрески Успенского собора во Владимире, писанные Андреем Рублевым, и фрески Успенского собора в Звенигороде. В произведениях иконописцев удельной эпохи, как и в произведениях предшествующей эпохи, царит условность, однообразие приемов и выражения, мало личного, индивидуального творчества. Общий характер иконописания тот же самый, что и в предшествующую эпоху.

Особым видом живописи были иллюстрации в так называемых «лицевых» рукописях и миниатюра, т. е. рисунки заглавных букв и заставок. Здесь проявлялось больше свободного творчества, было меньше условности. Из лицевых рукописей замечателен Кенигсбергский, или Радзивилловский, список летописи, в котором чуть ли не каждая страница имеет иллюстрации, хотя и не особенно искусно сделанные, но при всем том чрезвычайно интересные. Из миниатюр замечательны миниатюры «Сказания о святых Борисе и Глебе». Здесь в иллюстрациях — все житие Бориса и Глеба с изображениями Владимира, Святополка Окаянного, Бориса и Глеба, Изяслава в доспехах и одеждах, великокняжеских палат, шатра, воинов-всадников, насадов (лодок), погребения Глеба в лесу между двумя колодами, перенесения мощей св. Бориса в саях летом. В тесной связи с рисунками находится орнамент миниатюр, который отличается разнообразием и богатством колорита, гармонией тонов. Орнамент

представляет повторение или развитие византийских, болгарских и сербских образцов с примесью, однако, и национальных русских мотивов, особенно в новгородских миниатюрах, где видим мотивы, близкие к народным узорам и вышивкам на полотенцах, прошивках, рубахах и т. д.

Литейное, чеканное, ювелирное и другие художественные ремесла.

Преимущественно церковными потребностями поддерживались в северо-восточной Руси и другие художественные ремесла, и прежде всего литейное дело. Отливались медные колокола для церквей, оловянные или свинцовые «доски» для крыш, медные доски для дверей, подсвечники и паникадила, оловянные, медные и серебряные сосуды и т. д. Большая часть этих изделий приготавливалась русскими мастерами. Так, в 1420 году псковичи выписывали из Москвы специального мастера для изготовления свинцовых досок, которыми предполагалось обить церковь св. Троицы. В Москве уже в 1410 году взималась пошлина с серебряного литья. Но более крупные и искусные вещи все-таки изготавливали иностранцы. В 1345 году три больших колокола и два малых отливал в Москве мастер Борис римлянин; еще раньше, в 1342 году, он вызывался из Москвы в Новгород и отлил там большой колокол для св. Софии. Продолжали существовать и работать на Руси и позолотчики, золотившие главы или маковицы церквей, раки или гробы святых, иногда даже и двери церковные. Но в общем это ремесло при бедности правителей и населения, конечно, не могло процветать в удельное время, как не могло процветать и чеканное, ювелирное дело. Драгоценные украшения церковной утвари и облачений, икон, убора князей и бояр, сделались большой редкостью, тщательно хранились и передавались по наследству как большая редкость. Духовные грамоты московских и других князей подробно перечисляют шапки, шубы, ожерелья, цепи, кресты, иконы, коробочки и т. д. как великую ценность. Из драгоценных вещей удельной эпохи замечателен в художественном отношении саккос митрополита Фотия, хранящийся в Московской патриаршей ризнице. На нем по атласу вышиты золотом, серебром и шелком изображения праздников и святых и портреты великого князя Василия Дмитриевича, его супруги Софьи Витовтовны, греческого императора Иоанна Палеолога, его супруги Анны (дочери Василия) и, наконец, самого митрополита. Портреты великого князя и его супруги имеют славянские подписи, а византийского императора, его супруги и митрополита — греческие. Видно, что делали этот саккос все-таки греки. Василий Дмитриевич изображен в кафтане красного цвета с клетками, низко подпоясанном, в узких зеленых портах, запряганных в высокие сапоги из красного сафьяна, перехваченные в трех местах застежками; сверху накинут зеленый плащ с золотыми разводами по синей подкладке. На голове великого князя сквозной золотой венец, с крестами и с красной бархатной тульей; в правой руке он держит скипетр, унизанный жемчугом. Великая княгиня Софья одета в сарафан из серебряной парчи с красными клетками в золотых рамах; сарафан украшен золотым ожерельем и таким же поясом; сверх сарафана надета шубка, или длинный плащ, золотой с серебряными кругами и в них синими и красными крестами. На княгине венец почти такой же формы, как и на ее супруге. Надо думать, что эти изображения являются все-таки приблизительным воспроизведением действительности и, следовательно, могут дать некоторое понятие об убранстве богатейших тогда на Руси князей — Московских. Другие князья едва ли могли так одеваться; еще менее могли допускать значительную роскошь в убранстве и одеянии бояре и слуги князей. Внешний быт правящих и состоятельных кругов русского общества по всем признакам был в удельное время беднее, серее, чем в Киевскую эпоху.

Образованность.

Несомненно, пала и образованность на Руси с прибытием татар. Выше было указано, с какой любовью князья Киевской эпохи собирали книги, учились языкам, заботились о насаждении грамотности и просвещения, об образовании духовенства. Все такие известия исчезают после Батыева погрома и утверждения татарского ига над Русью. Мы не встречаем нигде известий об образованности князей и вельмож. О Димитрии Донском прямо говорится, что он не был хорошо изучен книгам; о Василии Темном говорится, что он не был ни книжен, ни грамотен. Мы видели, что в Киевскую эпоху русские епископы были уже довольно образованы, писали богословские трактаты, поучения и т. д. В удельную эпоху было уже мало таких епископов на Руси. Митрополит Исидор на Флорентийском соборе 1439 года говорил папе Евгению IV о современных ему епископах, что они «люди не книжные». Оскудением книжных людей среди высшей церковной иерархии объясняется тот факт, что Константинопольская патриархия постоянно держала на русской митрополии греков и южных славян. Таким образом, с 1283 по 1305 год был митрополитом грек Максим, с 1328 по 1353 грек Феогност, с 1306 года по 1406 был митрополитом на Руси серб Киприан, с 1408 по 1431 грек Фотий, за ним грек Исидор с 1436 по 1439 год, и так, вероятно, дела продолжались бы и дальше, если бы после Флорентийской унии не произошел разрыв русской церкви с греческой патриархией. Что касается низшего духовенства, то здесь еще меньше было книжности, меньше образования. Красноречивое свидетельство об этом имеем от самого конца эпохи. Новгородский архиепископ Геннадий бил челом великому князю Ивану Васильевичу, чтобы он велел училища устроить, для того чтобы было кого ставить в священники и диаконы. Тогдашние ставленники, по словам Геннадия, совершенно не годились для поступления в священство. «Приведут ко мне мужика; я ему велю дать апостол читать, а он и ступить не умеет; велю ему дать псалтырь, и он по нем едва бредет. Я его отреку, а они (прихожане) говорят: „земля, господине, такова, не можем добыть, кто был бы горазд грамоте“, и бьют мне челом „пожалуй, господине, вели учить“». Я прикажу учить эктеньи, и он к слову пристать не может; ты говоришь ему то, а он иное говорит; велю учить азбуку, а он поучився немного, просится прочь». Геннадий объясняет такое невежество лиц, ищущих священства, отсутствием училищ и невежеством мастеров, которые обучают грамоте: «Мужик невежа учит робят, да речь им испортит, сперва научит вечерне, и за то мастеру надо принести кашу да гривну денег, за заутреню тоже или свыше того, а за часы особо, и эти поминки опрочь могольца, что рядил от него; а от мастера отойдет, и он ничего не умеет, только бредет по книге, а церковного постатия ничего не знает».

Мы видели, что некоторые из князей Киевского периода любили говорить с иноземцами о вере, и притом на их языках. Ничего подобного не было в рассматриваемое время и не могло уже быть. Новгородская летопись под 1348 годом рассказывает, что Магнуш, король Свейской земли, прислал новгородцам предложение: «пошлете на съезд свой философ, аз послю свой философ, дажь поговорят про веру; а аз то хочу слышать, коя будет вера лучши, а иже ваша будет вера лучши, ино аз иду в вашу веру, или паки, аще наша вера лучши, и вы пойдете в нашу веру». Но в Новгороде такого философа не оказалось, и новгородцы могли только отвечать королю: «аще хочещи уведати, коя вера лучше, наша ли или ваша, пошли в Царьград к патриарху, зане мы прияли от Греци правоверную веру, а с тобою ее не спираем про веру». Если иногда и находились философы, то с не особенно высоким и широким полетом мысли. В летописи под 1471 годом стоит такое любопытное известие: «Того

же лета неции философов начаша пети: Господи помилуй, а друзии: О Господи помилуй». Доморощенные философы, кроме того, усиленно дебатировали вопрос о том, нужно ли двоить или троить аллилуйю.

Прилив греческих и славянских книг в XIV и начале XV века.

Духовный упадок русского общества в злые времена татарщины был бы, вероятно, еще более значительный, если бы Русь не получала дальнейшего подкрепления из тех самых стран, откуда приходило к ней просвещение и в киевскую эпоху, т. е. из Византии, Болгарии и Сербии.

В удельную эпоху продолжали приливать на Русь разные произведения византийской литературы в подлинниках и юго-славянских переводах. За это время можно констатировать появление на Руси новых сборников поучений, как «Маргарит», «Златая цепь», «Златая Матица», поучения Василия Великого, Исаака Сирина и др. Вместе с поучительными книгами занесено было немало апокрифов или «отреченных» книг, которые содержали разные легенды из священной или церковной истории, признававшиеся церковью ложными. Таковы были, например, сказания об Адаме, Енохе, патриархах, о лестнице Иаковле, о крестном древе Спасителя, о хождении Богородицы по мукам и т. д. Наряду с книгами религиозного содержания занесены были и некоторые светские книги, пользовавшиеся распространением в силу занимательности сюжета. Появилась новая, сербская редакция Александрии, затем сказания, неизвестные Киевской Руси, как «Сказание об Индии богатой», повесть о Соломоне и Давиде, притча царя Соломона о царе Китоврасе, чудесному существу, днем повелевавшем людьми, а ночью зверями, сказание о премудрости царя Соломона и о южской царице и о философах, Суды Соломоновы и т. д. Прилив греческих и славянских рукописей стал особенно сильным с конца XIV века, когда на Руси, как и в других странах, стали появляться ученые греки, болгары и сербы, покидавшие свою родину от турецкого насилия. Между прочим немало рукописей вывез с собой из Афона митрополит Киприан, осербившийся болгарин. Прилив греческой и юго-славянской литературы, при всем невысоком ее качестве, как-никак поддерживал известное умственное возбуждение в верхних слоях русского общества и давал известный импульс, известные образцы для самостоятельного духовного творчества.

Литература удельной эпохи.

Творчество это проявлялось в составлении поучений, житий святых, канонов, и церковных песнопений, исторических сказаний, описаний разных стран и т. д. Поучения на религиозно-нравственные темы дошли от епископов суздальских Серапиона и Дионисия, от Стефана Пермского, от митрополита Петра, Алексея, Киприана, Фотия, от преп. Кирилла Белозерского. Что касается житий святых, то по примеру патерика киевского стали составляться циклы житий и по другим областям — ростовские, муромские, новгородские, смоленские, а с XIV века кроме того, московские, тверские и суздальско-нижегородские. Все эти жития, хотя и содержали немало чудесного или легендарного и успели выработать некоторые общие литературные приемы, все же содержали простой, краткий рассказ, довольно верно воспроизводивший разные обстоятельства времени и жизни святого, местные черты быта и природы. Митрополит Киприан своим «Житием митрополита Петра» открыл новую серию житий, искусственно и витиевато составленных. Таковы были жития преподобного Сергия и Стефана Пермского, составленные Епифанием Премудрым, учеником преподобного Сергия, и переделанные сербом Пахомием Логофетом. Этот ученый инок Афонской горы, как говорили о нем современники, «от юности

усовершенствовавшийся в писании и во всех философиях, превзошедшей всех книжников разумом и мудростью», прибыл в Москву в княжение Василия Темного. Кроме переделанного жития св. Сергия, Пахомий, по поручению митрополита Ионы, описал житие, подвиги и чудеса митрополита Алексея, а по кончине Ионы и открытии его мощей написал канон и этому святителю. По поручению великого князя он ездил в Кирилло-Белозерский монастырь собирать сведения об его основателе и написал житие Кирилла Белозерского. По вызову новгородского владыки Ионы он ездил в Новгород и там отчасти переделал и украсил, отчасти вновь написал жития и каноны для некоторых новгородских святых, каковы Варлаам Хутынский, Савва Вишерский и др. Этот Пахомий главным образом и установил те однообразные приемы и выражения для жизнеописания и прославления святых мужей, тот холодный и риторический стиль, которому следовали потом составители житий.

Что касается исторических сказаний, то их надо различать два сорта. В удельную эпоху так же, как и в предшествующую Киевскую, составлялись отдельные сказания о событиях, которые попадали потом в общие летописные своды. Таковы сказания: новгородское — о победе Александра Невского над шведами, псковское — о князе Довмонте, рязанское — о нашествии Батыя и Евпатии Коловрате, тверское — об убиении в Орде Михаила Тверского, ростовское — о Петре царевиче ордынском, ярославское — о князе Федоре Черном, муромское — о князе Петре и супруге его Февронии, московское — о начале Москвы, о Мамаевом побоище, о разорении Москвы Тохтамышем, о нашествии Тамерлана и т. д. Наряду со сказаниями, содержащими более или менее подробный рассказ о событиях, велись и летописи в собственном смысле, краткие погодные записи о происшествиях. Летописи велись по отдельным местностям. Так, епископ Симен в своем «патерике» упоминает о «летописце старом ростовском»; до нашего времени дошел «Летописец Переяславля Суздальского». Но с XIV века стали предприниматься попытки составления общерусского летописного свода — «великого летописания». Около 1423 года в канцелярии митрополита из этих сводов, из местных летописей, из хронологических сборников, произведений духовной литературы, грамот, посланий, юридических актов и произведений словесности был составлен первый законченный общерусский летописный свод, так называемый «Владимирский Полихрон». В 1448 году в Новгороде составлен был на основании «Владимирского Полихрона» другой свод, в котором преобладали новгородские известия (это известная теперь «Новгородская 4-я летопись»). Этот свод перерабатывался в Новгороде в последующее время, а во второй половине XV и в первой половине XVI века в Москве возникло несколько переделок «Владимирского Полихрона», известных теперь под именем двух Софийских летописей, Воскресенской и Никоновской. В XV веке составлен был и прототип русского хронографа, так называемый «Еллинский и Римский летописец».

Литературное творчество возбуждалось на Руси не только знакомством с чужими книгами, но и знакомством с чужими странами. В удельную эпоху, как и в Киевскую, довольно много русских людей ходило на поклонение святыням в Царьград, на Афон, в Иерусалим. Некоторые из этих богомольцев описывали все виденное и слышанное частью для того, чтобы ознакомить с этими странами и путями к ним будущих русских путешественников, а частью просто для удовлетворения любознательности читателей. Таким образом, в половине XIV века описал свое путешествие в Царьград новгородец *Стефан*, с великим удивлением повествующий о святынях и великолепии Царьграда, так что «и ум сказати не может». В его описании чрезвычайно интересно указание, что Студийский монастырь в Царьграде был приютом русских паломников и книжников. Стефан встретил там двух новгородцев, которые занимались списыванием книг. От

того же XIV века сохранились: «хождение» архимандрита *Агрефения*, описавшего святые места Палестины, «хождение» епископа *Пимена* в Царьград, описанное его спутником смоленским иеродиаконом Игнатием. От XV века имеем путешествие иеродиакона Троицкой Лавры *Зосимы*, посетившего Царьград, Афон и Иерусалим, и записки суздальского иеромонаха *Симеона*, одного из спутников митрополита Исидора на флорентийский собор. Эти любопытные записки проникнуты великим удивлением автора ко всему, что ему пришлось увидеть в Западной Европе, и в частности в Италии, — к городам, их прекрасным каменным зданиям, фонтанам, статуям, часозвонам с хитрым механизмом. Тому же Симеону принадлежит любопытная повесть об осьмом, или Флорентийском, соборе. Самое же дальнее и самое необычное путешествие совершено было тверским купцом Афанасием Никитиным и описано им в «Хождении за три моря». Увлекаемый торговой предприимчивостью и жадой видеть новые страны, Никитин Волгой и Каспийским морем пробрался в Персию, а оттуда в Индию, где прожил целых три года. Он вернулся на родину в 1472 году, после многих приключений и опасностей, которые и описаны им в его путешествии.

Общий уровень духовного развития русского общества в удельную эпоху.

Вся эта литература, как переводная, так и самостоятельная давала, конечно, не особенно высокого достоинства умственную пищу читающей русской публике того времени. Большей частью она направляла помыслы русских людей на вопросы загробной жизни и приготовления к ней, причем трактовала их нередко наивно грубо. В этом отношении особенно заслуживает внимания послание архиепископа Новгородского Василия к Тверскому епископу Федору по вопросу об аде и рае. Об этом много говорили в то время (половина XIV века) в Твери. Епископ Федор учил свою паству, что рай, где жил Адам, более не существует. Василий опровергает его выдержками из разных апокрифических сказаний о рае на Востоке (пустынный Макарий жил всего в двадцати поприщах от рая, а Евфросин даже принес оттуда три целебных яблока) и приводит рассказ «своих детей новгородцев», которые видели ад на дышущем море и рай за горой, где написан был Деисус (Спаситель с Богородицей и Иоанном Крестителем) «лазорем чудным»; за горой был свет великий и слышались голоса ликования. Так как истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира, то русских книжников стала угнетать мысль о надвигающейся кончине мира, и они, в свою очередь, стали угнетать ею простецов. Сам митрополит Киприан писал в своих посланиях: «ныне последнее время и летам скончание приходит и конец веку сему; бес же вельми рыкает, хотя всех поглотити». К этому бесу, к его козням и проискам, к борьбе с ними, направляли воображение русских людей и разные поучения, дававшие наставления, как успешно бороться с ним, и жития святых подвижников, русских пустынножителей, которые давали необходимые иллюстрации, примеры борьбы. В качестве наиболее действенных средств предлагались евангельские — посты и молитва, умерщвление плоти, подавление страстей и непрерывное богомыслие. Не все, однако, в состоянии были пользоваться такими трудными средствами и искали средств попроще и доступнее. В качестве этих средств служили различные гадальные книги — волховники, колядники, воронограи, сонники и т. д.

Ересь стригольников.

Но как ни скудна была сама по себе умственная пища, которой питались русские люди удельной эпохи, все же по временам пробуждалась в них сильная критическая мысль. В этом отношении в высокой степени интересное и поучительное явление

представляет то духовное течение, которое привело к образованию ереси так называемых *стригольников*.

Ересь *стригольников* имела свою историю, подготовлялась и развивалась постепенно, с самого начала удельной эпохи. В русской церкви по примеру греческой установился обычай брать плату за совершение таинства священства, как и за совершение других таинств. И вот совесть некоторых русских людей уже в XIII веке стала возмущаться этим обычаем и сопряженными с ним злоупотреблениями. На Владимирском соборе 1274 года митрополит Кирилл принял меры против злоупотреблений, но не отменил самого обычая. Он предписал, чтобы во всех епархиях за поставление во священники и дьяконы брали столько же, сколько он брал в митрополии, по 7 гривен за поповство и дьяконство вместе. Эту практику продолжали и его преемники, между прочим св. Петр. Но тверской епископ Андрей не мог примириться с таким порядком, который показался ему *симонией*, и принес на митрополита жалобу константинопольскому патриарху. Патриарх прислал клирика, который нашел, что митрополит не берет ничего лишнего, а только то, что ему полагается по обычаю. Андрей не поверил в законность такого обычая и отправил в Константинополь монаха Акиндина для получения разъяснений от патриарха непосредственно. Греки по обычаю слукавили. У них самих была в полном ходу плата за поставление (иперпир). Но они, не желая сталкиваться с канонами, запрещающими брать мзду за посвящение, нашли выход в том, что стали рассматривать эту плату, не как таковую, а как вознаграждение клирошан патриарха или епископа за протори и убытки, понесенные при посвящении. Наивному тверскому монаху, простоудушно спрашивавшему о плате за поставление Константинопольский собор, на котором присутствовал патриарх иерусалимский и 36 митрополитов, отвечал, что брать плату за ставление противно всем божественным правилам, и если возьмут хотя бы половину золотого или даже меньше, будут равны с Иудею «и не имеют части со Христом ни zde, ни в будущем веке». Акиндин *bona fide* принял заявление собора и написал великому князю Михаилу Ярославичу и всем русским людям целое послание против богоненавистного обычая старейших и меньших святителей «непродаемую благодать Духа Святого в куплю вводить и взимати от поставления митрополиту от епископа, и от попа, и от дьякона, и от прочих причетник, также и епископу От сущего под ним причта, от первых и до последних, и от всякого священства», потому что, — доказывал Акиндин, — «апостольское и богоносных отец соборное предание поставленного на мзде и с поставившим его обоих от сана измещет». Совершенно приравнивая взимание платы к симонии, Акиндин не смущался провозглашать и те конечные выводы, которые отсюда следовали: «ставя бо и взимая ставленное, то уже извержен, а стався от изверженного никоея же не имать пользы от поставления, и приобщаяся Пречистых Тайн от него (поставленного) ведая с ним осудится».

Но Акиндин не принял своим посланием архиереев, и плата за поставление продолжала взиматься. Однако и агитация против нее продолжалась. При Иване Даниловиче Калите был составлен целый сборник под заглавием «Книга, нарицаемая Власфимия, рекше хула на еретики, главы различные от евангелия и от канон святых отец, в них же обличения Богом ненавистных злочестивых, духопродажных ересей». Цель сборника, как это ясно из его содержания, состояла в том, чтобы дать противникам взимания платы за поставление оружия от писания для борьбы с его защитниками. Противники эти не переводились. В 1376 году, по рассказу летописи, новгородцы бросили в воду трех развратителей веры христианской: диакона Никиту, диакона Карпа и одного неизвестного по имени простеца. То были родоначальники и основатели секты *стригольников*. В чем состояла ересь *стригольников*, на это имеются

указания в увещательной грамоте патриарха Константинопольского Нила, составленной в 1383 году при помощи суздальского епископа Дионисия, и в обличительном «Списании» св. Стефана Пермского. Стригольники «клеветали» на весь вселенский собор — на патриархов, митрополитов, епископов, на игуменов и попов и на весь священный чин, говоря, что не по достоянию поставляются, так как патриархи, митрополиты, епископы духопродавчают, взимая мзду от поставления. Считая святителей, священников и клириков, как поставляющих и поставляемых на мзде, за еретиков, стригольники не хотели иметь дела с церковью, дабы через общение с епископами и священниками-еретиками и самим не стать таковыми же. Стригольники осуждали и поведение епископов и священников. Указывая на слова Спасителя к апостолам: «не имейте власяниц, ни меди при поясах ваших», стригольники говорили о современных им епископах и попах: «недостойны их службы, яко не нестешаша, но имения взимают у хрестьян, подаваемое им приношение за живые и мертвые... многи собирают имения... сии учителя пьяницы суть, ядят и пьют с пьяницами и взимают от них злато и серебро и порты, от живых и от мертвых»... Отделившись от священников и епископов, стригольники поставляли в свои учителя и молитвословители людей простых, ссылаясь на апостола Павла, который повелел учить и простому человеку. Отвергнув всю современную иерархию, как поставленную на мзде, стригольники отвергли и всю прежнюю, которая также ставилась на мзде, а вместе с этим и все предания этой иерархии. Они пришли к выводу, что только апостольская церковь есть истинная христианская церковь, только апостолы были истинными пастырями и учителями, и только их писания должны служить руководством в вере. Так ничто не ново под луною: и в XIV веке мы уже имели своих доморожденных евангелических христиан. Богослужение стригольников было, по-видимому, просто и несложно. Храмы православные они отвергли на основании слов Священного писания: «Всевышний не в рукотворенных храмах живет». Можно думать, что у них было свое крещение, все же остальные таинства они или отвергали, или понимали их по-своему. Таинства евхаристии они не совершали, понимая его в духовном смысле. Таинство покаяния они совершали, припадая к земле. По уверению св. Стефана, стригольники отвергали пение над умершими и их поминание: «не достоин-де над мертвыми пети, ни поминати их, ни службы творити, ни милостыни давать за души умершего».

После казни основателей секты ересь не только не исчезла, но стала усиливаться. Патриарх Антоний прислал в Москву вифлеемского митрополита Михаила и с ним увещательные грамоты к псковичам и новгородцам. Михаил вместе с московским митрополитом Киприаном, новгородским и полоцким владыками составили как бы собор в Новгороде, который огласил патриаршие грамоты и свои собственные наставления. Некоторые сектанты после того вернулись в лоно церкви, а другие, боясь преследований, убежали в Галицию. В Пскове ересь удержалась, и митрополит Фотий не раз посылал туда увещательные грамоты, в которых просил православных не смущаться еретиками, вразумлять их, а в случае упорства изгонять от себя. На первое послание псковичи отвечали, что они «обыскали и показнили еретиков», из которых одни убежали, а другие продолжают упорствовать в заблуждении. Фотий на это отвечал, чтобы псковичи удалялись от нераскаянных еретиков в пищу и питье и принуждали их к правой вере, но не смертными казнями, а другими наказаниями. После того, по свидетельству Иосифа Санина, псковичи похватали еретиков и посадили их в темницы, где они и закончили свою жизнь. Стригольники в то время уже разбились на два толка. Последователи одного, умеренного, удержали основное учение секты и даже старались не порывать связей с господствующей церковью, участвовали в богослужении, делали поминки и приношения в церковь. Последователи другого —

крайнего — отрицали все внешнее в христианстве; перестали признавать всякие писания, даже апостольские, отвергали воскресение мертвых и будущую жизнь и даже утратили веру в Спасителя, полагая, что достаточно молиться Отцу небесному. Это "разложение секты вместе с преследованиями ее привели к вырождению ее и уничтожению. Часть стригольников составила контингент для последующей секты жидовствующих.

Распространение научных званий.

Ересь стригольников, как уже было сказано, была наиболее резким проявлением рационалистического течения в духовной жизни русского общества, в общем, поработанной церковной традицией и мистикой. Проблески такой же тенденции к умственной самостоятельности можно усматривать и в попытках усвоения различных приобретений научной мысли. В рассматриваемое время стали в довольно значительном количестве распространяться разные руководства по естествознанию. Кроме «Физиолога», бывшего и раньше в ходу, приобрел значение так называемый «Луцидариус», сборник естественно-научных познаний средневекового европейского запада. С целью толкования непонятных слов и выражений составлен был так называемый «Азбуковник», превратившийся в целую энциклопедию, главным образом, по естествознанию. В конце XIV века распространился перевод греческой поэмы Георгия Писиды VII века, которая содержала в себе описания различных явлений природы. В XV веке распространились в переводах география Помпония Мелы и несколько астрономических и астрологических книг, а также и отдельные статьи по естествознанию — о громах и молнии, о шарообразности земли и т. д. И в других областях знания замечается усиление серьезного интереса. В XV веке появляются переводы арифметики и риторики. Содержание старинных переведенных с греческого «Пчел» начинает подвергаться знаменательным изменениям и дополнениям. Так, в одной «Пчеле» XIV-XV веков трактуются важные вопросы «о власти и княженье», «о учении и беседе», «о законе» и т. д.

* * *

Пособия:

Кроме указанных трудов, Багалея, Иловайского и Соловьева:

Н. А. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1905.

Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. 2. Полутом 1. М., 1900.

М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. 2-е изд. М., 1914.

ЛЕКЦИЯ СЕМНАДЦАТАЯ

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ВОКРУГ НЕЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

ПОДГОТОВКА нового государственного порядка.

В XIII-XV веках на северо-востоке Руси, в той области, где сосредоточивалось великорусское племя, как мы видели, складывался и развивался социально-политический порядок, имеющий в некоторых своих чертах много общего с западноевропейским феодализмом. Все более и более увеличивалось количество княжеств, и государственная власть все более и более дробилась. Параллельно с этим мельчавшие князья-государи все более и более становились похожими на частных вотчинников-землевладельцев. С другой стороны, вследствие приобретения иммунитетов частные вотчинники становились похожими на государей. Политические отношения подданства заменялись гражданскими отношениями по договору. Но одновременно с тем готовились и такие результаты, которые в конечном своем развитии должны были привести к ниспровержению, описанного строя. Здесь надо указать, во-первых, на сосредоточение владений в руках одного сильного княжеского рода; во-вторых, на материальное усиление старшего князя в этом роде, в-третьих, на усиление власти этого князя над остальными. И в этом отношении наш исторический процесс не отличается особой оригинальностью. Известную аналогию ему можно видеть, например, в истории Франции, где разрушение феодализма также подготавливалось сосредоточением владений в руках одного из феодальных сеньоров и параллельным усилением его власти над другими. В истории человечества, как и в жизни вообще, оба процесса — разрушение и созидание, смерти и жизни — идут параллельно и одновременно, чем и обуславливается всякая жизненная эволюция.

Собирательная деятельность московских князей.

Раздробленная на множество мелких владений Русь стала исподволь собираться в руках князей *московского рода*. Этот процесс начался с самого начала XIV века. В 1301 году князь Даниил Александрович напал на Рязанского князя Константина, занял у него *Коломну*, а самого князя пленил, ослепил и посадил в заключение. В следующем, 1302 году, умерший бездетным племянник Даниила Иван Дмитриевич отказал ему свой удел *Переяславль*. Это не было случайным приобретением князя Даниила, а также результатом известных усилий с его стороны. Даниил помогал племяннику в войнах его с старшим дядей Андреем Городецким, и племянник, умирая бездетным, естественно завещал удел тому дяде, который был ему доброхотом и союзником. Сыновья Даниила — Юрий и Иван Калита — шли по стопам отца. Юрий Данилович в сам год своего вступления на московское княжение, т.е. в 1303 году, напал вместе с братьями на Смоленскую землю и захватил *Можайск*, который с того времени навсегда стал владением московских князей. Рязанского князя Константина Романовича, взятого в плен еще отцом, Юрий приказал убить, а его город *Коломну* с уездом присоединил окончательно к своим владениям. Брат Юрия, Иван Калита, действовал уже не столько оружием, сколько деньгами. Из его духовной, а отчасти из духовных его потомков, узнаем, что он купил шестнадцать сел у разных частных владельцев во Владимирском, Юрьевском, Костромском и Ростовском уездах, а также волость *Кистму*. Из духовной грамоты внука его, Дмитрия Ивановича Донского, узнаем, что *Белоозеро*, *Углич* и *Галич* были также «куплею» Калиты, хотя в действительное владение ими вступил только Дмитрий Донской. Калита оставил своим сыновьям пять городов: Москву,

Можайск, Коломну, Звенигород, Серпухов, 54 волости и 32 дворцовых села. Переяславль, приобретенный его отцом, очевидно по распоряжению хана, был включен в состав великого княжения Владимирского. В общем, владения Калиты не обнимали еще нынешнюю Московскую губернию (в состав их не входили еще нынешние уезды Клинский, Волоколамский и часть Дмитровского).

Преемники Калиты неуклонно продолжали стяжательную политику Даниловичей. Сын его Семен Иванович прикупил к Москве еще несколько сел в округе великого княжения — в уездах Переяславском, Юрьевском, Костромском и в княжестве Галицком. Брат Семена Иван округлил свои владения, приобретя на левой стороне Оки путем мены с рязанскими князьями *Новый Городок* в устье Протвы, *Лужу*, *Верею*, *Боровск* и некоторые другие места. Сын Ивана Димитрий Донской в самом еще начале своего княжения «взял волю» над князем Константином Васильковичем *Ростовским*, а князей Димитрия Галицкого и Ивана Федоровича Стародубского (на Клязьме) выгнал из их княжений. Его боярин Федор Андреевич «на обчем рете» оттягал у смольнян *Тов* и *Медынь*. Еще ранее Куликовской битвы Димитрий купил *Мещеру* у ее князей. Но эта покупка оспаривалась рязанским князем Олегом Ивановичем, державшим в зависимости от себя мещерских князей. После Куликовской битвы, в которой Олег не принимал участия, Димитрий ходил на Рязань и заставил Олега навсегда отказаться от своих притязаний на Мещеру. Тогда же Димитрий утвердил за собой на Рязанской стороне Оки *Тулу* со всем, как было при царице Тайдуле, когда ее ведали баскаки, и иные татарские места по соседству. Димитрий же первый признал *великое княжение Владимирское* с его округом (в состав которого входили тогда и *Переяславль*, *Юрьев* и *Кострома*) наследственным достоянием московских князей и распорядился им в своем духовном завещании, отказав старшему сыну Василию. Но это не было еще санкционировано тогдашним верховным государем Руси — ордынским ханом.

Нужная санкция была получена сыном и преемником Димитрия — Василием. По смерти отца он в сопровождении своих бояр отправился в Орду и вывез оттуда ярлык не только на великое княжение, но также и на *Тарусу*, *Мещеру*, а сверх того на *Муром*, и *Нижегородское княжество*. Эти новые приобретения сделаны были, по всем данным, покупкой их, но не у владельцев, а у хана. По крайней мере, мы знаем это относительно Нижегородского княжества. По сообщению Никоновской летописи, это княжество задолжало в Орду 3,5 тысячи рублей. Князь Василий внес эту недоимку и получил ярлык на *Нижний*, *Городец* и *Вятку*. Для ввода московского князя во владение Тохтамыш отправил своего посла в Нижний. Князь Борис Константинович хотел было сначала сопротивляться, но бояре покинули его и объявили собравшемуся народу, что отныне Нижний принадлежит к Москве. Попытка племянников Бориса и сыновей вернуть себе Нижний окончилась полной неудачей, и князья отчичи нижегородские должны были удовольствоваться мелкими владениями, которые им отвел московский князь, и низойти на положение служилых московских князей. В 1397 году Василий Дмитриевич отнял у Новгорода Великого *Волок Дамский*, *Бежецкий верх*, *Ржеву* и *Вологду*; но одновременная попытка его овладеть Заволочьем, или Двинской землей, кончилась неудачей. Василий продолжал примыслы отца и в области Оки: здесь он достал *Козельск* и *Любутск*; князья Новосильские стали с ним «за один человек». Наступившая по смерти Василия Дмитриевича усобица в среде московских князей затормозила их собирательную деятельность. Но при всем том в это время был присоединен к составу Московских владений Заозерский удел Ярославского княжества с *Кубеной* и половина *Ростова*. После того как Василий Васильевич восторжествовал над своими противниками, он присоединил к своим владениям княжество *Суздальское* (при каких обстоятельствах — неизвестно), которое он и завещал старшему сыну

Ивану. Он же купил у рязанских князей за рекой Окой *Тешилов*, *Венев*, *Ростовец* и другие места по реке Смедве и Осетру и на верхнем Дону, приобрел там же Елец и Елецкие места.

При сыне Василия Васильевича Иване III собирательная деятельность Москвы приняла грандиозные размеры. В 1463 году Иван купил отчину князей *Ярославских*; в 1474 году другую половину *Ростова*. Это были последние покупки Московского князя. Он сделался уже настолько силен, что мог развить теперь завоевательную политику на большую ногу. Еще в 1471 году после первого похода на Новгород Иван Васильевич добился от него уступки большей части Двинской земли: значительные пространства по нижней Двине, Пинеге и Варе, по Мезени, побережья Белого моря от устья Онеги до Мезени, а также южный берег Кольского полуострова были выделены великому князю. В следующем, 1472 году Иван Васильевич завоевал *Великую Пермь*, населенную крещенным уже финским племенем *пермяков*. В 1478 году занята была Московским князем и коренная *Новгородская* область, остальные части Двинской земли, а также *Печора*. Целым рядом военных экспедиций, предпринятых в восьмидесятых и девяностых годах XV столетия за Урал покорена была *Югорская* земля. В 1485 году в состав московских владений включено все *Тверское* княжество со всеми его уделами. Последний Тверской князь должен был уступить силе Москвы, против которой не помог ему и союз с Литвой. Находясь под обаянием этого могущества в конце 80-х годов и начале 90-х перешли на службу к Московскому князю со своими отчинами так называемые «верховские» князья — *Воротынские*, *Белевские*, *Одоевские*, *Мезецкие*, прежние «голдовники» великого князя литовского, а *Вяземских* князей, в начале 90-х годов отряженный с войском московский воевода взял в плен и привел в Москву, причем великий князь Московский пожаловал их же отчинами и велел им служить себе. Литовское правительство пыталось было и дипломатическими, и военными средствами отстоять этих князей, но безуспешно: по договору 1494 года все эти княжества были формально уступлены Москве. После новой войны с Литвой в самом конце XV и начале XVI века великий князь Иван Васильевич приобрел весь бассейн Десны и Сейма и верхней Оки: по договору 1503 года ему были уступлены: *Брянск*, *Трубчевск*, *Новгород Северский*, *Чернигов*, *Рыльск*, *Путивль* и другие города и волости *Чернигово-Северской* земли вместе с некоторыми городами и волостями в бассейне Угры и Сожа из состава *Смоленской* земли; из состава Смоленской земли, а также Витебской и Полоцкой к Москве перешли *Белая*, *Торопец*, *Велиж*. *Невль* и *Острый* с волостями. Одновременно с тем великому князю Московскому досталась половина Рязани; его племянник от сестры Федор Иванович, умирая в 1502 году, завещал свою часть в Рязанском княжестве Москве. Когда умер великий князь Иван Васильевич, оставалось уже немного великорусских земель и княжеств не во власти Москвы. Эти земли и княжества неминуемо должны были теперь попасть в руки московских князей. И действительно, в 1510 году Москва лишает окончательно самостоятельности и самобытности *Псков*; в 1517 году занимает *Рязанское* княжество, владетель которого бежит в Литву. По договору 1522 года Московский князь присоединяет к своим владениям *Смоленскую* землю, завоеванную у Литвы еще в 1514 году. В конце концов на севере и северо-востоке Руси вместо множества отдельных земель и княжеств возникает одно Московское владение в руках немногочисленных потомков Калиты. Это Московское владение, в котором великий князь берет свою волю над младшими, удельными, лишает их самостоятельности и подчиняет своей власти, получает название *государства Московского*.

Причины возвышения Москвы. Прилив населения в бассейн реки Москвы.

Из приведенных здесь данных об объединительной деятельности Москвы видно, что князья ее с самого начала действовали двумя средствами — военными и финансовыми, войском и деньгами. Но каким образом они очутились в обладании этими средствами? Очевидно, что в Московском княжестве скопилось много населения, и князья были в состоянии собирать и много войска, и много денег. Объясняя скопление населения в Московском княжестве, Соловьев указал на выгодное географическое положение Москвы. «Москва лежала на дороге переселенцев с юга, на середине между Киевской землей, с одной стороны, и Владимирской и Суздальской — с другой. По бассейну Москвы-реки переселенцы, идя с юга, оседали густыми массами и делали Московское княжество одним из самых населенных. Кроме переселенцев с юга, в Москву шли переселенцы и из других областей северной Руси вследствие отсутствия в Московском княжестве междоусобиц и бедствий от татар». Это же объяснение принимает в общем и Ключевский. Нам представляется, что из этого объяснения можно принять только вторую его половину, и притом с некоторыми оговорками. Колонизационное движение с юга, как известно, шло наиболее усиленно во второй половине XII и первой половине XIII века. Между тем, за это время бассейн Москвы-реки по всем признакам не наполнялся населением. Сам город Москва, основанный Юрием Долгоруким в 1156 году, сделался стольным княжеским городом только в 1247 году. Москва досталась тогда третьему сыну Ярослава Всеволодовича, князя Переяславского и великого князя Владимирского, Михаилу Хоробриту, — ясное дело, что в составе Переяславского княжества она была в то время не первым городом (выше ее были Переяславль, доставшийся старшему сыну Ярослава — Александру, и Суздаль с Нижним, доставшиеся второму сыну — Андрею). После гибели князя Михаила в сражении с литовцами, Москва на некоторое время перестала быть княжеской резиденцией, и только при великом князе Дмитрии Александровиче она стала уделом младшего его брата Даниила — ясное дело, что и в то время она не выдавалась еще среди городов Суздальской области. Выше ее стояли Переяславль и Городец Волжский, которыми владели старшие сыновья Александра Невского — Дмитрий и Андрей. Но прошло каких-нибудь сорок лет (Даниил стал Московским князем в 1283 году), и картина уже резко изменилась. Московское княжество, бывшее одним из последних, становится одним из первых. Его владетель Юрий Данилович оспаривает в орде у одного из сильнейших князей — Михаила Ярославича Тверского — великое княжение Владимирское. В 1327 году садится на великое княжение брат Юрия — Иван Калита, и с того времени с владимирского стола уже не сходят его преемники по Московскому княжеству. Владимир, первый город Суздальской земли, становится как бы придатком Москвы, и позднейший летописец под впечатлением этого факта пишет про Ивана Даниловича: «пришел он от царя Азбяка (Узбека) из орды с пожалованием и с великой честью на великое княжение Владимирское, и сел на великом княжестве в Москве, а стол Владимир и иные многия княжества царь Азбяк дал ему к Москве». Ясное дело, что в конце XIII и начале XIV века произошло возвышение Москвы, ее материальное усиление. Но в это время не было уже значительного, массового передвижения населения с юга, и если Московское княжество наполнилось тем не менее народом, то откуда-нибудь с других сторон. Летопись совершенно определенно указывает, откуда могло прилить население в пределы Московского княжества.

Во второй половине XIII и начале XIV века Суздальская Русь подверглась неоднократным вторжениям татарских полчищ. Особенно опустошительны были набеги татар во время междоусобиц сыновей Александра Невского. В четвертый приход

татары взяли и разорили 14 городов в Суздальской области. Множество жителей было взято в плен, а множество разбежалось по лесам. Страшные разорения постигали Суздальскую землю и позже, когда уже началось соперничество между Москвой и Тверью. Если вникнуть в подробности летописных сообщений, обнаруживается, что погромы постигали преимущественно области, лежавшие к северу и востоку от Москвы, т. е. Поволжье от устья Шексны и до устья Оки и бассейн р. Клязьмы. Это не случайное явление. В этих местностях в XIII веке сосредоточивалась большая часть населения Ростово-Суздальской земли. Здесь по летописям мы встречаем наибольшее количество городов и селений. Бассейн верхней Волги выше устья Шексны и бассейн Москвы-реки населены были гораздо слабее. Это видно и из распределения княжеств в Суздальской земле в XIII веке; большая часть княжеств находилась именно к северу и востоку от Москвы, каковы великое княжение Владимирское, Ростовское, Ярославское, Белозерское, Костромское, Галицкое. Юрьевское, Переяславское, Суздальское, Городецкое; в западной части Суздальского края встречаем только два княжения — Московское и Тверское. Самые сильные князья в XIII веке выходили именно из восточных княжеств, каковы, например, Ярослав Всеволодович Переяславский, сын его Александр Невский и внуки — Димитрий Александрович Переяславский, Андрей Александрович Городецкий. Если так, то неудивительно, почему татары громили преимущественно бассейн Клязьмы и Поволжье: очевидно, здесь им была наибольшая пожива. В результате этих вторжений должно было произойти перемещение населения с востока Суздальской области на запад. Летопись отмечает отдельные эпизоды из этого передвижения. В 1292 году татары, приведенные Андреем, отправились между прочим на Тверь. Тверичи сначала сильно было перепугались, так как и князя их в то время не было в городе. Но вскоре они ободрились и целовали крест на том, чтобы биться всем сообща с татарами: «бе бо множество людей збеглося во Твери изо иных княжеств перед ратью». Благодаря отливу населения с востока Суздальской земли на запад и произошло возвышение княжеств Тверского и Московского в начал XIV века. Это возвышение констатируется тем, что князья Тверской и Московский в первой четверти XIV века получают ярлыки на великое княжение. Известно, что ханы в то время начали давать эти ярлыки тем князьям, которые были богаче других, могли больше заплатить им поминков. Очевидно, следовательно, что в названных княжествах произошло сильное увеличение населения. Некоторое время происходило колебание, какому княжеству быть первым. Тверскому или Московскому. В конце концов взяло верх Московское княжество. Тверской князь Александр Михайлович в 1324 году не сумел сдержать народного возмущения в Твери против ханского посла Чолхана. Тверичи сожгли Чолхана с его свитой, а других татар перебили. В наказание за это Узбек послал огромное татарское войско на Тверь, к которому должны были присоединиться и русские князья. Татары страшно разорили Тверское княжество: Александр Михайлович бежал в Псков, а братья его Константин и Василий, по выражению летописи, «седоша во Твери в велицей нищете и убожестве, понеже вся земля Тверская пуста, и все быша лесы и пустыни непроходимыя». Досталось и другим землям — Новгородской, Суздальскому княжению; «точию съблюде и заступи Господь Бог князя Ивана Даниловича и его град Москву и всю его отчину от пленения и кровопролития татарского» (П. Собр. Летоп. X, 194). От этого опустошения Тверское княжество не могло долго оправиться, и самым многочисленным княжеством осталось Московское, которое и начало дело собирания Руси.

Итак, скопление населения в Московском княжестве совершилось не столько благодаря его выгодному положению между Киевской Русью и Владимиро-

Суздальской областью, сколько благодаря выгодному положению в отношении татарских набегов. Московское княжество наполнилось не колонистами с юга, а беженцами с Поволжья, Владимиро-Суздальской области и, вероятно, Рязанской, которые искали убежища в отдаленном и глухом Московском крае от татар. И позже совершался прилив населения в Московское княжество частью добровольный, частью невольный. В соседнем с Москвой княжестве Тверском по смерти Михаила Ярославича началась ожесточенная усобица между его сыновьями Константином и Василием с одной стороны и внуком Всеволодом Александровичем Холмским с другой — из-за великого княжения. Население страшно пострадало от этих усобиц: «и была, — говорит летописец, — людям тверским большая тягость, и многие из них от такого нестроения разошлись». Куда? Скорее всего в соседнее Московское княжество, где не было такого нестроения, стоял внутренний мир и царило благоустройство, отмеченное современником, где, — по сообщению летописи, — великий князь Иван Данилович «тати истреби». В 1341 году Московский князь по повелению хана Узбека вместе с другими князьями ходил опустошать Смоленскую землю, заложившуюся за великого князя Литовского Гедимина, и вывел к себе много полона. Внук Калиты Дмитрий неоднократно вмешивался в усобицы тверских князей и всякий раз, по сообщению летописи, выводил в свою землю множество людей со всем их богатством и скотом. Дальнейшее увеличение населения в Московском княжестве стояло уже в связи с *примыслами* его князей. Чем более расширялись эти примыслы, тем московские князья становились богаче и сильнее, тем больше приобретали средства к новым примыслам.

Итак, главной и основной причиной, обусловившей возвышение Москвы и ее успехи по части собирания Великой Руси под властью ее князей, было выгодное географическое положение в отношении татарских погромов и последовавшее вследствие этого скопление населения в ее области. В XIII и XIV веках все княжества вокруг Москвы разорялись и опустошались татарами, и одна только Московская область оставалась не тронутой. Естественно, что Москва сделалась вследствие этого сильнее и богаче других княжеств и оказалась в состоянии делать на их счет присоединения силой или деньгами.

Содействие ханов Золотой орды и общественных сил.

К этой главной и основной причине примыкает целый ряд второстепенных, от нее производных. Несомненно, что сосредоточению северо-восточной Руси в руках Москвы много помогли ханы Золотой орды. Мы видели, что ханы отдавали Московским князьям целые княжества, владельцы которых не в состоянии были платить исправно выход в Орду. Так поступили они, например, в отношении княжества Нижегородско-Суздальского при Василии Дмитриевиче. Весьма вероятно, что и сами князья, как, например, мещерские, ростовские и ярославские продавали свои княжества Москве потому, что видели невозможность выполнять свои обязанности в отношении хана и своевременной продажей княжеств хотели только предупредить отдачу их Москве из-под неволи и таким образом хоть что-нибудь спасти для себя от надвигающегося крушения. Хань, как мы видели, охотно санкционировали все подобные приобретения московских князей. Все это объясняется не чем иным, как богатством московских князей, которые могли больше и исправнее платить дань татарам, чем другие князья. Затем, в своей собирательной деятельности московские князья, как мы видели, встречали поддержку в местном населении. Так было, например, в Нижнем Новгороде, где бояре покинули своего князя и увлекли за собой население, которое предалось Московскому князю. Но это содействие местного населения, очевидно, стоит в связи с той же главной и основной причиной, как и содействие хана: Московский князь был

богаче и сильнее местных князей и потому мог гарантировать населению больше безопасности от насилия татар и других врагов. Известно далее, что и сами князья в некоторых случаях отдавались со своими уделами-вотчинами на службу к Московскому князю. Так было, например, на верхней Оке. Здешние князья чернигово-северского рода, потомки св. Михаила Черниговского, до поры до времени служили со своими вотчинами великому князю Литовскому, который по договорам с ними обязывался блюсти под ними их отчины и бороться их от всякого недруга. Но с усилением Москвы великий князь Литовский оказался уже не в состоянии выполнять этих договорных обязательств, и потому «верховские» князья со своими вотчинами стали переходить на службу к более сильному Московскому князю. К этому присоединилось еще и то, что в последней четверти XV столетия верховские князья стали терпеть религиозные притеснения со стороны иноверного литовского правительства, задавшегося мыслью привести своих православных подданных к унии с римской церковью. Это обстоятельство еще сильнее толкнуло «верховских» князей в политические объятия Москвы. Сделавшись крупным политическим телом, Москва естественно стала притягивать к себе соседние более мелкие тела однородной национальной консистенции. Далее, успехам Москвы много содействовала дружная работа московского боярства. Московская политика собирания не прекращалась и не ослабевала даже в те моменты, когда в Москве были юные или не отличавшиеся особыми способностями князья. Так было, например, в малолетство Дмитрия Донского и его сына Василия. Примыслы, и очень крупные, сделаны были Москвой именно в это время. Историки давно уже подметили тот факт, что при дворе московских князей образовался известный круг бояр, которые не отъезжали на сторону, тесно связали свои интересы с интересами московских князей и дружно работали с ними над общим делом собирания Руси. Этот круг бояр постоянно пополнялся пришельцами со стороны, которые приносили с собой новые силы и средства и не только нравственные, но и материальные. Некоторые из них, как, например, знаменитый киевский боярин Родион Несторович, пришедший на службу к Калите, привел с собой целый полк слуг в количестве 1700 человек. Но почему московские бояре так дружно жили и работали со своими князьями, почему к этим князьям льнули бояре со стороны? Очевидно, что в Московском княжестве боярам и слугам жилось лучше, чем в других княжествах, кормились они сытнее и лучше, чем где-либо. А этот факт объясняется не чем иным, как все той же основной причиной, о которой уже была речь, т. е. многолюдством и сравнительным богатством княжества. Но сплотившись вокруг московских князей, радея и промышляя сообща с ними над увеличением их владений, московские бояре таким образом усиливали и распространяли действие вышеуказанной основной причины. То же самое справедливо и относительно высшего духовенства. Известно, что глава русской иерархии митрополит покинул свою резиденцию во Владимире и поселился под крылом богатого и могущественного Московского князя. Этот высший иерарх русской церкви принял ближе всего к сердцу интересы Московского княжества и стал радеть о нем не меньше бояр. Когда умирал сын Калиты Семен Иванович, он наказывал своим братьям жить за один, не слушаться лихих людей, которые станут их ссорить: «слушайте, — писал он им, — отца нашего владыки Алексея да старых бояр, которые отцу нашему и нам добра хотели». Митрополит Алексей стоял во главе московского правительства при Иване Ивановиче и его сыне Дмитрии и своим советом и нравственным авторитетом сильно влиял на тогдашнюю московскую политику. Наконец, и сами личные свойства московских князей, которым историки отводят известное место при объяснении объединительных успехов Москвы, несомненно, стоят в связи с вышеуказанной основной причиной.

Личные свойства людей развиваются и укрепляются в известной жизненной обстановке. Обстановка московских князей была именно такова, что она должна была возбуждать в них стяжательные аппетиты, скопидомство и страсть к приобретениям. Вследствие прилива населения в их княжество быстро и непрерывно росли их военные и финансовые средства. Между тем вокруг них все беднело, худало и ослабевало. Чем дальше, тем все больше и больше открывались московским князьям перспективы купить выгодно или отнять силой то или другое село, ту или другую волость и, наконец, целые княжества. В такой обстановке естественно должны были создаться князья-собиратели, направившие все свои усилия на примыслы, на приобретения.

Слабое противодействие Москве со стороны других княжеств.

Здесь мы подходим ко второй основной причине, обусловившей успехи московских князей. Эта вторая причина лежала в той политической среде, в которой пришлось развивать московским князьям свою собирательную деятельность. Дело в том, что Великая Русь в XIII-XV веках достигла крайней степени политического разделения и раздробления. Политика московских князей не встречала дружного отпора и сопротивления со стороны других князей. Порознь выступали против Москвы и тверские князья, и нижегородско-суздальские, и рязанские. Но один на один они были бессильны против Москвы, а соединиться оказались не в состоянии. Удельная особенность и преобладание хозяйственных интересов совершенно отдалили большинство князей от общерусских политических интересов. Князья замкнулись в своих кельях-княжествах, каждый думал только о себе и знать не хотел о других, жил будничными заботами дня, мало думал о будущем и не предугадывал последствий совершавшихся вокруг него событий. При таких обстоятельствах Москва легко могла захватывать одно княжество за другим, не возбуждая дружного противодействия. Сами размеры княжеств облегчали собирательную деятельность Москвы. Вследствие размножения некоторых ветвей княжеского рода отдельные земли распались на множество уделов. Все эти мелкие княжества не могли противостоять захватам со стороны Москвы и даже, как мы видели, сами шли в ее объятия.

* * *

Пособия:

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 1.

Д. И. Иловайский. История России. Т. 2. М., 1884.

В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // Записки Импер. Русского Археологического общества. Т. 12. Вып. 1, 2. СПб., 1901; Т. 6. СПб., 1903.

М. К. Любавский. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 1.

ЛЕКЦИЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОДЕРЖАВИЯ В МОСКОВСКОЙ РУСИ ВОЗВЫШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ

ОБЩИЙ характер собирательной деятельности московских князей.

Сосредоточение великорусских земель и княжеств в руках московских князей, несомненно, подготовливало разрушение удельного порядка, уменьшая в общем политическое дробление страны, по крайней мере, на первых порах. Но само по себе оно не могло еще привести к полному падению удельной системы. Дело в том, что московские князья-собиратели, расширяя свои владения, долгое время не выступали с сознательными государственно-объединительными стремлениями. В своей собирательной политике они долгое время руководились чисто частными, семейными побуждениями — увеличить свое достояние, оставить побольше наследства жене, детям. Умирая, они по обычаю делили свои владения между детьми, оставляя известную часть жене и дочерям. Так поступил князь Иван Данилович, поделив свое княжество между сыновьями, женой и дочерьми. Так поступил и внук его Димитрий Иванович Донской и праправнук Василий Васильевич Темный. Производя эти разделы, московские князья по обычаю того времени старшего сына наделяли несколько больше, чем других, давали ему некоторую прибавку на старейшинство: предполагалось, что старший сын будет заботиться о младших, будет руководить ими, держать их в любви и согласии, и потому он должен быть богаче, сильнее младших, чтобы внушать им почтение, уважение и, если понадобится, страх. Этот обычай соблюдался в то время повсюду в Русской земле. Московские князья в данном случае не представляли исключения из общего правила.

Излишек на старейший путь.

Но в чем они с течением времени стали уклоняться от общего правила — это в том, что все более и более стали увеличивать излишек «на старейший путь». Это увеличение и подготовило исподволь единоедержавие на Руси и прекращение дробления суверенитета. Излишек «на старейший путь» был сначала незначительным. Старший сын Калиты Семен получил, кроме своей трети в Москве, Коломну и Можайск с волостями и кроме того поименно 16 волостей; второй сын Иван — 13 волостей, третий Андрей — 11, а жена с дочерьми 14 волостей. В общем, таким образом, уделы были более или менее равномерны, с незначительным уменьшением книзу. Но далеко не то встречаем в распределении волостей уже между сыновьями Димитрия Донского. Какое отношение было между их уделами по величине и доходности, это ясно видно из количества дани, платимой ими в Орду: в каждую тысячу ордынского выхода старший брат Василий должен был платить 342 рубля, более 1/3, Юрий — 270, более 1/4, Андрей — 167, Петр — 111 рублей. Еще более значительной представляется доля старшего сына Василия Темного — Ивана Васильевича. По завещанию отца он получил 16 городов с уездами, а остальные четверо его братьев — Юрий, Андрей Большой, Борис, Андрей Меньшой — все вместе 15 городов. Чем же объяснить это прогрессирующее увеличение излишка «на старейший путь» в завещаниях московских князей? Очевидно, в этом сказалось инстинктивное стремление московских князей удержать свой род на высоте того политического положения, на которое обстоятельства вознесли его во второй четверти XIV века. После бегства князя

Александра Михайловича Тверского великое княжение Владимирское было отдано князю Ивану Даниловичу Калите. В качестве великого князя Владимирского Калита сделался старейшиной над всеми другими князьями, уполномоченным хана в Русской земле. Он передавал остальным князьям ханские приказы, водил их по повелению хана на войну и т. д. Когда он умер, ярлык на великое княжение Владимирское получил сын его Семен, причем, говорит летописец, «все князи русский под руце его даны». Семен стал величаться уже великим князем всея Руси и надменно обращаться с остальными князьями, за что и получил прозвище Гордого. Великое княжение с того времени прочно утвердилось за московскими князьями и помимо их богатства и могущества должно было давать им известный авторитет и значение в глазах других князей. Великие князья московские стали вождями остальных князей, особенно с того времени, как выступили против татар, и летописцы все чаще и чаще начинают говорить об этих князьях как подручниках Москвы. Про Дмитрия Донского летописец говорит, что он «всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, и на тех нача посягати». Результатом этих усилий было подчинение князей его власти. И летописец под 1389 годом говорит: «призва вся князи русские земли, сущая под властью его». Увеличение владений и усиление значения среди других князей дало возможность московским князьям развернуть широко свою внешнюю деятельность. Они выступили со стремлениями сбросить иго татар и не побоялись вступить с ними в открытую борьбу. Тот же Дмитрий Донской стал бороться с могущественным Ольгердом, великим князем Литовским, а сын его Василий — с еще более могущественным Витовтом. Чем дальше, тем все шире и шире разворачивалась политическая деятельность московских князей, тем тяжелее и сложнее становились их политические задачи. Московские князья должны были инстинктивно почувствовать, что эти задачи могут выполняться лишь в том случае, если старшие из них, великие князья, будут вооружены для этого надлежащими средствами, если они будут иметь решительный перевес над своими младшими родичами и держать их в должном подчинении и повиновении. Результатом этого и было прогрессивное увеличение излишка на «старейший путь» в духовных завещаниях московских князей.

Иван III и установление единодержавия.

Но вполне оценил значение материального перевеса старшего брата над младшими великий князь Иван Васильевич, сын Василия Темного, выступивший с сознательными стремлениями к установлению единодержавия на Руси. Эти сознательные стремления пробудились в нем прежде всего под влиянием горького опыта, пережитого в юности. Иван Васильевич вырос в бурное время усобицы в семье московских князей, был свидетелем невзгод и бедствий своего отца и тех опасностей, которым подвергалась в это время Русь. Княжеская усобица задержала дальнейшие успехи Москвы в собирании Руси, подвергла ее опасности растерять добытое князьями-собирателями и утратить то значение, которое она уже приобрела на Руси. Впечатлительная душа молодого Ивана должна была болезненно почувствовать все это, и он уже с малых лет должен был почувствовать отвращение к удельному порядку, от которого происходит одно только «нестроение» и «брань» в земле. Позже он выработал уже вполне сознательный взгляд на этот предмет, который и выражал неоднократно словом и делом. В 1496 году он узнал, что зять его, великий князь Литовский Александр, собирается выделить удел брату своему Сигизмунду, отдать ему Киев. Немедленно отрядил он посла к дочери с советом, чтобы она всячески отговаривала мужа от этого намерения, и писал ей: «Слыхал я, дочь, каково было нестроение в Литовской земле, когда было там государей много, да и в нашей земле, — слыхала ты, какое было нестроение при моем отце,

слыхала, какие и после были дела между мной и братьями». Здесь уже мы встречаемся с вполне сознательным отношением к удельному порядку. Это отношение помимо впечатлений юности должно было воспитываться в Иване III и чувством тяжести политических задач, которые легли на него.

С присоединением Новгорода и Твери Московское княжество превратилось уже в громадное Великорусское государство. Это государство естественно взяло на себя задачу освобождения русского населения от татарской неволи и насилий. Могущественный Московский князь, собравший под своей властью почти всю Великую Русь, перестал платить выход в Орду и вступил на несколько фронтов в борьбу с татарами. Этот князь вместе с тем сознал себя прирожденным национальным Русским государем и стал считать своей обязанностью соединить с Москвой и те русские земли, которые находились под чужеземной властью. Своему титулу «великий князь всея Руси» он стал придавать теперь не почетное, а юридическое значение. В 1501 году в Москву явился посол от папы и Венгерского короля Владислава в качестве посредника между Иваном и зятем его, королем Польским и великом князем Литовским Александром. Этот посол стал упрекать московское правительство за то что оно захватывает чужие вотчины и земли, на которые не имеет никакого права. Иван отвечал послу: «Короли Владислав и Александр объявляют, что хотят против нас за свою отчину стоять; но короли что называют своей отчиной?.. Папе, надеемся, хорошо известно, что короли Владислав и Александр отичи Польского королевства да Литовской земли — от своих предков, а Русская земля — от наших предков, из старины, наша отчина». Подобное же заявление Иван сделал и послам Александра при заключении перемирия 1503 года. Литовский господарь жаловался, что Иван не отдает ему его земель, что ему жаль своей отчины. «А мне, — возражал Иван, — разве не жаль своей вотчины, русской земли, которая за Литвою, Киева, Смоленска и других городов?» С национальной идеей тесно связалась и религиозная идея. После падения Греческой империи Московский князь остался единственным государем, от которого православное христианство могло ожидать защиты веры, личности и имущества, и Московский князь сам сознал это свое призвание. Поэтому он счел своей обязанностью вступить за православную веру в соседнем Литовском государстве, когда ей стала возражать пропаганда унии с Римом. По поводу принуждения православных людей к римской вере московское правительство неоднократно делало представления литовскому в конце XV века, а затем взялось и за оружие. Но взяв на себя выполнение всех этих новых задач в силу естественного хода вещей, великий князь Московский неминуемо должен был прийти к заключению о несовместимости их с удельным строем, неминуемо должен был принять меры к уничтожению этого строя.

Отдельные меры он принимал уже при жизни своей. Еще в 1472 году его брат Юрий Дмитровский, умирая бездетным, отказал ему свой удел. В 1481 году Иван взял удел по смерти бездетного брата Андрея Меньшого. В 1485 году Иван принудил Вереяского князя Михаила Андреевича завещать ему удел мимо сына своего Василия, отъехавшего по неудовольствию на великого князя в Литву. В 1493 году Иван отнял Углицкий удел у брата своего Андрея Большого за то, что тот не пошел по его приказанию на берег Оки против хана, а самого посадил в заключение. Митрополит по обычаю стал было печаловаться за князя Андрея, но великий князь заявил ему, что, хотя ему и жаль брата, но он не может освободить его: «когда я умру, он будет искать великого княжения под внуком моим, и если не добудет сам, то смутит детей моих, а татары будут русскую землю губить, жечь, пленить и дань опять наложат, а кровь христианская опять польется по-прежнему, а все мои труды останутся напрасными, а вы будете рабами татар». Итак, национально-государственные соображения заставляли Ивана III

сокращать уделы. Эти же соображения, очевидно, повлияли и на его духовное завещание. Иван не решился порвать окончательно с удельными традициями и все оставить одному из сыновей. Но он оставил ему так много, что доли всех остальных, взятые вместе, были ничтожны по сравнению с долей старшего сына. Иван отказал старшему сыну Василию приблизительно две трети своего государства (66 городов с уездами), а остальным приблизительно треть (30 городов), ибо старший сын должен был платить 717 рублей в каждую тысячу ордынских проторей. Таким образом, удельные князья и порознь, и все вместе стали представлять величину, вполне безопасную для великого князя. Не удовлетвовавшись этим, Иван предоставил старшему сыну целый ряд преимуществ перед младшими. Между прочим он предоставил ему исключительное право чеканить монету и наследовать выморочные уделы после своих братьев. Еще при жизни своей он заставил второго сына Юрия заключить с Василием договор, в силу которого Юрий обязался держать великого князя господином старшим братом, держать честно и грозно без обиды. В силу этого обязательства Юрий вступал в те же отношения к великому князю, в коих находились его дядя к отцу его, т. е. не имел права вести сношения с другими государствами помимо великого князя. Старший сын Ивана — Василий венчан был торжественно на великое княжение и провозглашен митрополитом «государем всея Руси».

Так установилось единодержавие на Руси Московской. Уделы, правда, остались и после того, но это уже были только имения с княжескими правами суда и дани, владельцы которых находились в полной воле государя всея Руси — великого князя.

Отстройка резиденции великого князя.

Итак, великий князь Московский сделался *государем всея Руси*. Этот факт в свою очередь также вполне естественно повлек за собой целый ряд последствий. Подобно тому, как разбогатевшие и почувствовавшие свою силу частные лица изменяют свою обстановку, весь обиход своей жизни и свои отношения к людям, точно так же поступил и старший из московских князей, превратившийся в государя всея Руси. Это была естественная, психологическая эволюция, порожденная политическим объединением Великой Руси под его властью.

Этот князь начал с того, что стал отстраивать свою резиденцию. В 1475 году по его вызову прибыл в Москву болонский архитектор *Аристотель Фиораванти* и стал строить в Москве кафедральный Успенский собор на месте старого разобранного храма Калиты. В 1479 году новый храм был окончен и освящен митрополитом Геронтием. В 1484 году великий князь велел псковским мастерам разобрать по цоколю старую дворцовую церковь Благовещения и выстроить на готовом фундаменте новую. Эта новая церковь, нынешний *Благовещенский собор*, окончена была в 1489 году. Под этой церковью находился большой подклет, в котором помещалась казна московских князей. Но теперь эта казна была уже так велика, что не умещалась в подклете Благовещенского собора, и потому великий князь приказал пристроить с набережной стороны к церковному подклету еще новый подклет, а на нем соорудить каменную палату. Это сооружение стало впоследствии именоваться «Казенным двором». Одновременно с тем великий князь стал строить себе новые каменные палаты. В Москву стали приезжать послы от папы, цесаря, королей Венгерского и Польского, и великому князю Московскому стало уже зазорно принимать их в старых деревянных хоромах. Поэтому в 1487 году он приказал итальянцу Марку Фрязину разобрать деревянный терем, стоявший за церковью Благовещенья к западу, и выстроить каменную палату. Эта палата, получившая название *Набережной*, предназначалась для приема посольств, которые и проходили в нее через крыльцо церкви Благовещения. В

1491 году тот же Марк Фрязин и Петр Антоний построили большую палату, названную *Грановитой* по случаю отделки ее наружных стен по-итальянски гранями. Эта палата предназначалась также для официальных приемов. Сам же великий князь с семьей пока все еще жил в деревянных хоромах. Но в 1499 году он заложил на старом дворе у Благовещенья каменный двор, палаты, а под ними погреб и ледники. Строителем всего этого дворца был Алевиз Фрязин из Милана. Но великому князю Ивану не удалось перебраться в этот новый дворец, который был окончен только в 1508 году. Заботясь об устройстве нового дворца, великий князь продолжал перестраивать и церкви. В 1501 году по его повелению разобрали старую церковь Чуда Архангела Михаила, строение митрополита Алексея, и соорудили новую, донныне существующую (освящена в 1503 году). Незадолго перед смертью Иван Васильевич распорядился разобрать ветхую соборную *церковь Архангела Михаила*, строение Ивана Калиты, и заложить новую на том же месте, более обширную.

Строя церкви и новые палаты в Кремле, великий князь Иван Васильевич озаботился и постройкой новых каменных стен вокруг Кремля. В 1485 году Антоний Фрязин выстроил стрельницу на берегу Москвы-реки и вывел под ней тайник для добывания воды из реки во время осады. В следующие три года была построена стена вдоль Москвы-реки с наугольными башнями — Беклемишевской и Свибловской. Таким образом. Кремль прежде всего был укреплен с татарской, ордынской стороны. В 1490 году выстроена башня над Боровицкими воротами и проведена стена от Свибловской башни до Нижних ворот близ церкви Константина и Елены. В 1491 году проведена была стена со стороны Большого посада и выстроены стрельницы Фроловская и Никольская над Спасскими и Никольскими воротами. В 1492 году проведена стена от Никольской стрельницы до ворот около Неглинной и выстроена наугольная башня с тайником к Неглинной, которая позже прозывалась Собакиной. Наконец, в 1495 году заложена и последняя каменная стена возле Неглинной. Для вящего укрепления Кремля великий князь распорядился вырыть ров от Фроловских ворот до Неглинной. Все эти работы производились итальянцами — Марком, Антонием, Петром-Антонием и Алевизом. Полное устройство Кремлевской крепости окончилось уже в 1508 году, когда Алевиз Фрязин со стороны торгового и Красной площади выкопал глубокий ров и выложил его белым камнем и кирпичом, а со стороны Неглинной устроил обширные глубокие пруды, из которых по рву Неглинная была соединена с Москвой-рекой, так что крепость со всех сторон окружалась водой, и Кремль стал островом.

Таково было неутомимое строительство Ивана III, совсем изменившее облик старого Кремля. Итальянец Контарини, бывший в Москве в 1475 году, писал про Кремль: «расположен на небольшом холме, и все строения в нем, не исключая и самой крепости, деревянные». Кремль тогда, следовательно, был типичным русским городом. Теперь он стал похожим на западноевропейский замок, и путешественники так и стали называть его «замком».

Василий III доканчивал начатое отцом. При нем, как уже сказано, достроен был каменный жилой дворец. В 1508 году после пасхи, великий князь Василий перешел в эти кирпичные палаты, которые сохранились и до нашего времени, составляя три нижних этажа так называемого Теремного дворца. В то же время великий князь велел «подписывать» свою дворцовую церковь Благовещения золотом, позолотить главы и украсить иконы золотом, серебром и бисером. В следующем году был окончен и освящен Архангельский собор, куда великий князь велел перенести останки прародителей своих, начиная с Ивана Калиты. В 1514 году по приказу великого князя начали расписывать стены Успенского собора «вельми чудно и всякой лепоты исполнено». «Изумительно было видеть, — говорит современник-летописец, —

каждому входившему в храм превеликое пространство соборной церкви и многочисленную подпись и целбоносные гробы чудотворцев, воистину можно было думать, что не на земле, а на небеси стоишь».

Так отстраивал и украшал свою резиденцию могущественный Московский владетель. В исторической литературе эти факты ставятся иногда в связь со вторым браком великого князя Ивана: по инициативе греческой царевны Софьи великий князь Московский стал строить новые церкви и палаты, окружать себя великолепием и пышностью; Софья была недовольна убогой обстановкой великого князя Московского и т. д. Нам думается, что сама Софья в данном случае была не причиной вышеуказанных явлений, а наряду с ними последствием известной основной причины. Великий князь Московский потому и вступил в брак с бедной, но знатной царевной, что это соответствовало его повышенному самочувствию в самосознании. Он поступал так же, как иной разбогатевший мужик, который старается жениться сам или сына женить на дворянке. Для такой жены, конечно, заводится и новая обстановка. Но это сплошь и рядом делается и независимо, просто потому, что данное лицо начинает чувствовать себя большим человеком. Московский великий князь отстроил свою резиденцию, несомненно, потому, что он почувствовал себя и сознал большим государем.

Новые титулы великого князя и венчание на великое княжение.

Это сознание проявилось чрезвычайно определенно в новых титулах, которыми он стал величаться в сношениях с иностранными дворами и домами. Великий князь Иван Васильевич нашел для себя неприличным именоваться по-русски Иваном, а стал писать себя «Иоанн, Божьей милостью государь и великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Пермский, Югорский и Болгарский и иных». Мало того, во внешних сношениях великий князь стал именовать себя так, как дотоле назывались на Руси самые могущественные государи — Греческий и Римский и хан Золотой орды, т. е. царем (сокращенно из цесарь, цезарь, кесарь). Уже в грамоте к крымскому жиду Захарию, писанной в 1484 году, встречаемся с этим титулом. Этот же титул Иван употреблял в сношениях с Ливонским орденом, Датским и, наконец, Австрийским двором, которые в свою очередь величали его *totius Russiae imperator, von Gotze Gnade Keiser* и т. д. Сын Ивана Василий к титулу отца прибавил еще «самодержец», т. е. независимый владетель, и новые владельческие обозначения.

Высоко смотря на свою власть, сознавая себя большим государем, великий князь Московский счел нужным передать эту власть своему наследнику особо торжественно, короновать его по примеру греческих царей и всех вообще великих монархов. В 1498 году, таким образом произошло «венчание на царство» внука Ивана III Дмитрия, а в 1502 году после опалы, постигшей Дмитрия, сына его от Софьи — Василия, который и стал таким образом «боговенчанным царем».

Содействие духовенства возвеличению Московского государя.

Осмыслить свое новое положение великому князю Московскому много помогло и тогдашнее общество, в особенности духовная интеллигенция. Надо сказать, что эта интеллигенция давно, с самых первых времен христианства, пропагандировала у нас на Руси идею богоустановленного и боговенчанного царя, обладающего полнотой власти, ответственного только перед Богом и призванного охранять православное христианство. Но до поры до времени эта пропаганда не вела ни к каким практическим последствиям. Богоустановленным и боговенчанным царем, главой православного христианства оставался Византийский император. Наряду с ним был еще царь

поганский, хан Золотой орды. Русские князья долгое время не подходили к тому высокому идеалу, который пропагандировала церковная литература. Во-первых, их было много, и большинство их были мелкие владетели. Свою власть они получали не от Бога, по праву простого рождения, а от людей — от городских веч, от содействия дружины или по распоряжению хана. Они не были и полновластными, независимыми государями: в церковных делах были подчинены Византийскому императору, как главе православного христианства, а в мирских татарскому хану. Во внутреннем управлении они долгое время были ограничены обществом, вечами и дружиной.

Но в XV веке эти условия постепенно исчезают. Падает Константинополь, и прекращается Греческая империя. Падает власть хана Золотой орды на Руси. Московский князь объединяет в своих руках всю Великую Русь, подчиняет себе всех других князей и становится государем всей Руси. Считаясь со всеми этими совершившимися фактами, духовенство возобновляет свою пропаганду идеи Русского царя, и на этот раз пропаганда сопровождается уже известными практическими результатами. Духовенство в своих писаниях и речах начинает величать великих князей московских царями. Так, автор сказания об осьмом Флорентийском соборе, на котором установлена была уния, говоря о твердости великого князя Василия Васильевича в православии, величает его «боговенчанным царем всея Руси». Митрополит Иона в послании к псковичам, писанном в 1461 году, также именует его «великим господарем, царём русским, благородным и благочестивым великим князем». Ростовский архиепископ Вассиан в послании к Ивану III на Угрю величает его «великим русских земель христианским царем».

Для нового титула находится и историко-юридическое оправдание. Титул царя носили греческие императоры. Но после падения Константинополя главой православного христианства стал Московский государь, а Москва как бы новым Константинополем, или *третьим Римом*. Поэтому Московскому государю подобает и титуловаться царем. Эту мысль неясно выразил уже митрополит Зосима в новой пасхалии, составленной в 1492 году на восьмую тысячу лет от сотворения мира. Упомянув о создании царем Константином града во имя свое, «еже есть Царьград и наречеся Новый Рим», Зосима замечает, что ныне прославил Бог «в православии просиявшего благоверного и христоролюбивого великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина новому граду Константию — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя». Вполне ясно эта идея преемственности царской власти в Москве от Византии проводится в посланиях псковского инок Филофея к великому князю Василию Ивановичу, дьяку Мисюрю Мунехину и царю Ивану Васильевичу. Филофей пишет, что два Рима пали, старый — от Апполинарьевой ереси, новый — потому, что греки предали православную веру латынству; третий Рим — Москва стоит, а четвертому не бывать. Московский великий князь поэтому — «бразд о держатель святых Божиих престол» вселенской церкви, пресветлейший и великостольнейший государь, во всей поднебесной христианам царь, «яко же Ной в ковчезе спасенный от потопа, правя и окармлиая Христову церковь и утверждая православную веру».

Не довольствуясь этим, мысль современных книжников изыскивает и другие оправдания для царского титула князей московских. В казне московских князей со времен Калиты хранилось княжеское облачение: шапка, бармы и крест, принадлежавшие, по преданию, Владимиру Мономаху. И вот создается особое сказание, что эти вещи Владимир Мономах получил от деда Константина Мономаха и был тем царским венцом венчан в Киеве... «и оттоле боговенчанный царь нарицашеся в Российском царствии». Весьма вероятно, что это измышление московского книжника

уцепилось за слова митрополита Никифора, который писал про Мономаха: «его Бог издалеча проразуме и предповеле, его же из утробы освяти и помазав, от царские и княжеские крови смесив». Как бы то ни было, но по сказанию выходило, что московские князья от предков своих цари. Этого мало: московские книжники скоро доказали, что и самый корень московских князей вышел из царского рода. Создалось сказание, что обладатель вселенной Август Кесарь, умирая, поделил всю землю между братьями и сродниками, причем область по Висле выделил брату своему Прусу, отчего она и стала называться Пруссией, От этого Пруса был в четырнадцатом колене и прародитель Московских государей — Рюрик. Московские книжники в данном случае, по-видимому, использовали книжную легенду, ходившую в польской и западно-русской письменности, о выходе литовцев из Италии и о родстве первых литовских князей с императорской римской династией. Эту легенду московские книжники переделали в пользу своих государей. Благодаря всем этим усилиям «царство» московских великих князей получило и религиозную санкцию, и историко-юридическое оправдание. Пропагандируемые ими идеи падали теперь на восприимчивую почву, входили в сознание и переходили в дело. Московский великий князь стал именовать себя теперь царем, стал венчать своих преемников на царство.

Сообразно с новоосмысленным значением своим великий князь Московский старался устроить и весь обиход своей жизни. Цесарский посол Сигизмунд Герберштейн, приезжавший в Москву при Василии III, поразился чинностью и церемонностью московского двора, пышностью и великолепием московской придворной обстановки. А ему ли, приехавшему от императора Священной Римской империи, было удивляться?! Значит, Московский великий князь действительно обставил себя истинно по-царски, стал показывать себя настоящим царем, преемником византийских императоров. Недаром он усвоил себе и герб их — двухглавого орла,

Новые взгляды на власть Московского государя.

Дело не ограничилось одними внешностями — титулом, гербом, придворной церемониальностью. Византийская идея царя имела известное внутреннее содержание: с нею связывалось представление не только о внешнем могуществе и независимости (автократор, самодержец), но и о полноте и неограниченности власти, происходящей от Бога и ни перед кем, кроме Бога, не ответственной. Это представление и стали пропагандировать московское духовенство и книжники конца XV и начала XVI века. Особенно много потрудился по этой части *Иосиф Санин*, основатель-игумен Волоколамского монастыря. Доказывая обязанность для государей казнить еретиков, Санин писал им: «слышите, цари и князи, и разумеите, яко от Бога дана бысть держава вам, яко слуги Божий есте: сего ради поставил есть вас пастыря и стража людем своим, да соблюдете стадо его от волков невреждо: вас бо Бог в себе место избрал на земли, и на свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас, и меч вышня Божия десница вручи вам: вы же убо да не держите истину в неправде... и не давайте воля злоторящим человеком»... Если дадите волю, — заключает Иосиф, — будете истязаны об этом в страшный день второго пришествия. Итак, на царей наложены великие обязанности, великое призвание — охранять стадо Христово, вследствие чего и власть их и значение огромны: «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен вышнему Богу». Иосиф проповедовал поэтому послушание и смирение перед царем как великие добродетели даже для епископов. Если кому-либо из святителей случится на соборе говорить с царем или князем, то должно прежде умолить царя, «дабы повелел рещи», и если он позволит, то говорить с кротостью и смирением: если царь и разгневается на кого, то надо с кротостью, смирением и слезами умолять его.

«Сваритися» же с государем божественные правила никак не разрешают. Иосиф был вдохновителем целого политического направления в высшем московском духовенстве. Его взгляды в теории и на практике проводил *митрополит*

Даниил. В слове о том «яко подобает ко властям послушание имети и честь им воздаяти», митрополит Даниил, повторяя доводы своего учителя о высоком происхождении и призвании царской власти, говорит о спасительности страха перед властями предержащими. «Страх вина бывает нам к благому житию»; власть земная поставлена для того, чтобы люди, если презрят страх Божий, вспомнили бы страх властителей земных, «да боящиеся земных начальств, не поглотают друг друга, яко же рыбы».

Успех новых идей в московском обществе.

Таковы были понятия о царской власти, которые пропагандировала известная часть, едва ли не большая, московского духовенства. Проповедь эта падала уже теперь на благоприятную, хорошо подготовленную почву. Великий князь Московский, сделавшись обладателем большей части Руси, сосредоточив в своих руках огромные военные и финансовые средства, подчинив себе и принизив удельных князей, должен был неизбежно почувствовать, что он теперь полновластный хозяин в государстве, его владыка и неограниченный повелитель. Это почувствовалось и в обществе. Великий князь стал величать себя государем, князья, бояре и служилые люди его холопами, духовенство — богомольцами, крестьяне — государевыми сиротами, — наинизшее звание, которое только было тогда на Руси. Герберштейн, видевший Василия, говорит, что он dokonчил то, что начал отец, и властью своей превосходил всех монархов в мире. Он же свидетельствует, что пропаганда новых воззрений на эту власть со стороны духовенства имела успех в обществе. Москвичи говорили: «воля государева — воля Божья; государь исполнитель воли Божьей»; когда их спрашивали о каком-нибудь неизвестном деле, они повторяли: «мы того не знаем, знает то Бог государь; один государь все знает» и т. п. В качестве преемника византийских царей великий князь Московский стал охранителем православной церкви и получил великую власть над нею. Он стал утверждать кандидатов на митрополию, архиерейские кафедры, а на практике даже избирать их, устраняя совсем собор. При поставлении митрополитов великий князь стал вручать им жезл, символ пастырской власти, произнося при этом знаменательные слова: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая нам вся Русь государство, подает тебе святой великий престол архиерейства, митрополию вся Русь... Восприими, отче, жезл пастырства и моли Бога о нас и о всем православии». Митрополит и епископы в своих пререканиях стали обращаться к разбирательству великого князя и т. д.

Так выросло внутреннее значение великого князя Московского с объединением Руси под его властью и установлением единодержавия. Это значение было очень далеко от того, какое приписывал себе великий князь Василий Дмитриевич в разговоре с митрополитом Киприаном: «вы поставлены к миру и любви учить, мне же имена собирать и возноситься». Это уже не был теперь рачительный вотчинник-владелец, заботящийся о приумножении богатства, а великий государь, призванный охранять мир и доброе житие православного христианства и вооруженный для того полнотой и неограниченностью власти.

Этот великий государь не преминул объявить войну всем пережиткам удельной феодальной эпохи, которые еще уцелели к тому времени в объединенной под его властью Руси.

* * *

Пособиями, кроме упомянутых общих трудов Соловьева и Иловайского, могут служить;

И. Е. Забелин. История города Москвы. 2-е изд. Ч. 1. М., 1905.

М. А. Дьяконов. Власть Московских государей. СПб., 1889. Он же. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1914.

А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права. 4-е изд. Ч. 1. Юрьев, 1912.

В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

БОРЬБА С ПЕРЕЖИТКАМИ УДЕЛЬНОЙ ЭПОХИ ПРИ ИВАНЕ III И ВАСИЛИИ III И УСТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИЧЕСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

ПРЕКРАЩЕНИЕ удельного дробления не знаменовало еще собой полного уничтожения порядков удельной эпохи. В качестве наследия этой эпохи оставались еще договорный характер отношений между государем и боярами и соединение некоторых политических прав с землевладением. Новая верховная власть на Руси в лице Ивана III и его сына Василия вступила в борьбу и с этими пережитками старого порядка и одержала ряд крупных побед над ними.

Уничтожение права отъезда бояр и вольных слуг.

Здесь на первый план надо поставить уничтожение права отъезда бояр и вольных слуг. Право это в теории подтверждалось великими князьями московскими до самого конца XV века. Исследователи справедливо указывают, что московским князьям, к которым со всех

сторон приезжали вольные слуги, выгодно было охранять это право в своих договорах с другими князьями. Но на практике и в отношении к своим слугам они очень рано стали бороться с правом вольного отъезда. Так, например, еще великий князь Семен Иванович обязал своих братьев не принимать к себе на службу боярина Алексея Петровича, который вошел к нему «в коромолу», и заставил их формально признать, что «волен в нем князь великий и в его жене и в его детях». Из договора видно, что Семен конфисковал имущество мятежного боярина. Великий князь Димитрий Иванович Донской конфисковал села у Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата Сурожанина, которые отъехали от него в Тверь, и затем, заключая перемирную грамоту с Тверским князем, выговорил: «а что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, и в тьи села тебе не вступатися, а им не надобе: те села мне». Мало того, когда названные лица попались ему позже в руки, он приказал их казнить за измену. Подобное же случилось и с Иваном Димитриевичем Всеволожским, который отъехал от великого князя Василия Васильевича. Великий князь захватил его села «в своей вине» и по договору с дядей Юрием Димитриевичем удержал их за собой; а когда Иван Димитриевич попался ему в плен, он приказал его ослепить. Шемяка, сделавшись великим князем на Москве, поотнимал села и дома у бояр и детей боярских, отъехавших в Коломну к Василию Васильевичу. Все эти факты, впрочем, можно еще объяснить тем, что отъезд названных бояр был по обстоятельствам равнозначителен действительной измене или враждебным замыслам их против князей. Но этого нельзя сказать про такие, например, меры, как договор Василия Васильевича Темного с дядей Юрием и Борисом Александровичем Тверским о неприеме служилых князей с вотчинами. В этих договорах не содержится прямого запрещения отъезда, но содержится только оговорка, которая почти равнозначительна прямому запрещению: «а кто моих князей отъедет к тебе служебных, и в тех ти вотчины не вступаться, кого ми Бог поручил, ни твоим детям, ни твоей братье молодой».

Иван III, не издавая общего запрещения отъезда, стал брать с отдельных лиц письменные обязательства о неотъезде, и притом с крупным денежным поручительством за их верность со стороны родственников и друзей. Таким образом, например, в 1474 году он взял запись с князя Данила Дмитриевича Холмского, причем за него поручились 8 бояр всего на сумму 8000 рублей. Такие же «укрепленные» грамоты брал с князей и бояр и Василий III, и царь Иван Васильевич Грозный. При этом вошло в обычай требовать поручителей даже за тех, кто ручался за верность служилого человека. Таким путем весь военно-служилый класс, или по крайней мере его высший слой, опутывался круговой порукой. Не довольствуясь этим, московское правительство старалось положить конец переходам и некоторыми общими распоряжениями, и своими договорами с удельными князьями. Иван III в своем завещании говорил: «боярам и детям боярским Ярославским со своими вотчинами и с куплями от сына моего Василия не отъехати никому никуда; а кто отъедет — земли их сыну моему». Новое правило о неотъезде служилых людей было утверждено в малолетство Ивана Грозного митрополитом Даниилом и боярами. В 1534 году, по смерти Василия III, митрополит Даниил привел к крестному целованию братьев умершего великого князя Андрея и Юрия Ивановичей, на том, что «людей им от великого князя Ивана не отзывать». В 1537 году Андрей повторил свое обещание и обязался не принимать к себе служилых людей великого князя — князей, бояр, дьяков, детей боярских — и извещать правительство о таких охотниках до переездов. Наконец, в 1553 году Иван Грозный обязал единственного удельного князя, который еще оставался, Владимира Андреевича Старицкого не принимать на службу московских бояр. Уничтожая исподволь право отъезда к своим удельным князьям. Московский государь, само собой разумеется, должен был стремиться и к уничтожению права отъезда к иноземным государям. Этот отъезд он рассматривал уже как прямую измену

и наказывал за нее не только самих виновников, но и их родственников и советчиков, смертью, тюремным заключением, конфискацией имений и т. п. Отъезд не проходил даром даже в тех случаях, когда отъезчик возвращался обратно и приносил повинную. В таких случаях и сам он, и его род понижались в чести.

Так, постепенно уничтожились в Великой Руси договорные отношения между государем и его слугами. Эти отношения заменились обязательными отношениями подданства, а вольные слуги превратились в невольных служилых людей, холопов Московского государя.

Установление обязательной службы с вотчин.

Этот факт, в свою очередь, повлек за собой важные последствия. Мы видели, что в удельную эпоху не было обязательной службы князю с земельных вотчин. По земле тянули только судом и данью, а службу могли служить по договору и чужому князю. С уничтожением права отъезда с вотчинным землевладением должна была связаться и служба. Раз отъезд на службу к постороннему князю стал вызывать конфискацию вотчин, то и обратно — владение вотчиной стало предполагать обязательную службу государю, во владении которого лежала вотчина. Этот принцип тем более стал утверждаться в жизни, что одновременно с тем московское правительство стало практиковать раздачу земель в вотчину с обязанностью службы. Юридические представления, связывавшиеся с выслуженными вотчинами, должны были переноситься невольно и естественно и на вотчины родовые, невыслуженные. Отсюда естественно было уже перейти и к различным ограничениям в праве распоряжения вотчинами в государственных интересах. В рассматриваемое время, эти ограничения коснулись пока княжеских вотчин. При Иване III князьям Ярославским, Суздальским и Стародубским запрещено было продавать свои вотчины кому бы то ни было без ведома великого князя, а также отдавать их по душе в монастыри.

Государственные права княжат и их уменьшение.

Такое ограничение коснулось княжеских вотчин ранее, чем боярских, потому что с владением этими вотчинами связаны были государственные права. Потеряв свою внешнюю независимость и самостоятельность, сделавшись слугами Московского государя, князья при всем том продолжали оставаться князьями-государями в своих уделах. Они творили в них суд и управу, раздавали жалованные грамоты, имели свой штат наместников, тиунов и дьяков, своих бояр и слуг, которых они водили сами на войну особыми отрядами. При таких обстоятельствах Московский государь должен был особенно внимательно относиться к переходам княжеских вотчин и не мог оставить этого дела на произвол владельцев. Мало того, Московский государь стал принимать меры против самих политических прав князей, против существования в его государстве владений с политическими правами. Но все эти меры были частного характера и лишены были всякого принципиального значения. Он начал с того, что стал исподволь уничтожать отдельные полки князей. Для достижения этого Московский государь стал назначать князей воеводами своих полков. При этом собственные полки князей должны были неизбежно смешиваться с общегосударственным ополчением. Это во-первых. Во-вторых, придираясь ко всяким поводам и предлогам, Московский государь стал отбирать у служебных князей их родовые вотчины и заменять пожалованными именьями, но уже без княжеских прав суда и дани. Таким образом, например, Иван III взял у князя Михаила Мезецкого город Мещовск, а ему взамен дал Алексин без права суда и дани. По стопам отца шел в настоящем случае и Василий III, оставляя во владении князей часть их наследственных земель, он систематически лишал их стольных городков их уделов. По словам Герберштейна, «этот государь исполнил то, что начал его отец, а именно, отнял у всех князей и других владетелей все их города и укрепления и даже своим родным братьям

не вверял крепостей и не позволял им в них жить». Мы увидим впоследствии, что этот отзыв Герберштейна преувеличил несколько дело. Василий III не все кончил в настоящем случае и многое еще оставил доделывать и своему преемнику. Но во всяком случае и он много сделал по части уничтожения княжеских владений. Недаром князь Курбский писал потом: «обычай есть издавна Московским князем желати братии своих крови и губити их, убогих ради и окаянных вотчин, несытства ради своего». Так, не отменяя самих политических прав, связанных с княжеским владением, боролось московское правительство против этого пережитка феодализма тем, что сокращало по мере возможности княжеское владение.

Изменение значения великокняжеской думы.

Лишая своих слуг прежнего самостоятельного и независимого общественного положения. Московский государь в то же время ослаблял политическое, правительственное их значение. В удельный период служилые князья и бояре пользовались большим влиянием в качестве самостоятельных советников-думцев; великий князь должен был считаться с мнением своих вольных слуг, которые могли во всякое время от него отъехать. Теперь Московский государь стал видеть в своих слугах только простых советников, которых он мог слушать и не слушать, покорных исполнителей его воли. Теперь опала и наказания стали постигать тех советников, которые особенно резко обнаруживали свою самостоятельность и некоторое упорство в мнениях и стремлениях. Так, в 1499 году Иван III велел схватить князя Ивана Патрикеева с двумя сыновьями и зятя его Семена Ряполовского и казнить их смертью за то, что они слишком «высокоумничали». Князю Ряполовскому отрубили голову на Москве-реке, просьбы духовенства спасли жизнь князьям Патрикеевым, но их постригли в монахи. Но Иван III был еще относительно терпим к проявлению самостоятельных и независимых мнений. Берсень-Беклемишев свидетельствует, что Иван «любил встречу, жаловал тех, которые против его говаривали». Но не то уже было при сыне его. Тот же Берсень-Беклемишев говорил про него: «государь упрям и встречи против себя не любит: кто ему встречу говорит, и он на того опалается». Берсень испытал это на самом себе: когда в думе обсуждался вопрос о Смоленске, он возразил Василию, и князь великий того не полюбил, да молвил: «пойди смерд прочь, не надобен ми оси». Но таких лиц, как Берсень-Беклемишев, было уже немного: перед всеильным Московским владыкой склонились все головы, смолкли все голоса. Между советниками его, — говорит Герберштейн, — никто не пользовался таким значением, чтоб осмелиться ему в чем-нибудь противоречить. Мало того. Московский государь все чаще и чаще стал обходиться и без советников. Берсень-Беклемишев жаловался на Василия, что он всякие дела делал запершись сам-третей у постели, со своим дворецким Шигоней Поджогиным да дьяком. Так, Московский государь становился самодержцем не только по отношению к другим государям, но и по отношению к своим подданным. Исчезали всякие свободы и вольности, доставшиеся по наследству от удельной эпохи, и Московское государство начинало превращаться в абсолютную, неограниченную монархию.

Общественная среда как благоприятное условие для развития московского абсолютизма.

Естественно возникает вопрос: почему общественная среда Великой Руси оказалась столь податливой для развития монархического абсолютизма? На этот вопрос можно дать такой общий ответ: потому что общество Великой Руси от предшествующей истории не получило достаточно крепкой организации для борьбы с абсолютизмом. Великим князьям Московским при утверждении и расширении своей власти не приходилось считаться ни с самостоятельностью крупных местных миров, за небольшими исключениями, ни с сильными

сословными корпорациями. В эпоху татарского владычества, как известно, в Великой Руси существовали только две крупные самоуправляющиеся земли — Новгородские и Псковские, в которых верховная власть принадлежала вечам главных городов и которые крепко держались за свою старину. Вся остальная Великая Русь была разбита на множество мелких обществ под управлением князей-хозяев. Политическая самостоятельность в этих обществах, обязанных своим возникновением устроительной деятельности князей-хозяев, не развивалась, а где она встарь и проявлялась, как, например, в Ростове и Суздале, там давным-давно была подавлена князьями-устроителями земель. В Великой Руси еще в XII веке княжеская власть получила решительное преобладание над обществом. Когда же эта княжеская власть раздробилась, то вместе с тем распалось и общество на множество подчиненных князьям мелких общественных союзов. Из продолжительной эпохи удельного дробления общество Великой Руси не могло вынести привычки к солидарности, к совместному действию и энергичному отстаиванию общих интересов. Справедливо поэтому, что удельная раздробленность не только содействовала собирательным успехам Москвы, но в виде известных духовных переживаний содействовала и успехам московского абсолютизма. Когда вся Великая Русь объединилась в руках великого князя Московского, в ней не оказалось местных политических организаций, могущих мешать установлению монархического абсолютизма.

Политическое бессилие московского боярства; местничество.

Не нашлось и достаточно сильного и солидарного общественного класса, который был бы в состоянии со своей стороны поставить пределы развитию этого абсолютизма. Некоторые шансы в этом отношении имел, конечно, высший класс князей и бояр, сгруппировавшийся вокруг Московского государя. Князья наполнили собой передние ряды слуг Московского государя и закрыли собой старое московское боярство. Становясь слугами Московского государя, они не переставали быть по-прежнему князьями-государями в своих вотчинах, творили в них суд и управу, собирали с населения подати, имели свои собственные войска. В общем, следовательно, они могли составить великую силу для противовеса развивавшемуся абсолютизму. Но дело в том, что в то самое время, когда устанавливалось московское единодержавие и самодержавие, этот новый класс только что слагался и не успел еще приобрести нужной солидарности. Людей соединяет и сплавивают время, более или менее продолжительное общение и затем общие интересы. Этих условий пока еще не хватало для того, чтобы князья и высшее боярство могли составить тесно сплоченную и сильную общественную группу. Понаехав с разных сторон ко двору Московского государя, князья и высшие бояре все еще чувствовали себя чужими друг другу и подчас соперниками, конкурентами. Каждый из них стал слугой Московского государя после постигшего его крушения, надеялся в новом положении обеспечить себя и свой род и на первых порах только об этом и ни о чем другом не заботился. Главной заботой, господствовавшим помыслом было то, чтобы не затерли другие. Явственным и характерным обнаружением этого эгоизма, воспитанного веками удельной розни и дробления, было *местничество*.

Понаехавшие в Москву князья и бояре, смешиваясь здесь со старым боярством, стремились отстаивать не общее положение всего класса, а частное — каждого лица, каждой семьи, каждого рода. Не претендуя на то, чтобы за ними обеспечены были известные постоянные места, должности, известное политическое положение, князья и бояре хлопотали только о том, чтобы при назначениях на места и должности не быть ниже других, равных себе, кому они были «в версту». Своими горячими спорами и ссорами по этому поводу, они заставляли и самого государя Московского признать за ними в этом отношении некоторые права, руководствоваться некоторыми правилами при назначении на должности. Князья и бояре

стали рассаживаться в известном порядке в думе и за столом своего государя; установилось известное иерархическое взаимоотношение между должностями: известная должность стала считаться равной другой, выше или ниже и на столько-то степеней. Сажая к себе в думу и за стол, назначая на должности князей и бояр, государь стал руководиться их отечеством, т.е. соображаться с положением, которое занимали их предки. Таким образом, например, потомки великих князей садились выше и назначались на более высокие и почетные должности, чем потомки удельных князей, а тем более простых, хотя бы и знатных московских бояр. Потомки удельных князей садились и назначались выше бояр, но не всегда: те из них, предки которых были слугами у других удельных князей, садились и назначались ниже бояр, служивших великим князьям и т. д. Кроме этих общих правил, в местническом распорядке действовали и прецеденты. Принималось во внимание, как прежде садились и назначались на службу те или другие князья или бояре и их предки, кто кому был в версту, кто выше или ниже и т. д. Об этих прецедентах справлялись в официальных или частных разрядных книгах, содержащих записи всех официальных торжеств и служебных назначений. В тех случаях, когда прецедентов совместного назначения на службу тех или других лиц или их предков не находилось в разрядных книгах, старались найти прецеденты совместного назначения их с третьими лицами или их предками и таким путем установить правильное взаимоотношение между ними. Но так как разные лица известного рода сами между собой не были равны, одни считались старше, другие моложе, то и в местнических назначениях и счетах принималось во внимание не только «отечество», общее положение рода, но и генеалогические степени. Поэтому, например, сын или внук известного лица не считался равным по чести тому лицу, которому равен был отец или дед, а был ниже его на несколько мест. Поэтому и при служебных назначениях наводились справки не только в разрядах, относительно того, кто под кем сидел прежде или был назначен на должность, но и в родословцах, кто кому и кем доводился. По этим двум коэффициентам и производились тонкие и сложные расчеты, часто спутанные и намеренно запутанные и потому возбуждавшие пререкания, споры и ссоры. На эти местнические тяжбы на первых порах уходили все нравственные силы высшего класса московского общества, который за своими ссорами мало обращал внимания на изменяющееся общее положение. Местничество было порождением удельной розни и обособления. Но отлившись в форму, будучи закреплено обычаем и законом, местничество, в свою очередь, сделалось фактором, парализовавшим развитие солидарности в высшем классе. «Внося в боярскую среду соперничество и рознь, — говорит Ключевский, — питая мелочные споры и узкий фамильный эгоизм, оно притупляло чутье общественного, даже сословного интереса, было в полном смысле „враждотворным“ и братоненавистным обычаем, как оно характеризуется в отменявшем его приговоре...». Местничество делало бояр неспособными к общему делу, к дружной деятельности в каком-либо направлении. «Наконец, оно не давало никакого места заслуге... Не так воспитываются здоровые и сильные аристократии, способные создать прочный государственный порядок».

Общая политика московских государей в отношении боярства.

Развитию солидарности в боярской аристократии не благоприятствовала и сама политика первых московских государей в отношении боярства. Эти государи, как уже сказано, узаконяли местничество, и таким образом, как говорит Флетчер, злобу и взаимные распри бояр обращали в свою пользу. Но самое главное — это то, что они, беспощадно относясь к отдельным лицам, не трогали всего класса в целом, не нарушали разом его общих интересов и таким образом не вызывали общего неудовольствия, общего противодействия. Они создавали свой абсолютизм так же, как и государство, по маленьким дозам, по кусочкам, по

частям и потому медленно, незаметно, но крепко строили свое политическое сооружение. Как уже было сказано, в новообразовавшемся Московском государстве было множество владельцев с правами государей в их имениях. Существование таких мелких государей было, конечно, помехой в развитии власти великого князя Московского над обществом. Тем не менее, ни Иван III, ни сын его Василий не предпринимали никаких общих мер против этих государей-вотчинников. Они, как мы видели, довольствовались только тем, что старались уменьшать их число, приобретать княжеские родовые вотчины себе, давать князьям взамен их княжеств простые имения без княжеских в них прав. Затем, и свои, и иноземные наблюдатели отметили изменение отношений великого князя к боярству, его самовластие, деятельность без боярского совета. Но это самовластие и деятельность проявлялись только в будничной практике не возводились в принцип. В особо важных случаях великий князь собирал на думу своих бояр и не только делом, но и словом подтверждал политическое значение боярства. В 1510 году великий князь Василий, на самовластие которого, как мы видели, жаловался Берсень-Беклемишев, решая в Новгороде судьбу Пскова, «велел своим боярам по своей думе творить, как себе сдумали». Результатом этого боярского совещания и был арест псковских властей и граждан, приехавших тогда к государю с челобитьями. Когда Василий умирал, он созвал к себе своих бояр и говорил с ними об «устроении земском», «как после него царству строиться». Он говорил об этом со всеми боярами, а не с теми только доверенными людьми, с которыми прежде, запершись сам-третей, делал всякие дела. Но раз в устранении бояр от обсуждения решения государственных вопросов не было никакой принципиальной последовательности, то и боярство со своей стороны не могло выступать с противодействием великокняжескому самовластью и определенными по этой части притязаниями и стремлениями. Боярство проявило определенные политические стремления в смысле ограничения утверждавшегося абсолютизма только в конце 40-х и в начале 50-х годов XVI века, во время юности царя Ивана Васильевича Грозного.

* * *

Пособия те же, что упомянуты и в предыдущей лекции и кроме того:

Н. П. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. 2-е изд. СПб., 1909.

В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. М., 1908.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТАЯ

МОНАРХИЧЕСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ И МОСКОВСКОЕ БОЯРСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНОГО РАЗГРОМ БОЯРСТВА И УПАДОК ЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

ПРОИЗВОЛ и насилия в малолетство Ивана Грозного.

Утверждавшийся монархический абсолютизм своими отрицательными сторонами дал себя увидеть и почувствовать князьям и боярам Московского государства преимущественно в малолетство Грозного. Хотя отдельные лица и страдали от самовластья Ивана III и его сына, но в общем Иван и даже Василий умело пользовались своей властью. В их крепких руках эта власть как никак все же служила преимущественно государственным, национальным целям, а не личным страстям и прихотям. Не то стало по смерти Василия, в малолетство его сына — Ивана Васильевича. Умиравший Василий желал, чтобы бояре сообща и дружно правили после него государством. Призвав их к себе, он говорил им: «с вами держал я русскую землю, вы мне клятву дали служить мне и моим детям; приказываю вам княгиню и детей своих, послужите княгине и сыну моему, поберегите под ним его государства. Русской земли, и всего христианства от всех недругов, от бесermenства и от латинства, и от своих сильных людей, от обид и от продаж, все заедин, сколько вам Бог поможет». Но это желание было уже не осуществимо. Василий до известной степени отучил бояр от дружной совместной деятельности на пользу государства, верша дела сам-третей у себя в спальне. Тот же порядок стал действовать и после его смерти. Его молодая вдова Елена Васильевна стала вершить всякие дела сначала втроем — с дядей Михаилом Глинским и со своим любимцем, князем Иваном Овчиной Телепневым-Оболенским, а потом и вдвоем — с этим последним. Но правительница стала пользоваться своей властью уже в угоду своим личным чувствам и пристрастиям. Она посадила в заключение дядю своего Михаила, укорявшего ее за зазорное поведение, арестовала князей Ивана Федоровича Вольского и Ивана Михайловича Воротынского с детьми, по всем данным, за то, что те выражали недовольствие против князя Овчины-Оболенского. Крутое самовластие Елена обнаружила и в других случаях, угождая, главным образом, своему фавориту. Результатом этого был заговор, жертвой которого пали и сама правительница, и ее фаворит. По известию Герберштейна, Елену отравили; а на седьмой день после ее смерти был арестован и ее фаворит. Его уморили голодной смертью в тюрьме, арестованных же из-за него лиц освободили из заключения.

Во главе правительства стал после того первенствовавший в боярской думе князь Василий Васильевич Шуйский с братьями. Казалось бы, что на этот раз установится уже правление боярской думы, а не личное. В действительности так не вышло. Шуйские, овладев малолетним государем, ввели такой же личный произвол, который господствовал и при Елене. Они стали больше всего заботиться о повышении своей родни, приятелей и доброхотов, которым раздавали именем малолетнего государя чины и должности. Люди, осмелившиеся им противоречить, попадали в тюрьму и на плаху. Таким образом, например, они посадили в тюрьму князя Ивана Федоровича Бельского, а дьяку Федору Мишурину отрубили голову. Иван Шуйский по смерти своего брата Василия низложил митрополита Даниила и возвел на его место Иоасафа; освободив по просьбе нового митрополита князя Бельского, он немного времени спустя велел снова посадить его в тюрьму и там умертвить. Митрополит Иоасаф также едва было не погиб от его клеветов, был низложен и отправлен в заточение в Кирилло-Белозерский

монастырь. По смерти Ивана Шуйского господами положения сделались его родственники: Иван и Андрей Михайловичи Шуйские и князь Федор Михайлович Скопин-Шуйский, которые также стали свирепствовать против своих врагов и соперников. Таким образом, самовластие великого князя сменилось горшим самовластием бояр. За это время в Москве разыгрывались дикие сцены варварства и жестокостей не только на площадях, в тюрьмах, но и в самом дворце, в присутствии государя-ребенка. Например, 3 января 1542 года клеветы Шуйского ночью стали кидать камни в келью к митрополиту Иоасафу. Спасаясь от них, митрополит бросился во дворец. Преследователи гнались за ним во дворец, ворвались в спальню к великому князю и сильно перепугали его. Не найдя митрополита во дворце, они отправились вслед за ним на Троицкое подворье и чуть было его не убили там. 9 сентября 1543 года клеветы Шуйских в столовой избе дворца, в присутствии государя и митрополита Макария, схватили любимого государем боярина Федора Семеновича Воронцова, били его по щекам, оборвали платье и хотели убить до смерти. Насилу государю и митрополиту удалось спасти Воронцова. Все эти насилия и жестокости, совершавшиеся в личных и партийных целях, сильно всколыхнули московское боярство и в лучшей его части должны были зародить стремление к изменению такого положения вещей. Активно эти стремления пробудились тогда, когда с полной ясностью обнаружилось, что самовластие боярских партий начинает заменяться еще более жестоким и необузданным произволом юного царя.

Воспитание Ивана Васильевича Грозного.

Сын Василия III вырос в духовной атмосфере, пропитанной идеями о высоте и великом значении царской власти, и в людской обстановке, в которой царил всяческий произвол и насилие. Окружавшие его и воспитывавшие бояре своим обращением с ним развивали в нем болезненное самолюбие и вызывали усиленную, но преждевременную работу мысли о его природном назначении. Маленького мальчика выводили на все официальные торжества и окружали здесь величием и раболепством. Ребенок-государь важно сидел на троне, окруженный рындами и боярами. К нему подходили иноземные послы и говорили ему превыспренние речи; Иван отвечал им также заученными, высокопарными фразами. Ему кланялись до земли, целовали у него руку. Князья и бояре величали себя его холопами; он принимал от них всевозможные челобитья и т. д. Но все менялось как бы по мановению волшебного жезла, когда Ивана уводили с официальных приемов и торжеств во внутренние покои. Здесь лица, перед тем склонявшиеся перед ним, обращались с ним грубо, без нужды стесняли и оскорбляли его. Этот контраст не мог не броситься в глаза даже ребенку, не мог не вызвать в нем горького чувства. Это чувство Иван крепко хранил, сделавшись и взрослым человеком. «Нас с братом Юрием, — писал он Курбскому, — начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой нужды не натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив». Это замечание очень характерно; оно указывает, как рано в мальчике пробудилось чувство своего величия, как рано стал он оскорбляться неуважением к этому величию. Это чувство заставило работать и мысль маленького Ивана. Участь по церковным книгам, читая часослов, псалтирь, хронографы и летописи, он с жадностью стал ловить и запоминать те места, где говорилось о величии и полноте царской власти, о ее Божественном происхождении и высоком служении. Впоследствии он мог в любое время сыпать выдержками, цитатами в защиту царской власти, не справляясь с книгами, а прямо

наизусть. Преисполняясь высокими представлениями о себе, юный великий князь все более и более проникался враждой к окружавшему его боярству, которое стесняло и оскорбляло его. Когда Иван подрос и стал более понимать в окружающей действительности, то к детским горьким воспоминаниям о стеснении прибавились более серьезные мотивы. Иван видел своекорыстие бояр, произвол и жестокую тиранию. «По смерти матери нашей Елены, — писал он Курбскому, — остались мы с братом Юрием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили, нашли царство без правителя; об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего умертвили! Дворы, села и имения дядей наших взяли себе и водворились в них... Что сказать о казне родителей? Все расхитили лукавым умыслом... из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто бы это было наследственное добро; а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да и те ветхи; так если бы у них было отцовское богатство, то чем посуду ковать, лучше б шубу переменить. Потом на города и на села наскочили и без милости пограбили жителей, а какие напасти были от них соседям — исчислить нельзя; подчиненных всех сделали себе рабами, а рабов своих сделали вельможами» и т. д. Так писал царь Иван Грозный Курбскому по воспоминаниям отроческой юности. Видно, что великий князь несмотря на свои лета, очень хорошо понимал, что вокруг него творится, негодовал и только силы не имел расправиться с сильными вельможами. Заметив нерасположение к себе великого князя, властвовавшие бояре перешли в противоположную крайность — стали льстить мальчику, потворствовать его дурным инстинктам и всячески забавлять и утешать его. Дети, как известно, бывают нередко жестоки. Иван, когда ему было 12 лет, забавлялся тем, что бросал с высоты животных, собак и кошек, как нередко делают это деревенские дети и до сих пор. Пестуны не только позволяли, но и поощряли подобные забавы. Иван травил собак, а затем стал забавляться травлей диких зверей. Все это делается иногда и теперь и проходит сплошь и рядом безрезультатно для развития характера: люди, в детстве занимавшиеся жестокими забавами, вырастают нередко мягкими, гуманными людьми. Здоровые человеческие инстинкты берут верх над животными склонностями. Но иное дело, конечно, когда этим животным склонностям дается постоянное возбуждение. Тогда, действительно, вырастают люди-звери. Воспитатели Ивана постоянно тешили его подобными забавами, может быть и не сознательно, а потому, что ничего лучшего не могли придумать для его развлечения. Когда весь запас этих развлечений истощился, и великий князь уже притупел к ним, воспитатели придумали новые. Ивана рано развратили, рано приучили пить. Четырнадцать лет от роду он уже с толпой сверстников скакал верхом по улицам и площадям Москвы и давил народ, подобно купеческим саврасам недавнего прошлого, врывался в частные дома, грабил и оскорблял женщин. Окружающие великого князя только хвалили его за молодечество. Бессознательно, но артистически, они воспитывали в нем будущего тирана.

Первые проявления тирании.

Уже 13 лет от роду Иван заявил себя грозным государем. 29 декабря 1543 года он приказал схватить первого боярина князя Андрея Шуйского и отдать его псарям. Псари убили его, волоча по тюрьмам. Приятелей его — князя Федора Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина — разослали по разным городам. Бояре были поражены поступком молодого государя, начали, по словам летописца, иметь страх и

послушание к государю. Прошел год, и опала постигла, князя Ивана Кубенского, одного из пособников Шуйских: его сослали в Переяславль и посадили под стражу. 10 сентября 1545 года отрезали язык за невежливые слова Афанасию Бутурлину. Но особенно выдался опалами 1546 год. Весной великий князь отправился с войском в Коломну по вестям, что Крымский хан идет к Москве. Здесь, во время прогулки за городом, великий князь был остановлен новгородскими пищальниками, которые обратились к нему с каким-то челобитьем. Но Иван не был расположен их слушать и велел им идти прочь. Пищальники не послушались, а когда великий князь приказал сопровождавшим его дворянам «отослать» их, они вступили с ними в бой. Великого князя не пустили ехать в Коломну, и он должен был возвратиться туда в объезд. После того Иван велел своему дьяку Василию Захарову разузнать, по чьему наущению пищальники допустили такое своеволие. Дьяк оговорил князя Кубенского и двоих Воронцовых. В великой ярости Иван велел казнить князя Кубенского и Воронцовых; людей близких к ним разослали в ссылку. По словам Курбского в то же время погибли и другие лица: убит был Федор Невежа, удушен был пятнадцатилетний князь Михаил Трубецкой, были казнены князья Иван Дорогобужский и Федор Овчина-Оболенский. Очень может быть, что все эти опалы и казни были результатом борьбы боярских партий, происков, интриг. Но раз воля государя-мальчика приобрела такое значение, что стали возможны страшные злоупотребления ею, это только резче оттеняло отрицательные стороны установившегося в Москве абсолютизма. Впрочем, несомненно, что уже в это время Иван Васильевич проявил большую самостоятельность в образе мыслей и действиях. Рассказав о том, как шестнадцатилетний Иван захотел венчаться на царство, современник замечает: митрополит и бояре плакали от радости, видя, что государь так молод и уже сам понимает дела и ни с кем не советуется. Эта радость была, однако, преждевременна. Юный царь не начал еще жить умом, а продолжал жить страстями и находиться под чужим влиянием. Его расположением овладели родственники Глинские. Находясь в приближении и жаловании у государя, Глинские распустили своих людей, от которых черным людям было большое, насилие и грабеж. Угодники их и приятели из бояр делали, что хотели, и нельзя было добиться на них суда и управы. Весной 1547 года явились к Ивану в село Островское 70 псковичей с жалобами на наместника своего князя Турунтая Пронского. Царь, — рассказывает псковский летописец, — опалился на жалобщиков и бесчестил их: обливая горящим вином, палил им бороды и волосы, жег свечами и приказал раздеть их донага и положить на землю. И только случай спас псковичей: в Москве упал колокол-благовестник, и смущенный царь, бросив псковичей, поехал немедленно же к Москве и не «истерял псковичей. По словам Курбского, в это время все честные бояре молчали; шуты и скоморохи забавляли юного царя, а льстецы славил его мудрость.

Пожар 1547 года и перемена в настроении и поведении царя.

Лучшей части московского боярства открылось поле деятельности лишь после того, как разразившаяся народная гроза очистила атмосферу московского дворца и зажгла некоторый свет в мрачной душе царя-юноши. В июне 1547 года страшный пожар опустошил Москву: в пламени погибло 1700 человек и имущество москвичей. Враги Глинских воспользовались народным бедствием для того, чтобы погубить их. Царю донесли, что Москва сгорела волшебством: чародеи вынимали сердца человеческие, мочили их в воде, водой этой кропили по улицам и от того Москва сгорела. Царь велел произвести розыск. Для этого бояре собрали черных людей в Кремль к Успенскому собору и стали спрашивать: кто зажигал Москву? «Анна Глинская с детьми», — после-

довал ответ. Находившийся при этом Юрий Глинский, видя беду, немедленно удалился в Успенский собор. Но толпа бросилась вслед за ним, вытащила из церкви и умертвила. На третий день толпа черни явилась в Воробьево у дворца царского с криком, чтобы государь выдал бабку Анну Глинскую и ее сына, которые спрятаны у него в покоях. Царь велел схватить крикунов и казнить; остальные разбежались по городам.

Страшный пожар и народный мятеж произвели сильное впечатление на молодого царя. Напоенный библейскими представлениями о царской власти, Иван пришел к заключению, что Бог наказал народ за его, царя, грехи и сильно был удручен этим сознанием. Об этом он сам свидетельствует в своем заявлении церковному собору 1551 года. Упомянув о том, как он навыв боярским обычаям в юности, как много грешил и делал всякого зла и насилия людям, Иван говорил: «Господь наказывал меня за грехи то потопом то мором, и все я не калялся; наконец. Бог послал великие пожары: и вошел страх в душу мою, и трепет в кости мои, смутился дух мой».

Избранная рада.

Этим настроением, как мы знаем от Курбского, и воспользовалось духовенство и благомыслящая часть боярства. Нравственную поддержку удрученному царю оказал сначала придворный священник Сильвестр, а затем митрополит Макарий и другие мужи, пресвитерством почтенные». К ним присоединился царский постельничий Алексей Адашев, а за ним и некоторые бояре, «мужи разумные и свершенные, во старости маститей сущие, благочестием и страхом Божиим украшенные», а другие, хотя и среднего возраста, но «предобрые и храбрые» и в военных и земских делах искусные. Все эти лица составили особый совет, *избранную раду*, без которой царь не решал никаких дел: с ней он стал чинить суд, назначать воевод, раздавать именья и т. д.

На первый взгляд кажется, что эта избранная рада была все тот же интимный совет, ближняя дума или комнатная, с которой вершил всегда дела отец Ивана Грозного Василий Иванович. С формальной стороны избранная рада, конечно, была продолжением ближней думы. Но по действительному значению своему она была далеко не то, что прежняя ближняя дума: избранная рада стала не только помогать самодержавной царской власти, но и опекать ее, ограничивать ее. Курбский говорит, что Сильвестр и Адашев, собрав к Ивану разумных и совершенных советников, «сице ему их в приязнь и дружбу усвоят, яко без их совету ничего же устроить или мыслити». Сам царь Иван Васильевич впоследствии в письмах к Курбскому жаловался на то, что царь был в обладании у попа невежи и злодейственных, изменных человек, что Сильвестр с Алексеем начали всех бояр в самовольство приводить, снимая с него, царя, власть, и чуть не равняя с ним честью бояр, что они творили все по своей воле и по хотению своих советников, оспаривали и отвергали его мнения, раздавали должности, чины и награды и т. д.

Так, известной части московского боярства удалось фактически ограничить установившееся самодержавие. Избранная рада в своих стремлениях к благоустройению земли пошла и еще далее — заставила царя (правда, мимоходом) признать *формально* необходимость боярского совета и приговора. В статье 97 нового Судебника, составленного в 1550 году, было постановлено: «А которые будут дела новые, а в сем судебнике не писаны, и как те дела, с государева доклада *и со всех бояр приговору*, вершатца, и те дела в сем судебнике приписывати». Итак, боярский приговор был признан необходимым моментом в создании новых законов. Избранная рада, очевидно, не хотела подражать предшествующим олигархиям временщиков, хотела поставить высшее управление государством на твердых, незыблемых основаниях и потому рядом с докладом государю поставила в создании закона и боярский приговор.

Первый Земский собор и издание нового Судебника.

Не довольствуясь этим, избранная рада направила верховную власть на путь сближения с обществом и устроения государства при общественном содействии. Ее внушению, по всем данным, обязан своим созывом Земский собор. Весьма вероятно, что идея созыва Собора зародилась в среде окружавшего царя духовенства, которое знало Со-,бор церковный для устроения дел церкви. На созыв Собора, быть может, навели царя митрополит Макарий и некоторые другие лица, «пресвитерством почтенные», которые были душой «избранной рады», окружавшей царя. Но и среди боярства, принадлежащего к этой избранной раде, идея Земского собора пользовалась сочувствием. Таким образом, например, Курбский писал впоследствии: «Царь аще и почтен царством, а дарований которых от Бога не получил, должен искати доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных человек, понеже дар Духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной».

С какой же прямой целью был созван первый Земский собор, какое участие принял он в устроении государства? К сожалению источники не дают нам прямого ответа на эти вопросы, и приходится на этот счет строить догадки и предположения. Опорой для этих догадок служат речи царя, которые он произносил на церковном соборе 1551 года. Из этих речей выносятся впечатление, что первый Земский собор созывался для всеобщего примирения, для прекращения тяжб и неудовольствий, накопившихся в обществе от предшествовавшей эпохи боярского, а затем царского произвола и тирании. Обращаясь к митрополиту, епископам, игуменам и всему священному собору, царь говорил им: «в предыдущее лето бил есми вам челом и с бояры своими о своем согрешении, а бояре такоже и вы нас в наших винах благословили и простили, а аз по вашему прощению и благословению и бояр своих в прежних винах во всех пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми христианы царствия своего и в прежних всяких делах помирится на срок, и бояры мои, и вси приказные люди, и кормленщики со всеми землями помирились во всяких делех». Итак, первый Земский собор собирався в Москве для внутреннего умиротворения государства после неурядиц 30-х и 40-х годов. Роль его, по всем признакам, не ограничилась только общей постановкой этой задачи. Дело в том, что в том же 1550 году царь с братьями и боярами уложил новый Судебник, в коем переработал, дополнил и частью изменил судебник своего деда. Весьма возможно, что импульс и даже материал для этой переработки дали те челобитья, которые к тому времени поступили в Москву из городов и уездов, жалобы на различные беспорядки и злоупотребления. Раз царь задумал всех удовлетворить и умиротворить, он непременно должен был принять во внимание и эти заявления и жалобы. Любопытно, что и за окончательной санкцией нового судебного царь обратился к обществу. На церковном соборе 1551 года, на котором присутствовали не одни духовные лица, но и братья князя, князья, бояре «и воины», и который представлял близкое подобие земского собора, царь предложил новый судебник на рассмотрение и утверждение. «Прочтите и рассудите, — говорил он, — аще достойное дело, на св. соборе утвердив, подписати на судебники и на уставной грамоте».

Так, в истории развития верховной власти нового Московского государства наступил момент, когда установилось некоторое ограничение монархического абсолютизма. Это ограничение было преимущественно делом известного кружка лиц, воспользовавшегося благоприятным поворотом в душевной жизни царя, а не результатом дружного отпора, солидарных усилий всего высшего класса или большей его части. Не будучи результатом борьбы целого класса с монархом, это ограничение не было закреплено должными политическими гарантиями, известной конституцией,

которая определяла бы точно права и обязанности монарха в отношении подданных. Вследствие всего этого и ограничение оказалось непрочным и оказалось не в состоянии предотвратить наступление еще горшей тирании.

Разрыв царя с избранной радой.

Недолго молодой царь Иван Васильевич ладил со своей избранной радой и сносил терпеливо наложенную на него опеку и ограничения. Уже в 1553 году произошли у него крупные неприятности с его советниками. В начале этого года, вернувшись из казанского похода, царь, опасно занемог и был при смерти. Возник вопрос о преемнике на случай смерти царя. Иван Васильевич потребовал, чтобы двоюродный брат его, князь Владимир Андреевич Старицкий и бояре присягнули его сыну Димитрию, младенцу. Владимир уклонился от присяги, потому что сам возымел намерение сесть на московский престол по смерти царя. Бояре, хотя и присягнули, но и то только после великих пререканий, шума и брани. Царю было поставлено на вид, подчеркнуто, что целуют крест именно его сыну, а не Захарьиным. Некоторые же бояре отказались совсем присягать царевичу Димитрию. Любимые советники Ивана, его избранная рада, во время этой истории заметно были в рядах оппозиции, на стороне князя Владимира Андреевича. Очевидно, избранная рада боялась повторения того, что творилось в малолетство Грозного, и потому в государственных интересах не прочь была устранить кандидатуру младенца и предпочесть ему взрослого — князя Владимира Андреевича. Но царь отнесся к этому как к вероломству и непостоянству своих избранных советников и затаил после того чувство обиды и мести по отношению к ним. Это чувство стали раздувать родственники царя Захарьины, оскорбленные враждой и недоверием к ним бояр, проявившимися в 1553 году. С другой стороны, и сама избранная рада, по-видимому, стала злоупотреблять своим значением и во всяком случае не проявляла должного такта в отношении к царю. Иван жаловался в послании к Курбскому: «Подружился он (Сильвестр) с Адашевым, и начали советоваться тайком от нас, считая нас слабоумными; мало-помалу начали они всех вас, бояр, в свою волю приводить, снимая с нас власть, частью ровняя вас с нами, а молодых детей боярских приравнивая к вам; начали причитать вас, князей, к вотчинам, городам и селам, которые по уложению деда нашего отобраны у вас; они это уложение разрушили, чем многих к себе привязали. Единомышленника своего князя Димитрия Курлятева ввели к нам в синклитию и начали злой совет свой утверждать: ни одной волости не оставили, где бы угодников своих ни посадили; втроем с Курлятевым начали решать и местнические дела, не докладывая нам ни о каких делах, как будто бы нас и не было. Наши мнения и разумные они отвергали, а их советы и дурные были хороши. Так было во внешних делах. Во внутренних же мне не было ни в чем воли: сколько спать, как одеваться — все было ими определено... Потом вошло в обычай: я не смей слова сказать ни одному из самых последних его советников; а советники его могли говорить мне, что им было угодно, обращались со мной не как с владыкой или даже с братом, но как с низшим; попробую прекословить — и вот мне кричать, что и душа-то моя погибает, и царство-то разорится. Началась война с Ливонией; Сильвестр с вами, своими советниками, жестоко на нас за нее восставал; заболел ли я или царица, или дети — все это по вашим словам, было наказание Божие за наше непослушание к вам». Но в особенную вину ставит царь своим советникам то, что они хотели воцарить князя Владимира, а царевича Димитрия погубить, воздвигли ненависть на царицу Анастасию, уподобляя ее всем нечестивым царицам. Когда началась Ливонская война, неудовольствие царя на избранную раду достигло наивысшего напряжения и разрешилось ее разгромом. Адашев был удален от двора и послан воеводой в Ливо-

нию; разосланы были из Москвы и его сотоварищи. Сильвестр добровольно ушел в монахи в Кирилло-Белозерский монастырь.

Опалы и казни.

Оставшись без советников, которые стесняли и ограничивали его, а затем и без жены, которая укрощала и умирала его страсти, Иван обнаружил тот же необузданный произвол и тиранию, как и во время своей ранней юности. Начались опалы и казни бояр и разных людей, которых царь подозревал в отравлении своей жены. Казни стали постигать бояр и по простому капризу царя, за резкие слова и другие неприятные для царя поступки. В это-то время и сказалось явственно отсутствие должной солидарности в боярстве, его неспособность к дружному отпору, к борьбе с деспотизмом. Терроризированные бояре стали думать лишь о том, как бы по добру и здорову убраться из Москвы за границу. Многие из них и выполнили это намерение, в том числе и князь Андрей Михайлович Курбский. Но большинство царь поспешил связать круговой порукой о неотъезде и таким путем укрепить в Москве.

В борьбе с ними царь Иван Васильевич пошел неуклонно по пути своих предшественников, т. е. не трогал политического значения и общественного положения всего класса в целом и избегал таким образом вызывать общее дружное противодействие. Он старался бить своих противников поодиночке, истреблять их и унижать в отдельности, разрушать их положение не общими распоряжениями, а частными мерами. Принципиально же даже резче, чем его предшественники, он подчеркнул политическое значение боярского класса. Это наглядно выразилось в его отделении от земщины, в учреждении опричнины.

Учреждение опричнины и ее эволюция.

В эпоху господства избранной рады в правительственных сферах Москвы сделала несомненные успехи государственная идея. Стала пробиваться мысль, что Московское государство не есть только государева вотчина, а известная организация, имеющая в виду обеспечение интересов общества, что дело государственное есть дело земское, а не только государево. Этим сознанием, несомненно, проникнута была избранная рада. Как мы видели, она считала необходимым участие всех бояр в текущем законодательстве и даже участие представителей общества в устроении земли. Вероятно, и другие бояре уже в достаточной степени прониклись этой идеей. В свое время должен был ознакомиться с ней и сам царь Иван Васильевич, которому внушалось, что государственные дела не его только личные дела, а дела земские, которые надо делать по общему совету с боярами, а в некоторых случаях и с землей. Эта идея, очевидно, настолько уже распространилась и укрепилась в тогдашних правительственных сферах, а быть может, и в остальном обществе, что, когда царю тягостно стало править с боярами, он не нашел возможным устранить их от управления, а предпочел уйти от них, обособиться и поделить с ними государство, с тем чтобы в своей части господствовать уже на всей своей воле. Когда у него особенно обострились отношения с боярством, после бегства в Литву князя Курбского и других видных бояр, после устроенного ими двойного нападения из Крыма и Литвы, в конце 1564 года царь с семейством, близкими людьми и большим обозом, никому ничего не сказав, вдруг уехал из Москвы куда-то и зачем-то. Через месяц прибыл от него из Александровской слободы гонец с грамотой к митрополиту, в которой царь извещал, что он положил свой гнев на него, митрополита, владык, игуменов и на все духовенство, на бояр, служилых и приказных людей за их беззакония, мятежи, расхищение государственных земель и казны, нерадение в защите государства от врагов; не терпя их изменных дел

царь и оставил свое государство и поехал поселиться, где ему Бог укажет. Так, царь, увидав невозможность для себя управлять государством вместе со своими прежними сотрудниками, не устранил от себя этих сотрудников, а предпочел сам уйти от них и предоставить им управление государством без него. Но это решение было принято, конечно, сгоряча, было поступком истерически больного человека. Все равно царю некуда было уйти из своего государства. Поэтому, поуспокоившись и придя в себя, царь раздумал уходить из государства, но предпочел поделиться со своим боярством, выделить из государства себе особую часть, опричнину, в исключительное распоряжение; и таким путем остаться царем-самодержцем. Поэтому, когда в Александровскую слободу явились духовенство и бояре и стали со слезами просить царя, чтобы он вернулся в Москву и правил государством, как ему угодно, царь согласился «паки взять свои государства», но поставил условия, чтобы вольно было ему на своих изменников и ослушников опалы класть, а иных казнить, имение их брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди ему в том не мешали, и чтобы «учинить ему на своем государстве опришнину, двор ему и себе и весь свой обиход учинить ему особой». Согласие, разумеется, было дано, и царь учредил себе особый двор. При этом дворе учреждались особые бояре и окольничие, дворецкий, казначеи, дьяки и всякие приказные люди. На содержание этого двора взяты были в разных местах государства, преимущественно центральных и северных, отдельные села, волости и целые города с уездами, в общем с дальнейшими присоединениями чуть не половина всего государства. Из служилых людей царь отобрал в опричнину тысячу князей, дворян и детей боярских, увеличив позже их число до 6 тысяч человек; им даны были поместья в уездах, взятых в опричнину, откуда прежние вотчинники и помещики были переведены на новые земли в неопричных уездах. Все остальное государство с его воинством, судом и управой царь приказал ведать и всякие земские дела делать прежним боярам, которым велел быть в земских, начальниках отдельных приказов и всем приказным людям продолжать свои приказные дела «по старине», а с докладами «о больших делах» приходить к земским боярам, самим же этим боярам докладывать государю только «ратные вести и земские великие дела».

Так Московский государь отделился от земли, на управление которой претендовали бояре, выделил из нее для себя своего рода удел. Взгляд на опричнину как на удел сказался и в новом титуле, которым стал называть себя Иван как владелец опричнины. Некоторое время он официально назывался просто князем Московским, даже не великим, предоставив титул великого князя всея Руси поставленному им во главе земщины крещеному хану Касимовскому Симеону. Этим титулом своим царь противопоставлял опричнину земле, как удельную часть всему национальному и государственному земскому целому. В порывах болезненного самоуничтожения паче гордости царь посылал великому князю Симеону челобитные, в которых называл себя его «холопом Иванцом», резко подчеркивая свое удельное значение. Разумеется, великий князь Симеон только трепетал, получая эти уничиженные челобитные, в которых видна была злоба и ненависть царя к так называемой земщине.

Но как царю не удалось уехать из государства, так не удалось и обособиться окончательно от земщины. Как никак, опричнина все же была частью Московского государства, и притом царь в конце концов не мог отказаться от власти и в земщине. Поэтому, хотя у него в опричнине образовалась и своя дума, и свои приказы — Разряд, Большой Приход и др., набрано было и свое войско, тем не менее он продолжал править и в земщине. При таком условии случалось, что известные вопросы царь приказывал обсуждать всем боярам земским и из опричнины, и бояре «обои» ставили известное решение. Некоторые учреждения, как, например, приказы Посольский,

Челобитный и Ямской были общие у опричнины и земщины. Опричные полки сплошь и рядом отправлялись в поход вместе с земскими и т. д. С течением времени прямое значение опричнины как удела отошло на задний план, а на первый план выдвинулось производное, косвенное значение этого установления. Несомненно, что, учреждая опричнину, царь Иван Васильевич имел в виду не только размежеваться с боярством в управлении государством, но и получить в свое непосредственное распоряжение военные и финансовые средства для того, чтобы поднять свою силу, свое значение и взять решительный перевес над боярством, смирить его и прибрать к рукам. Этому именно назначению стала служить больше всего опричина. По выражению Ключевского, она стала институтом особой охраны царя и царства от крамольников, а опричный отряд корпусом жандармов и вместе экзекуционным органом по изменным делам. Рядовые опричники были простыми палачами, которые по указанию царя производили избиения массами, опустошали целые города и уезды. Но такие люди, как Малюта Скуратов или князь Афанасий Вяземский, в застенках Александровской слободы производили розыски по политическим доносам и по ночам в спальне у царя обдумывали с ним планы борьбы с его недругами.

Новые опалы и казни.

Учреждение опричнины по своему идейному началу, как мы видели, со стороны царя было признанием, своего рода санкцией, правительственного значения боярской думы, укрепленного деятельностью избранной рады. Но на деле, в своих конечных результатах, учреждение опричнины привело к торжеству абсолютизма, к разгрому боярства и падению его общественного и политического значения. Получив разрешение от духовенства и бояр класть опалы на виновных, наказывать их смертью и конфискацией имений, учредив целый отряд палачей, царь стал широко пользоваться данным ему разрешением. Объясняя этот факт, Ключевский говорит, что Иван действовал как не в меру испугавшийся человек, который, закрыв глаза, бил направо и налево, не разбирая своих и чужих; им овладело чувство страха, которому он всегда легко отдавался, инстинкт самосохранения. «За себя семи стал», — пишет он Курбскому, напоминая, как они, бояре, хотели посадить на царство Владимира, а его «и с детьми хотели извести». На наш взгляд, это чувство не вызвало новую тиранию, а только сделалось ее спутником. Новая тирания была вызвана чувством мести, злобой против боярства, которое спутывало царя по рукам, не давало ему воли и интересы государства ставило выше личных царских. Долго сдерживаемое чувство злобы шумно прорвалось наружу и за невозможностью погубить весь правящий класс стало обрушиваться на отдельных лиц этого класса. Но ведь известно, что сплошь и рядом люди, действующие по злобе и ненависти, подыскивают и приводят оправдания, которыми стараются заглушить совесть и очистить себя в глазах других. Так же поступал и Иван, раздувая подозрения относительно злоумышления бояр против его особы и семьи, говоря, что они хотели его самого извести и его сына-младенца, отняли у него его голубицу, царицу Анастасию и т. д. Поэтому, когда он писал Курбскому: «за себя семи стал», едва ли писал искренно, наивно, и потому не особенно приходится верить его словам. Читая рассказы современников о казнях Грозного, присутствуешь при какой-то оргии злобного неистовства. Царь буквально упивался людской кровью, мучимый жаждой злобы. Сидит, он, например, в палатке на Ливонском театре войны за обеденным столом и ведет беседу на исторические и политические темы со знатным литовским пленником, князем Полубенским. Входит слуга и докладывает, что привели ливонских пленников. «На кол!» — восклицает царь и бросается из палатки наслаждаться предстоящим зрелищем. Совершая злодеяния, царь не мог по временам

не думать о последствиях, не мог не трусить расплаты за них на том и на этом свете. Эта душевная тревога приводила его к усиленной молитве или отчаянию в своем спасении, а это чувство, в свою очередь, приводило царя в новым оргиям, к новым жестокостям. Отчаиваясь в спасении на том свете, царь стремился пожить хорошо, во все свое удовольствие, по крайней мере на этом свете, прежде чем низойти на вечные мучения в ад, а для этого пускал вовсю ширь и мочь террор... Такое психологическое объяснение, на наш взгляд, можно дать поступкам царя Ивана Васильевича, принимая к тому же во внимание, что это был, несомненно, больной человек, в пьянстве, необузданном разврате и жестокостях совершенно истрепавший свою нервную систему, близкий к сумасшествию, хотя и не сумасшедший в обыкновенном значении этого слова.

Перетасовка землевладения княжат и последствия этого факта.

При помощи опричнины царь Иван Васильевич не только разрешил ряды боярства, но и нанес удар общественному положению боярства, главным образом той его части, которую составляли княжата. Он взял в опричнину нарочно те местности государства, где еще существовало на старых удельных территориях землевладение княжат, потомков удельных князей, — ярославских, белозерских, ростовских, тверских Оболенских, Мосальских и др. Эти княжата большей частью, лишились своих вотчин, которые взяты были в опричнину, а взамен были наделены жалованными вотчинами. Царь таким образом сорвал княжат со старых мест и развеял по новым далеким и чуждым местам, где они не имели ни любви народной, ни влияния, ибо они не там родились и не были там известны. Так разделался Иван Грозный с опасными для царского абсолютизма пережитками удельной эпохи. Исчезли окончательно эти местные государи, имевшие свои воинства, крупные денежные и моральные средства, свой базис, свою опору в местных обществах. Английскому послу Флетчеру, посетившему Москву в 1588 году, рассказывали, что еще недавно были в Москве лица из древнего дворянства, которые владели по наследству различными областями с неограниченной властью и с правом судить и решать все дела в своих владениях без апелляции и даже не отдавая отчета царю. «Теперь при Федоре Ивановиче, — говорит Флетчер, — высшая знать, называемая удельными князьями, сравнена с остальной знатью; только лишь в сознании и чувстве народном сохраняет она некоторое значение и до сих пор пользуется внешним почетом в торжественных собраниях». От всей удельной стороны князья сохранили только свои прозвания по именам уделов; исчезли уделы Одоев и Шуя, но оставались родовые фамилии князей Одоевских и Шуйских. Но с понижением общественного положения князей необходимо должно было понизиться и их политическое значение в центре государства, а через это и политическое значение всего боярства, в котором они составляли самую влиятельную часть.

Объединение боярства.

Общественное, а следовательно, и политическое значение высшего московского боярства, помимо тирании Ивана Грозного, было подорвано и другими причинами, стоявшими в связи с политическим объединением Великой Руси. Одним из последствий этого объединения, как уже было указано выше, было установление обязательной службы с княжеских и боярских вотчин. Князья и знатные бояре обязаны были служить при дворе и в войске. Та и другая служба стала тяжела и разорительна. Московский государь окружил себя роскошью и пышностью сообразно с новым значением своим великорусского государя и православного царя. За ним должны были волей и неволей тянуться и его бояре. Мы видели, как косо смотрели при дворе на зеленую

мухояровую шубу князя Шуйского на старом куньем меху. Мы видели, как Шуйские, добравшись до царской казны, спешили понаделать себе дорогой утвари. Очевидно, что это уже требовалось придворной модой и этикетом высшего боярства. Но не все были в положении Шуйских относительно царской казны, и потому принуждены были шить дорогие собольи шубы и горлатные шапки, строить золотое платье, унизанное жемчугом и пуговицами из драгоценных камней на свой счет. С другой стороны, новообразовавшееся Московское государство втянулось в крупную международную борьбу на несколько фронтов, и князьям, и боярам приходилось теперь постоянно снаряжать своих слуг и самим снаряжаться на войну на собственных конях, с собственным вооружением и провиантом. Между тем вотчины их все более и более мельчали вследствие разделов. При таких обстоятельствах не удивительно, если князья и бояре все более и более разорялись и должали. Факт этот обнаруживается уже при отце Ивана Грозного Василии Ивановиче. От 1532 года сохранилось любопытное завещание богатого капиталиста Протопопова, раздававшего деньги в ссуду в большом количестве. Из этого завещания видно, что в числе должников Протопопова было много родовитых князей. Представитель одного из знатнейших княжеских родов князь Пенков-Ярославский был должен ему 120 рублей, князь Иван Михайлович Воротынский — 20 рублей, князья Кубенские, Василий и другие — от 120 до 7 руб. Князь Иван Мезецкий задолжал Протопопову 200 рублей; у него осталось от вотчины только полсела; он женился на дочери своего кредитора и жил во дворе тестя 13 лет, ел и пил у него и его подмогой снаряжался на войну. Случалось, что знатные князья для того, чтобы выехать на войну, закладывали платье своих жен. В 1547 году царь Иван Васильевич сосватал дочь князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского за боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского. Извещая об этом мать невесты, царь писал ей: «да сказывал нам брат твой Фома, что князь Александр, идучи на нашу службу, заложил платье твое все, и мы было велели платье твое выкупить, а брат твой Фома не ведает, у кого князь Александр то платье заложил; и мы тебя пожаловали, послали тебе от себя платье, в чем тебе ехать; и даст Бог приедешь в Москву и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велим выкупить».

Нужда заставляла князей и знатных бояр продавать и закладывать по частям свои вотчины. Покупщиками чаще всего являлись монастыри, у которых скапливались значительные денежные капиталы. Таким образом, например, князь Ухтомский в 1557 году продал Кириллову монастырю село с 17 деревнями и починками за 350 рублей и вола в придачу. Через три года тот же князь продал монастырю еще 4 своих деревни за 100 рублей с лишком. Около того же времени Кириллов монастырь купил у другого князя Ухтомского большую вотчину — село Никитино с деревнями, а затем в 1563 году дал ему 200 рублей под залог села Семеновского. Третий князь Ухтомский заложил в 300 рублях свою вотчину князю Пронскому. Но последний вынужден был перезаложить эту вотчину монастырю. В короткое время, 5-6 лет, перешла во владение Кириллова монастыря большая часть земель князей Ухтомских. В 60-х и 70-х годах XVI века перешло к Троице-Сергееву монастырю весьма много вотчин князей Стародубских, Ромодановских, Гагариных и других наследников земель прежнего удела Стародуба Рязановского.

Разорение княжеских и боярских родов, помимо тягостей придворной и военной службы, вызывалось и другими последствиями объединения Руси. Новообразовавшееся Московское государство, как известно, перешло в наступление на татар и стало отвоевывать у них плодородные земли на востоке и юге, в пределах Казанского царства и в диких полях. Занятие новых плодородных земель вызвало усиленный отлив земледельческого населения из центральных областей государства, где расположены

были вотчины князей и родовитых бояр. Поэтому и поземельные описи, сохранившиеся от второй половины XVI века, поражают обилием данных о пустошах, «что были деревни», о переложной пашне, поросшей лесом. Все это следы эмиграции населения.

Хозяйственное расстройство, обеднение и обнищание не только обессиливало материально княжье и родовитое московское боярство, но и удручающим образом действовало на его настроение и самочувствие. Князьям и боярам было не до высшей политики, когда приходилось думать о насущном хлебе, чем жить, на какие средства служить и т. д. Экономическая опора московской аристократии — крупное землевладение разрушилось, расстроилось. Естественно, что и аристократия эта сделалась политически немощной. Экономическим упадком объясняется отчасти и ревность, с какой она отстаивала свою родовую честь, свое отечество в местнических счетах. Известно, что разорившиеся аристократы особенно бывают щепетильны в делах фамильной чести, особенно бывают проникнуты генеалогической гордостью. Так было и с московской аристократией. Сравнявшись в большинстве по материальному положению с массой военно-служилого люда, эта аристократия тем более стала жить воспоминаниями прошлого, тем более стала дорожить своим отечеством. Но люди, у которых взоры обращены назад, а не вперед, редко когда выигрывают в жизненной борьбе, редко оказываются способными сообразоваться с новыми условиями и среди них надлежащим образом устраивать свое положение. Так случилось и с московским боярством, которое оказалось не в состоянии помешать торжеству монархического абсолютизма.

* * *

Пособия:

Д. И. Иловайский. История России. Т. 3. М., 1890.

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 2.

В. О. Ключевский. Боярская дума древней России. 4-е изд. М., 1909.

С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. 3-е изд. СПб., 1910.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО КЛАССА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

СОЦИАЛЬНОЙ базой образовавшейся великорусской монархии стал огромный военно-служилый класс, образовавшийся одновременно и в связи с объединением Великой Руси. При посредстве монархической власти этот класс подчинил себе огромную часть народной земледельческой массы и, в свою очередь, помогал ей держать в руках эту народную массу и править ею.

Военные потребности Московского государства.

Пока Русь была разбита на множество княжеств, в ней не отлагалось многочисленного военного класса. Князья для внешних и внутренних войн пользовались большей частью народными ополчениями. В летописях XIII-XV веков можно найти множество сообщений об участии в войнах москвичей, тверичей, рязанцев и т. д. При сравнительно небольших размерах княжеств вполне было возможно собирать и пускать в дело народные ополчения как для обороны, так и для нападения. Сами войны в XIII-XIV веков имели характер большей частью усобиц, мелких столкновений. Но уже не то стало, когда образовалось огромное Московское государство.

Соседями этого государства на западе сделались Швеция, Ливонский орден, Литовско-Русское государство, на юге и востоке — татары. Со всеми этими соседями молодое государство вступило в напряженную оборонительно-наступательную борьбу. Стремясь к присоединению Руси, находившейся под литовским владычеством, Московское государство вело почти непрерывную борьбу с Литвой и ее союзниками поляками при Иване III и Василии III. Война, начавшаяся в 1492 году, кончилась в 1494 году, но возобновилась в 1500 году и прекратилась в 1503 году. Но в 1507 году она уже началась вновь и продолжалась с некоторыми перерывами до 1536 года. Не менее естественное стремление к приобретению Балтийского побережья, как непосредственного выхода к морю, привело Московское государство к продолжительной и тяжелой Ливонской войне с Польшей и Литвой и Швецией при Грозном. Война, закончившаяся в 1582 и 1583 годах, возобновлялась и при Федоре Ивановиче. Ключевский высчитал, что в промежутке времени от 1492 до 1595 года войны с Литвой, Польшей, Ливонией и Швецией поглотили не менее 50 лет. Следовательно, на западе в означенные 103 года русские круглым счетом год воевали, год отдыхали.

Еще более непрерывную и изнурительную борьбу приходилось вести Московскому государству с татарами на необъятном степном пограничье. По рассказу Флетчера, война с татарами крымскими, нагаями и другими восточными инородцами бывала у Москвы каждый год. Особенно много беспокойств причиняли крымские татары. Самих крымцев по сообщению Михалона Литвина, было не более 30 тысяч конных ратников. Но к ним присоединялись многочисленные орды, кочевавшие в приазовских и прикаспийских степях, благодаря чему Москве приходилось иметь дело иногда с полчищами в 100 и более тысяч человек. Крымцы нападали на московские укрепленья часто не один, а два и более раз в году, обыкновенно около Троицына дня и во время жатвы. Лишь только начиналась весна в Крыму, татары, вооруженные луками, кривыми саблями, иногда пиками, на малорослых, но сильных и выносливых степных лошадях, питаясь пшеном и кониной, подвигались на север, по пробитым и хорошо изученным дорогам, или шляхам. Татары шли по водоразделам, избегая по возможности речных переправ, тщательно скрывая свое движение от московских степных

разъездов, прокрадываясь по лощинам и оврагам, не разводя по ночам огней, татары незаметно подступали к пределам русской оседлости. Углубившись внутрь этой оседлости на некоторое расстояние, татары разделялись на отдельные отряды и рассыпались по всему пограничью, кружась подобно диким гусям, по выражению Флетчера. Они нападали на села и деревни, хватали в плен людей, особенно девочек и мальчиков, сажали их в корзины, прикрепленные к спинам лошадей или прикручивали ремнями, хватали что поценнее из имущества и затем, запалив село или деревню, уносились с добычей в степь. Татары пользовались не только временем пахоты, но и временем уборки хлебов и повторяли свои набеги в июле-августе. Нередки были и зимние набеги, когда мороз облегчал переправу через реки и болота. Свой живой товар татары сбывали, главным образом, в Кафе, или Феодосии, откуда пленники увозились в Турцию и другие страны Востока.

Набор военно-служилого класса и общественные элементы, пошедшие на его образование.

При таких обстоятельствах, когда внешняя борьба стала постоянной, непрерывной, и притом на огромном пространстве, стало уже не мыслимо стягивать народные ополчения как в удельную эпоху, а требовалось организовать особый, удобоподвижный и достаточно многочисленный военный класс (враги выступали десятками тысяч и даже сотнями). Эта организация и началась в последней четверти XV века. В состав организуемого класса вошли все военно-служилые элементы, унаследованные от удельной эпохи. Таковы были прежде всего многочисленные потомки бояр, не достигшие положения своих предков, так называемые *дети боярские*. В военно-служилой иерархии они заняли на первых порах положение, непосредственно следующее за боярами, так что и государевы грамоты в начале XVI века писались: «бояром, детем боярским и всем служилым людям». За ними следовали различные дворовые слуги удельных князей, или *дворяне*. Дворовые слуги в удельную эпоху были не только у князей, но и у бояр. Московское правительство воспользовалось и этим элементом. «Как Бог поручил великому князю Ивану Васильевичу под его державу Новгород, — говорит Разрядная книга, — и по его государеву изволению распущены из княжеских дворов и из боярских служилые люди, и тут им имена, кто чей бывал, как их испоместил государев писец Дмитрий Китаев». В состав служилого класса Московского государства вошли и новгородские землевладельцы, так называемые *своеземцы* или *земцы*, т. е. горожане, обзаведшиеся вотчинами, земельными владениями вне городской черты, ведшие сельское хозяйство и имевшие своих крестьян. Военно-служилый, класс пополнялся и выходцами из-за рубежа. При Василии III вместе с князем Михаилом Львовичем Глинским выехала из Литвы толпа западно-русов, которые *испомещены* были в Муромском уезде и назывались «людьми Глинского» или литвой. К 1535 году, в правление Елены, выехало на службу государя Московского 300 семейств литвы с женами и детьми, которые *испомещены* были в разных уездах. Обильный прилив военных слуг был и с татарской стороны. Еще при Василии Темном приехал на службу в Москву казанский царевич Касим с отрядом татар. Касиму и его дружине был отдан Городец Мещерский с уездом, получивший после того имя Касимова. При Грозном были *испомещены* многие татарские мурзы около Романова на Волге. Многие из этих татар, став русскими помещиками, принимали крещение и затем сливались с русскими служилыми людьми.

Из всех этих элементов и создался класс конной милиции, который по своему основному ядру и получил имя *детей боярских*. С второй половины XVI века, когда началась колонизация степей и понадобилось для защиты украинских городов

увеличить еще более количество конной милиции, правительство стало пополнять этот класс и другими элементами. Таким образом, например, в 1585 году в Епифани было набрано из казаков 300 детей боярских и помещено в уезде этого города. К концу XVI века общая численность московского военно-служилого класса достигала, по сообщению Флетчера, до 80 тысяч человек, а по туземным свидетельствам — далеко превосходила эту цифру (до 400 тысяч человек).

Но одной конной милицией не ограничилась организация военно-служилого класса Московского государства. По известию Флетчера, кроме конницы, на службе Московского царя состояло 12 тысяч пехоты — стрельцов, из которых 5 тысяч находились в Москве, составляя ее постоянный гарнизон, 5 тысяч были расставлены по другим городам и 2 тысячи состояли при особе государя (стремянной полк). Этот род войска существовал уже при Иване Грозном. Кроме стрельцов, гарнизоны городов составляли пешие казаки, пищальники, воротники, кузнецы, плотники и разные другие служилые, люди по прибору, вербовавшиеся главным образом среди посадского населения.

Кроме своих, русских людей Московское правительство уже в XVI веке стало пользоваться услугами наемных иноземных войск. Наемных солдат при Флетчере было 4300 человек: 4 тысячи черкас, т. е. малороссийских казаков, 150 голландцев и шотландцев и смешанный отряд в 150 человек из греков, турок, датчан и шведов. Кроме иноземцев. Московское государство при случае пользовалось для войны отрядами инородцев — татар, черемис и мордвы.

Разделение военно-служилого класса на чины.

Выбрав из общества годные к военной службе элементы, правительство в конце концов сделало им разборку, поделило их на разряды или чины, смотря по их общественному положению и служебной годности. В 1550 году царь с боярами приговорили набрать тысячу лучших детей боярских из разных уездов государства и наделить их поместьями около Москвы, не далее 70 верст по радиусу. Из этих детей боярских вместе с знатными родами бояр и детей боярских московских предполагалось создать контингент лиц для постоянной службы в Москве и для исполнения всевозможных, преимущественно военных, правительственных поручений. Так создавался чин *московских дворян*, или служилых людей «московского списка», в противоположность *городовым* или провинциальным. Знатнейшие из этих дворян становились боярами, окольными, стольниками, стряпчими, отправляли приказные и придворные должности в центре государства. Другие служили в «начальных головах» вместе с провинциальными служилыми людьми, командовали уездными отрядами, стрельцами и т. д. По степени пригодности провинциальные служилые люди с течением времени были также разбиты на группы. В конце концов создалась целая иерархия чинов в недрах военно-служилого класса. Высшее место занимали чины думные: *бояре, окольные и думные дворяне*; среднее — чины московские: *стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы*, низшее — чины провинциальные: *дворяне выборные, дети боярские дворовые и дети боярские городовые*. Выборные дворяне были наиболее зажиточные и исправные по службе из детей боярских. Их вызывали на известный срок в Москву для службы при дворе; когда царь отправлялся в поход, они входили в состав его полка, служили младшими офицерами в уездных отрядах и т. д. Дворовые дети боярские выступали в дальние походы, а городовые служили на месте. В пределах этой иерархии совершалось известное движение, не для всех одинаковое. Люди знатных боярских родов начинали свою службу в московских дворянах и поднимались выше, жалюемые в стряпчие, стольники, окольные и бояре. Городовые дети боярские

переводились в дворовые, выборные дворяне и т. д., дослуживаясь до чина жильца или дворянина московского, редко выше.

Денежное жалование и поместья.

Все служилые люди получали денежное жалование. По свидетельствам Флетчера и Маржерета, бояре получали жалование от 500 до 1200 рублей, окольные от 200 до 400 руб., московские дворяне до 100 рублей, дети боярские от 4 до 30 рублей; стрельцы рублей по 7 и по 12 четвертей ржи и овса. Но не всем и не каждый год выдавалось денежное жалование, а лишь во время войны. Денежное жалование для большинства служилых людей было только подмогой для снаряжения на войну, т. е. для приобретения доброго коня и вооружения. Люди высших чинов, постоянно занятые службой, получали его ежегодно и сполна; дети боярские при Герберштейне получали его через два года на третий; по данным царского Судебника — через два года на третий и даже на четвертый. Главным средством для содержания военно-служилого класса сделалась земля. С объединением Руси в распоряжении Московского государя оказался огромный земельный фонд из черных и дворцовых земель прежних удельных княжеств и конфискованных частных владений. Из этого фонда Московский государь и стал раздавать участки служилым людям, без права отчуждения и передачи по наследству. Это испомещение служилых людей сделалось простым обеспечением обязательной службы и по существу своему отличалось от феодальной раздачи поместий в удельную эпоху. Поместье XVI века никоим образом нельзя приравнивать к феодальному лену удельного времени. Феодальный лен давался в условное владение по договору сеньора и вассала, который мог быть расторгнут по воле одной стороны. Московский служилый человек получал поместье сплошь и рядом по простому распоряжению правительства и не мог уже законным путем уклониться от службы и бросить свое поместье. Испомещение служилого люда приняло уже принудительный характер. Таким образом, великий князь Иван Васильевич, отобрав у новгородцев часть земель, послал в 1482 году на поместья многих детей боярских. В 1506 году по благословению митрополита Симеона, он «поймал за себя в Новгороде Великом церковные земли и владычни и монастырские и роздал детям боярским в поместья». ; С другой стороны, конфисковав имения у бояр новгородских, он перевел их в Москву и подавал им поместья под городом. Той же самой политики держались и преемники Ивана III. Царь Иван Васильевич, набирая тысячу лучших боярских детей из уездов, распорядился отвести им поместья около Москвы в количестве от 200 до 100 четвертей, не соображаясь с тем, хотели или не хотели они этого испомещения.

Итак, с объединением Руси вокруг Москвы и образованием Великорусского государства земля стала главным средством содержания военно-служилого класса. Разные чины этого класса получали неодинаковое обеспечение землей. По известию Маржерета, бояре получали от 1000 до 2000 четвертей земли, окольные и думные дворяне до 1200, московские дворяне от 500 до 1000, выборные дворяне до 500 и городовые дети боярские от 100 до 500 четвертей, «а в дву потому ж», т. е. до 750 десятин по нынешнему времени. Впрочем, здесь сообщаются размеры *окладов*, т. е. норм, которым не всегда соответствовали действительные *дачи*. Земли для раздачи в поместья не хватало уже во второй половине XVI века. В 60-х и 70-х годах довольно обычным было испомещение в половину оклада. Нельзя сказать, чтобы земли вообще не было. Земли было много, но мало было культурной, обработанной. Помещики отказывались брать необработанные земли, несмотря на то, что правительство давало им льготы в податях на 8 и на 10 лет и деньги на построение хором (по 2 рубля на каждые 100 четей). Помещики в большинстве не имели свободного времени и капитала

для того, чтобы заводить хозяйство на невозделанной земле, расчистить ее из-под леса, построить жилых помещений для крестьян и т. д. Поэтому, стремясь естественно к пополнению оклада, помещики следили за тем, где за смертью владельца освобождалось поместье, с тем чтобы немедленно подать челобитье о пожаловании им этого поместья в счет их оклада. На величину дачи, кроме недостатка свободных земель, влияло также и другое условие, именно — владел ли и в каких размерах служилый человек вотчиной.

Обязательная служба с вотчин и поместий и ее наследственность.

Мы видели, что уже до Ивана Грозного установилась обязательная служба с вотчин. При Иване Грозном в 1556 году служба с вотчин уравнена была в своих размерах со службой с поместий: вотчинники, как и помещики, обязаны были с каждых 100 четвертей земли в поле, «а в дву потому ж» выставить одного всадника в полном вооружении. Правительство стало одинаково стремиться к тому, чтобы земля из службы не выходила, все равно была ли она поместная или вотчинная. Таким образом, в 1556 году правительство, отметив, «что вельможи и всякие воины многими землями завладели, а службой оскудели», и что служба их не соответствует размерам их вотчин и поместий, распорядилось: «творя уравнение в поместьях землемерием, учинить каждому, что достойно, излишки же разделить неимущим», при этом обращено было внимание на вотчинные владения служилых людей, и не имеющим вотчин предполагалось давать большие поместья, чем лицам, у которых были вотчины. Такая практика установилась и в последующее время.

Обеспечиваемая землей военная служба стала обязательной наследственной повинностью служилого класса. Судебник 1550 года постановлял: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опрочь тех, которых государь от службы отставит». Следовательно, дети боярские по службе и рождению не могли уже располагать своей личной свободой. Грамота 1556 года содержит указание на то, что служилый человек должен был начинать свою службу с 15 лет и нести ее до смерти или до неспособности за старостью и увечьем.

Для приведения в известность всех годных или поспевших к военной службе служилых людей производились периодические смотры им, или разборы. Для этого из Москвы командировались в уезды особые лица, которые при помощи *окладчиков*, выбранных из местных служилых людей, определяли имущественную состоятельность и служебную годность служилых людей и составляли им списки. В разборные списки, или *десятни*, заносились сначала люди, уже состоявшие на государственной службе. О каждом таком человеке обозначалось, «каков он будет на государево службе конен и оружен и люден», или «что с кем на государево службе будет людей, и коней, и доспехов, и всякого служебного наряду», «кто каков отечеством и службой, и кому кто в версту, и в которую статью кто с кем поместным окладом и денежным жалованием пригодится, и кому мочно вперед государева служба служить, и на государевы службы приезжают на срок ли и с государевы службы до отпуску не съезжают ли, и которые к службам ленивы за бедностью, и которые ленивы не за бедностью». После внесения в десятни старых служилых людей вносились «новики», которые только что начали службу или только еще «поспели» к ней, вышли из «недорослей». Их верстали поместными окладами или «в припуск», или «в отвод», т. е. они должны были отбывать военную службу с отцовского поместья, если это были дети многоземельных служилых людей, или же получали самостоятельный оклад.

Наследственная обязанность военной службы уже в XVI веке стала приводить фактически и к наследственному владению поместьями. Еще от 1532 года сохранилась

духовная грамота, в которой завещатель просит душеприказчиков ходатайствовать о передаче его поместья его жене и сыну, а по одной духовной 1547 года братья-наследники наравне с вотчиной отца должны были поделить между собой и его поместье. Когда умирал служилый человек, его поместье стали оставлять за недорослями-сиротами, если не было неверстаного взрослого сына; если же таковой был, то ему вместе с отцовским поместьем передавалось и попечение о младших братьях и сестрах. Из поместья выделялись известные доли на прожиток вдове и дочерям, вдове до смерти или до вторичного замужества, дочери до 15 лет, когда она должна была выйти замуж. Если к тому сроку находился у девицы жених из служилых людей, она могла справиться за ним свой прожиток. Закон 1550 года, испомещая под Москвой известную тысячу служилых людей, установил как правило переход подмосковного поместья от отца к сыну, годному к службе.

С установлением обязательной службы с вотчин и вотчинное землевладение стало таким же средством содержания военно-служилого класса, как и поместное. Вследствие этого государство не могло оставить это землевладение на произвол судьбы, без своей охраны и опеки. Судебник 1550 года санкционировал и урегулировал право выкупа родичами их родовых вотчин, предоставив это право тем из них, которые не были при сделке и не подписывались в купчей в качестве свидетелей-послухов. Для удержания вотчин в руках родичей судебник облегчал им возможность выкупа. Было определено, что заимодавцы при выкупе могут требовать только действительную стоимость вотчин; а кто из них дал займы денег больше той цены, и у того деньги пропали. Забота об обеспечении военно-служилого класса земель заставила Московское правительство уже в самом начале XVI века поднять вопрос о церковных земельных имуществах.

Успехи церковного землевладения.

Уже в удельную эпоху церковное, в частности монастырское, землевладение достигло огромных размеров. Монастыри, возникавшие в XIII-XV веках, были своеобразными землевладельческо-промысловыми колониями, которые устраивались на незанятых землях (пустыни), разрабатывали их, заводили на них хозяйство и получали от территориальных государей подтверждения на занятые земли. Сначала на этих землях трудились сами отшельники-пустынножители, монахи. Но затем, когда монастырь возрастал, к монахам присоединялись различные монастырские служки, а затем уже на земли монастыря рядились и селились крестьяне. Различные льготы, предоставлявшиеся монастырским именьям в отношении податей и повинностей и подсудности, меньшая требовательность монастырей-землевладельцев в отношении крестьян, привлекали на их земли огромное население. Некоторые из монастырей с самого основания являлись владельцами населенных имений, именно те монастыри, которые основывались князьями, боярами, богатыми купцами и наделялись ими именьями. Первоначальные заимки и получки монастырей с течением времени расширялись разнообразными способами. Монастыри выпрашивали себе близлежащие луга и пустоши, покупали у соседних владельцев, когда представлялась тому возможность. Еще более обильным источником земельного обогащения были вклады в монастыри по душе, т. е. для обеспечения вечного поминовения вкладчиков и всего их рода. Монастырские земельные имущества расширялись также и записями при пострижении. Пострижение в монашество в старости практиковалось в широких размерах в Древней Руси, причем землевладельцы записывали в монастырь часть своих имений, а иногда и целиком, как бы в обеспечение своего пожизненного содержания в монастыре. Иногда землевладельцы заключали с монастырем своего рода договор,

заранее назначали земельный вклад в монастырь, еще задолго до своего действительного пострижения, выговаривая себе; «а похочу яз постричись, и игумену меня постричь за тем же вкладом». Вклад при пострижении считался тем более обязательным, что по смерти вкладчика он превращался в поминальный. В тех случаях, когда у вкладчиков не было земли, они или сами покупали землю для монастырей, или делали в монастыри денежные взносы, на которые монахи покупали земли. Вклад делался для обеспечения вечного поминовения, чтобы «душа его во веки беспамятна не была». Деньги могли быть израсходованы, тогда как монастырская земля была не отчуждаема и должна была постоянно напоминать о вкладчике. Много земель попадало во владение монастырей и путем чисто гражданских сделок. Монастыри были капиталистами, у которых окрестные военно-служилые люди занимали деньги под заклад своих вотчин. При невыкупе в срок или отказе от уплаты долга вотчины переходили во владение монастырю. Такими разнообразными путями служилые вотчины, бывшие подспорьем поместий, уходили из служилых рук в монастыри.

Литературная полемика по вопросу о церковных имуществах.

Развитие монастырского землевладения не только подкапывало источник государственных средств для содержания военных сил, но в конце концов стало разрушать и само иноческое житие. Монастыри из убежищ людей, искавших спасения души, стали превращаться в убежища праздной и сытой жизни. Монахи вместо богомыслия стали погрязать в мирской суете, в беспрестанных заботах и хлопотах по управлению монастырскими вотчинами, по обширному монастырскому хозяйству. Не удивительно поэтому, если не только среди мирян, но и в среде самого духовенства в конце концов зародилось сомнение в праве и пользе для монастырей владения именьями. Уже митрополит Киприан на вопрос одного игумена, что ему делать с селом, которое ему дал князь на его монастырь, отвечал: «святые отцы не предали инокам владеть людьми и селами, когда чернецы будут владеть селами и обяжутся мирскими попечениями, чем они будут отличаться от мирян?» Но особенно восстали против монастырского землевладения преп. Нил Сорский, поборник строгого аскетизма, пропагандист скитского жития, и его учитель Паисий Ярославов.

На соборе 1503 года, созванном для суда над жидовствующими и устранения разных церковных не порядков, преп. Нил, поддерживаемый Паисием и другими заволжскими старцами, выступил с решительным осуждением монахов, кружащихся ради стяжаний и сделавших жизнь монашескую, некогда превозделенную, «мерзостной». Он стал умолять великого князя, чтобы у монастырей сел не было, «а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукодельем». Но против него выступил игумен Волоцкого монастыря Иосиф Санин. Он указал на примеры Феодосия Великого, Афанасия Афонского, Феодосия и Антония Печерских и на другие примеры, из которых видно, что древние святые отцы владели селами, а затем поставил на вид следующее соображение: «аще у монастырей сел не будет, как честному и благородному человеку постричись? И аще не будет честных старцев, отколе взяти на митрополию или архиепископа, или епископа и на всякия честныя власти? А коли не будет честных старцев и благородных, ино вере будет поколебание». Великий князь Иван Васильевич очень сочувствовал идее отобрания от монастырей имений, столь нужных ему для наделения служилых людей поместьями. Как уже было сказано, при завоевании Новгорода он отобрал у новгородского владыки и монастырей значительную часть их имуществ. Но собор принял сторону Иосифа и отвечал великому князю, что по установлению святых отцов и равноапостольных христоролюбивых царей и всех святых священных соборов как в греческих, так и в русских странах издавна и доньше «святители и монастыри

земли держали и держат, а отдавати их не смеют и не благоволят, понеже вся таковая стяжания церковная — Божия суть стяжания, возложена и нареченна и данна Богу и не продаема, ни отдаема, ни емлема никим в веки века и нерушима быти и соблюдатися». Великому князю пришлось покориться. Но вопрос о церковных имуществах не сошел с очереди. Ученик преп. Нила старец Вассиан, в миру князь Василий Иванович Патрикеев, сделавшись приближенным Василия III, настоятельнейшим образом внушал великому князю и проповедовал среди бояр, что у монастырей для их собственного блага и для возвращения монашеской жизни в ее первоначальное совершенство должны быть отобраны вотчины. Вассиан написал три небольших трактата против монастырского землевладения. Иноческая жизнь, доказывал он, есть всецелое отречение от мира; приобретение монахами недвижимых имений есть нарушение ими евангельской заповеди о совершенной нестяжателности. Обладание недвижимыми именьями заражает монахов страстью сребролюбия, а сребролюбие по апостолу корень всему злему, как это и видно на монахах-стяжателях. Они беспрестанно объезжают города, чтобы со всевозможным ласкательством и раболепством выпрашивать у богатых людей села и деревни; в лице своих крестьян они обидят, грабят и бичом истязают без милости христиан — своих братии; лихоимствуя по-язычески, они отдают в рост за огромные проценты свои деньги и без всякого милосердия и пощады взыскивают эти деньги; они таскаются по судам, чтобы взыскивать деньги или чтобы судиться с соседями о границах своих сел и деревень. Древние святые отцы как греческие, так и русские сел у монастырей не держали, но жили по евангелию без имений; если кто давал им села, то не брали. Принятие монахами вотчин от князей было с их стороны нарушением заповедей евангельских, апостольских и отеческих. Благочестивые князья, жалую вотчины в монастыри, хотели, чтобы монахи всецело предавались молитве и безмолвию, а избытки доходов употребляли на благотворения нуждающимся. Но монахи обратили все это в посмех, употребляют доходы с вотчин единственно на тучное питание самих себя и не только не благотворят нуждающимся, но и всячески угнетают крестьян, живущих в их отчинах. Вассиана поддерживал в походе против монастырских вотчин и приехавший в то время в Москву знаменитый Максим Грек, написавший трактат под заглавием: «Стязание об известном иноческом жительстве, лица же стязающихся Филоктимон да Акимон, сиречь любостязательный да нестяжательный». Повторяя все доводы Вассиана, Максим Грек допускал для монахов, кроме личного труда, сбор милостыни.

Соборные определения о церковных имуществах.

Практическим результатом всего этого похода против монастырского землевладения была не секуляризация церковных имуществ, а только ряд мер, полагавших пределы дальнейшему развитию монастырского землевладения. По окончании церковного собора 1551 года царь Иван Васильевич издал указ, коим запрещал монастырям и архиереям покупать вотчины у князей, бояр, дворян и детей боярских и брать их по душе безденежно без доклада государю в каждом отдельном случае и предписывал возвратить прежним владельцам поместья и черные земли, которыми архиереи и монастыри насильно завладели за долги, или которые неправильно записаны за ними описчиками земель. Указ предписывал отобрать у монастырей и архиереев те именья, которые надавали им бояре в малолетство царя и которые были ими куплены или получены в дар в нарушение уложения великого князя Василия Ивановича. В 1572 году запрещено было делать земельные вклады в богатые обители. Если бы какая-нибудь вотчина вопреки этому запрещению была отписана на монастырь, предписывалось такую вотчину не записывать в Поместной избе, а отдавать ее роду и племени —

служилым людям, чтобы «в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила»; а если кто даст вотчину малому монастырю, у которого земли немного, такую вотчину записывать за монастырем, «доложа государя, а без доклада не записывать и без боярского приговора». Наконец, в 1580 году духовный собор, по предложению правительства, постановил, что духовенство на будущее время должно «земель не покупать, не брать в залог и не прибавляти некоторыми делы», а вотчинники должны не только не продавать в монастыри вотчин, но и не давать их безденежно по душам; в случае же если вотчинники нарушат это постановление и завещают земли монастырю, то родственники их как ближние, так и дальние имеют неограниченное право выкупа вотчины; если же родственников не окажется, тогда вотчина отбирается в казну, откуда за нее выдаются деньги.

Изменение положения крестьян в связи с развитием военно-служилого землевладения.

Развитие служилого землевладения сопровождалось огромными последствиями для крестьянской земледельческой массы. Прежде всего оно ограничило и сократило поле самостоятельного приложения земледельческого труда. Раздача годных для земледельческой культуры земель сокращала возможность крестьянских заимок, практиковавшихся в древнее время в самых широких размерах. Свободному земледельцу волей-неволей приходилось садиться на занятую уже землю и рядиться во крестьяне. Бывали случаи, когда правительство раздавало в поместья и вотчины земли, уже занятые и разработанные крестьянами. Таким образом, развитие поместного и вотчинного землевладения приводило к обезземелению крестьянской массы и ее подчинению землевладельцам. Косвенным образом это отражалось и на положении самостоятельного крестьянства, жившего на государственных землях, так называемых черных крестьян. Обыкновенно за каждым самостоятельным хозяином-тяглецом, который записан был в книги и отвечал за податную исправность своего двора, жили, кроме его детей, неотделенные братья, племянники, а также и чужие люди — захребетники, суседи и подсосудки, люди «нетяглые и неписьменные». Таких людей и стали перезывать на свои земли помещики и вотчинники, соблазняя их перспективой заведения с их помощью самостоятельного хозяйства. Таким образом, развитие служилого землевладения вело к разрежению крестьянских дворов на казенных, черных и дворцовых землях. Косвенным образом развитие военно-служилого землевладения парализовало у нас и развитие города-посада. Оно сообщало одностороннее направление народному труду, увлекая на землю, в вотчины и поместья, рабочие руки, которые без того стали бы искать себе приложения в промышленности и торговле. Увлекая самих служилых людей из городов в их деревни, поместная система лишала городскую промышленность и торговлю главных потребителей и покупателей. Служилые люди, обживаясь в своих поместьях и вотчинах, старались завести своих собственных дворовых ремесленников, все необходимое иметь дома, не обращаясь в город. В конце концов все это тормозило торгово-промышленное развитие страны и сообщало односторонний земледельческий характер русскому народу.

* * *

Пособия:

- Н. П. Павлов-Сильванский.* Государевы служилые люди. 2-е изд. СПб., 1909.
С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.
В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Т. 1.
Е. Е. Голубинский. История русской Церкви. Т. 2. Полтом 1. М., 1900.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ОРГАНИЗАЦИИ ТЯГЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI ВЕКЕ

ОБЪЕДИНЕНИЕ северо-восточной Руси в Московском государстве отразилось и непосредственно на положении трудового населения, как посадских людей, так и крестьян.

Сосредоточение торговли на посадах.

Посадскими людьми назывались жители торгово-промышленных селений, возникавших около городов или укрепленных пунктов и самостоятельно, в некоторых наиболее бойких пунктах, на сплавных реках, на перекрестках торговых дорог. До поры до времени торговля и промышленность свободно разливались по стране, исключительно в зависимости от собственных экономических условий. Но когда образовалось Московское государство, то и свободному распределению торговых и промышленных занятий по стране стали ставиться преграды в чисто фискальных целях. Все акты торгового оборота были обложены различными сборами в пользу казны. Чтобы следить удобнее за всеми торговыми сделками, правительство и стало издавать распоряжения о сосредоточении торговли в определенных пунктах, городах или посадах. Еще Иван III в уставной Белозерской грамоте 1488 года предписывал «всем приезжим из иных земель и иных монастырей торговати на Белеозере в городе житом и всяким товаром, а за озеро им всем торговати не ездити. А по волостям и монастырям не торговати житом и всяким товаром, опричь одное волости Углы; а на Угле быти торгу по старине». Исключение из этого правила было допущено только для белозерцев посадских людей, которым разрешено «за озеро ездити и торговати по старине».

Когда в 1539 году новоторжские таможенники донесли, что в Новоторжском уезде тутошние и приезжие люди торгуют беспощинно по многим селам, правительство предписало: «однолично бы во всем Новоторжском уезде не торговал никто ничем, опричь Торжку посаду и села Медны». Когда выяснялась необходимость в допущении торговли в каком-нибудь новом пункте, издавалась специальная грамота. Таким образом, например, в 1592 году разрешено было в селах Чаронде и Коротком «установити торг и торговати по вся дни, как и в иных городех».

Посадские люди и их разряды.

Это сосредоточение торговли в известных пунктах было первым шагом к отделению от остального тяглого населения, населения посадов. Посадские люди не составляли однородной группы. Среди них было немало пахотных людей, которые занимались собственно крестьянским делом, имели около посада земли и угодья, а на посаде только приторговывали или занимались каким-нибудь ремеслом в подспорье земледелию. Были затем торговцы и ремесленники во специальности и, наконец, были крупные торговцы, которые вели значительную оптовую торговлю с другими городами и за границей. Памятники XIV-XV веков упоминают о гостях сурожанах и суконниках. Сурожанами назывались купцы, которые вели торговлю с Сурожем; т. е. Судак в Крыму, по Дону и Сурожскому (Азовскому) морю. Суконниками назывались купцы, которые вели торговлю с западом, главной ввозной статьей которой было сукно (ипское и фламское). Сурожане и суконники уже в удельное время занимали видное

общественное положение. Князья занимали у них деньги, выводили их на войну, обязывались в договорах блюсти их «с одного», в службу их не переманивать и т. д. Московское правительство стало пользоваться их услугами для финансового управления. Их стали назначать в качестве присяжных сборщиков и счетчиков в таможи, над кабаками, у соболиной казны и т. д. Из них стали вербоваться так называемые верные головы таможенные, кабацкие, соляные и т. д. Все эти разряды посадского населения нашли себе и разную оценку в судебнике. «А гостям большим бесчестья 50 рублей; а торговым людям и посадским людям всем середним бесчестья пять рублей... А черному городскому человеку бесчестия рубль». К самому концу XVI века высшее купечество стало уже делиться на три чина или разряда: гости, гостиная сотня и суконная сотня. В эти чины государь стал жаловать торговых людей, смотря по их капиталам и служебной годности. В звание гостя стали возводиться самые крупные капиталисты-торговцы, которым поручались и самые важные ответственные посты по сбору пошлин; в гостиную и суконную сотню зачислялись те, которых можно было назначать в товарищи к гостям, целовальниками. Все эти служебные чины торговых людей стали пополняться периодическими наборами из среды лучших торговых людей по Москве и городам.

Начало прикрепления посадских к своему тяглу.

Гости, гостиная и суконная сотни составляли только верхи торгово-промышленного класса. Главную массу его составляли, конечно, черные посадские люди, отбывавшие повинности со своих торгов и промыслов по мирской раскладке. Уже в XVI веке правительство стало принимать разные меры к прикреплению посадских людей к своему посадскому тяглу. Судебник постановлял: «а торговым людям городским в монастырях не жити, а жити им в городских дворах; а которые люди учнут жити в монастырях, и тех с монастырей сводити». Посадские люди с целью уклонения от посадских повинностей чаще всего уходили в архиерейские и монастырские слободки, устроенные в тех же посадах и пользовавшиеся разными льготами в отношении податей и повинностей.

Иван Грозный на соборе 1551 года указал, что от этих слобод «государская подать и земьская тягль изгибла» и предложил применить к этим слободам старые указы его деда и отца. Собор в своих постановлениях подтвердил недавний приговор 1550 года, по которому было предписано «слободам всем новым тянута з грацкими людьми во всякое тягло и з судом». Сверх того собор установил: «новых бы слобод не ставити и дворов многих в старых слободах не прибавливати», кроме случаев выселения на новые дворы отделившихся членов семьи: «а опричным прихожим людям градским и сельским в тех старых слободах новых дворов не ставити»; только в опустевшие старые дворы разрешено называть сельских и городских тяглых людей.

Таковыми мерами полагалось начало прикрепления к тяглу и обособлению посадского населения от уездного крестьянства. Закрепительная тенденция с еще большей силой проявилась в жизни сельского крестьянства.

Крестьяне-старожилы и порядчики.

В Московском государстве на землях государственных, или черных, дворцовых, монастырских и частновладельческих было две категории крестьян. Одну из них составляли крестьяне, крепко усевшиеся на местах, издавна жившие в данных селах и деревнях, старожилы. Эти крестьяне в черных волостях назывались также *тяглыми*, *письменными* или *численными*. Владея земельными участками в данном селе или волости, эти крестьяне платили с них подати, т. е. дань и оброк, и несли повинности

целым селом или волостью сообща, по разрубам или разметам, которые производил выборный *староста* или *сотский* с мирскими *окладчиками*, или *целовальниками*. Во владельческих волостях или селах раскладки эти производились с участием представителя владельца — приказчика или монастырского посольского старосты. Другую категорию крестьян составляли перехожие крестьяне, снимавшие свободные участки либо у черной или дворцовой волости, либо у монастыря и боярина. При съемке земли они заключали порядные, в которых прежде всего обозначалось, в какой волости или в чьем именье поселялся порядчик и на каком участке, каково отношение этого участка к платежу податей и несению повинностей, т. е. будет ли это целая обжа или выть, или половина, четверть и т. д. «Обжей» называлась раскладочная единица в уездах, входивших прежде в состав Новгородских земель; в Суздальском крае раскладочная единица называлась «вытью». Принимая участок, крестьянин обязывался «меж не спустити», т. е. держать его в определившихся уже границах, «орати и сеяти, и пары парити, и сено косити, и огороды у поля и пожень ставити, и гной (навоз) на землю возити, и земли не запустошити (пашни не запереложити)». Во всех порядных имелись условия относительно усадебных построек. Они могли быть уже налицо в крестьянском селении и в таком случае иногда подробно перечислялись, например, так: «хоромов на той деревни изба, да две клетки, да хлев, да мыльня». Такие старые постройки крестьянин обязывался чинить и крыть. Если же съемщик садился на пустоши, где не было хором или было недостаточно, он должен был выстроить новые хоромы в условленном количестве и размерах. Крестьянин обязывался жить тихо и смирно, корчмы не держать и никаким воровством не воровать. В случае неисполнения обязательств крестьянин обязан был заплатить *заставу*, или неустойку. Ввиду этого и при заключении порядной он должен был представить за себя поруку в том, что не сбежит, но будет жить в таком-то селе или деревне «во крестьянех», землю пахать и двор строить, новые хоромы рубить и старые чинить. Срок аренды в порядных определялся различный, от 1 года до 6 лет. Крестьянин обязывался в эти урочные годы «с той деревни (или выти) государевы подати, дань и оброк, и служба и всякие становые разruby с хрестьяны такого-то стану или волости платити».

В пользу владельца порядчики обязывались платить оброк большей частью натурой — рожью, пшеницей, ячменем и овсом, по условию, такое-то количество коробей или четвертей, или такую-то долю урожая. Иногда этот натуральный оброк перелagался на деньги. С ним соединялся мелкий доход курами, яйцами, маслом, рыбой, ягодами, грибами и т. д. Помимо оброка в пользу землевладельцев, крестьяне обязывались еще отбывать на них разные барщинные повинности, которые назывались «издельем, боярским делом, помещицким делом» и т. д. Изделье было оплатой процентов по ссуде или подмоге, которую получал крестьянин от землевладельца на первое обзаведение.

И та и другая категории крестьян в XI веке стали терять свою свободу.

Прикрепление к тяглу крестьян-старожильцев.

Уже в удельное время, как сказано выше, князья уговаривались между собой не перезывать и не принимать друг от друга людей, которые «потягли к сотцкому», тяглых или письменных, но «блюсти их всем с одного». Точно также еще в удельное время князья запрещали переход из черных, т. е. государственных, волостей в частные вотчины. Так, например, Углицкий князь Андрей Васильевич, пожаловав именье Покровскому монастырю, написал в жалованной грамоте: «а тяглых людей моих письменных и вытных в ту слободку не приимати». Эти тяглые люди, владея земельными участками в пределах черной волости, платили с них подати и несли разнообразные государственные повинности, между прочим — татарскую дань, целой

волостью, за круговой порукой, Вследствие этого и лица, которые покупали у черных людей земли, должны были тянуть вместе с черными людьми или же, при нежелании, отступаться от своих земель. Вследствие этого же черная волость, в случае запустения участка или выти, старалась подыскивать тяглеца или отдавала землю на оброк, т. е. за плату в пользу волости, и, наконец, вследствие этого же волость со своей стороны должна была стремиться к тому, чтобы не выпускать из себя тяглецов. Это стремление должно было особенно усилиться с конца XV века, с образованием Московского государства. Началась, как сказано, усиленная раздача поместий служилым людям. Последние стали созывать на свои поместья крестьян, заманивая их подмогой и ссудой на обзаведение и различными льготами. Все это должно было вызвать усиленный отлив крестьян из черных волостей. Но это было невыгодно как для казны, так и для самих черных крестьян. Поэтому устанавливается правило, что черные крестьяне-старожилы, издавна владеющие своими вытями и тянущие тягло, не могут покидать своих участков, не поставив вместо себя тяглецов. В половине XVI века крестьяне-старожилы во всех черных волостях являются прикрепленными к своему тяглу, и в уставной, например, Важской грамоте 1552 года читаем: «старых им тяглецов крестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно и беспошлинно». Этот закрепительный процесс охватил наряду с черными крестьянами и двorcовых, которые всегда стояли близко к черным.

С увеличением государственной территории и ростом поместного землевладения, опасность лишиться крестьян, а с ними и дохода, стала угрожать и церковным именьям, и вотчинам князей, бояр и других служилых людей. Владельцы стали принимать против этого меры. Прежде всего они стали выхлопывать у правительства специальные грамоты о невыпуске крестьян, грамоты, гласившие обыкновенно: «а которые люди живут в их селах и нынече, и яз, князь великий, не велел тех людей пущати прочь». Такие распоряжения правительство стало делать относительно крестьян-старожильцев в церковных и частных именьях. Раз оно прикрепляло к тяглу своих старожильцев крестьян, то элементарная справедливость требовала того же самого и относительно церковных и частновладельческих крестьян, и, вероятно, на этом и основывали свои домогательства в отношении крестьян частные владельцы и церковные учреждения. Кроме того, сплошь и рядом правительство прямо заинтересовано было в прикреплении крестьян к тяглу в частных или церковных именьях. Ведь эти крестьяне не только платили оброк своим владельцам и служили им своим «издельем», т. е. барщинным трудом, но платили подати в казну и отправляли различные государственные повинности. Естественно, что в интересах исправного поступления податей и отправления государственных повинностей правительство должно было заботиться о полноте крестьянских общин в церковных и частных именьях, как и в своих доменах.

Наконец, не нужно забывать и того, что крестьяне своим трудом содержали вотчинника, который в XVI веке обложен был военной повинностью. Значит, и с этой стороны правительство заинтересовано было в сохранении крестьян его именья. Мы видели уже, какие меры оно принимало для удержания вотчин в руках служилых людей. Прикрепление крестьян в этих вотчинах было только дополнительной мерой, частным проявлением общей покровительственной политики правительства в отношении к вотчинам.

Прикрепление крестьян переходных.

Другим путем совершалось прикрепление крестьян переходных, обрабатывавших свои участки по договору с волостью или владельцами, а также безытных,

обрабатывавших земли по частным условиям с отдельными тяглецами, их подсосудков, половников, казаков, а также бобылей, занимавших дворы, но не пахотные участки. Эти категории крестьян *de jure* могли свободно уходить из волостей и частновладельческих вотчин. К ним относились и все крестьяне, не записанные в тягло, братья, племянники и другие родственники тяглецов. Относительно крестьян, бравших тягло по условию с волостью или владельцем, судебники установили только правило, чтобы отказ их и уход из волости или села совершался один раз в году, и притом по уплате *пожилого*, т. е. квартирной платы. «А христианам отказываться из волости и из села в село, — гласил судебник Ивана III, — один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и за неделю после Юрьева дня осеннего; дворы пожилые платят в полах за двор рубль, а в лесех полтина». Судебник Ивана IV повторил эту статью и только увеличил размер пошлин на 4 алтына, 2 алтына за пожилое и 2 алтына за повоз. Существенной частью в статьях судебныхников является определение платы за пожилое. Здесь судебники, по-видимому, только санкционировали и регулировали практику жизни. Но нельзя не признать, что плата эта по тогдашним ценам довольно высока, и могла, следовательно, удерживать крестьянина на месте. По исследованиям Ключевского, рубль 1500 года имел покупательную силу, в 100 раз превосходящую силу нынешнего рубля, равную 100 нынешним рублям; рубль первой половины XVI века — 63-83 нынешним рублям, второй половины — 60-74 нынешним рублям.

Не столько правительство, сколько сами землевладельцы, старались подольше удерживать за собой крестьян и исподволь превращать их в старожильцев, не имеющих права перехода. Обстоятельства благоприятствовали этим стремлениям. Перехожие крестьяне в силу своего положения в большинстве случаев не имели капитала, с которым могли приняться за хозяйство на новом месте, куда переходили. Они устраивались на новом месте обыкновенно только при помощи подмоги или ссуды от землевладельцев, которую получали деньгами, семенами, скотом, сельскохозяйственными орудиями. Такие крестьяне, называвшиеся *серебряниками*, обыкновенно рядились в крестьянство бессрочно, обязываясь при выходе выплатить ссуду. Но при размерах этой ссуды, в 2-3 рубля, при тяжести платежей в пользу государства и оброка в пользу землевладельцев, масса этих серебряников фактически не могла исполнить своих обязательств и выйти добровольно от своих владельцев. Этими ссудами землевладельцы фактически и стали укреплять за собой своих крестьян. Но крестьяне, со своей стороны, стали обходить это препятствие тем, что поряжались во крестьянство к другим владельцам с тем, чтобы они уплачивали их серебро, их долги прежним владельцам. Переход крестьян стал благодаря этому превращаться на практике в перевоз их. Факт этот обнаруживается по источникам уже в XV веке. «И вы бы, — пишет Белозерский князь Михаил Андреевич в 1450 году своим боярам, детям боярским и слугам, — Серебренников и половников, и слободных людей не о Юрьеве дни не отказывали, а отказывали серебряника и половинка о Юрьеве дни, да и серебро заплатить». Во второй половине XVI века вывоз крестьян был уже господствующим явлением. По писцовой книге тверских владений князя Симеона Бекбулатовича 1580 г, из 2217 крестьян за пять предшествующих лет ушло 305 человек, т. е. из каждых семи человек один (14%). Из них только 53 человека, т. е. 17% из всех ушедших, могли рассчитаться с хозяином и уйти самостоятельно, а большая часть — 188 человек (62%) были вывезены владельцами; остальные ушли без правильного отказа, т. е. выбежали.

Указ 1597 года и его смысл.

Во второй половине XVI века, когда центральные области государства пустели, между землевладельцами должна была обостриться борьба за крестьян. Многие

вотчинники и помещики всячески старались не выпускать от себя крестьян. В 1555 году черные общины Псковской земли жаловались царю, что дети боярские псковские «крестьян из-за себя не выпускают, а поймав де их мучат и грабят, и в железа куют, и пожилые с них емлют не по судебнику, рублей по 5 или 10». Но чаще всего владельцы стали указывать, что эти крестьяне — их старожилы, много лет за ними живущие, а потому не имеющие права перехода. Когда тем не менее такие крестьяне уходили к новому владельцу, прежний старался воротить их как беглых судом, предъявляя на них крепости, т. е. различные документы, доказывающие их старожилство. Новые владельцы со своей стороны всячески старались опровергать это. Тяжбы о беглых плодились все больше и больше и задавили судебные учреждения непомерной работой. Это обстоятельство и заставило правительство издать известный указ 1597 года, коим запрещалось возбуждать иски о возвращении крестьян, бежавших за пять лет до этого указа: «на тех беглых крестьян, в их побеге и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, суда не давать и назад их, где кто жил, не вывозити». На этот указ обыкновенно указывали прежде, да и недавно (например, профессор В. И. Сергеевич), как на свидетельство того, что в 1592 году крестьяне были прикреплены к своим владельцам по закону. Но этому мнению противоречат как факты, так и позднейшие узаконения начала XVII века. Законный перевоз крестьян продолжался по-прежнему, так что в 1601 году правительство Годунова в интересах большинства военно-служилого люда в виде временной меры на один год должно было воспретить особым указом богатым землевладельцам — боярам, окольным, большим дворянам, духовенству вывозить крестьян в свои земли. В Московский уезд, в котором владели поместьями почти исключительно служащие высших чинов, запрещено было вообще перевозить крестьян из других уездов, московским помещикам запрещено было и между собой крестьян «отказывать и возити». Всем же остальным — провинциальным помещикам, дворянам и детям боярским — разрешено было переводить крестьян, но с тем условием, чтобы с земель одного какого-либо помещика другой не переводил более двух крестьян. Но ограничивая перевоз, правительство в то же время подтверждало право крестьянского перехода, требуя, чтобы землевладельцы не удерживали насильно своих крестьян, «от налога и продаж давали им выход». При распространении указа 1601 года на 1602 год правительство настоятельно требовало, чтобы помещики «крестьян из-за себя выпускали со всеми их животы, безо всякия зацепки, и во крестьянском бы возке промежи всех людей боев и грабежей не было и сильно бы дети боярские крестьян за собой не держали и продаж им некоторых не делали». Указ 1606 года вновь подтверждал пятилетнюю давность для иска о беглых крестьянах. Под этим именем разумелись крестьяне ушедшие от землевладельцев без выполнения своих обязательств по уплате пожилого и повоза, без отказа.

Из других крестьян беглыми могли быть только старожилы-тяглецы. В грамоте, выданной в 1614 году Иосифо-Волоколамскому монастырю, воеводам предписывается, если монастырь сведает где своих бежавших крестьян, «обыскивать всякими людьми накрепко, старинные ли те Иосифовы вотчины крестьяне», и в таком случае возвращать их монастырю.

Значение писцовых книг в деле прикрепления крестьян.

Огромную роль в прикреплении крестьян в XVI веке сыграли переписи, составлявшиеся в интересах податного обложения. Мы видели что, уже в удельную эпоху письменные люди признавались крепкими к своему тяглу и не могли перезываться другими владельцами. Письменные люди это те, которые были записаны в «данския» книги, заведенные еще татарами. С образованием Московского

государства вместо данских книг стали составляться так называемые писцовые книги. Иван III произвел систематическое описание присоединенных земель (главным образом новгородских пятин). Первое большое письмо, т. е. генеральная перепись составлена была в промежуток времени между 1538 и 1547 годами. Но когда окончена была эта перепись, правительством произведена была важная финансовая реформа: податной единицей, сохой, вместо известного количества рабочей силы, сделана была определенная площадь распаханной земли. Пришлось поэтому составлять «новое письмо», в основание которого положить меру, т. е. измерение земель с оценкой, хотя и грубой, качества земли. Новое письмо, приобретшее таким образом характер кадастра, составлялось целых 30 лет, с 1550 по 1580 год. В отличие от старых «книг письма» новые книги стали называться книгами «письма и меры». В этих книгах описывалась не одна только земля, но и перечислялись тяглецы. Писцовые книги, благодаря этому и получили значение крепостей на крестьян. В исках беглых как черные волости, так и частные лица стали ссылаться на писцовые книги как на доказательства старожильства крестьян.

Крестьянская вечность.

Всеми этими путями крестьянская масса все более и более прикреплялась к своему крестьянскому состоянию, к тяглу, и в известной мере, и к владельцу. Хотя никаких общих мер прикрепления не издавалось, но рост крестьянского прикрепления шел колоссальными шагами. При действии условий, которые влекли неудержимо крестьянина в неволю, появились договоры крестьян с владельцами, в силу которых крестьяне уже прямо закрепляли себя за владельцами. Так как переход стал фактически невозможным, то крестьяне уже начали прямо рядиться с обязательством не выходить от владельца «на сторону и куды-нибудь не рядитца, никуды вон не выйти и впредь жити неподвижно», и с прибавлением: «а впредь во крестьянстве безвыходно или вечно». Развивая последнее обязательство, крестьянин предоставлял владельцу право отыскивать его и водворять в свою вотчину и в поместье: «и где нас сыщет, и мы крепки ему в крестьянстве, в его поместье на тое деревни, где он нас посадит».

Развитие кабального холопства.

Экономическая несостоятельность значительного количества населения привела в XVI веке, кроме прикрепления крестьян, еще и к развитию нового вида холопства — так называемого *кабального*.

Кабальное холопство — это холопство, вытекшее из займа. Должник выдавал своему кредитору так называемую *служилую кабалу*, по которой обязывался за рост личной службой во дворе кредитора. Юридически такой кабальный холоп становился свободным по уплате долга. Но фактически это было почти невозможно, так как весь труд должника шел только на уплату процентов, а не на погашение долга, как это было у старинного закупа. Закабаление бедноты в XVI веке прогрессировало етоль быстрыми шагами, что государство сочло нужным вмешаться в это дело и положить некоторые преграды его развитию. Государство теряло вследствие этого нередко и служилых людей, и тяглецов. Поэтому судебник 1550 года запретил выдавать служилые кабалы на сумму свыше 15 рублей и превращать простые ростовые кабалы в служилые.

Вслед за тем, в 1559 году, запрещено было брать служилые кабалы на лиц моложе 15 лет. Указ 1586 года ввел для служилых кабал по примеру записей в полное холопство доклад, т. е. все служилые кабалы должны были составляться под контролем правительственных учреждений и заноситься в книги. Указ предписывал, чтобы такие

докладные люди от господ своих не отходили, денег у них по кабалам не брали, а служили бы до смерти господ. Этот указ вскрывает любопытное явление фиктивной служилой кабалы. Оказывается, что бедняки поступали в холопы, совершая фиктивный заем, лишь бы только так или иначе пристроиться. Правила указа 1586 года о докладных кабальных холопах распространены были указом 1597 года на всех вообще кабальных холопов. Кабальное холопство сделалось личным холопством, прекращающимся по смерти господина-кредитора. Указ 1597 года прямо оговорил, что жене и детям умершего до кабальных людей его дела нет и денег по тем кабалам не указывать. Позже этот личный характер кабального холопства был закреплен еще больше. Указом 1606 года было запрещено выдавать кабалы на одних и тех же лиц двум господам, отцу с сыном, брату с братом и т. д.

Таким образом, уже в XVI веке обозначились те два встречных социальных течения, которые, соединившись вместе в конце XVII и начале XVIII века, создали крепостное крестьянство. С одной стороны, стало смягчаться рабство, а с другой стороны, крестьянин начал терять свою свободу, стал превращаться в раба.

* * *

Пособия;

Н. Д. Чечулин. Города Московского Государства в XVI в. СПб., 1889.

М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912. *Он же.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898.

А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права. Юрьев, 1912.

М. Ф. Владимирский-Буданов. Образ истории русского права. Киев.

В. О. Ключевский. Опыты и исследования. М., 1912.

В. И. Сергеевич. Древности русского права. Т. 3. СПб., 1903.

Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Т. 2. М., 1909.

А. С. Лапто-Данилевский. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй. Изд. князя Долгорукова и графа Толстого. Т. 1. СПб., 1905.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

УСТРОЙСТВО УПРАВЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI ВЕКА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ приказов; перечень главнейших из них.

Московский государь, объединивший под своей властью всю северо-восточную Русь, в управлении ею уже не мог обходиться при помощи тех органов, которыми пользовались его предшественники — Московский и другие удельные князья. Такими органами, как уже было сказано в своем месте, в центре государства были управители отдельных отраслей обширного дворцового хозяйства — дворецкий, казначей, стольник, чашник, конюший, ловчий, сокольничий и другие путные бояре, а в уездах и волостях — наместники, волостели и тиуны. Те дела, которые выходили из ведения всех этих правителей, решал сам князь единолично или советуясь с боярами. Органам княжеского управления в удельную эпоху были должностные лица, но не учреждения, не присутственные места с определенным кругом дел, с канцелярией и архивами. С объединением Великой Руси вокруг Москвы усложнились непомерно и увеличились правительственные задачи, и Московскому государю стало уже невозможно обходиться при помощи старых удельных сотрудников, а понадобилось много и других, новых, а главное — невозможно стало править так, как раньше — через лиц, потребовалось создать целые учреждения, присутственные места, бюрократические средоточия. Такие учреждения получили название *приказов*.

Приказы частью выросли вокруг прежних должностей удельной эпохи, а частью появились вновь для заведования делами уже чисто государственного значения, для которых в удельную эпоху не было никаких особых должностей. С расширением владений великого князя Московского расширилось и его дворцовое хозяйство, умножилось количество дел у тех лиц, которые им заведовали, и прежде всего у дворецкого. Одному ему и даже с помощником было уже не под силу справляться со всеми делами, и поэтому мало-помалу около него выросло целое учреждение со штатом дьяков и подьячих, с книгами и столбцами, получившее название *приказа Большого дворца*. Название Большого дворца этот приказ получил в противоположность другим приказам — «дворцам», которым на первых порах поручалось управление делами новоприсоединенных земель и княжеств. Таковы были приказы дворцов Нижегородского, Дмитровского, Ростовского, Тверского и Рязанского. С течением времени, однако, эти дворцы упразднились, и дела их распределены были между другими приказами, в том числе и приказом Большого дворца. Исключение представил приказ *Казанского* (и *Мещерского*) дворца, в котором сосредоточено было высшее управление областями царств Казанского, Астраханского и Сибирского. Приказ Большого дворца заведовал содержанием дворца и теми людьми и местностями, которые доставляли это содержание. Таковы были: дворцовые села и разные оброчные имущества, московские ремесленные слободы, работавшие на дворец. Кроме того, в приказе Большого дворца судились те самые лица, которые освобождены были от суда наместников и волостей (преимущественно духовенство) и которых судил сам великий князь или его боярин введенный (дворецкий чаще всего бывал таким введенным, особо уполномоченным боярином). К приказу Большого дворца примкнули и стали к нему в подчиненное положение *дворы: Кормовой, Хлебный и Сытенный*. В этих приказах сосредоточилось заведование теми делами, которые в удельное время подлежали ведению стольника и чашника, — около боярина-конюшого вырос в XVI веке приказ *Конюший*; соответствующие приказы образовались около *ловчия* и

сокольничия. На место казначея удельной эпохи, принимавшего и хранившего княжеские доходы впредь до распоряжения князя, с образованием Московского государства, с увеличением поступлений и расходов и отчетности по ним, возник целый ряд приказов, а именно: приказ *Большой казны*, который под управлением боярина казначея собирал и хранил преимущественно прямые налоги и ведал судом и управой гостей и торговых людей; ему подчинен был *Денежный двор*, где чеканилась монета; приказ *Большого прихода*, который ведал преимущественно таможни, мосты и перевозки, а также московские лавки, которые давали правительству большие доходы; и, наконец, так называемые *чети*, или *четверти*, взявшие на себя во второй половине XVI веке в известных районах государства прием и учет прямых (и некоторых косвенных) налогов, в том числе и оброков, заменивших кормы наместников и волостелей, а в связи с этим — и высший суд над податными людьми этих районов (четверти, по-видимому, возникли как ответвления приказа Большой казны и были первоначально столами, или повытьями в этом приказе).

Но особенно творческая работа жизни проявилась в сфере государственного управления в собственном смысле. Для этого управления в удельное время не было никаких центральных органов, помимо князя и его думы. Теперь эти органы вырастают один за другим. Таким образом, возникает особый *Посольский приказ*, или особая канцелярия при государе и его думе по иностранным делам, которой заведует думный посольский дьяк. В этой канцелярии хранятся получаемые бумаги и изготавливаются отпускаемые, находится целый штат дьяков, подьячих и переводчиков. Образование такого учреждения было вполне естественно. Пока Московский князь был мелким владельцем, у него не могло быть большой и сложной дипломатической переписки. Не так стало, когда этот князь превратился в правителя огромного государства. Уже у Ивана III завязались оживленные отношения с соседями и даже отдаленными государствами Европы, и накопилось несколько ящиков дипломатических бумаг, которые по роду дел назывались немецким, волошским и т. д. и были отданы на хранение казначею. Чем дальше, тем более развивались дипломатические отношения, росла переписка и увеличивалось количество бумаг. В конце концов царь Иван Васильевич приказал в 1565 году построить особую Посольскую избу и сосредоточить в этой избе все делопроизводство по иностранным отношениям и весь архив. Таким же путем возникли и другие канцелярии думы — *Разряд* и *Поместный приказ*. В удельную эпоху все служебные назначения делались князем по совету с боярами или единолично. Таких назначений не могло быть особенно много, и потому не возникало надобности в особой канцелярии для записи этих назначений. Иное дело стало, когда под властью Московского князя объединилась вся великая Русь, оказались сотни мест и должностей, которые приходилось замещать, понадобилось давать сотни всяких поручений и т. д. Тут уже нельзя было без записей, без предварительного составления проектов служебных назначений к докладу государю и боярам. Эти записи и эти проекты стали необходимыми в силу требований местничества. Все это вызвало возникновение особой канцелярии при государе и думе — *Разряда* под управлением думного дьяка. Когда началась усиленная вербовка военнотружущих людей, то понадобилось вести списки этих людей и их денежных и поместных окладов. Это делопроизводство сосредоточилось также в Разряде. Через Разряд же шли различные распоряжения по обороне государства, по ведению военных действий, по управлению некоторыми окраинными городами, имевшими стратегическое значение. Для регистрации и учета земель, которые шли в раздачу военнотружущим людям при государе и думе, возникла третья канцелярия — *Поместный приказ* под управлением особого, иногда думного, дьяка.

Выяснившаяся потребность в создании особого пешего войска — стрельцов — вызвала к жизни и особый *Стрелецкий* приказ специально для набора и снабжения всем необходимым этого войска. С введением артиллерии возникло и особое специальное учреждение для литья пушек и ядер и заведования артиллеристами — *Пушкарский приказ*. Такие же специальные учреждения появились и для изготовления холодного оружия — приказы *Оружейный* и *Бранный*. В удельную эпоху великий князь сам с боярами разбирал тяжбы и иски, связанные с существованием холопства, важные уголовные и гражданские дела, переходившие к нему прямо в силу так называемых несудимых грамот. Теперь управиться ему со всеми этими делами стало немыслимо, и потому в центре возникают особые приказы для разбора таких дел — *Холопий*, *Разбойный*, *судные приказы Владимирский. Московский, Дмитровский и Рязанский*. Разнообразные отрасли государственного управления вследствие его осложнения получают теперь особые учреждения, которыми заведуют особые лица с дьяками и подьячими. Таким образом, возникают приказы *Ямской*, который заведует ямской гоньбой и ямщиками во всем государстве; *Каменный*, который заведует казенными постройками; *приказ Книгопечатного дела, Челобитенный* с 1550 года (комиссия по принятию прошений на Высочайшее имя) и т. д.

Увеличение и усложнение состава думы.

Параллельно с возникновением и умножением всех этих центральных учреждений умножался и усложнялся и состав *боярской думы* при Московском государе, и по тем же самым причинам. Дело в том, что дума составлялась преимущественно из начальников отдельных ведомств. В удельное время такими ведомствами были отдельные отрасли княжеского хозяйства; с объединением государства такими ведомствами сделались уже многочисленные и разнообразные отрасли государственного управления. Раз увеличилось число ведомств, должно было *eo ipso* увеличиться и число членов государственной думы. Не для всех ведомств могли назначаться начальники из знатных первостепенных бояр. Отдельные отрасли государственного управления требовали сплошь и рядом людей опыта и знаний, специалистов, которых Московскому государю пришлось выбирать и из второстепенного боярства, и даже из рядового дворянства. Благодаря этому и в думе Московского государя сошлись люди разного круга, разных степеней знатности. По тогдашним понятиям и обычаям их нельзя было посадить вместе без соблюдения известного порядка по степени знатности. Государева Дума поэтому разделилась на три группы или чина. Первую группу — *бояр* составили первостепенные бояре; вторую группу составили бояре менее знатные или более молодые: эта группа получила название бояр *окольных*, а потому просто *окольных*, и, наконец, третью группу составили *думные дворяне*, из лиц, сделавшихся начальниками отдельных ведомств и попавших в думу благодаря, главным образом, личным заслугам. В состав думы вошли под именем думных дьяков и начальники ее канцелярий по отдельным отраслям управления, но без права голоса. Такой состав государевой думы обозначился уже в малолетство Ивана Грозного.

Система кормлений в местном управлении как наследие удельной старины.

В связи с государственным, объединением произошли крупные перемены и в устройстве местного управления. В удельную эпоху местное управление, как было уже сказано, находилось в руках наместников и волостелей. Наместник сидел в центральном городе уезда и чинил суд и управу по всем делам в пределах околородней волости и по важным уголовным делам в пределах всего *уезда*. В пределах уезда наместник был обыкновенно и военачальником, распорядителем

военных сил. Волостели чинили суд и управу в отдельных уездах независимо от наместника, будучи ограничены в своей компетенции только родом дел. Господствующей точкой зрения в отношении к этим должностям у княжеской власти был не интерес местных обществ, а интерес правящего персонала. Должности наместников и волостей рассматривались преимущественно как кормления княжеских слуг, средства их содержания. Поэтому и случалось, что одну и ту же должность получали за раз двое лиц, которые делились уже между собой доходами. Поэтому случалось также, что наместничество пребывало долгое время в руках лиц одной фамилии, переходило как бы по наследству от отца к сыну; примером может служить кормление Мещерой в роде Протасевых от начала XV до конца XVI века. Поэтому же и наместники, и волостели отправляли правосудие сплошь и рядом через своих холопов — тиунов и доводчиков. Наместники и волостели смотрели на отправление своих должностей преимущественно как на сбор доходов, а не как на общественное служение, и потому естественно пускали в дело своих холопов. Доходы наместников и волостей составлялись из въезжего корма, периодических поборов деньгами или натурой, иногда тем и другим вместе, два или три раза в году (на Рождество, Велик день и Петров день), из судебных пошлин, торговых (с иногородних купцов) и брачных («выводной куницы» и «новоженого убруса»). Въезжий, великоденский, рождественский и петровский кормы собирались выборными людьми от местных обществ — *старостами* и *сотскими*, которые собирали с местных жителей и другие налоги, а равно вообще понуждали к отправлению всяких повинностей.

Описанная система кормлений могла не расходиться далеко с насущными интересами общества и государства только в удельное время, когда размеры княжеств не были значительными, когда вся судебно-административная деятельность местных правителей совершалась на виду у центральной власти, когда крепка была старина и пошлина, и для населения всегда была возможность бороться с злоупотреблениями администрации подачей жалоб князю или уходом в другие княжества. Не то стало с объединением Великой Руси вокруг Москвы, с образованием огромного государства.

По народной пословице, до Бога стало высоко, а до царя далеко, и система кормлений, перестав справляться со своими общественными задачами, быстро стала вырождаться в систему административного произвола и злоупотреблений. Московское правительство стало принимать против этого свои меры, и таким образом, государственно-общественная точка зрения в организации местного управления стала все более и более выдвигаться на первый план.

Таксация кормов и установление порядка суда и управления в областях.

Дело началось с того, что правительство стало таксировать корма наместников и волостей, определять размеры судебных и других пошлин и определять порядок судопроизводства. С этой целью, не ограничиваясь обычными наказными списками наместникам и волостелям, оно стало издавать уставные грамоты для отдельных областей и уездов; позже стали вестись особые книги кормам в приказах. Кормления поделены были на две категории — с боярским судом и без боярского суда.

Наместники и волостели с боярским судом имели право решать дела об укреплении в холопство и о выдаче отпускных грамот, а также важные уголовные дела — о татях, душегубцах и всяких лихих людях — без доклада в Москву тем боярам, которым приказаны были эти дела, т. е. начальникам приказов Холопьяго суда и Разбойного, а наместники и волостели без боярского суда не имели этого права.

В конце XV века, в 1497 году, издан был общий Судебник для всего государства, исправленный и дополненный затем в 1550 году. Судебник более подробно и

тщательно определял порядок судопроизводства и размеры судебных пошлин, чем уставная грамота.

Губные учреждения.

Но всего этого оказалось недостаточно. Наместники и волостели, как кормленщики, больше всего заботившиеся о сборе своих доходов и потому заинтересованные в умножении преступлений, не проявляли должной инициативы и энергии в ограждении обществ от разбойников, воров и всяких лихих людей. В Москву со всех сторон стали приходить жалобы местных обществ на нерадение и попустительство властей с просьбами о разрешении «самим меж себя обыскивати и имати разбойников и лихих людей». Правительство вняло этим жалобам, и уже в малолетство Ивана Грозного стали по всем городам большим, по пригородам и волостям выдаваться грамоты, коими предоставлялось «лихих людей обыскивати самым крестьяном меж себя по крестному целованью и их казнити смертной казнью, не водя к наместникам и их тиунам». Для этого общественного самосуда первоначально не было создано особых учреждений: дело должны были взять в свои руки наличные выборные власти, т. е. старосты, сотские, целовальники и т. д. Но затем, в начале 50-х годов, созданы были особые выборные власти для истребления воров и разбойников. Все землевладельцы уезда — князья, дворяне и дети боярские, духовные лица и крестьяне — должны были съезжаться вместе и выбирать особого *губного старосту* из местных дворян и детей боярских, а также *губного дьяка*; сотские люди, т. е. крестьяне, должны были со своей стороны набрать в помощь им *губных целовальников*. В тех случаях, когда выбор губного старосты не мог состояться по каким-либо причинам, его назначало само правительство. Все эти люди, составлявшие так называемую *губную избу*, и должны были разыскивать разбойников и профессиональных воров, судить их и казнить. В частных вотчинах избрание губных властей предоставлялось обыкновенно владельцу, причем старостой мог быть кто-либо из людей, служащих частному вотчиннику, его приказчик. Губные власти подчинены были *разбойному приказу*, который утверждал их в должности, давал им инструкции и контролировал их деятельность. Так родились в областях учреждения, которые можно назвать государственными в собственном смысле, которые преследовали исключительно интересы общества, а не отдельных лиц.

Земские учреждения Ивана Грозного.

Губные учреждения были коррективом, который по требованиям жизни был внесен в систему кормлений. Несоответствие этой системы новой политической организации общества давало чувствовать себя все более и более и привело, наконец, к дальнейшему ограничению этой системы. В 1555 году царь издал указ, в котором заявлял: «наперед сего жаловали есми бояр своих... города и волости давали им в кормление, — и нам от крестьян челобитья великия и доука была беспрестанная, что наместники и волостели чинят им продажи и убытки великия. И мы, жалуючи крестьянство... наместников, и волостелей и праветчиков от городов и от волостей оставили; ...велели есми во всех городах и волостях учинити старост излюбленных, кому меж крестьян управа чинити». Этой мере предшествовали частные пожалования земского суда отдельным обществам. Земский суд составляли: *излюбленные головы* или *старосты*, избранные тяглыми людьми, т. е. посадскими и крестьянами, *земские дьяки* и *лучшие люди* (целовальники в различном числе — от 10 до 2, называвшиеся также и земскими судьями). Юрисдикция их простиралась только на тяглое население, которое подсудно было наместникам и волостелям. Военно-служилые землевладельцы, из которых многие имели жалованные несудимые грамоты, освобождавшие их от суда

наместников и волостелей, должны были судиться в судных приказах в центре государства. Для полицейских надобностей земские власти должны были пользоваться прежними выборными каждой общины — сотскими, пятидесятскими, десятскими и т. д. Избрание совершалось обыкновенно на неопределенный срок, иногда на год. Но население всегда могло переменить выборных. Компетенция земских властей простиралась на все отрасли управления (кроме военной); в области судопроизводства выборные земские старосты и целовальники заведовали раскладкой и сбором податей, подвергаясь имущественной ответственности за недобор; распоряжались отправлением повинностей, мирскими выборами и пр.; им предоставлялось окончательное решение даже дел, ведущих к смертной казни. В данном случае земские учреждения должны были столкнуться с деятельностью губных. Это столкновение разрешалось или тем, что земским властям предписывалось судить вместе с губными, или тем, что им запрещалось судить губные дела, или, наконец, тем, что губные учреждения упразднялись в тех округах, где были введены земские учреждения. Вводя земские учреждения, правительство не отменило наместничьих и волостельских поборов с населения, но переложило их на оброк и приказало доставлять этот оброк в Москву в чети и другие приказы, на которые возложен был контроль и надзор за деятельностью земских учреждений, а также и высший суд по переносу от земского суда. И в данном случае правительство только обобщало то, что прежде практиковалось в отдельных случаях. Тяглое население отдельных общин и при существовании кормлений иногда откупалось от них по договору с кормленщиком. Теперь на оброк переводились все тяглые общины, где вводилось земское самоуправление. А вводилось оно главным образом там, где были черные и дворцовые волости. В уездах, где преобладало служилое землевладение, наместничье управление непосредственно перешло в воеводское. Осуществление этой реформы, несомненно, стояло в связи с некоторыми успехами народного хозяйства в первой половине XVI века, с накоплением у населения денежных капиталов. Помимо общей мировой причины — прилива благородных металлов в Европу из Америки, была и частная местная причина этого факта. Русь свергла татарское иго, и прекратился отлив денег из страны на восток. Население получило возможность удовлетворять деньгами не только ордынские запросы, но и свои обязанности в отношении к туземной власти.

Выборные земские власти, поскольку они были сборщиками кормов, судебных пошлин, прямых налогов были финансовыми агентами центрального правительства. Такое же значение имели и так называемые *верные головы* и *целовальники*, которые заведовали таможенными и кабацкими сборами, казенной продажей соли и т. п. Верные головы и целовальники присылались из Москвы, из среды тамошних гостей и торговых людей, либо избирались на местах. В избрании верных голов и целовальников участвовали богатые люди из посадских, причем им предписывалось выбирать людей «добрых», «не воров, не бражников, которые были бы душой прямы и животом прожиточны, и которым бы можно было верить в сборе государевой казны». Правительство обыкновенно назначало общую предполагаемую сумму таможенного и кабацкого дохода, и если эта сумма не добиралась верными головами и целовальниками, это приписывалось злоупотреблениям или нерадению голов и целовальников, и весь недобор взыскивался либо с них самих, либо с их избирателей.

Земские соборы.

Итак, в текущем управлении государством московское правительство пользовалось услугами высших чинов военно-служилого класса, приказных людей — дьяков и подьячих, и выборных от посадских людей и крестьян. В трудные минуты, при

решении каких-либо чрезвычайной важности вопросов, московские государи стали созывать советы всей земли — высшее, духовенство, военно-служилый класс и торгово-промышленный, преимущественно, конечно, высших разрядов или чинов. Первое совещание в этом роде было созвано еще великим князем Иваном Васильевичем III в 1471 году. Когда произошел у него разрыв с Новгородом, великий князь советовался сначала с митрополитом, с матерью и с «сущими у него боярами его», и, когда те поддержали его план идти на Новгород, он тотчас же «разосла по всю братию свою, и по все епископы земли своеа, и по князи и по боаре свои, и по воеводы и по вся воа своа; и якоже вси снисдошася к нему, тогда всем возвещает мысль свою, что итти на Новгород ратию... И мыслившие о том не мало... князь великий начят въоружатися итти на них, тако же и братиа его и вси князи его, и боаре, и воеводы — вся воа его» (Воскресен. и Никонов.).

Итак, поход на Новгород, который вовлекал Московское государство в опасность войны с Литовско-Русским государством (Новгород отдался перед этим под власть Казимира), решен был на совещании великого князя с высшим духовенством, братьями, боярством и воинством. Такие же приблизительно советы имел и царь Иван Васильевич после того, как он решил умиротворить государство и упорядочить управление после семнадцати лет боярского произвола и всяческих злоупотреблений.

Из речи, произнесенной царем на соборе 1551 года, видно, что в предыдущее лето состоялось собрание, на котором царь и бояре били челом высшему духовенству «о своем согрешении» и получили от него прощение в своих винах и благословение, — после чего царь со своей стороны бояр своих в прежних винах пожаловал, и простил, и завещал им со всеми христианами своего царства во всяких прежних делах помириться на срок; «и бояре мои все и приказные люди и кормленщики, — говорил царь, — со всеми землями помирились во всяких делех». Тогда же царь благословился у духовенства исправить судебник, какова работа и была выполнена уже в июне 1550 года. Из всех этих указаний явствует, что в 1550 году было торжественное собрание боярской думы, освященного собора, бояр, кормленщиков и приказных людей и, быть может, также земских людей, на котором состоялось всеобщее примирение и постановление об исправлении судебного. В следующем году собирався «собор» для упорядочения церковных дел. Но этот собор по составу своему не был чисто церковным: на нем присутствовали также и бояре, и воины. Наконец, в 1566 году царь совещался со всем освященным собором, со всеми боярами и приказными людьми, с князьями, детьми боярскими и со служилыми людьми, с гостями, купцами и торговыми людьми по вопросу о том, продолжать ли войну с Литвой или мириться на предложенных условиях. Члены собора приговорили, что царю и великому князю городов Ливонской земли польскому королю «никак не поступится и за то крепко стояти».

Под мнениями, поданными на соборе разными чинами, поставлены подписи, вследствие чего является возможным детально представить себе состав собора 1566 года. Из 374 членов собора 32 лица, оказывается, были духовные, 29 человек — думные люди, 33 приказных, 97 дворян первой статьи, 99 дворян и детей боярских второй статьи, 3 торопецких и 6 луцких помещиков, 41 человек торговых людей москвичей и 22 «смолян». Сличив имена дворян первой и второй статьи с «тысячной книгой», т. е. со списком дворян и детей боярских, размещенных под Москвой и составивших чин «московских дворян», исследователи (Ключевский и Ключков) пришли к заключению, что привлеченные на собор дворяне были преимущественно те лица, которые были командирами дворянских полков и сотен, начальствующими лицами, исполнявшими военные и гражданские поручения правительства. А так как и

из среды торгово-промышленного класса были привлечены преимущественно те лица, из среды которых рекрутировались финансовые агенты правительства — различные таможенные, кабацкие и другие головы (под «смольянами» исследователи подразумевают московских же купцов, ведших торговлю с западом через Смоленск), то и собор 1566 года представляется совещанием правительства со своими собственными агентами, явившимися на собор по своему общественному и государственному положению, но отнюдь не по доверию и выбору избирателей. Ключевский распространяет этот вывод и на последующие соборы XVI века — 1584 и 1598 годов, хотя этому противоречит избирательное значение этих соборов и упоминание о выборных дворянах из городов на соборе 1598 года. Само собой разумеется, что еще с меньшей уверенностью можно распространить эти выводы на соборы 1550 и 1551 годов, состав которых смутно намечается в источниках.

Но, если начало выборного представительства и было совершенно чуждо организации земских соборов XVI века, все же земский собор по понятиям того времени представляет собой землю, государство; отсюда и наименование его вселенским. Это представительство осуществлялось не уполномоченными общества, а его высшими классами, правящими кругами, из среды которых преимущественно набирались должностные лица как по центральному, так и по местному управлению.

Успехи в развитии государственного начала.

Так преобразился правительственный строй удельного Московского княжества после того, как оно превратилось в великорусское Московское государство. В исторической литературе иногда отмечается, что до самого смутного времени Московское государство в существе своем оставалось вотчиной своих государей, не было еще государством в настоящем смысле этого слова. Но если принять во внимание, какие успехи сделала государственная идея уже при Грозном, успехи, выразившиеся в появлении идеи «земщины» как противоположности опричнине, княжескому уделу, в появлении представления, что государственное дело не личное только дело государя, а дело земское, которое надо делать сообща по общему «земскому» совету, если примем во внимание появление земского собора и других учреждений, возникших специально для обеспечения интересов общества, как губные и земские учреждения, то едва ли можем без оговорок принять положение, что Московское государство XVI века было только вотчиной потомков Калиты. Отдельных черт и красок удельной эпохи нельзя в нем отрицать, но в существе своем Московское княжество превратилось в политическую организацию уже иного, не вотчинного типа. Эта организация вышла недоделанной, своеобразной, содержащей в себе внутренние противоречия, но при всем том, несомненно, государственной.

* * *

Пособия;

М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права.

А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права. 4-е изд.. Юрьев, 1812

М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912.

В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. Москва, 1909. *Он же.* Опыты и исследования. М., 1912.

С. Б. Веселовский. Приказный строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. 3.

Б.Н. Чичерин . Областные учреждения в XVII в. М., 1856.

И. И. Дитятгин. Статьи по истории русского права. СПб., 1896.

М. Н. Покровский. Местное самоуправление древней России // Мелкая земская единица. СПб., 1905.

С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории СПб., 1903. *Он же.* Московские земские соборы // Москва в ее прошлом и настоящем. Ч. 2.

А. С. *Авалиани*. Земские соборы. Одесса, 1910.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВЕКА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ объединение Великой Руси и одновременное освобождение ее от татарского ига не могли не сказаться известным образом на культурном ее развитии, как материальном, так и духовном.

Подъем потребностей государя и государства.

С низвержением татарского ига значительная часть материальных ресурсов, которая прежде уходила в Орду, стала оставаться в стране и поступила в распоряжение Московского государя и его ближайших слуг.

Средства Московского государя и независимо от этого выросли от приобретения новых территорий, из которых некоторые обладали крупными естественными богатствами. Все эти увеличившиеся средства стали идти на удовлетворение новых потребностей, вызванных как возвышением самого значения великого князя Московского, так и объединением Великой Руси в одно государство. Выше было отмечено развитие пышности, роскоши при дворе Московского государя и в быту боярского, правительственного класса. Но еще более средств, конечно, должна была поглощать оборона огромного государства, содержание и снабжение вооруженных сил и крепостей.

Иноземный ввоз и иноземные мастера в Москве.

Потребности двора, высшего класса и казны в значительной мере обслуживались, как и в удельное время, привозом необходимых предметов из-за границы. Русские купцы, ездившие в Кафу, Азов и даже Царьград, греки, приезжавшие оттуда в Москву, привозили разные предметы роскоши — шелк, сученое золото, шелковые и шерстяные материи, ковры, кисею, кушаки, сафьян, гребни, ожерелья, драгоценные камни, жемчуг, ладан, мускус, мыло и т. д., вина, сласти и пряности — грецкие орехи, миндаль, перец, имбирь, шафран, и, наконец, разные москательные товары — краски, камфару и т. п. С востока вывозилось также и некоторое оружие — сабли, сагайдаки. Немецкие купцы, приезжавшие в Новгород, московские купцы, ездившие в Литву и Ливонию и другие западные страны, привозили также дорогие ткани — сукна, шерстяные и шелковые материи, вина, плоды и пряности, а также еще металлы и минералы — серебро, олово, медь, свинец, серу и разные железные изделия. Англичане, которые завели торговлю с Москвой через Архангельск, и затем голландцы, ввозили в Московское государство дорогие сукна, тонкие полотна, колониальные товары.

Не довольствуясь, однако, иноземным привозом, московское правительство стало принимать меры к тому, чтобы доставать у себя некоторые из предметов иноземного провоза, особенно металлы. Иван III, посылая к цесарскому двору Юрия Траханиота, наказывал ему отыскать в цесарской земле и нанять на службу рудника, который руду знает золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет от земли отделять золото и серебро; рудознатцев просил Иван III и у Венгерского короля Матвея. Кое-что удалось достигнуть по этой части и на деле. В 1491 году немцы Иван да Виктор нашли медную руду и серебряную на реке Цымне за полднища от р. Космы и за семь днищ от р. Печоры. Но каких-нибудь значительных результатов эти поиски не дали, и Московскому государству приходилось довольствоваться все-таки главным образом привозными металлами.

Материалы и вещества, привозимые с запада и востока, превращались в изделия работой собственных, доморожденных мастеров. Мастерства разные, как было уже указано, не переводились у нас на Руси и в татарскую эпоху. Но в XVI веке московское правительство уже не удовлетворялось одной их работой и искало более искусных техников за границей. Вышеупомянутому Юрию Траханиоту было наказано добывать между прочим хитрого серебряного мастера, который умел бы большие сосуды делать и кубки чеканить и писать на сосудах. У венгерского короля Матвея Иван просил, кроме рудознатцев, архитекторов, серебряных мастеров, пушечных литейщиков. В 1490 году великокняжеские послы привезли в Москву лекаря, мастеров стенных и палатных, пушечных, серебряных и даже органного играца; в 1494 году послы, ездившие в Венецию и Милан, привезли в Москву Алевиза, стеного мастера и палатного, и Петра-пушечника; под 1504 годом, встречаем известие о привозе послами новой партии мастеров из Италии. Иноземными мастерами чрезвычайно дорожил царь Иван Васильевич. В 1556 году посылал в Новгород детям боярским приказ, чтобы они отправляли в Москву всех пленных немцев, умеющих делать руду серебряную, серебряное, золотое, медное, оловянное и всякое дело. Эти ливонские пленники, как известно, и составили первое поселение так называемой Немецкой слободы в Москве при устье Яузы. В 1567 году выехали в Москву из Англии доктор, аптекарь, инженер с помощником, золотых дел мастер, пробирер и другие мастера. Прилив этих мастеров, несомненно, поднял уровень технических знаний в Московском государстве, ибо русские люди учились у этих иноземцев, перенимали их «хитрости». Услугами иноземцев московское правительство стало пользоваться между прочим и в удовлетворении своих военных нужд. Известный архитектор Аристотель Фиораванти не только строил в Москве церкви, но и лил пушки; кроме него этим делом же занимался итальянец Павлин Дебосис, который в 1488 году отлил большую пушку, Петр пушечник и др. Наконец, иноземные, преимущественно итальянские, мастера, как мы уже видели, принимали самое деятельное участие в украшении столицы Московского государя новыми каменными храмами, палатами, стенами и башнями.

Зодчество.

Главная заслуга иноземных мастеров состояла в усовершенствовании техники строительного искусства. Техника эта, как уже говорилось в своем месте, была очень слаба. Иван III, задумав перестроить собор Успения Богородицы, выстроенный Калитой и грозивший падением, поручил было это дело московским мастерам Кривцову и Мышкину. Разрушив старую постройку, они в 1472 году приступили к сооружению нового храма по образцу Владимирского Успенского собора. Но лишь только они достроили до сводов, как часть постройки рухнула.

Псковские мастера показали, что плох был цемент. Тогда Иван III поручил постройку собора Аристотелю Фиораванти, который и закончил ее благополучно в 1479 году. Так как и ему было предписано взять за образец Владимирский Успенский собор, то в общем он придерживался владимирского типа, хотя и сделал некоторые отступления от него, а именно: удлинил план, вместо четырех опорных столбов поставил шесть, из которых четыре были круглые, вместо трех алтарных полукружий сделал пять. Влияние владимирской архитектуры отразилось более всего на фасаде собора. Мы видим здесь такой же пояс из колонок, такие же порталы. Но вместе с тем исследователи отмечают в произведении Фиораванти увлечение не только формами Владимирского Успенского собора, но и ранне-московскими архитектурными формами. Копируя порталы и арочный пояс, Фиораванти насаживает «бусы» на все жгуты и полуколонны; шеи глав у него гладкие, без всяких украшений, по образцу

церкви Спаса на Бору и собора в Звенигороде.

Подобно Успенскому, и Архангельский собор в начале XVI века оказался ветхим и тесным. Иван III велел его разобрать и поручить другому итальянскому архитектору Алевизу Новому выстроить новый, более обширный храм по образцу Успенского собора. Алевиз исполнили это поручение, и в 1509 году собор был готов. Первоначальный фасад его был двухцветный: стены были красные, кирпичные, а пилястры, карнизы и тяги — белокаменные. Вся наружная орнаментовка собора — капители, арки, пилястры, наличники — выдержаны в итальянском стиле раннего Возрождения; по итальянскому же образцу выложены раковинами пустые пространства в полукругах кокошников; особенностью Алевизовой постройки является также карниз, на котором стоят эти раковины. Этот карниз быстро завоевал себе место в московской архитектуре, и с половины XVI века почти все новые храмы Москвы имели его в том или другом виде.

По образцу Успенского собора сооружен был и соборный храм в Новодевичьем монастыре, основанном в 1524 году по обету великого князя Василия Ивановича. Вообще влияние Московского Успенского собора оказалось очень сильным. Благодаря ему создался определенный план соборного храма, которого придерживались всюду в XVI и XVII веках: это большой храм с шестью внутренними столбами, с наружными карнизами, с пятью большими луковичными главами на круглых шеях.

Своеобразный стиль получил *Благовещенский собор*, выстроенный в 1490 году на месте храма, сооруженного Василием Дмитриевичем. Строили Благовещенский собор псковские мастера. Храм представляет квадратное здание с тремя алтарными полукружиями и с четырьмя столбами посередине. С южной, западной и северной сторон его окружают крытые паперти, или галереи с двумя крыльцами. Над папертями возвышаются примыкающие к четырем углам здания четыре придела (они пристроены были позднее, в 1563-1564 годах), увенчанные луковичными главами на круглых шеях. Сверху храм увенчивается пятью луковичными главами также на круглых шеях, поставленными на кокошниках (заостренных вверху и ступенчатых арках), по которым сделано и само покрытие храма. В Благовещенском соборе видно смешение приемов, употреблявшихся во владими́ро-суздальской архитектуре с приемами новгородско-псковскими и, хотя еще слабую, примесь мотивов деревянной архитектуры (в употреблении кокошников).

В дальнейшем московская архитектура уже эмансипировалась от влияния владими́ро-суздальских образцов. Как в других сферах жизни, так и в искусстве пробудился дух национального творчества, которое направилось к разработке своих собственных, уже раньше выработанных им самим форм. При создании каменных храмов источником вдохновения начинают служить деревянные церкви северного края Руси; является стремление к воспроизведению в кирпиче форм деревянного зодчества, пышно расцветших на севере Руси. Политическое объединение Великой Руси, таким образом, приводит к объединению и концентрации духовных сил русского народа, которые и развертываются во всю свою мощь, прежде всего в художественном творчестве. Московское зодчество, руководимое талантливыми мастерами и вспомоществуемое всеми техническими средствами современного строительного искусства, приобретенными от итальянцев, создает архитектурные памятники высокохудожественного достоинства. Первые пробы в новом направлении относятся ко времени Василия III. В 1529 году великим князем и его супругой был выстроен по обету храм Усекновения главы Иоанна Предтечи в подмосковном селе Дьякове. Зодчий воспользовался формой плана деревянных церквей. Основной корпус храма представляет высокую восьмигранную башню с полукруглыми выступами с востока

для алтаря, окруженную четырьмя меньшими башнями, соединенными галерейками, из которых каждая имеет в середине вход, а по бокам от входа — открытые пролеты вроде окон. Средняя башня увенчана карнизом, на котором стоят один над другим два ряда кокошников; из них выходит второй меньший восьмигранник, украшенный наверху квадратными углублениями; на этом меньшем восьмиграннике поставлен цилиндр, облепленный восемью полукруглыми выступами, образовавшими собой как бы пук каменных столбов; все заканчивается невысокой главкой. В таком же роде выстроены и боковые меньшие башни. Еще дальше пошел в новом направлении строитель церкви Вознесения в селе Коломенском, построенной в 1532 году. По плану своему она представляет равноконечный крест, без внутренних столбцов. Основной корпус имеет вид высокой башни с двадцатью стенами, увенчивающейся кокошниками, из которых вырастает меньшая восьмигранная башня, увенчанная двумя кокошниками на каждой грани; восьмигранник покрыт высоким восьмигранным же шатром, с небольшой башенкой наверху, заканчивающейся небольшой главкой с крестом. Церковь стоит на подклети и со всех сторон окружена галереей из каменных арочек с тремя крыльцами. Все эти особенности взяты с деревянных церквей. Коломенская церковь своим видом приводила в восхищение современников. Летописец выразился про нее: «весьма чудна высотой и красотою, и светлостью, такова не бывала прежде на Руси». Дьяковская и Коломенская церкви были предшественницами храма Василия Блаженного в Москве. Строители этой церкви — Посник и Барма — смотрели на Дьяковскую и Коломенскую церкви как на идею, которую они развили и усложнили в своем произведении. Храм Василия Блаженного (Покрова Пресвятой Богородицы, что на рву) построен был царем Иваном Васильевичем в память взятия Казани. Храм этот представляет целую группу храмов: в середине находится главный, наибольший по размерам, а с боков его окружают в строгой симметрии восемь меньших, и вся группа в виде восьмиугольной звезды представляет собой стройное и художественное целое. Надо сказать, что нынешний вид храма несколько не соответствует древнему его виду. Прежде все главы, и особенно средний шатер, поднимались выше, отчего вся группа получила большее стремление вверх; средний шатер окружен был, наподобие средней главы Дьяковской церкви, цилиндрическими выступами, теперь не существующими; крыльца не имели шатров; крыт собор был черепицей, средний шатер отделан был разноцветными изразцами с такими же шарами. В нижнем этаже храмов не было: здесь были кладовые для хранения ценного имущества прихожан. Храм Василия Блаженного остался единственным образцом неподражаемым. Но мотивы деревянной архитектуры выразились во многих каменных храмах, построенных в XVI и первой половине XVII века.

Живопись.

Новые церкви, которые строились иноземными и русскими зодчими, расписывались и снабжались иконами большей частью русскими мастерами. Так, в 1481 году иконописцы Дионисий, поп Тимофей, Ярец и Коня, «написали деисус с праздники и пророки вельми чюден в новую церковь Пречистыя Богородицы соборные в Москве»; в 1488 году мастер Долмат иконописник подписывал церковь Сретения на посаде; в 1514-1515 годах новгородские, по-видимому, мастера украсили фресками Успенский собор в Москве. После большого Московского пожара, когда сгорели многие церкви, царь послал за иконами в другие города, вызвал новгородских и псковских иконописцев и велел им снять копии; псковские мастера отпросились домой, написали там копии с местных икон. Так, Москва и в области иконографии сконцентрировала в себе все, что тогда было лучшего на Руси — как художественные образцы, так и

художественные силы. Московское иконное письмо в общем воспроизводило манеру и традиции старого русского искусства, развивавшегося под византийским влиянием. Но в XVI веке можно заметить в нем уже реалистические черты, навеянные западным, итальянским влиянием. Этот «фряжский» стиль, отличающийся стремлением к природе, обнаруживающий знакомство с анатомией человеческого тела, замечен в работах даже некоторых московских мастеров (в картине «Во гробе плотски»), но в особенности во фресках Благовещенского собора, открытых в 1884 году академиком Фартусовым.

Кроме церковной живописи, в Москве в XVI веке развивается светская, палатная живопись эмблематического характера. Эмблематической живописью изукрашены были царские палаты — Грановитая, Золотая, Расправная, Ответная и т. п. Здесь между прочим изображены были День и Ночь, лица четырех Ветров, Любовь со Стрелком, олицетворения добродетелей — мужества, разума, целомудрия, правды — и противоположных им пороков, изображены ангелы Страха Божия, ангел, держащий Солнце, Господь в виде ангела, держащего зеркало и меч, и т. д. Наконец, необходимо отметить успехи живописи исторической, проявившиеся особенно в роскошных миниатюрах, которыми украшена Царственная книга.

Образованность.

Жалобы на недостаток грамотных, образованных людей, которые раздавались в конце удельной эпохи, повторялись и в XVI веке. На церковном соборе 1551 года было заявлено, что кандидаты на священство и дьяконство «грамоте мало умеют», а на вопросы архиереев объясняют: «мы де учимся у своих отцов и у своих мастеров, а инде де нам учиться негде; сколько отцы наши и мастера умеют, столько и нас учат». Но при всем том нельзя не заметить подъема образованности в Московской Руси по сравнению с удельной эпохой. Про Московских государей XVI века уже нельзя сказать, что они были люди неученые: царь Иван Васильевич для своего времени был даже начитанным, образованным и развитым человеком. При нем стали посылать в чужие страны молодых людей «для науки разных языков и грамотам». Борис Годунов настолько уже ценил образование, что задумал основать в Москве нечто вроде университета с преподаванием иностранных языков и учителями-иностранцами, и только опасение духовенства, как бы от того не произошло повреждение в вере, помешало Годунову осуществить свой план. Новая система управления — приказная, бюрократическая — требовала множества грамотных чиновников, людей письменных, и в конце концов создался в государстве значительный их контингент. Среди них в Москве были лица, знавшие иностранные языки, толмачи греческого, латинского, немецкого и польского языков, служившие при Посольском приказе. Но и среди служилой знати было уже немало грамотных образованных людей. Исследователями отмечено, что на грамоте об избрании Бориса Годунова на царство около 80% придворной знати приложили свои руки. Много грамотных было среди купечества; меньше было — среди посадских людей, крестьян, стрельцов, пушкарей, холопов, но все-таки были; в XVI веке почти во всяком населенном пункте были грамотные люди. Грамотность вызывалась требованиями практической жизни, которая с объединением Руси приняла новый масштаб, отличный от эпохи удельной замкнутости, тесных отношений, мелких домашних интересов. Грамотность стала нужна всем — и правящему классу, который должен был отказаться от патриархальных приемов управления, вести всему точный учет и подсчет, облекать свои акты в письменную форму, и торгово-промышленному классу, который производил свои операции в усиленных размерах и привлечен был правительством к сотрудничеству в управлении

финансами, и мирским людям, крестьянам, получившим самоуправление под контролем центральной власти. При таких условиях грамотность, известная образованность должны были развиваться незримо для наблюдателя, и даже независимо от тех училищ, которые заводил архиепископ Новгородский Геннадий, и должны были заводить церковнослужители на основании определения собора 1551 года.

Подъем национального чувства.

Политическое объединение Руси, создав новую жизненную обстановку, выдвинув новые жизненные задачи, повысило весь строй чувствований и идей русского общества, особенно верхних его слоев.

Здесь на первом плане надо отметить известный подъем национального чувства. Пока Русь была разбита на множество мелких княжеств, пока правители и правящий класс всецело поглощены были мелкими житейскими делами, заботами и помыслам, пока царила на Руси удельная обособленность и удельный эгоизм князей и управляемых ими обществ, не было и источника, который питал бы национальное чувство. Это чувство почти совершенно заглохло и иссякло в русском обществе и народной массе. Оно едва теплилось в высшей церковной иерархии, которая почти только одна и помнила о всей русской земле, об ее общих интересах и задачах, напоминая о них иногда и великому князю всея Руси и его окружающим. Вне этого тесного круга русское национальное чувство стало пробуждаться с успехами объединения Руси под властью Москвы. Сильный толчок ему дан был Куликовской битвой. После того как на Куликово поле выступила под знаменем Москвы почти вся Русь и одержала над татарами блестящую победу, у русского общества открылись глаза на то, что есть русская земля, есть православные русские христиане, естественные братья и союзники против безбожных, поганных татар. Это национальное презрение выразилось довольно ярко в сказаниях о Куликовской битве, в тех риторических прикрасах и излияниях, которыми сдобрены сказания о Куликовской битве. Некоторые из этих сказаний явились даже перепевами старинной национальной поэмы — «Слова о полку Игореве». Пробудившееся чувство не уснуло, несмотря на последующие усобицы и поражения, но все более и более крепло и возрастало. К концу XV века оно уже настолько выросло, что стало определяющим мотивом внутренней и внешней политики. Этим чувством насквозь проникнуты были Иван III и Василий III, уничтожавшие уделы для объединения сил Руси против внешних врагов, ведущие продолжительную и напряженную борьбу ради присоединения православных русских земель, находившихся под иноверным литовским владычеством. Этим же национальным чувством одушевлено было, несомненно, и московское боярство, и духовенство, вся тогдашняя интеллигенция.

Общерусские летописные своды и хронографы.

Характерным выражением этого факта является изменение в русском летописном творчестве в XV и XVI веках. Местные летописи, ведшиеся в XIII и XIV веках, в XV и XVI веках все более и более заменяются общерусскими летописными сводами. Было уже сказано о появлении в XV веке так называемого Владимирского полихрона (около 1423 года). Во второй половине XV и первой половины XVI века возникло несколько переделок и продолжений этого «Полихрона», составивших теперь летописи Софийские (первую и вторую), Воскресенскую и Никоновскую. Все эти летописные своды трактуют уже Русскую землю как единую, проникнуты насквозь идеями ее национального, политического и религиозного единства. Те же тенденции можно подметить в известной степени и в первом русском хронографе, и в так называ-

емой «Степенной книге», первой систематической истории русской государственности, где события излагаются по родословным степеням правителей, начиная с Владимира. В основе ее лежит «Сказание о князьях Владимирских» с его легендой о присылке Владимиру Мономаху царского венца и барм Византийским императором Константином, с генеалогией русских князей от Августа Кесаря и т. д. Книга насквозь проникнута стремлением к оправданию и возвеличению политики великих князей московских. Первая редакция ее составлена, по-видимому, еще в XV веке, а вторая, более полная, в царствование Ивана Грозного митрополитом Макарием. К тому же времени относится составление грандиозной исторической энциклопедии с множеством иллюстраций в XI томах, известной под именем «Царственной книги». Это произведение является дальнейшим развитием хронографа.

Идея святой Руси и ее критика, рационалистическая и ученая; ересь жидовствующих.

Национальная русская идея получила, как уже сказано, религиозную окраску. В сознании русских людей конца XV и начала XVI века выросла не простая Русь, а Русь святая. После заключения греческой церковью унии с латинской, после завоевания Константинополя турками. Русская земля в глазах русских людей стала единственной хранительницей истинного ортодоксального христианства, единственным сосудом спасительного христианского благочестия. Эта идея святой Руси нашла себе наиболее яркое выражение и разработку в посланиях псковского инок Филофея к дьяку Мисюрю Мунехину, «к некоему: вельможе, в миру живущему», к великому князю Василию Ивановичу и к царю Ивану Васильевичу Грозному. Но идея эта проникла в сознание мыслящего русского общества XVI века и укрепилась в нем не без борьбы, не без препятствий. В самом конце XV и в начале XVI века ей суждено было выдержать довольно сильный натиск рационалистической критики от так называемых жидовствующих.

Ересь жидовствующих возникла в Новгороде, на почве уже подготовленной стригольниками. Возбудителем этого движения был жид Схария, прибывший в Новгород в 1470 году с литовским князем Михаилом Олельковичем. Прибыв в Новгород, Схария начал вести беседы с некоторыми новгородскими священниками и мирянами на богословские темы. По словам преп. Иосифа Волоколамского, Схария представлял такие аргументы против христианства: 1) как возможно представить и допустить, что сам Бог сошел на землю и воплотился? 2) Ветхий Завет говорит, что Бог есть един. Как же можно принимать Новый Завет, который говорит, что он троичен? 3) Апостолы писали, что Христос родился в последние лета, а между тем второго пришествия и до сих пор нет: не ясно ли, что их писания ложны? 4) Ефрем Сирийский говорит в своих писаниях; «се уже Господь наш Иисус Христос грядет судити живым и мертвым и се конец приспе»; а между тем после его смерти прошло уже около тысячи лет: не ясно ли, что этот уважаемый христианами их писатель, от которого можно заключить и к другим писателям, ошибался и говорил неправду?». Эти аргументы произвели неотразимое действие на одного священника Дионисия, который привел к Схарии и другого священника Алексея. Дионисий и Алексей не только сами обратились в жидовство, но и совратили своих жен и детей. Они хотели было обрезать, но Схария сам испугался результата своих бесед и посоветовал им, чтобы они оставались наружно христианами. Из этого можно заключить, что едва ли Схария имел какие-либо определенные намерения относительно совращения христиан в иудейство. Он скоро исчез с горизонта, но посеянные им семена взойшли и дали свой плод. Необходимо заметить, что не одними критическими аргументами привлек к себе

он русских последователей. Преп. Иосиф говорит, что он был «изучен чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологии». Поэтому и последователи его не только криво толковали некоторые «главизны» Божественного писания, но и «баснословна некая и звездозакония учажу и по звездам смотрети и строити рождение и житие человеческое, а божественное писание презирати, яко ничто же суще и непотребно суще человеком».

Алексей и Дионисий успели совратить в новую веру многих из священников, дьяконов и дьяков и простых людей в Новгороде. Когда в 1479 году великий князь Иван Васильевич был в Новгороде, ему очень понравились Алексей и Дионисий, он перевел их в Москву — одного протопопом Успенского собора, другого попом Архангельского. В Москве Алексей и Дионисий преклонили к своим идеям архимандрита Симоновского монастыря Зосиму, думного дьяка Федора Курицына, дьячков Истоми и Сверчка, купца Кленова, невестку великого князя Елену и других. По свидетельству препод. Иосифа Волоколамского, обличавшего их в своем «Просветителе», простейшие обращались в жидовство, т. е. отвергали божественность Христа, считали его простым пророком, а не Мессией, который еще не приходил, но придет. Другие же, если и не отступали в жидовство, то научились писания Божественные укорять, «и на торжищех и в домех о вере любопрение творяху и сомнение имеяху», — отрицали необходимость внешней, видимой церкви, иконопочитание и поклонение мощам, монашество, обряды и посты. По свидетельству Геннадия, епископа Новгородского, и Иосифа эти религиозные вольнодумцы ругались над иконами и крестами, упивались и объедались и сквернились блудом.

Церковь и государство жестоко расправились с заводчиками и выдающимися последователями секты жидовствующих. По постановлению собора 1504 года сожжены были главные московские еретики. Кроме наказаний еретиков, изданы были полемические сочинения против иудейства. Посольский толмач Дмитрий Герасимов Малый перевел «Магистра Николая Лира прекраснейшие сказания, иудейское безверие в православной вере похуляющи» (это полемический трактат Николая Де Лира, францисканца, профессора парижского университета, умершего в 1340 г.). Николай Немчин перевел «Учителя Самоила Евреина на богоотметные жидове обличительно пророческими речьми» (Самуил, марокский еврей, обратившийся в христианство в 1085 году). Наконец, преп. Иосиф Волоколамский написал против жидовствующих свой «Просветитель».

Но выдержав атаку рационалистической критики, идея «святой Руси» вслед затем подверглась нападкам ученой критики. Некоторые греки, остававшиеся при великом князе Василии III после его матери Софии Фоминишны, стали указывать государю, что славянские богослужебные книги исполнены еретических погрешностей. Великий князь обратился к ученому греку Максиму, которого он вызвал для перевода Толковой Псалтири. Максим подтвердил это и получил поручение от великого князя исправить эти богослужебные книги. Максим не только исправил Часословец, Псалтырь, Евангелие, Апостол и Триодь Цветную, но и написал некоторые трактаты, которые должны были больно уязвить русское общество, проникшееся религиозно-национальным самомнением. Он выступил с протестом против распространенной в Москве мысли о том, что истинное православие сохранилось только на Руси, что греческая церковь поколебалась в истинной вере, что русским митрополитам незачем ездить на поставление в Царьград. «Священные каноны, к соблюдению которых архиереи обязуются своим рукописанием, — писал Максим, — нигде не учат, чтобы отлучаться им от своего патриарха, доколе этот православно предстоит святой Божией церкви; если в Константинополе вместо православных царей неверные мучители, то

первенствующая церковь от вознесения Спасителя и до Константина Великого находилась в таком же положении и не только не осквернялась властью нечестивых, но и сияла посреди нечестия, как солнце. Священство больше земного царства, и если в Константинополе не стало земных православно-христианских царей, то духовно-царствующий патриарх остается неотриновенным от руки Божией благодати и сохраняется этою благодатию среди нечестивых во всяком православии». Русские люди, присвоившие уже себе монополию святости, не особенно благосклонно должны были выслушивать подобные речи. Их раздражали даже и те исправления, которые вносил Максим в их богослужебные книги. Они говорили ему: «велию, о человеце, досаду тем делом прилагаешь воссиявшим в нашей земле преподобным чудотворцам: они бо сицевыми священными книгами благоугодиша Богови и живуще, и по преставлениих от Него прославишася святынею и всяких чудес действием».

Кончилось дело тем, что Максима привлекли к суду духовного собора за разные его еретические и уголовно-политические деяния. Ему поставили в вину разные неудачные исправления, допущенные им по недостаточному знанию церковно-славянского языка, например, «взыде на небеса и седев (вместо седе, ἐκάθισεν) одесную Бога Отца, нестрашно Божество» (вместо бесстрастно Божество); «аще кто нарицает (вместо не нарицает) Пречистую Богородицу Деву Марию, да будет проклят» и т. д. Максим был осужден и посажен в заключение, где и провел более двадцати лет.

Канонизация русских святых.

Так вновь восторжествовала идея «святой Руси». Мы видели, что русские люди в своих пререканиях с Максимом Греком указывали ему как на доказательство национальной святости на существование множества святых в русской церкви, прославившихся при жизни и по смерти своими чудесами. Но значительная часть этих светильников русской церкви и ее молитвенников оставались еще не прославленными церковью, не канонизованными. Другая часть почиталась в отдельных только местностях, но не во всей Русской земле. До 1547 года было канонизировано 68 святых, из них лишь только семь, в качестве святых всей Русской земли (св. Борис и Глеб, Феодосии Печерский, мит. Петр и Алексей, Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский). Перед самым собором 1547 года было причислено к лику святых всей русской церкви еще 15 святых. Около 46 святых оставались до 1547 года местночтимыми. Политическое объединение Руси и пробудившееся национальное чувство в связи с идеей святой Руси вызвали потребность в объединении и украшении русского неба сонмом всех святых. Этой потребности удовлетворил митрополит Макарий. На соборах 1547 и 1540 годов он провозгласил общерусскими святыми двадцать двух местночтимых святых и восемь угодников, которые оставались еще прославленными, так что количество общерусских святых увеличилось более, чем вдвое. После этих соборов было канонизовано при митрополите Макарий еще шесть новых святых. Так как некоторые из канонизованных святых вовсе не имели житий или же имели неисправные, митрополит Макарий распорядился, чтобы жития были составлены вновь. Таких житий насчитывается до 10.

Великие Четыи Минеи митрополита Макария.

Русь в сознании своих сынов XVI века стала сосудом истинного благочестия, сокровищницей истинного христианства. В ней хранились в полноте церковные предания, наставления и правила, в ней обращались все святые книги. Но, чтобы не растерять эти сокровища, надо было так или иначе привести их в известность, совокупить воедино. Объединение Руси должно было совершиться и в этой духовно-религиозной сфере. За это дело взялся тот же самый митрополит Макарий. Еще в быт-

ность свою архиепископом Новгородским Макарий задался целью собрать «все чтомые книги, яже в Русской Земле обретаются». Двенадцать лет, по его словам, трудился он над этим делом, «многим именем и многими различными писари, не щадя серебра и всяких почестей». В числе его сотрудников по собиранию и составлению житий русских святых были дьяк Дмитрий Герасимович Толмачев и боярский сын Василий Михайлович Тучков. Плодом его трудов, которые он продолжал и в Москве уже будучи митрополитом, были 12 фолиантов Великих Четых Миней. В них Макарий поместил не только краткие (прилежные) и пространные (минейные) сказания о праздниках и жития святых, но и все существовавшие на те дни слова и все принадлежавшие данным святым творения, какие мог найти; в конце каждого месяца им помещены церковно-учительные сочинения писателей несвятых и безымянные. Число вновь составленных житий русских святых доходит в Минеях до 60. Макарий окончательно утвердил в нашей агиографической письменности то направление, которое возникло еще в XIV веке, когда слагатели житий на первый план стали выдвигать нравственное назидание читателю, простоту изложения стали заменять витиеватым сплетением словес, народный и русский язык церковно-славянским, краткие молитвы святому похвальными словами в честь него и описаниями чудес, совершившихся от него по смерти.

В истории закрепления религиозно-национальной русской идеи сыграл известную роль и церковный собор 1551 года. На нем узаконены были различные местные особенности русской церкви, как непреложные истины православия, например, о сложении двух перстов, о сугубой аллилуе и т. д. Собор дал довольно полное уложение, коим устранялись различные непорядки и злоупотребления в церковной практике, но вместе с тем утверждалось и санкционировалось то, что считалось уставом, преданием русской церкви.

Влияние протестантизма; ереси Матвея Башкина и Феодосия Косого.

Наряду с этим господствующим течением в духовной жизни русского общества на поверхность ее выбирались струи, которые шли вразрез с ним и производили как бы водовороты в сознании русского общества. К таким явлениям надо отнести ереси Матвея Башкина, Феодосия Косого, игумена Артемия. Эти ереси показывают, что не все русские люди того времени склонны были сосредоточиваться в убеждении правоты и спасительности национального православия, что некоторые способны были к анализу и критике основных его догматов и к смелым построениям религиозных истин в совершенно новом направлении.

Великим постом 1553 года к попу Благовещенского собора Симеону пришел на исповедь боярский сын Матвей Семенович Башкин и, не ограничиваясь обычным покаянием, вступил с ним в беседу о вере. Беседа эта продолжалась на подворье у попа и в доме самого Башкина. Башкин своими речами привел в великое смущение священника. Между прочим он говорил: весь закон Христов содержится в словах: «возлюби ближнего своего, как сам себя, а мы де Христовых рабов у себя держим; Христос всех братьею нарицает, а у нас де на иных и кабалы, на иных беглыя, а иных нарядные, а на иных полные; а я де благодарю Бога моего, у меня де что было кабал полных, то де есми все изодрал, да держу своих добровольно». Матвей поучал попа, что обязанность священников «посещати нас почаству и о всем наказывати, как нам самим жити и людей у себя держати, не томити». Боясь, как бы не попасть в беду от таких беседований, Симеон сказал о недоуменных вопросах Башкина и развратном им толковании апостола товарищу своему, известному священнику Сильвестру, а тот доложил об этом царю. Башкина схватили и поручили допросить его двум старцам Иосифо-Волоколамского монастыря. Башкин сначала не хотел признаваться ни в какой

ереси, но затем его постиг гнев Божий: начал он страшно бесноваться, извешивать свой язык и кричать разными голосами. Пришедши в разум, он услышал страшный глас Богородицы, приказывавший ему во всем сознаться и выдать своих единомышленников. Башкин и сделал это письменно. Из посланий митрополита Макария в Соловецкий монастырь и царя к Максиму Греку узнаем, в чем состояла ересь Башкина и его последователей: 1) «Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа неравна Его Отцу поведают; 2) честное и святое тело Его и честную и святую кровь Его ни во что ж полагают, но токмо прост хлеб и просто вино вменяют; 3) святую и соборную апостольскую церковь отричют, глаголюще, яко верных собор — сие есть токмо церковь, сия же зданная ничтоже есть; 4) божественные плоти Христовы воображение и Пречистые Богоматери и всех святых Его честных икон изображение идолы наричют; 5) покаяние ни во что же полагают, глаголюще: как престанет грех творити, аще у священника и не покается, несть ему греха; 6) отеческое предание и их жития баснословие вменяют; 7) вся божественная писания баснословие наричют, апостол же и евангелие не истинно излагают». Легко видеть, что Башкин и его товарищи прониклись крайними протестантскими идеями, распространявшимися тогда по всей Европе. Сам Башкин признался, что «злое учение он принял от литвина Матюшки, аптекаря, да Ондрюшки Хотеева — латынников». Так и Русь не осталась без влияния реформационных идей эпохи. Впрочем, это влияние было уничтожено в самом же начале энергичными мерами. По соборному определению, Башкин и его товарищи, два брата Борисовы, посажены были в пожизненное заключение. Матвей Башкин оговорил в ереси между прочим Феодосия Косого. Феодосий Косой был беглый дворовый человек одного московского боярина, постригшийся в монахи в Белозерском монастыре. О его учении мы узнаем из полемических сочинений, написанных против его ереси монахом Зиновием Оттенским («Истины показание к вопросившим о новом учении», «Послание многословно») и другим неизвестным автором. Из этих свидетельств видно, что учение Косого было развитием тех самых радикальных взглядов, которые ранее распространялись жидовствующими. Феодосий учил, что Бог един, а не троичен, что Иисус Христос, основатель религиозного общества, не есть Бог; подобает духом поклоняться Богу, а не внешним образом; вся внешняя церковь с ее иерархией, таинствами, богослужениями и учреждениями представляет из себя позднейшее человеческое предание и измышление. Феодосий советовал в храмы не ходить, ибо они кумирницы, молебнов не петь, молитвы у священников не требовать, не каяться к ним и не причащаться от них, ладаном не кадиться, на погребение не отпеваться, по смерти не поминаться; кресты и иконы сокрушать, ибо они суще идолы; святых на помощь не призывать и мощам их не поклоняться, постов не соблюдать, писаний отеческих не читать. Истинное христианство состоит не в делах внешней набожности, а единственно в исполнении заповеди Иисуса Христа о любви к ближним. Не признавая Иисуса Христа Богом, Феодосий признавал его, однако, Божиим посланником, который вместо Ветхого Завета установил свой Новый Завет. Иисус Христос отменил обряды, предписал поклоняться Богу духом, а на место обрядов дал новую нравственную заповедь о любви к ближним, как к самим себе. В своем религиозном свободомыслии Феодосий доходил до признания, что люди всех вер — одно у Бога: и татары, и немцы. Нет никакого сомнения в том, что за подобное учение Феодосий дорого бы поплатился, если бы, схваченный и посаженный в заключение, он не спасся бегством в Литву в 1554 году.

В связи с делом Башкина вскрылось, что религиозное вольнодумство в протестантском духе охватило у нас довольно значительное число людей и не отпадавших прямо от православия. Наиболее интересным из них является игумен Троицкого

монастыря Артемий. Башкин и разные другие лица показали на него, что он отрицательно относился к иконному поклонению, проповедовал, что, чего не написано в евангелие и апостоле, того и содержать не нужно, не проклинал новгородских еретиков, хвалил латинян, не хранил поста. Троицкий келарь свидетельствовал, что Артемий говорил: петь панихиды и обедни по умершим нет пользы, этим они не избудут муки. Монах Игнатий показывал, что Артемий смеялся над поющими акафисты: — только и знают выкрикивать: «таки Иисусе, таки Иисусе; радуйся, да радуйся». По всем данным, Артемий представлял довольно распространенный у нас тип критиков существующего порядка, которые не идут далее разговоров и острых слов, оставаясь служителями этого порядка. И Артемий был не один. В том же Троицком монастыре четыре монаха были изобличены, как ученики Артемия; затем в ереси обвинялись: монах Савва Шах, монах Соловецкого монастыря Иосаф Белобаев, епископ рязанский Кассиан и некоторые другие. Артемий со своими единомышленниками был осужден собором в 1554 году и послан для заключения в Соловки. Из Соловков он бежал, однако, в Литву и здесь, раскаявшись в своих заблуждениях, писал полемические сочинения против Феодосия Косого с товарищами и против местных еретиков. Розыски о еретиках продолжались и в последующие годы, до 1557 года включительно. Неизвестно только, к каким результатам они привели.

Ереси Башкина, Феодосия Косого и других не породили у нас на Руси могучего реформационного движения, как породили аналогичные учения на западе. Но во всяком случае они показывают, что и в XVI веке Русь не была так изолирована духовно от запада, как это может показаться с первого взгляда. Главнейшие духовные течения запада просачивались и в нашу Русь; и у нас появлялись критики-обличители признанного порядка, выступавшие со смелыми религиозно-философскими построениями на началах рационализма.

* * *

Пособия:

- С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 2.
Д. И. Иловайский. История России. Т. 2, 3. М., 1884, 1890.
А. Новицкий. История русского искусства с древнейших времен. М., 1903.
И. Э. Грабарь. История русского искусства. Вып. 5, 6, 7.
М. Красовский. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911.
П. А. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1905.
А. И. Соболевский. Образованность Московской Руси XV-XVII вв. СПб., 1892.
Е. Е. Голубинский. История Русской церкви. Т. 2. Полутом 1. М., 1900.
М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. 2-е изд. М., 1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М.К.ЛЮБАВСКИЙ</i>	3
К ЧИТАТЕЛЯМ	5
М. К. ЛЮБАВСКИЙ (1860-1936)	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ	14
Доисторическое население Восточной Европы* и его культура	14
<i>Ледниковый период в восточной Европе и первые следы человека</i>	14
<i>Культура палеолитической эпохи</i>	14
<i>Культура неолитической эпохи</i>	15
<i>Трипольская культура</i>	17
<i>Начатки металлической культуры; медь и бронза</i>	19
<i>Железная культура</i>	20
<i>Вопрос об этнографической принадлежности доисторических культур восточной Европы</i>	20
ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ	22
Скифы и сарматы и вопрос об их народности	22
<i>ГРЕЧЕСКИЕ колонии</i>	22
<i>Известия Геродота о Скифии</i>	22
<i>Скифы и славяне. Иранские элементы в Скифии</i>	23
<i>Сарматы в Скифии; их племена</i>	26
<i>Сарматы и славяне</i>	27
<i>Народность сарматов</i>	28
ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ	30
СКИФО-САРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ; СОСЕДИ СКИФОВ И САРМАТОВ	30
<i>СКИФО-САРМАТСКИЕ курганы</i>	30
<i>Кульбская могила</i>	31
<i>Чертомлыцкая могила</i>	31
<i>Быт скифов и сарматов</i>	33
<i>Греческое влияние на быт скифов и сарматов</i>	34
<i>Обратное влияние скифов и сарматов на быт греческих колоний</i>	35
<i>Северные соседи скифов и сарматов</i>	36
<i>Славянская прародина</i>	37
<i>Местожительство литвы</i>	37
<i>Область распространения финнов. Иранское влияние</i>	38
ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ	40
ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СЛАВЯНСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ	40
<i>НАШЕСТВИЕ гуннов и вытеснение населения степей</i>	40
<i>Известия современников о наружности и быте гуннов</i>	40
<i>Аттила и его стан</i>	41
<i>Распадение державы Аттилы; болгары и авары в южных степях восточной Европы</i>	42
<i>Начало расселения славян</i>	43
<i>Вопрос о народности гуннов; мнение Д. И. Иловайского</i>	44
<i>Разбор мнения Д. И. Иловайского</i>	45
<i>Хазары и подчинение им славян</i>	46
<i>Район славянской оседлости в восточной Европе, по летописи</i>	48
ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ	50

МАТЕРИАЛЬНАЯ	50
И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯН В ЭПОХУ ИХ РАССЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ	50
ЕВРОПЕ	50
<i>Материальный быт славян в эпоху их совместной жизни</i>	50
<i>Иранское и готское влияние на быт славян до их расселения</i>	51
<i>Материальный быт славян по расселении в восточной Европе</i>	52
<i>Торговля восточных славян</i>	53
<i>Религия славян</i>	53
<i>Славянские языческие праздники</i>	55
<i>Нравы славян</i>	55
<i>Общение с иноплеменниками и его последствия</i>	56
<i>Финское влияние</i>	56
<i>Родо-племенной быт</i>	57
ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ	59
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН НАКАНУНЕ	
ОБЪЕДИНЕНИЯ ИХ ПОД ВЛАСТЬЮ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ	59
<i>Теория родового быта</i>	59
<i>Теория общинного быта у славянофилов</i>	60
<i>Теория племенного быта</i>	61
<i>Теория Сергеевича относительно образования земель</i>	61
<i>Теория задружно-общинного быта</i>	61
<i>Теория торгового происхождения городских волостей</i>	63
<i>Односторонность всех теорий</i>	64
<i>Остатки родового быта</i>	64
<i>Остатки племенных организаций</i>	66
<i>Городовые волости и варяжские княжения</i>	67
<i>Общие выводы</i>	67
ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ	69
ОБЪЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	69
ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ РУССКОГО;	69
ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ФОРМАЦИЯ РУССКОГО государства	69
ПЕРВЫЕ достоверные известия об объединении восточных славян	69
Подготовка этого объединения. Владычество хазар	69
Прорыв кочевников в южные степи восточной Европы в IX веке	70
Последствия этого вторжения для славян	70
Объединение восточных славян под властью киевских князей	71
Вопрос о варягах-руси	72
Мнение о славяно-балтийском происхождении варягов и руси	72
Теория туземного происхождения руси	73
Теория готского происхождения руси	74
Данные источников о скандинавском происхождении варягов-руси	74
Научные заслуги антинорманистов	75
Роль варяжских князей в объединении восточных славян	76
Внешняя деятельность первых князей	77
Внутренняя деятельность первых князей	78
Слабость государственного объединения восточных славян	79
Начало объединения национального	80
ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ	82
ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ СТРОЕ	82
И КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА В ЭПОХУ ОБРАЗОВАНИЯ И	
УТВЕРЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА РУССКОГО	82
СЛИЯНИЕ варягов и славянских купцов; «русь» как общественный класс	82
Выделение княжеской дружины; старшая и младшая дружины	82
Начало княжеского землевладения; княжеские холопы	83
Люди	84
Христианство у восточных славян и причины его распространения	84

Синкретизм верований.	85
Общие последствия распространения христианства.	86
Церковь и ее задачи; воздействие на княжескую власть.	86
Начатки просвещения.	88
Культурное влияние Византии; церковное искусство.	88
ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ.	92
МЕЖДУКНЯЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.	92
В XI И XII ВЕКАХ И УСТАНОВЛЕНИЕ НА РУСИ ОБЛАСТНОГО СТРОЯ.	92
ОБЩИЙ характер политического объединения восточных славян; единовластие великого князя до половины XI века.	92
Родовое владение Русской землей.	92
Разложение родового порядка княжеского владения.	93
Власть великого князя над родичами и ее упадок.	94
Новое географическое размещение русского населения.	96
Политическое и экономическое разобщение разных частей Руси.	98
Обособление областей и возвышение веч главных городов.	98
Общие итоги политического формирования Руси к концу XII века.	100
ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ.	102
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ.	102
КИЕВСКОЙ РУСИ В ЭПОХУ ГОСПОДСТВА В СТЕПЯХ ПОЛОВЦЕВ.	102
РАССТРОЙСТВО внешней торговли.	102
Развитие княжеского сельского хозяйства и землевладения.	103
Зарождение боярского и церковного хозяйства и землевладения.	103
Зарождение и укрепление идеи частной собственности на землю.	104
Развитие института рабства.	105
Закупы и изгой.	106
Оседание княжеской дружины в областях и превращение ее в высший земский класс.	106
Роль оседлого боярства в установлении областного строя.	107
ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ.	109
УПРАВЛЕНИЕ РУССКИХ КНЯЖЕСТВ В ЭПОХУ.	109
ОБЛАСТНОГО СТРОЯ.	109
ВЕЧЕ, его состав и функции.	109
Функции князя.	111
Княжеские доходы с населения.	111
Должностные лица по центральному управлению; княжеская дума.	111
Должностные лица по местному управлению; начало кормления.	112
Древнерусский суд; его формализм.	113
ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ.	115
КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА С ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА И ДО НАШЕСТВИЯ ТАТАР.	115
ДАЛЬНЕЙШЕЕ распространение христианства и его организация на Руси.	115
Церковное зодчество, живопись и скульптура.	115
Чеканное и ювелирное дело.	119
Образованность князей и их заботы о просвещении.	120
Переводная церковная и светская литература.	121
Самостоятельная церковная и светская литература.	122
Христианские идеалы, национальное самосознание и действительность.	124
ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ.	127
ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАСПАДЕНИЕ РУСИ;	127
УСТАНОВЛЕНИЕ УДЕЛЬНОГО ПОРЯДКА В СВЯЗИ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИЕЙ.	127
БАТЫЕВ погром.	127
Окончательное разделение северо-восточной и юго-западной Руси.	129
Ослабление западной и юго-западной Руси.	130

Новый, удельный порядок княжеского владения.....	131
Экономическая жизнь северо-восточной Руси с прибытием татар.....	132
Образование класса переходящих крестьян и дальнейшее развитие княжеского землевладения и хозяйства.....	134
Развитие боярского землевладения.....	136
Развитие церковного землевладения.....	137
Иммуниеты церковных и боярских имений; сближение их с княжествами.....	137
ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	140
ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В УДЕЛЬНУЮ ЭПОХУ	140
ПРЕКРАЩЕНИЕ деятельности городских веч.....	140
Зависимость князей от татарского хана; порядок княжеского владения.....	140
Власть великого князя Владимирского до конца XIV века.....	141
Эмансипация Рязани и Твери от подчинения великому князю Московскому и Владимирскому.....	143
Подчинение великим князьям Московскому, Тверскому и Рязанскому удельных князей.....	143
Внутренняя самостоятельность уделов.....	144
Сближение княжеств с частными вотчинами.....	145
Элементы государственности в удельном порядке.....	146
Черты феодализма в удельном строе северо-восточной Руси XIII-XV веков; раздробление государственной власти.....	147
Происхождение феодальных отношений на Руси.....	148
Закладничество и патронат.....	149
Переходы бояр и слуг; жалования и кормления.....	151
Черты феодализма в воззрениях, языке и быте удельной эпохи.....	152
ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ	154
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ НОВГОРОДА И ПСКОВА.....	154
Заселение и устройство Новгородской земли силами общества.....	154
Экономические связи Новгорода со своей землей; значение внешней торговли.....	155
Состав новгородского общества.....	155
Возвышение веча и умаление княжеской власти в Новгороде.....	157
Договоры Новгорода с князьями.....	158
Положение князя в Новгороде; кормленые князья.....	159
Вече в Новгороде и Пскове, как орган верховной власти.....	159
Правительственные советы в Новгороде и Пскове.....	161
Должностные лица в Новгороде и Пскове.....	161
Органы местного управления в Новгороде и Пскове.....	162
Органы областного и колониального управления.....	163
Внутренняя политическая рознь и борьба в Новгородской и Псковской республиках.....	164
ЛЕКЦИЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ	167
КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ.....	167
В УДЕЛЬНУЮ ЭПОХУ	167
Зодчество в удельную эпоху.....	167
Живопись.....	168
Литейное, чеканное, ювелирное и другие художественные ремесла.....	169
Образованность.....	170
Прилив греческих и славянских книг в XIV и начале XV века.....	171
Литература удельной эпохи.....	171
Общий уровень духовного развития русского общества в удельную эпоху.....	173
Ересь стригольников.....	173
Распространение научных званий.....	176
ЛЕКЦИЯ СЕМНАДЦАТАЯ	177
ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ВОКРУГ НЕЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ	177
ПОДГОТОВКА нового государственного порядка.....	177
Собирательная деятельность московских князей.....	177

Причины возвышения Москвы. Прилив населения в бассейн реки Москвы.....	180
Содействие ханов Золотой орды и общественных сил.....	182
Слабое противодействие Москве со стороны других княжеств.....	184
ЛЕКЦИЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.....	185
УСТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОДЕРЖАВИЯ.....	185
В МОСКОВСКОЙ РУСИ ВОЗВЫШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ.....	185
ОБЩИЙ характер собирательной деятельности московских князей.....	185
Излишек на старейший путь.....	185
Иван III и установление единогодержавия.....	186
Отстройка резиденции великого князя.....	188
Новые титулы великого князя и венчание на великое княжение.....	190
Содействие духовенства возвышению Московского государя.....	190
Новые взгляды на власть Московского государя.....	192
Успех новых идей в московском обществе.....	193
ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.....	194
БОРЬБА С ПЕРЕЖИТКАМИ УДЕЛЬНОЙ ЭПОХИ ПРИ ИВАНЕ III И ВАСИЛИИ III И	
УСТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИЧЕСКОГО АБСОЛЮТИЗМА.....	194
Уничтожение права отъезда бояр и вольных слуг.....	194
Установление обязательной службы с вотчин.....	196
Государственные права княжат и их уменьшение.....	196
Изменение значения великокняжеской думы.....	197
Общественная среда как благоприятное условие для развития московского абсолютизма.....	197
Политическое бессилие московского боярства; местничество.....	198
Общая политика московских государей в отношении боярства.....	199
ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТАЯ.....	201
МОНАРХИЧЕСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ И МОСКОВСКОЕ БОЯРСТВО.....	201
В ЦАРСТВОВАНИЕ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНОГО.....	201
РАЗГРОМ БОЯРСТВА И УПАДОК ЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО	
И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	201
ПРОИЗВОЛ и насилия в малолетство Ивана Грозного.....	201
Воспитание Ивана Васильевича Грозного.....	202
Первые проявления тираннии.....	203
Пожар 1547 года и перемена в настроении и поведении царя.....	204
Избранная рада.....	205
Первый Земский собор и издание нового Судебника.....	206
Разрыв царя с избранной радой.....	207
Опалы и казни.....	208
Учреждение опричнины и ее эволюция.....	208
Новые опалы и казни.....	210
Перетасовка землевладения княжат и последствия этого факта.....	211
Объединение боярства.....	211
ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.....	214
ОРГАНИЗАЦИЯ.....	214
ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО КЛАССА МОСКОВСКОГО.....	214
ГОСУДАРСТВА.....	214
Военные потребности Московского государства.....	214
Набор военно-служилого класса и общественные элементы, пошедшие на его образование.....	215
Разделение военно-служилого класса на чины.....	216
Денежное жалование и поместья.....	217
Обязательная служба с вотчин и поместий и ее наследственность.....	218
Успехи церковного землевладения.....	219
Литературная полемика по вопросу о церковных имуществях.....	220
Соборные определения о церковных имуществях.....	221
Изменение положения крестьян в связи с развитием военно-служилого землевладения.....	222

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	223
ОРГАНИЗАЦИИ	223
ТЯГЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ	223
ГОСУДАРСТВЕ В XVI ВЕКЕ	223
<i>Сосредоточение торговли на посадах.</i>	223
<i>Посадские люди и их разряды.</i>	223
<i>Начало прикрепления посадских к своему тяглу.</i>	224
<i>Крестьяне-старожильцы и порядчики.</i>	224
<i>Прикрепление к тяглу крестьян-старожильцев.</i>	225
<i>Прикрепление крестьян переходящих.</i>	226
<i>Указ 1597 года и его смысл.</i>	227
<i>Значение писцовых книг в деле прикрепления крестьян.</i>	228
<i>Крестьянская вечность.</i>	229
<i>Развитие кабального холопства.</i>	229
ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.....	231
УСТРОЙСТВО УПРАВЛЕНИЯ.....	231
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI ВЕКА	231
<i>ВОЗНИКНОВЕНИЕ приказов; перечень главнейших из них.</i>	231
<i>Увеличение и усложнение состава думы.</i>	233
<i>Система кормлений в местном управлении как наследие удельной старины.</i>	233
<i>Таксация кормов и установление порядка суда и управления в областях.</i>	234
<i>Губные учреждения.</i>	235
<i>Земские учреждения Ивана Грозного.</i>	235
<i>Земские соборы.</i>	236
<i>Успехи в развитии государственного начала.</i>	238
ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	240
КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВЕКА	240
<i>Подъем потребностей государя и государства.</i>	240
<i>Иноземный ввоз и иноземные мастера в Москве.</i>	240
<i>Зодчество.</i>	241
<i>Живопись.</i>	243
<i>Образованность.</i>	244
<i>Подъем национального чувства.</i>	245
<i>Общерусские летописные своды и хронографы.</i>	245
<i>Идея святой Руси и ее критика, рационалистическая и ученая; ересь жидовствующих.</i>	246
<i>Канонизация русских святых.</i>	248
<i>Великие Четы Миней митрополита Макария.</i>	248
<i>Влияние протестантизма; ереси Матвея Башкина и Феодосия Косого.</i>	249
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	252

Матвей Кузьмич ЛЮБАВСКИЙ

ЛЕКЦИИ

ПО ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ до КОНЦА XVI века.

Генеральный директор А. Л. Кноп Директор издательства О. В. Смирнова Главный редактор Ю. А. Сандулов Художественный редактор С. Л. Шапиро Корректор У. А. Елькина Верстальщик С. Ю. Малахов Выпускающие А. В. Яковлев, Н. К. Белякова

ЛР № 065466 от 21.10.97 Гигиенический сертификат 78.01.07.952.Т.11666.01.99 от 19.01.99, выдан ЦГСЭН в СПб

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛАНЬ»

lan@lpbl.spb.ru www.lanpbl.spb.ru

193012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 277 издательство: тел.: (812) 262-2495, 262-1178;

pbl@lpbl.spb.ru (издательский отдел).

склад № 1: факс: (812) 267-2792, 267-1368;

trade@lpbl.spb.ru (торговый отдел).

193029, пр. Елизарова, 1 склад № 2: (812) 265-0088, 567-5493, 567-1445;

root@lanpbl.spb.ru Филиал в Москве:

Москва, 7-я ул. Текстильщиков, 5, тел.: (095) 919-96-00.

Филиал в Краснодаре:

350072, Краснодар, ул. Зиповская, 7, тел.: (8612) 57-97-81.

Сдано в набор 20.02.2000. Подписано в печать 10.07.2000. Бумага газетная. Формат 84X108'/32-Гарнитура Школьная. Печать высокая. Печ. л. 15. Уч.-изд. л. 25,2. Тираж 3000 экз. Заказ № 1154.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный Двор» Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 197110. Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.